РОМАНТИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

МЭРИОН ЗИММЕР БРЭДЛИ

ДАРКОВЕР

КОРОЛЕВА БУРЬ

ДАРКОВЕР

Королева бурь
Мэрион Зиммер Брэдли

Аннотация
Мэрион Зиммер Брэдли. КОРОЛЕВА БУРЬ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24
25
26
27
28
29
30

Аннотация

Известный роман популярной американской писательницы знакомит читателя с миром Дарковера — планетой, где происходит мощное развитие человеческих «сверхспособностей».

Аристократы Дарковера всегда гордились своими магическими талантами и тайными знаниями, доступными только им. Властители свято хранили свои секреты внутри клана, так как родственные браки обостряют у потомков пирокинетические способности, а это усиливает власть клана. Но все чаще стали появляться дети, несущие смерть близким. Цивилизации Дарковера угрожает вырождение.

Мэрион Зиммер Брэдли
КОРОЛЕВА БУРЬ

КЭТРИН МУР — ПЕРВОЙ ЛЕДИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ.

Надеюсь, я создала такое произведение, о котором можно сказать, что оно воплощает в себе самую искреннюю форму лести. Надеюсь, у меня никогда не умрет желание соревноваться и восхищаться, что проявляется у каждой женщины, работающей в жанре фантастики, да и у многих мужчин тоже.

1

В грозе было что-то странное.

Донел чувствовал в ней какую-то неестественность. В Хеллерах был разгар лета, и сейчас здесь не могло разыграться другой непогоды, кроме нескончаемых метелей на заснеженных вершинах и редких, но яростных штормов, прокатывавшихся по долине от одной горной гряды до другой, валя деревья и срывая крыши с хижин.

Однако, хотя небо было голубым и безоблачным, где-то вдалеке глухо бормотал гром, а воздух казался наэлектризованным. Донел сидел у зубца высокой каменной стены, поглаживая пальцем ястреба, примостившегося на запястье, и рассеянно напевал, успокаивая встревоженную птицу. Он знал, что ястреба пугает насыщенная электричеством атмосфера, предчувствие грозы. Сегодня не следовало брать птицу из клетки, и будет справедливо, если старый сокольничий задаст ему выволочку. Год назад старик, пожалуй, поколотил бы его без малейших сомнений, но теперь обстоятельства изменились. Донелу исполнилось всего лишь десять лет, однако в его

короткой жизни успело произойти много перемен, и эта была одной из наиболее значительных. Молодая луна не успела смениться и нескольких раз, а сокольничий, грумы и наставники называли его уже не «это отродье», сопровождая слова щипками и затрещинами, как заслуженными, так и незаслуженными, но обращались к нему с незнакомым, слегка подхалимским уважением — «молодой хозяин Донел».

Разумеется, теперь жизнь Донела стала более легкой, но сама перемена причиняла ему смутное беспокойство, ибо не являлась результатом его заслуг. Она была связана с тем фактом, что его мать, Алисиана из Рокравена, ныне делила ложе с Микелом, лордом Алдараном, и вскоре должна была разрешиться от бремени.

Лишь однажды, давным-давно (с тех пор миновало два праздника середины лета), Алисиана говорила об этом с сыном:

— Слушай внимательно, Донел, потому что я скажу это лишь один раз и больше повторять не буду. Женщине нелегко жить без защиты.

Отец Донела погиб в одной из мелких войн, которые вели вассалы горных лордов, прежде чем Донел успел запомнить его лицо; их жизнь проходила на положении приживал в доме то

одного, то другого сородича. Донелу доставались обноски двоюродных братьев, он всегда получал самую плохую лошадь в конюшне и мог лишь наблюдать, как кузены и родственники изучали искусство обращения с оружием, пытаясь на слух уловить то, что они выполняли на практике.

— Я могла бы отдать тебя на попечение, — продолжала Алисиана. — У твоего отца есть родственники в этих холмах, и, повзрослев, ты бы поступил на службу к одному из них. Но для меня это не означает ничего иного, кроме необходимости навеки превратиться в прачку или швею, а я еще слишком молода для такой участи. Поэтому я поступила певицей ко двору леди Деонары. Она уже немолода, страдает от многих болезней и не родила ни одного живого ребенка. Ходят слухи, что у лорда Алдарана острый глаз на женскую красоту. А я красива, Донел.

Донел изо всех сил обнял Алисиану. Без сомнения, она была прекрасна — изящная, похожая на девочку, с огненно-рыжими волосами и серыми глазами. Она казалась слишком юной, чтобы быть матерью восьмилетнего мальчика.

— То, что я собираюсь сделать, я делаю частично и ради тебя, Донел. Мой род отвергнет меня за этот поступок. Не суди меня, если услышишь

злые речи тех, кто ничего не понимает, но много говорит.

Поначалу действительно казалось, что Алисиана сделала это скорее ради блага сына, чем ради собственного благополучия. Леди Деонара была добра, но ее одолевали приступы раздражительности, свойственные всем хроническим больным. Алисиана же вела себя кротко и послушно, терпеливо снося резкости хозяйки и ее мелочную зависть. Зато Донел впервые получил одежду, сшитую для него по мерке, собственную лошадь и ястреба, стал заниматься с наставниками и оружейниками, учившими пажей лорда Алдарана. В то лето леди Деонара родила последнего из нескольких мертворожденных сыновей; поэтому Микел, лорд Алдаран, сделал Алисиану из Рокравена своей барраганьей[1] и поклялся, что любое ее дитя, женского или мужского пола, будет узаконено и станет его наследником, хотя когда-нибудь в будущем он может стать отцом сына, рожденного в законном браке. Алисиана была признанной фавориткой лорда Алдарана — даже Деонара любила ее и сама выбрала для ложа своего повелителя, — и Донел купался в

[1] notes: 1

Официальная любовница, выбираемая лордом для рождения внебрачных детей, в случае отсутствия прямых наследников.

лучах ее славы. Однажды сам лорд Микел, седой и страшный, позвал Донела к себе и сказал, что получил о нем хорошие отзывы от учителей. Потом он ласково обнял мальчика.

— Жаль, что ты не моей крови, приемный сын, — сказал тогда лорд. — Если твоя мать родит мне такого сына, я буду более чем доволен, мой мальчик.

— Благодарю тебя, родич, — с запинкой ответил Донел, не осмелившись назвать пожилого мужчину своим отцом. Несмотря на малолетство, он знал, что если мать родит лорду Алдарану единственного живого ребенка, дочь или сына, то он, Донел, станет единоутробным братом наследника Алдарана.

Но надвигающаяся гроза… она казалась Донелу дурным предзнаменованием перед рождением ребенка. Он невольно вздрогнул. То было лето странных бурь, сверкающих молний, появлявшихся из ниоткуда, повторявшихся изо дня в день раскатов отдаленного грома. Сам не зная почему, Донел связывал эти явления с гневом — гневом деда, отца Алисианы, грянувшим в тот день, когда лорд Рокравен узнал о решении дочери. Донел, забившийся в угол, всеми забытый, слышал, как лорд Рокравен называл ее сукой,

шлюхой и другими прозвищами, которых он вовсе не понимал. Голос старика в тот день едва не заглушал грохот грома, но в голосе матери Донела тоже слышались грозные нотки, когда она закричала в ответ:

— Что же прикажешь мне делать, отец? Прозябать дома, штопать старые платья да побираться на прокорм себе и своему сыну во имя твоей обветшавшей чести? Должна ли я видеть, как Донел вырастет наемным солдатом, продажным мечником или станет копаться в твоем саду за кров и миску каши? Ты презираешь предложение, сделанное леди Алдаран…

— Я не имел в виду *леди* Алдаран, — отрезал ее отец. — Ибо не ей ты будешь служить, и ты знаешь это так же хорошо, как и я.

— Ты нашел для меня лучший выход? Должна ли я выйти замуж за кузнеца или угольщика? Лучше стать барраганьей лорда Алдарана, чем женой лудильщика или дровосека!

Донел знал, что ему нечего ожидать от своего деда. Рокравен никогда не был богатым или могущественным поместьем, а теперь и вовсе обеднел, ибо лорд Рокравен имел четырех сыновей и трех дочерей, из которых Алисиана была самой младшей. Однажды она с горечью сказала,

что если у мужчины нет сыновей, то это трагедия; но если у него слишком много сыновей, то это еще хуже, ибо ему придется стать свидетелем их схватки за наследство.

Последняя из детей лорда Рокравена, Алисиана вышла замуж за младшего сына мелкого дворянина, погибшего через год после свадьбы и оставившего жену и новорожденного Донела на попечение незнакомых людей.

Теперь, сидя на крепостной стене замка Алдаран и глядя в ясное небо, столь необъяснимо озарявшееся вспышками дальних зарниц, Донел расширил восприятие — он почти видел электрические линии и мерцание магнитных полей в предгрозовом воздухе. Иногда он мог призвать молнию; однажды во время буйной грозы он развлекался, отводя электрические разряды туда, куда хотелось. Ему не всегда это удавалось, и мальчик не мог делать это слишком часто, иначе подступала слабость и дурнота. Однажды он кожей почувствовал, сам не зная как, что следующий разряд ударит в дерево, под которым он прячется. Донел потянулся наружу какой-то частью себя — словно невидимая рука ухватила цепочку рвущейся к земле энергии и отклонила ее. Молния с шипением ударила в ближайший

куст, превратила его в почерневший скелет и выжгла круг травы, а Донел без сил осел на землю. Его тошнило, в глазах двоилось, голова раскалывалась от боли. Зрение полностью вернулось к нему лишь через несколько дней. Зато Алисиана хвалила его:

— Мой брат Кэрил мог это делать, но он умер молодым. Были времена, когда *леронии*[2] из Хали пытались включить управление грозовыми стихиями в программу обучения *ларану*[3], но это оказалось слишком опасно. Я иногда могу *видеть* грозовые силы, но не могу манипулировать ими. Будь осторожен, Донел. Используй этот дар лишь для спасения своей или чужой жизни. Я не хочу, чтобы мой сын погиб от молний, которыми он стремился овладеть.

И Алисиана крепко обняла его.

Разговоры о *ларане*, об этом даре, наполняли детство Довела. Да, экстрасенсорные способности служили объектом первоочередного внимания горных лордов; впрочем, на равнинах дела

---

[2] notes: 2

(муж. леронин) — лица, обладающие развитым психокинетическим даром.

[3] notes: 3

Ларан — психокинетический дар, присущий членам Одаренных Семей, знати Дарковера.

обстояли так же. Если бы он обладал истинно выдающимся даром — например, телепатией, способностью управлять с помощью своей воли ястребом, гончей или страж-птицей, — то его бы внесли в генетические списки *лерони*, хранившие сведения о родстве между теми, в чьих жилах текла кровь Хастура и Кассильды, легендарных предков Одаренных Семей. Но такого дара у него не было. Слабое предвидение, не более того; Донел чувствовал, когда разразится гроза или начнется лесной пожар. Когда-нибудь, немного повзрослев, он займет свое место в пожарной страже, и это поможет довести до совершенства то немногое, чем он обладает.

Слабый дар, недостойный распространения. Даже в Хали еще четыре поколения назад отказались от него, и Донел смутно догадывался, что это решение послужило причиной упадка рода Рокравенов.

Но эта гроза далеко превосходила его способность к предвидению. Без облаков и дождя, она каким-то образом сосредоточивалась здесь, прямо над замком. «Мама, — подумал он. — Должно быть, это связано с ней». Хотелось найти ее, убедиться, что с ней все в порядке, несмотря на ужасающее, растущее предчувствие бури. Но де-

сятилетний мальчик не может бежать от грозы, как малое дитя, и прятаться на коленях у матери. Тем более что сейчас, в последние дни перед рождением ребенка лорда Алдарана, Алисиана стала почти недоступной; Донел не мог бежать к ней со своими страхами и тревогами.

Снова погладив ястреба, он спустился с птицей по лестнице. Он не мог пустить ее в полет перед началом необычной грозы. Небо оставалось голубым (казалось, день был хорош для тренировки ястребов), но Донел ощущал угнетающие магнетические течения в воздухе, угрожающее потрескивание электричества.

«Может быть, это страх матери электризует воздух, как это иногда бывало с дедом?» Внезапно Донел тоже испугался. Он знал, как знали все мальчики его возраста, что женщины иногда умирают при родах, и старался не думать об этом, но теперь, снедаемый невыносимой тревогой за мать, слышал в сухом потрескивании молний разряды собственного страха. Никогда еще он не чувствовал себя таким маленьким, таким беззащитным. О, если бы можно было вернуться к нищете и убогости Рокравена или к незавидному положению бедного родственника! Весь дрожа, мальчик отнес ястреба и выслушал мягкую от-

поведь сокольничего с такой покорностью, что старик усомнился в его здоровье.

В это время Алисиана, лежавшая в женских чертогах, прислушивалась к непрерывным раскатам грома. Она тоже ощущала чужеродность надвигающейся грозы, хотя и более смутно, чем Донел. Ей было страшно.

Рокравены были исключены из генетической программы по выведению одаренного *ларан*ом потомства; как и большинство людей ее поколения, Алисиана считала эту программу возмутительным насилием над человеческой личностью. Ни один свободный житель гор не станет спокойно смотреть, когда людей скрещивают как скот ради получения желаемых характеристик.

Однако всю жизнь она слышала разговоры о летальных и рецессивных генах, несущих желанный *ларан*. Как женщина может вынашивать ребенка без страха в подобных условиях? Однако теперь, ожидая рождения ребенка, который может стать наследником Алдарана, она понимала, что лорд выбрал ее не за красоту (хотя и без всякого тщеславия осознавала, что именно ее красота впервые привлекла его внимание), не за превосходный голос, сделавший ее лучшей

исполнительницей баллад в свите леди Деонары, — но за то, что она уже родила сильного и здорового сына, одаренного *лараном*; за то, что доказала свои материнские способности и могла пережить роды.

«Вернее, пережила однажды. Что это доказывает, кроме моей удачливости?»

Словно отзываясь на ее страх, еще нерожденное дитя резко заворочалось, взбрыкнув ножкой. Алисиана положила руку на струны ррила, маленькой арфы, которую держала на коленях. Музыка оказывала успокаивающее воздействие на плод. Начав играть, женщина уловила оживление среди горничных, посланных прислуживать ей. Леди Деонара искренне любила свою певицу и прислала к ней самых искусных сиделок и акушерок.

Потом в комнату вошел Микел, лорд Алдаран, — крупный мужчина в расцвете лет, с преждевременно поседевшими волосами. Он был гораздо старше Алисианы, которой в прошлом году исполнилось двадцать четыре. Его поступь была тяжелой; она больше напоминала уверенный шаг одетого в броню воина на поле битвы, чем осторожную походку мужа, опасающегося потревожить роженицу.

— Ты играешь ради собственного удовольствия, Алисиана? Я думал, что музыкант получает наибольшее удовольствие от аплодисментов, однако часто вижу, как ты играешь для себя и своих служанок, — с улыбкой произнес он.

Взяв легкий стул, лорд уселся рядом с постелью.

— Как ты себя чувствуешь, мое сокровище?

— Все хорошо, но я немного устала, — ответила она, улыбаясь. — Ребенок беспокойный, и я играю частично потому, что музыка успокаивает его.

— Может быть, может быть, — проворчал Алдаран. Увидев, что она отложила арфу, добавил: — Нет, Алисиана. Спой нам, если ты не слишком устала.

— Как пожелаете, мой лорд.

Она взяла несколько аккордов и тихо запела любовную песню, сложенную в далеких холмах:

Где ты теперь?

Где блуждает моя любовь?

Не в холмах, не у мглистого побережья,

Не в далеких морях.

Любовь моя, где ты теперь?

Ночь темна, и я устала искать,

Любимый, когда же закончится мое искание?

Тьма повсюду, за мной и вокруг меня.

Где же блуждаешь ты, моя любовь?

Микел наклонился к женщине и мягко провел тяжелой ладонью по блестящим волосам.

— Какая печальная песня, — тихо произнес он. — В ней звучит неизбывная тоска. Правда ли, что любовь так печальна для тебя, моя Алисиана?

— Конечно же нет, мой лорд, — ответила она, изобразив веселье, которого не чувствовала. Страхи и разговоры о них были уделом изнеженных жен, а не барраганьи, чье положение зависело от умения веселить и ублажать повелителя. — Но самые красивые песни о любви почему-то всегда печальны. Доставлю ли я вам больше удовольствия, если спою радостные песни?

— Твое пение всегда радует меня, мое сокровище, — ласково сказал Микел. — Если ты устала или грустишь, тебе не нужно изображать передо мною веселье, карья[4].

Заметив недоверие, промелькнувшее в ее гла-

---

[4] notes: 4
Ласковое обращение.

зах, Алдаран подумал: «Я слишком чувствителен; должно быть, приятно пребывать в неведении о том, что творится в умах других. Любит ли она меня или лишь ценит свое положение фаворитки? И даже если любит, то как: ради меня самого или лишь потому, что я богат и могуществен?»

Микел сделал повелительный жест. Остальные женщины отступили в дальний конец просторного зала, оставив его наедине с любовницей. Они не могли уйти в силу приличий, не позволявших оставить роженицу наедине с мужчиной, но отодвинулись за пределы слышимости.

— Я не доверяю этим женщинам, — сказал он.

— Мой лорд, я думаю, что Деонара действительно любит меня. Она не послала бы ко мне никого, кто мог бы желать зла моему ребенку.

— Деонара? Да… наверное, ты права. — Микел вспомнил о том, что Деонара была его женой в течение двадцати лет и разделяла его стремление иметь ребенка. Теперь она больше не могла обещать даже надежды на рождение наследника и потому приветствовала его выбор, когда он полюбил Алисиану и сделал ее барраганьей. — Но у меня есть враги, не принадлежащие к этому дому, — продолжал он. — Очень легко заслать шпиона, обладающего *лараном*, который может

передавать все происходящее в моей семье моим врагам. Мои родственники способны пойти на многое, лишь бы предотвратить рождение моего наследника. Я не удивляюсь твоей бледности, мое сокровище: трудно поверить в злобу, готовую нанести удар нерожденному ребенку, — однако я убежден, что Деонара пала жертвой кого-то, кто убивал детей нерожденными в ее чреве. Сделать это нетрудно; даже едва умея обращаться с матриксом, можно разорвать хрупкое звено, соединяющее ребенка с жизнью.

— Но любой, кто желает тебе зла, знает также, что ты обещал узаконить моего ребенка, и должен был обратить свое зло на меня, — успокаивающим тоном сказала Алисиана. — Однако моя беременность проходила без болезней и потрясений. Твои опасения напрасны, любимый.

— Хвала богам, если ты права! Однако у меня есть враги, которые не остановятся ни перед чем. Перед родами я позову *леронии*, чтобы испытать женщин; у твоей постели не будет находиться ни одна, которая не сможет подтвердить под заклятием правды, что желает тебе только добра. Злая воля может отбить у новорожденного тягу к жизни.

— Но такой *ларан* встречается редко, мой лорд.

— Не так редко, как хотелось бы, — эхом отозвался Микел, лорд Алдаран. — В последнее время меня посещают странные мысли. Мое же оружие повернулось против меня; я, прибегавший к волшебству, чтобы обрушить огонь и хаос на головы своих врагов, чувствую, что теперь они набрались сил и готовы отплатить той же монетой. В молодости я считал *ларан* даром богов. Они назначили меня править этой землей и наделили *лараном*, дабы укрепить мое правление. Но к старости он кажется мне скорее проклятием, чем даром.

— Ты не так стар, мой лорд, и никто здесь не осмелится бросить вызов твоему правлению.

— Никто не осмелится бросить вызов открыто, Алисиана, но мне приходится противостоять тем, кто таится по темным углам, ожидая, пока я не умру бездетным. У меня есть жирные куски для голодных псов… да будут боги благосклонны к нам и даруют тебе сына, карья!

Алисиана вздрогнула всем телом.

— А если нет, мой возлюбленный лорд?

— Ну что ж, мое сокровище, тогда тебе придется родить другого ребенка, — ласково сказал он. — Но даже если этого не случится, у меня будет дочь, которая унаследует мое поместье и привлечет ко

мне сильных союзников. Даже ребенок женского пола значительно упрочит мое положение. А твой сын будет ее сводным братом, защитником в беде, утешителем в печали. Я в самом деле люблю твоего сына, Алисиана.

— Знаю, мой лорд.

Как могла она попасться в такую ловушку — обнаружить, что любит мужчину, которого поначалу хотела лишь пленить чарами своей красоты? Микел оказался добрым и великодушным. Он возвысил ее, хотя мог бы взять как законную добычу. Даже без ее просьбы обещал: будущее Донела будет обеспечено. Сначала Алисиана ценила его великодушие, потом полюбила, а теперь боялась за него.

«Попалась в собственную ловушку!»

— Мне не нужно таких заверений, мой лорд. Я не сомневалась в тебе.

Алдаран улыбнулся, словно читая ее мысли:

— Но женщины в такое время становятся пугливыми. Теперь Деонара, конечно, не родит мне ребенка, даже если я попрошу ее об этом. Знаешь ли ты, Алисиана, как больно видеть детей — долгожданных, желанных, любимых еще до появления на свет — умирающими в первые мгновения жизни? Я не любил Деонару, когда мы

поженились. Я никогда не видел ее до свадьбы, ибо нас выдали друг за друга ради союза между семьями. Но мы многое вытерпели вместе, и хотя это может показаться тебе странным, дитя, любовь иногда рождается из разделенного горя так же, как и из разделенной радости. — Его лицо омрачилось. — Я люблю тебя всем сердцем, карья миа, но не за твою красоту и даже не за великолепие твоего голоса. Ты знаешь, что Деонара не была моей первой женой?

— Нет, мой лорд.

— Впервые я женился совсем молодым человеком. Кларисса Лейнье принесла мне двух сыновей и дочь, здоровых и сильных… Тяжело терять детей в младенчестве, но еще тяжелей потерять их в юности. И однако они умерли в муках от пороговой болезни, этой чумы нашего народа. Я сам готов был умереть от отчаяния.

— Мой брат Кэрил умер такой же смертью, — прошептала Алисиана.

— Я знаю; однако он был единственным, с кем это случилось, а у твоего отца было много сыновей и дочерей. Ты сама рассказывала мне, что твой *ларан* проявился не в юности, опустошая тело и разум, но развивался медленно, с самого младенчества, как и у многих из рода Рокраве-

нов. И я вижу, что такая тенденция доминирует в вашей линии. Хотя Донелу едва исполнилось десять лет и я не думаю, что его *ларан* развился в полную силу, однако ему многое дано, и он, по крайней мере, не умрет на пороге юности. Хотя бы в этом отношении я не боюсь за твоих детей. Деонара тоже происходит из рода с ранним проявлением *ларана*, но ни один из рожденных ею детей не прожил достаточно долго, чтобы мы могли узнать, кого потеряли.

Лицо Алисианы исказила страдальческая гримаса. Лорд Алдаран с тревогой положил руку ей на плечо:

— Что случилось, моя дорогая?

— Всю жизнь я питала отвращение к этому… разводить людей, словно племенной скот!

— Человек — единственное животное, думающее об улучшении породы, — жестко произнес Микел. — Мы управляем погодой, строим замки и дороги с помощью нашего *ларана*, изучаем все более великие дары разума… Разве нам не подобает искать путей к улучшению самих себя, так же как и нашего мира? — Его лицо смягчилось. — Но я понимаю, что такая молодая женщина, как ты, не мыслит в категориях столетий и поколений. Пока человек молод, он думает только о себе да

о своих детях, но в моем возрасте естественно думать и о тех, кто придет после нас и наших детей. Впрочем, такие вещи не для тебя, если ты сама не желаешь размышлять о них. Думай о ребенке, любимая, думай о том, как скоро мы будем держать ее в объятиях.

Алисиана испуганно вздрогнула.

— Значит, ты знаешь, что я рожу тебе дочь? — прошептала она. — И ты не сердишься?

— Я уже сказал тебе, что не рассержусь. Если я опечален, то лишь потому, что ты недостаточно доверяешь мне и не дала мне знать раньше. — Голос Микела звучал так мягко, что слова не казались укоризной. — Полно, Алисиана, забудь свои страхи. Если ты не подаришь мне сына, то не забывай, что ты уже подарила мне крепкого приемного сына, а твоя дочь со временем подарит мне хорошего зятя. И у нее будет сильный *ларан*.

Алисиана улыбнулась и ответила на его поцелуй. Однако ее по-прежнему не покидало напряжение от тревожного предчувствия различимого в отдаленном рокоте летней грозы. Казалось, гром раздается в унисон с волнами ее страха. «Может быть, Донел боится рождения этого ребенка?» — подумала молодая женщина. На мгновение ей страстно захотелось обладать

даром предвидения, *лараном* клана Алдаранов, чтобы убедиться в том, что все будет хорошо.

2

— Вот предательница!

Алисиана внутренне сжалась от гнева, звучавшего в голосе лорда Алдарана, когда он тяжелой походкой вошел в зал, подталкивая перед собой женщину. За его спиной семенила *леронi*, домашняя колдунья. Она носила матрикс, синий звездный камень, каким-то образом усиливавший природный дар ее *ларана*. Это была хрупкая женщина с волосами песочного цвета; невыразительные черты лица сделались суровыми в предчувствии бури, которую она вызвала своим искусством.

— Мейра, — потрясение прошептала Алисиана. — Я считала тебя своей подругой и верной служанкой леди Деонары. Что заставило тебя желать зла мне и моему ребенку?

Мейра — одна из горничных Деонары, плотная женщина средних лет — стояла перед ней, удерживаемая на месте сильными руками лорда Алдарана, испуганная, но не сломленная.

— Я ничего не знаю о том, что эта сучка колдунья сказала обо мне. Может быть, она завидует

моему положению? У нее нет никакой полезной работы. Она умеет лишь копаться в головах у тех, кто лучше ее.

— Ты не поможешь себе, ругая меня, — возразила *лерони* Маргали. — Я задала всем женщинам лишь один вопрос под заклятьем правды и могла распознать ложь в их ответах. Вопрос был прост: предана ли ты Микелу, лорду Алдарану, и его супруге, *ваи домне*[5] Деонаре? Если кто-то отвечал мне «нет» или «да» с сомнением или отрицанием в своих мыслях, я спрашивала, снова под заклятьем правды: предана ли ты своему мужу, отцу или своему господину? Только от нее я не получила правдивого ответа — лишь знание о том, что она все скрывает. Я сказала лорду Алдарану, что если и есть предательница, то это Мейра.

Микел отпустил женщину и повернул уличенную служанку к себе — не грубо, но повелительно.

— Это правда, что ты долго находишься в услужении в моем доме, Мейра, — сказал он. — Деонара относится к тебе как к приемной сестре. Кому ты желаешь зла: мне или моей леди?

— Моя леди была добра ко мне, — дрожащим

---

[5] notes: 5
Титул и уважительное обращение к особе женского пола.

голосом ответила та. — Я рассердилась потому, что другая заняла ее место на ложе моего лорда.

— Нет, лорд Алдаран, она опять говорит неправду, — бесстрастным тоном произнесла *лерони*, стоявшая за ее спиной. — Она не питает любви ни к тебе, ни к твоей леди.

— Ложь! — Голос Мейры поднялся почти до крика. — Ложь! Я не желаю вам никакого зла, вы сами навлекли его на себя, лорд, взяв в постель эту шлюху из Рокравена. Это она наложила заклятье на вашу мужественность, злобная гадюка!

— Молчать! — Казалось, лорд Алдаран собирается ударить женщину, но его слова оказалось достаточно: воцарилась мертвая тишина. Алисиана затрепетала. Лишь однажды раньше она слышала, как Микел пользовался «командным тоном». Немногие могли обрести достаточный контроль над *лараном*, чтобы использовать его; это был не врожденный дар. Такой тон требовал как таланта, так и долгой тренировки, и когда Микел, лорд Алдаран, командовал «Молчать!», никто в пределах слышимости не мог произнести ни слова.

Тишина в комнате была такой, что Алисиана могла слышать малейшие звуки: шорох насекомого, копошившегося за обшивкой стен,

испуганное дыхание женщин, отзвуки грома. «Кажется, гром не смолкал все лето, — подумала она. — Такого года еще не было… Какая чушь лезет мне в голову теперь, когда я стою перед женщиной, которая могла принести смерть мне и моему ребенку, если бы присутствовала при родах!»

Микел взглянул на нее — дрожащую, цепляющуюся за спинку стула.

— Помоги леди Алисиане, — обратился он к *лерони*. — Пусть она сядет или ляжет в постель, если ей так будет лучше.

Алисиана почувствовала, как сильные руки Маргали опускают ее на стул. Ее передернуло от гнева за слабость, которую она не могла контролировать.

«Этот ребенок истощает мои силы куда больше, чем Донел. Почему я так ослабела? Неужели из-за злой воли этой женщины, из-за ее черных заклинаний…»

Маргали положила ладонь на лоб Алисиане, и та почувствовала, как в нее вливается живительная прохлада. Она попыталась успокоиться, дышать ровнее, чтобы ослабить мелкие, судорожные движения ребенка в своем чреве. «Бедняжка! Она тоже боится, и неудивительно…»

— Ты! — приказал голос лорда Алдарана. — Мейра, скажи мне, почему ты желаешь мне зла или намереваешься как-то повредить леди Алисиане и ее ребенку?

— Сказать *тебе*?

— Ты знаешь, что тебе придется это сделать, — произнес Микел. — Ты расскажешь все, неважно, сделаешь ли ты это по доброй воле, или же мне придется вытягивать из тебя признание раскаленными клещами! Я не люблю пытать женщин, Мейра, но я не потерплю ядовитого скорпиона в своем доме. Избавь нас от бесполезного сопротивления.

Но Мейра молчала, продолжая смотреть ему в лицо. Микел едва заметно пожал плечами хорошо известным Алисиане жестом, и по его лицу пробежала тень.

— Да падет твой грех на твою голову, Мейра. Маргали, принеси звездный камень… нет, лучше пошли за киризани[6].

Алисиана вздрогнула, хотя Микел, по сути дела, выказывал милосердие. *Киризани* был одним из полудюжины наркотиков, получаемых из растительных смол цветов киресета, он представлял

---

[6] notes: 6
Наркотик.

собой фракцию осадка, которая ослабляла барьеры против телепатического контакта, обнажая разум жертвы перед допрашивающим. Это лучше, чем пытка, и все же… Она ужаснулась, глядя на непреклонную решимость, отражавшуюся на лице Алдарана, на дерзкую улыбку Мейры. Все стояли в молчании, пока не принесли *киризани* — дымчатого цвета жидкость в небольшой склянке прозрачного хрусталя.

Открыв склянку, Микел тихо спросил:

— Ты примешь его добровольно, Мейра, или мне приказать женщинам держать тебя и влить снадобье тебе в глотку, словно непокорной лошади?

Лицо Мейры вспыхнуло, она плюнула в лорда.

— Ты думаешь, что сможешь заставить меня говорить колдовством и наркотиками, лорд Микел? Ха! Я плюю на тебя! Тебе не нужно моего злого умысла: зло уже расползлось по твоему дому и в чреве твоей шлюхи-любовницы! Настанет день, когда ты пожалеешь о том, что не умер бездетным! Ты больше никого не возьмешь в свою постель! Ты уже сделал достаточно, когда сучка из Рокравена понесла от тебя дочь-колдунью!

Моя работа закончена, *ваи дом*![7]

Уважительное обращение в ее устах прозвучало грубой насмешкой.

— Мне больше ничего не нужно! С этого дня ты не станешь отцом ни сыну, ни дочери, и твои чресла будут пусты, словно иссохшее дерево! Ты будешь плакать и молиться…

— Усмирите эту злобную ведьму! — приказал Микел. Маргали, стоявшая за спиной Алисианы, подняла матрикс, но женщина снова плюнула, истерически расхохоталась, ахнула и осела на пол. Маргали подошла к ней и положила руку ей на грудь.

— Лорд Алдаран, она умерла! Должно быть, она была заговорена так, чтобы умереть на допросе.

Мужчина обескураженно смотрел на безжизненное тело служанки. Вопросы, оставшиеся без ответов, замерли у него на губах.

— Теперь мы никогда не узнаем, что она сотворила и кто был врагом, пославшим ее к нам. Я готов поклясться, что Деонара ничего не знает об этом.

Но в его словах содержался невысказанный вопрос. Маргали положила руку на синий самоцвет

---

[7] notes: 7
Титул и уважительное обращение к особе мужского пола.

и тихо произнесла:

— Клянусь своей жизнью, мой лорд: леди Деонара не желала зла ребенку леди Алисианы. Она часто говорила мне, что рада за вас, а я могу распознать правду.

Микел кивнул, но Алисиана видела, что морщины на его лбу и в уголках глаз не разгладились. Если Деонара, ревнуя к избраннице лорда Алдарана, желала причинить вред Алисиане, то это, по крайней мере, можно было понять. Но кто, спрашивала она себя, мог желать зла такому хорошему человеку, как Микел? Кто мог ненавидеть настолько сильно, что заслал в дом шпионку, способную погубить ребенка барраганьи, а возможно, и наложить усиленное *лараном* заклятье на его семя?

— Уберите ее отсюда, — наконец сказал Алдаран не совсем твердым голосом. — Повесьте ее тело на стене замка, на поживу стервятникам. Она не заслужила честного погребения.

Он бесстрастно ждал, пока стражники выносили тело Мейры. Алисиана услышала рокот грома; сначала вдалеке, затем все ближе и ближе. Но Алдаран уже шел к ней. Его голос смягчился, в нем слышалась нежность:

— Ничего не бойся, мое сокровище; ее больше

нет, и зло ушло вместе с ней. Мы еще посмеемся над ее проклятиями.

Микел опустился в кресло и взял ее за руку, но через прикосновение Алисиана ощущала, что он расстроен и даже испуган. У нее же вообще не осталось сил. Проклятья Мейры звенели в ее ушах, словно эхо в каньонах Рокравена, когда еще ребенком она кричала там ради забавы, слушая, как голос возвращается к ней, многократно отразившись от каменных стен.

«Ты не станешь отцом ни сыну, ни дочери… Твои чресла будут подобны иссохшему дереву… Настанет день, когда ты пожалеешь, что не умер бездетным…» Слова вновь и вновь звучали в мозгу, оглушая и подавляя; Алисиана откинулась в кресле, едва осознавая, что происходит вокруг.

— Алисиана, Алисиана… — Женщина почувствовала, как сильные руки обнимают ее, поднимают, несут в постель. Микел положил ей под голову подушку и сел рядом, нежно гладя ее лицо. — Не следует бояться теней, Алисиана.

Вздрогнув, женщина сказала первое, что пришло в голову:

— Она прокляла тебя, мой лорд.

— Но я почему-то не чувствую, что мне угрожает опасность, — улыбаясь, отозвался лорд.

— Однако, пока я была в тягости, ты никого не брал в свою постель, как было заведено раньше.

Слабая тень омрачила лицо Микела. В этот момент их души так сблизились, что Алисиана пожалела о своих словах. Ей не следовало будить его собственный страх.

— Ну что ж, Алисиана, я уже не молод и могу несколько лун прожить без женщины. Думаю, Деонара не жалеет о свободе: мои объятия никогда не означали для нее ничего, кроме мертворожденных детей. Теперь все женщины, кроме тебя, кажутся мне не такими соблазнительными, как в молодости. Мне нетрудно воздержаться от того, что не доставило бы тебе удовольствия, но когда родится наш ребенок и ты снова поправишься, то убедишься, оказали ли слова этой злобной фурии какое-то воздействие на мою мужскую силу. Ты еще можешь подарить мне сына, Алисиана; а если и нет, то, по крайней мере, мы проведем вместе много радостных дней.

— Да будет Властелин Света благосклонен к нам, — прошептала она.

Он наклонился и нежно поцеловал ее, но эта ласка снова заставила разделить его страх.

Микел выпрямился, потрясенный собственными ощущениями.

— Сюда! — крикнул Алдаран. — Будьте у ложа моей леди и прислуживайте ей во всем.

Алисиана удержала его руку.

— Микел, я боюсь, — прошептала она и уловила его мысль: «Воистину, недоброе предзнаменование, что ей суждено рожать после злобного карканья этой ведьмы…» Одновременно ощутила суровую дисциплину, помогавшую ему сдерживать и контролировать даже свои мысли, подавляя малейшие проявления слабости.

— Ты должна думать только о нашем ребенке, Алисиана, и вливать в него свою силу, — с мягкой настойчивостью сказал он. — Думай только о ребенке и о моей любви.

Солнце клонилось к вечеру. За замком Алдаран угрожающе громоздились грозовые облака, но там, где парил Донел, небо оставалось голубым и безоблачным. Его гибкое тело вытянулось вдоль деревянного каркаса, сбитого из легких планок, между широкими крыльями из кожи, натянутыми на хрупкую основу. Увлекаемый воздушными течениями, он парил в воздухе, уравновешивая движениями рук сильные порывы ветра. Подъемная сила создавалась воздушными потоками и маленьким матриксом, вделанным в крестовину каркаса. Донел сделал планер своими руками,

лишь с небольшой помощью мастеровых. Некоторые из ребят имели такие игрушки, поскольку их обучение искусству владения звездными камнями требовало развития навыков левитации. Но большинство подростков сейчас находилось на занятиях; Донел незаметно пробрался на крепостную стену и улетел, хотя знал, что в наказание ему на несколько недель могут запретить пользоваться планером. Повсюду в замке ощущались напряженность и страх.

Предательница умерла, сраженная смертельным заклятьем. Но перед смертью она прокляла лорда Алдарана…

Слухи разнеслись по замку со скоростью степного пожара, разжигаемые несколькими женщинами, присутствовавшими в покоях Алисианы. Они видели слишком много, чтобы хранить молчание, но слишком мало, чтобы дать правдивый отчет о произошедшем.

Служанка прокляла маленькую барраганью, и Алисиана из Рокравена изнемогала в родовых муках. Она прокляла лорда Алдарана, он и в самом деле ни с кем не делил ложе — он, менявший женщин с каждой переменой лун. Еще одно зловещее предположение заставило Допела вздрогнуть. Не была ли леди из Рокравена той, кто наложил

заклятье на мужскую силу Микела, чтобы навеки сохранить место в его постели и сердце?

Один из стражников, грубый вояка, со смехом сказал:

— Если бы леди Алисиана обратила взгляд своих хорошеньких глазок на меня, то я бы с радостью рискнул здоровьем.

— Замолчи, Радан, — осадил его пожилой оружейник. — Такие разговоры не к лицу молодым парням. Займись-ка лучше делами. Нечего торчать здесь и сплетничать.

Когда солдат ушел, оружейник ласково обратился к Донелу:

— Такие разговоры не подобают мужчинам, но он всего лишь шутил; он расстроен, потому что у него нет женщины. Не считай это признаком неуважения к твоей матери. Воистину, в Алдаран придет праздник, если Алисиана из Рокравена подарит нашему лорду наследника. Тебе не следует сердиться на бездумные речи; если прислушиваться к лаю каждой собаки, мудрым не станешь. Возвращайся к своим занятиям, Донел, не трать время на слухи и суждения невежественных простолюдинов.

Донел взял планер и сейчас парил в воздушных потоках над замком. Тревожные мысли оста-

лись позади, память временно отключилась. Мальчика захватило очарование полета, он то закладывал широкую дугу к северу, то поворачивал на запад, где над горными пиками висело огромное пурпурное солнце.

«Похоже на ястреба в свободном полете...» Крыло из кожи и дерева слегка наклонилось, повинуясь движению кисти. Он сосредоточился на воздушном потоке, позволяя ветру нести планер. Его разум слился с самоцветом. Донел видел небо не как голубую пустоту, но как огромную сеть полей и течений, сотканную для полета. Он скользил вниз, пока не начинало казаться неизбежным столкновение с темной громадой утеса, а потом, в последнюю секунду, позволял восходящему потоку уносить себя в сторону, танцуя вместе с ветром. Мальчик бездумно порхал, отдавшись чистой радости полета.

Зеленая луна Идриель тусклым полумесяцем висела в пламенеющих небесах над самым горизонтом; серебряный серп Мормаллора, казалось, был соткан из бледнейших теней, а сияющий знак неистового Лириэля, самого крупного из спутников, сейчас только начинал выплывать из-за горизонта. Низкий рокот грома, исходивший от грозовых облаков с противоположной

стороны замка, пробудил в Донеле воспоминания и тревожные предчувствия. Возможно, в такое время ему не сделают выговор за пропуск занятий, но если он не вернется в замок после захода солнца, то его наверняка ждет наказание. На закате поднимался сильный ветер, и около года назад один из пажей разбил планер и сломал плечо на скалистом утесе. Ему еще повезло, что он остался в живых. Донел озабоченно поглядывал на крепостные стены, подыскивая восходящий поток, который поднимет его туда, иначе придется сесть на склон холма и нести свой планер — пусть легкий, но довольно громоздкий. Ощущая малейшие перемены направления ветра, усиленные матриксом, он поймал поток, который, если тщательно рассчитать, вынесет его прямо над замком, откуда можно спокойно спланировать на крышу.

Поднявшись выше, Донел с содроганием увидел обнаженное тело женщины, свисавшее со стены. Ее лицо уже исклевали стервятники, с хриплыми криками летавшие вокруг. Мейра была по-своему добра к нему. Неужели она в самом деле прокляла его мать? Первая настоящая встреча со смертью глубоко потрясла мальчика.

«Люди умирают. Они в самом деле умирают, и

стервятники клюют их мертвые тела. Моя мать тоже могла умереть при родах...» Он замер от неожиданного ужаса и заметил, как хрупкие крылья планера, освобожденные от контроля разума, затрепетали и обвисли. Быстро овладев собой, Донел выровнял аппарат, левитируя вместе с ним, пока снова не поймал восходящий поток. Но теперь он чувствовал слабое напряжение в воздухе, усиливающееся потрескивание статического электричества.

Загрохотал гром; над замком Алдаран вспыхнула молния. Донел ощутил запах озона и гари. Он видел игру вспышек в кучевых облаках, сгрудившихся в темнеющем небе за башнями. «Нужно спуститься вниз, — испуганно подумал мальчик. — Опасно летать перед грозовым фронтом». Его неоднократно предупреждали о необходимости тщательно смотреть, нет ли в облаках молний, прежде чем отправляться в полет.

Донела подхватило внезапное и сильное нисходящее течение, стрелой пославшее маленький аппарат вниз. Не на шутку испуганный, мальчик крепко ухватился за планку. Ему хватило благоразумия не сопротивляться в первые же моменты. Ощущение было такое, словно его вот-вот расплющит о каменистую поверхность, но он

заставил себя расслабиться, направив свой разум на отчаянные поиски поперечного потока. Он сосредоточился как раз в нужный момент, сфокусировав сознание на матриксе, и почувствовал мягкий рывок подъемной силы; встречное течение снова понесло его вверх.

«Теперь быстро, но осторожно. Я должен подняться на уровень замка и поймать первый же нисходящий поток. У меня нет времени». Но воздух стал плотным и тяжелым. Донел больше не мог угадывать направление потоков. Охваченный цепенящим ужасом, он раскинул свое сознание во всех направлениях, но ощущал лишь сильные магнетические заряды приближающейся грозы.

«Гроза неестественная, такая же, как вчера! Это не гроза, а что-то иное. Мама! Что с ней?» Испуганному ребенку казалось, что он слышит голос Алисианы, в страхе восклицающей: «О Донел! Что будет с моим мальчиком!» Его тело непроизвольно содрогнулось, и планер вновь вышел из-под контроля, падая вниз… Если бы аппарат был более тяжелым, не с такими широкими крыльями, то он бы уже разбился о скалы, но воздушные течения, хотя и неразличимые для Донела, удержали его на лету. Через несколько

секунд падение замедлилось, и планер начало сносить вбок. Теперь, используя *ларан* и свое тренированное сознание, ищущее следы течений в сумятице бури, Донел начал бороться за жизнь. Он вытеснил голос, звучавший в ушах, голос матери, плачущей от страха и душевной боли. Вытеснил ужас, рисовавший ему собственное тело, лежавшее внизу среди обломков планера, и заставил себя полностью сосредоточиться на *ларане*, сделав крылья планера продолжением раскинутых рук, ощущая течения, бившие и трепавшие хрупкую конструкцию, которая временно стала неотъемлемой частью его тела.

«Теперь немного вперед… достаточно… постарайся набрать немного высоты к западу…» Донел заставил себя расслабиться, когда очередная молния ударила из облака. «Нет контроля… он никуда не направляется… нет осознания…» Нет, думай о *лерони*, научившей тебя тому малому, что знаешь: «Тренированный разум всегда может овладеть силами природы». Донел повторял эти слова про себя словно заклинание.

«Не нужно бояться ветра, шторма или молнии. Тренированный разум может овладеть…» Но Донелу было всего лишь десять лет. И приходилось ли Маргали когда-либо управлять планером во

время подобной грозы?

Оглушительный раскат грома на мгновение лишил его рассудка. Внезапный шквал дождя окатил продрогшее тело мальчика. Он боролся с дрожью, угрожавшей нарушить контроль над трепещущими крыльями планера.

«Сейчас! Держись крепче! Вниз, вниз, вместе с этим течением… направо, к земле, вдоль склона… не время играть с другим восходящим потоком. Там, внизу, я буду в безопасности».

Ноги почти коснулись земли, когда новый резкий порыв ветра подхватил аппарат и снова отбросил его вверх, прочь от твердого склона. Всхлипывая, Донел заставил планер скользить вниз. Он перегнулся через край планки и повис, держась за перекладину над головой, позволяя широким крыльям замедлить неизбежное падение. Интуиция предупредила об очередном ударе молнии, и потребовались все силы, чтобы отклонить удар, направить его в другое место. Из последних сил цепляясь за перекладину, Донел услышал треск, похожий на звук раздираемой пополам портьеры, и помутившимся взором увидел, как один из огромных валунов на склоне горы раскололся надвое. Его ноги ударились о землю. Мальчик тяжело упал, перекатываясь с

одного бока на другой и чувствуя, как трещат и ломаются в щепки деревянные планки. У него осталось достаточно самообладания, чтобы расслабиться, как его учили на занятиях по боевым искусствам. Падать нужно расслабившись, иначе можно переломать кости. Весь в синяках, но живой, Донел лежал на каменистом склоне и тихонько всхлипывал. Повсюду беспорядочно сверкали молнии, гром перекатывался от одного горного пика к другому.

Восстановив дыхание, Донел с трудом поднялся на ноги. Деревянные планки обоих крыльев планера превратились в щепки. Но аппарат можно починить; повезло, что планером не придавило руку. Зрелище расколотого надвое валуна вызвало у мальчика тошноту и головокружение. В висках пульсировала боль, но Донел понимал, что, несмотря ни на что, может называть себя счастливчиком. Он сложил сломанные крылья и начал медленно подниматься по склону к воротам замка.

— Она ненавидит меня! — в ужасе воскликнула Алисиана. — Она не хочет появляться на свет!

Сквозь темноту, обволакивавшую разум, роженица почувствовала прикосновение рук Микела.

— Это глупости, любимая, — прошептал он, при-

жимая женщину к себе. Хотя лорд тоже ощущал странную чужеродность молний, вспыхивавших за высокими окнами, но страх Алисианы угнетал его гораздо больше. Казалось, что помимо испуганной женщины и невозмутимой Маргали, сидевшей у ложа со склоненной головой, в комнате присутствовал кто-то еще. На лице *лерони* играли голубые отблески матрикса. Она посылала импульсы утешения и спокойствия, стараясь внушить эти чувства окружающим. Микел пытался подчинить собственное тело и разум этому спокойствию, слиться с ним. Он глубоко, ритмично задышал. Этому приему лорд научился еще в детстве. Спустя какое-то время он почувствовал, как Алисиана тоже расслабилась и поплыла вместе с ним в невидимом потоке.

«Где, откуда этот страх, эта борьба? Это она, еще не рожденная. Это ее страх, ее сопротивление… Рождение — это испытание страхом. Должен быть кто-то, кто успокоит ее, кто с любовью ожидает ее появления на свет…»

Алдаран присутствовал при рождении всех своих детей, ощущая инстинктивный страх и ярость еще не ожившего разума, выбрасываемого в мир силами, которых он не мог постигнуть. Теперь, вернувшись к воспоминаниям («Был ли

хоть один из детей Клариссы таким сильным? А младенцы Деонары, жалкие маленькие создания, неспособные бороться за свою жизнь…»), Микел потянулся мыслью к ребенку, нащупывая разум, терзаемый осознанием страданий матери. Он искал контакта, чтобы послать утешение. Не в словах — ибо новорожденный не знал человеческого языка, — но в эмоциях, оставляющих ощущение радостного и теплого приветствия.

«Тебе не нужно бояться, маленькая; скоро все кончится… Ты будешь жить и дышать, а мы возьмем тебя на руки, будем любить тебя… Ты долгожданная и давно любимая…» Микел продолжал мысленно успокаивать дочь, изгоняя из разума воспоминания о погибших сыновьях и дочери, когда вся его любовь не могла последовать за ними в непроглядную тьму, наброшенную на их души внезапным пробуждением *ларана*. Он старался вычеркнуть память о слабых детях Деонары, не сумевших дотянуть даже до первого вздоха. «Разве я достаточно сильно любил их? Если бы я тогда любил Деонару сильнее, стали бы ее дети упрямее цепляться за жизнь?»

— Задерните портьеры, — приказал лорд минуту спустя.

Одна из женщин на цыпочках подошла к окну

и закрыла потемневшее небо тяжелой портьерой. Но гром продолжал греметь, а вспышки молний пробивались даже сквозь плотную ткань.

— Сейчас начнется, — прошептала одна из сиделок.

Маргали неслышно встала, подошла к Алисиане и осторожно положила руки на тело женщины, регулируя ее дыхание и следя за процессом родов. Женщину, обладающую *лараном* и вынашивающую ребенка, нельзя исследовать физически из-за опасности повредить плод. Только *лерони* могут заниматься этим, пользуясь восприятием телепатических и психокинетических сил роженицы. Алисиана ощутила успокаивающее прикосновение. Ее лицо разгладилось, но, как только Маргали убрала руки, она с неожиданным ужасом воскликнула:

— О Донел, Донел! Что будет с моим мальчиком?

Леди Деонара Ардаис-Алдаран, хрупкая стареющая женщина, бесшумно подошла к ложу Алисианы и погладила ее тонкие пальцы.

— Не бойся за Донела, Алисиана, — успокаивающе прошептала она. — Да хранит нас милосердная Аварра, но клянусь, что, если в том возникнет нужда, с завтрашнего дня я стану ему приемной

матерью и буду относиться к нему с такой же нежностью, как если бы он был моим сыном.

— Ты так добра ко мне, Деонара, — прошептала Алисиана. — А ведь я забрала у тебя Микела.

— Дитя, сейчас не время для подобных мыслей. Если ты сможешь дать Микелу то, чего не смогла я, я буду относиться к тебе как к сестре и любить тебя так же, как Кассильда любила Камиллу. — Деонара наклонилась и поцеловала бледную щеку Алисианы. — Успокойся, бреда:[8] думай только о малютке. Я тоже буду любить ее.

Алисиана знала, что здесь, в присутствии отца ее ребенка и Деонары, поклявшейся обращаться с ее дочерью как со своей собственной, она может ни о чем не беспокоиться. Однако когда молнии сверкали за портьерами, а гром сотрясал стены замка, в душе женщины неотвратимо прокатывались все новые и новые волны ужаса. «Чей это ужас — мой или ребенка?» Сознание уплывало во тьму под тихое пение *лерони*, под животворным потоком мыслей Микела, несущих любовь и нежность. «Ради меня или ради ребенка?» Это больше не имело значения. Алисиана не могла видеть, что будет дальше. Раньше в ее разуме

---

[8] notes: 8

Бреда, бредила, бредива — ласковое обращение к женщине.

всегда присутствовало слабое предощущение того, что случится в будущем, но теперь казалось, что в мире не осталось ничего, кроме ее страха и ужаса еще не родившегося ребенка — бесформенного, бессловесного неистовства. Казалось, что спазмы фокусируются раскатами грома, родовые схватки совпадают со вспышками молний… гром гремел не снаружи, но внутри измученного чрева… молнии взрывались вспышками слепящей боли. Задохнувшись, Алисиана попыталась вскрикнуть, но тут ее разум угас, и она почти с облегчением погрузилась в черноту и молчание, в ничто…

— Ай! Вот маленькая фурия! — воскликнула акушерка, едва удержав брыкающегося младенца — Вам нужно успокоить ее, *домна*, прежде чем я отрежу ее жизнь от материнской, иначе она может истечь кровью… но она сильная, горячая девочка!

Маргали склонилась над малюткой. Личико девочки, искаженное яростным криком, имело кирпично-красный оттенок; щелочки полузакрытых глаз сверкали голубизной. Круглая маленькая головка была покрыта густым рыжим пухом. Маргали приложила свои изящные узкие ладони к обнаженному тельцу ребенка, что-то

тихо воркуя ему на ухо. Ее прикосновение немного успокоило малышку. Акушерка перерезала пуповину, но едва она взяла новорожденную на руки и завернула в теплое одеяло, та снова начала вопить и барахтаться. Женщина поспешно положила сверток и отдернула руку, вскрикнув от боли.

— Ай! Милосердная Эванда, она одна из *этих*! Когда малышка вырастет, ей не придется бояться насилия, раз она уже сейчас может бить своим *лараном*. Я никогда не слышала о таком у новорожденных!

— Ты испугала ее, — улыбнулась Маргали. Как и все женщины из свиты Деонары, она любила маленькую Алисиану. — Бедное дитя — потерять мать в первый же день своей жизни! — грустно добавила *леронн*.

Микел, лорд Алдаран, стоял на коленях у ложа женщины, которую любил. Его лицо было искажено страданием.

— Алисиана, Алисиана, любимая моя!

Потом он поднял невидящие глаза. Деонара взяла у Маргали спеленутого младенца и прижала его к своей плоской груди со всей жаждой неутоленного материнства.

— Теперь ты довольна, Деонара? Никто не будет

оспаривать у тебя права на этого ребенка.

— Такие слова недостойны тебя, Микел, — ответила Деонара. — Я всем сердцем любила Алисиану, мой лорд. Что бы ты предпочел: чтобы я отказалась от ее дочери или вырастила ее с такой же нежностью и заботой, как если бы она была моей собственной? — Несмотря на все усилия, леди Алдаран не могла скрыть горечи, звучавшей в ее голосе. — Она — твое единственное живое дитя, и если она уже сейчас обладает *лараном*, то тем большей заботой и любовью нам следует ее окружить. Мои дети не прожили даже так долго.

Она положила девочку в руки Микела, который с бесконечной нежностью и печалью смотрел на своего единственного ребенка.

Проклятье Мейры эхом отдавалось в его сознании: «С этого дня ты не станешь отцом ни сыну, ни дочери… Твои чресла будут пусты, словно иссохшее дерево! Ты будешь плакать и молиться…» Его тревога словно передалась малышке, она снова заворочалась и захныкала. За окном бушевала гроза.

Дом Микел вглядывался в лицо дочери. Бесконечно дорогой казалась она пожилому мужчине. Тельце малышки изогнулось. Девочка запищала,

крохотное личико исказилось, словно пытаясь выразить всю ярость бури, бушевавшей снаружи. Крошечные розовые кулачки были крепко стиснуты. Однако уже сейчас лорд мог видеть в ее лице миниатюрную копию лица Алисианы — выгнутые дугой брови, высокие скулы, сверкающую синеву глаз, шелковистые рыжие волосы.

— Алисиана умерла, вручив мне этот бесценный дар, — произнес он. — Назовем ли мы ее в память о матери?

Деонара передернула плечами и отступила на шаг:

— Неужели ты хочешь дать своей единственной дочери имя только что умершей женщины, мой лорд? Поищи более удачное имя!

— Как тебе будет угодно. Назови ее так, как тебе нравится, *домна*.

— Я собиралась назвать нашу первую дочь Дорилис. — Голос Деонары дрогнул. — Пусть малышка носит это имя в залог того, что я буду ей любящей матерью.

Она прикоснулась пальцем к розовой щечке ребенка:

— Тебе нравится это имя, крошка? Смотри, она заснула. Наверное, устала плакать…

Гроза, бушевавшая за окнами чертога, в послед-

ний раз что-то глухо пробормотала и замерла. Воцарилась тишина. Снаружи не доносилось ни звука, кроме перестука последних капель дождя.

3

Одиннадцать лет спустя

В предрассветный час снег тихо падал на монастырь Неварсин, уже почти погребенный под глубокими сугробами.

Колокол прозвенел беззвучно, неслышимо, где-то в комнате отца настоятеля. Однако в кельях и дормитории[9] беспокойно зашевелились монахи, ученики и послушники, словно этот бесшумный сигнал пробудил их от сна.

Эллерт Хастур из Элхалина проснулся сразу: что-то в его сознании оставалось настроенным на зов колокола. В первые годы он часто просыпал заутреню, но никто в монастыре не имел права будить спящего товарища. Послушники должны учиться слышать неслышимое и видеть невидимое.

Хастур не почувствовал холода, хотя согласно правилам укрывался лишь полою длинной рясы; тренированное тело могло выделять тепло, согреваясь даже во сне. Не нуждаясь в свете, он встал,

---

[9] notes: 9
Общая спальня, обычно в монастырях.

натянул рясу на грубое нижнее белье, которое носил днем и ночью, и сунул ноги в плетеные соломенные сандалии. Потом рассовал по карманам маленький молитвенник, пенал, рожок с чернилами, ложку и чашку.

Дом Эллерт Хастур еще не был полноправным членом братства Святого Валентина-в-Снегах в Неварсине. Оставался еще год, прежде чем он сможет дать последний обет и отказаться от мира — волнующего и беспокойного мира, о котором он вспоминал каждый раз, когда застегивал кожаный ремешок сандалий. В землях Доменов слово «сандаленосец» было величайшим оскорблением для мужчины. Даже теперь, возясь с пряжкой сандалии, Эллерт был вынужден успокоить свой разум тремя медленными вдохами и выдохами, сопровождаемыми едва слышной молитвой во здравие оскорбившего. Однако он мучительно осознавал иронию ситуации.

«Молиться за душевное спокойствие моего брата, который унизил меня? Ведь по его милости я и отправился сюда!» Чувствуя, что гнев и возмущение так и не утихли, Эллерт снова приступил к ритуалу очистительного дыхания, изгоняя мысли о брате, вспоминая слова отца настоятеля:

«У тебя нет власти над миром и мирскими

вещами, сын мой; ты отказался от всякого вожделения такой власти. Власть, ради которой ты пришел сюда, это власть над внутренним миром. Покой снизойдет на тебя лишь тогда, когда ты полностью осознаешь, что ты управляешь разумом, а не твои мысли и воспоминания. Именно ты, и никто иной, можешь призывать мысли и удалять их по собственному желанию. Человек, позволяющий собственным мыслям мучить себя, подобен тому, кто прижимает к груди ядовитого скорпиона».

Эллерт повторил упражнение, и воспоминания о брате наконец исчезли. «Ему нет здесь места, даже в моей памяти». Полностью успокоившись, он покинул келью и медленно пошел по узкому коридору.

Часовня, путь к которой лежал по короткой тропинке между сугробами, была самой старой постройкой монастыря. Четыреста лет назад первые братья монахи пришли сюда, чтобы возвыситься над миром, который отвергли. Они воздвигли монастырь из цельной скалы, углубив пещерку, в которой, по преданию, обитал святой Валентин-в-Снегах. Рядом с могилой отшельника вырос целый город: Неварсин, или Город Снегов. Каждое здание было построено руками монахов.

По обету, данному братьями, ни один камень не мог быть сдвинут с места с помощью матрикса или любого вида магического искусства.

В часовне было темно. Единственный маленький огонек теплился в нише, где над местом упокоения святого стояла статуя Святого Носителя Вериг. Двигаясь быстро и с закрытыми глазами, как того требовал обычай, Эллерт прошел на свое место между рядами скамей и преклонил колени. Он слышал шорох ног какого-нибудь послушника, все еще полагавшегося на внешнее зрение вместо внутреннего, чтобы перемещать бренное тело во тьме монастыря. Ученики, прожившие в Неварсине лишь несколько недель и еще не принесшие обетов, также спотыкались в темноте и недоумевали, почему монахи ограничиваются столь скудным освещением. Иногда они падали, но в конце концов все заняли свои места. И снова не последовало никакого сигнала, но монахи поднялись с колен единым движением, повинуясь невидимому знаку отца настоятеля, и их голоса слились в утреннем гимне:

Единая Сила сотворила
Небо и землю,
Горы и долины,

Тьму и свет,
Мужчину и женщину,
Человеческое и нечеловеческое.
Эту Силу нельзя увидеть,
Нельзя услышать,
Нельзя измерить
Ничем, кроме разума —
Частицы той Силы,
Которую мы называем Божественной…

Каждый день наступал этот момент, когда все искания, вопросы и разочарования Эллерта полностью исчезали. Слушая голоса поющих братьев — старые и молодые, ломающиеся по неопытности и дребезжащие от старости, — он сливался с хором. Хастур осознавал, что является частицей чего-то неизмеримо большего, чем он сам, частицей великой силы, руководящей движением лун, звезд, планет и всей необъятной вселенной; что он часть общей гармонии; что если он исчезнет, то во Вселенском Разуме останется пустота, которую уже ничто не сможет заполнить. Слушая пение, Эллерт пребывал в мире с собой. Звук собственного голоса, отлично тренирован-

ного тенора, доставлял ему удовольствие, но не большее, чем звук любого голоса в хоре, даже скрипучий и немузыкальный баритон старого брата Фенелона, стоявшего рядом с ним. Каждый раз, начиная петь вместе со своими братьями, он вспоминал первые слова, которые прочел об обители Святого Валентина-в-Снегах, слова, которые приходили к нему в годину величайших мучений и даровали первые мирные минуты со времени туманного детства:

«Каждый из нас подобен голосу в огромном хоре; голосу, не похожему на другие. Каждый из нас поет краткий миг, а затем умолкает навсегда, и на его место приходят другие. Но каждый голос уникален, и ни один не может звучать лучше другого или петь чужую песню. Нет ничего хуже, чем петь на чужой лад или с чужого голоса».

Прочитав это, Эллерт понял, что с самого детства он по приказу отца, братьев, учителей, грумов, слуг и старших по званию пытался петь на чужой лад и с чужого голоса. Он стал христофоро[10], что считалось недостойным наследника рода Хастуров, потомка Хастура и Кассильды, наделенных даром *ларана*; недостойным Хастура из

---

[10] notes: 10
Монахом.

Элхалина близ святых берегов Хали, где когда-то гуляли сами боги. Все Хастуры с незапамятных времен почитали Властелина Света, однако Эллерт стал христофоро, и пришло время, когда он покинул родню, отверг наследство и пришел сюда, чтобы стать братом Эллертом. Даже монахи из Неварсина теперь едва ли помнили, откуда он родом.

Забыв о себе и вместе с тем остро осознавая свое неповторимое место в хоре, в монастыре и во вселенной, Эллерт пел утренние гимны. Потом занялся обычной утренней работой, разнося завтраки послушникам и ученикам, собравшимся в трапезной, — кувшины с чаем, от которых поднимался парок, и горячую бобовую кашу; раскладывая пищу в каменные чашки, замечая, как озябшие руки тянулись к посуде в надежде согреться. Большинство ребят были еще слишком малы и не овладели искусством сохранения тепла. Он знал, что некоторые из них заворачиваются в одеяла, которые прячут под рясами. Эллерт ощущал к ним сдержанную симпатию, вспоминая, как страдал от холода, пока разум не научился согревать тело. Но послушники получали горячую пищу и спали под одеялами — а ведь чем больше они будут мерзнуть, тем скорее

научатся бороться с холодом.

Эллерт хранил молчание, хотя знал, что ему следовало бы укорить учеников, жаловавшихся на грубую пищу; здесь, в помещениях для детей, еда была обильной и даже изысканной. После принятия монашеского обета он сам лишь дважды пробовал горячую пищу, и оба раза после тяжелейшей работы по спасению путников, заблудившихся в горных ущельях. Отец настоятель рассудил, что охлаждение тела угрожало здоровью, и приказал Эллерту в течение двух дней есть горячую пищу и спать под одеялом. Эллерт настолько научился контролировать тело, что время года не имело для него значения, а еда, горячая или холодная, усваивалась полностью и без остатка.

Один мальчик, изнеженный сын богача из Нижних Доменов, несмотря на рясу и одеяла, дрожал так сильно, что Эллерт, накладывая ему вторую порцию каши (растущим детям позволялось есть столько, сколько им заблагорассудится), негромко произнес:

— Скоро тебе станет лучше. Еда согреет тебя, и, кроме того, ты тепло одет.

— Тепло? — недоверчиво спросил мальчик. — У меня нет даже мехового плаща! Мне кажется, я

скоро умру от холода…

Он готов был разрыдаться. Эллерт успокаивающим местом положил руку ему на плечо:

— Ты не умрешь, маленький брат. Ты узнаешь, что человеку может быть тепло и без одежды. Знаешь ли ты, что здешние послушники спят обнаженными на голом каменном полу? И тем не менее ни один не умер от холода. Животные не носят одежды, однако не гибнут от холода.

— У животных есть мех, — капризно запротестовал ребенок. — А у меня только кожа!

— Это служит доказательством того, что тебе не нужен мех, — с улыбкой отозвался Эллерт. — В противном случае ты родился бы пушистым, маленький брат. Тебе холодно, потому что тебя учили, что зимой должно быть холодно, и твой разум поверил этой лжи. Но еще до начала следующего лета ты тоже будешь спокойно бегать босиком по снегу. Сейчас ты не веришь мне, дитя, но запомни мои слова. А теперь ешь кашу и почувствуй, как она перерабатывается в твоем организме, разнося тепло по телу.

Эллерт похлопал по мокрой от слез щеке и вернулся к своей работе. В свое время он тоже восставал против суровой дисциплины, но доверял монахам, и их обещания сбылись. Его тело стало

покорным слугой и делало то, что полагалось, не требуя большего, чем было необходимо для здоровья.

За годы своего пребывания в монастыре группы новичков прибывали в монастырь четыре раза. Сначала почти все были требовательными и испорченными, жаловались на грубую пищу и жесткие постели, плакали от холода. Через год-другой они уходили, научившись выживанию, разобравшись в своем прошлом и приобретя уверенность в будущем. И эти дети, включая изнеженного мальчика, боящегося умереть от холода без мехового плаща, покинут эти стены закаленными и дисциплинированными. Взгляд Эллерта невольно переместился в будущее. Ему хотелось узнать, что станет с ребенком, хотя он понимал, что его сегодняшняя суровость была оправданной…

Внезапно Хастур напрягся, чего не случалось с первого года жизни в монастыре. Он автоматически задышал, чтобы расслабиться, но ужасное видение не покидало его.

«Меня здесь нет. Я не вижу себя в Неварсине в будущем году… Вижу ли я свою смерть, или же мне предстоит покинуть это место? Святой Носитель Вериг, укрепи меня!»

Именно мысль о смерти привела его сюда. Он не был, подобно некоторым из Хастуров, эммаска — ни мужчиной, ни женщиной, долгоживущим, но, как правило, стерильным существом. Хотя в Неварсине были монахи, родившиеся такими, и лишь здесь они нашли способ жить в мире со своей природой. Нет, с самого детства Эллерт сознавал себя мужчиной и воспитывался соответственно, как подобает потомку королевского рода, пятому в линии наследования трона Доменов. Но еще в детстве у него возникли трудности иного рода.

Юноша научился прозревать будущее еще до того, как научился говорить. Однажды он не на шутку испугал отца, обрадовавшись тому, что тот вернулся домой на черной лошади, а не на серой, как собирался сначала.

— Откуда ты знаешь, что я собирался вернуться на серой лошади? — спросил отец.

— Я видел, как ты едешь на серой лошади, — ответил Эллерт. — Твоя переметная сума отстегнулась и упала в пропасть, а ты повернул обратно. А потом увидел, как ты едешь на черной лошади, и все было в порядке.

— Алдонес милосердный! Я действительно едва не потерял переметную суму на перевале. Если

бы это случилось, мне пришлось бы повернуть обратно, почти без еды и питья для долгой дороги!

Очень медленно Эллерт начал осознавать природу своего *ларана*: он видел не одно будущее, единственное и неизменное, но все варианты будущего. Каждый сделанный шаг порождал десяток новых возможностей. В пятнадцать лет, когда он был объявлен мужчиной и предстал перед Советом Семи, чтобы получить татуировку со знаком королевского дома, дни и ночи превратились в настоящий кошмар. На каждом шагу юноша мог видеть перед собой десятки дорог и сотни выборов, порождавших новые возможности. Это сковывало его волю. Он не смел сделать ни одного движения из-за страха как перед известным, так и перед неизвестным и при этом не знал, как избавиться от дара, и не мог жить с ним. Во время тренировочных поединков Эллерт неожиданно замирал, наблюдая во всех подробностях продолжение боя после каждого удара. Его выпад мог обезоружить или убить партнера. Любая контратака противника заканчивалась неудачей Эллерта. Тренировки превратились в настоящее бедствие. В конце концов он мог лишь неподвижно стоять перед учителем фехтования, дрожа как испуганная девушка, не в силах под-

нять меч. *Лерони* его семьи пытались исследовать его разум и показать выход из этого лабиринта, но Эллерта сбивали с толку разные способы, подсказываемые ими, и его растущая тяга к женщинам. В итоге он заперся в своей комнате и отказался выходить, считая себя уродом, безумцем…

Когда Эллерт наконец сподвигся на долгую и пугающую поездку — он видел, как ошибается, делает неверный шаг, сбрасывавший его в пропасть, видел себя убитым, или искалеченным, или бегущим, поворачивающим в обратную сторону. Отец настоятель приветствовал его и спокойно выслушал историю юноши.

— Ты не урод и не сумасшедший, Эллерт, — сказал он. — Но ты страдаешь от тяжелого недуга. Я не могу обещать тебе, что ты найдешь здесь истинный путь или выздоровеешь. Но возможно, мы научим тебя, как можно жить с этим.

— *Лерони* считала, что я могу научиться контролировать дар с помощью матрикса, но я слишком боялся, — признался Эллерт. Впервые он мог свободно говорить о своем страхе. Страх для Хастуров был запретной эмоцией, а трусость — пороком, слишком низменным даже для упоминания.

— Хорошо, что ты убоялся матрикса, — кивнув, заметил отец настоятель. — Он мог бы овладеть

тобою через твой страх. Думаю, мы сможем научить тебя жить без страха, а если не получится, то ты научишься жить со своими страхами. Для начала ты должен понять, что твои страхи принадлежат *тебе*.

— Я всегда знал об этом, — возразил Эллерт. — Я чувствовал себя виноватым, и…

Но старый монах лишь улыбнулся:

— Нет. Если бы ты действительно верил, что это *твои* страхи, то не ощущал бы вины, негодования или гнева. То, что ты видишь, находится вне тебя, вне твоего контроля. Но твой страх — действительно твой. Он принадлежит тебе, как голос, или пальцы, или память, а следовательно, ты можешь его контролировать. Если страх обессиливает тебя, значит, ты еще не признал его частью своего существа и не можешь поступать с ним по своему усмотрению. Ты умеешь играть на рриле?

Изумленный неожиданным поворотом беседы, Эллерт ответил, что в детстве его учили играть на маленькой ручной арфе.

— Поначалу, когда струны издавали не те звуки, которые тебе хотелось услышать, разве ты проклинал инструмент или свои неумелые руки? Однако полагаю, пришло время, когда пальцы

стали послушны твоей воле. Не проклинай *ларан* лишь потому, что сознание еще не научилось владеть им.

Отец настоятель позволил Эллерту немного подумать над своими словами, а затем добавил:

— Варианты будущего, которые ты видишь, приходят извне. Они не являются порождением твоей памяти или твоего страха. Страх возникает в тебе самом, парализуя возможность выбора. Это ты, Эллерт, создаешь страх. Когда ты научишься управлять им, то сможешь безбоязненно смотреть на множество путей и выбирать из них наиболее подходящий. Твой страх подобен неумелой руке на струнах арфы.

— Но что я могу поделать? Ведь я *не хочу* бояться!

— Скажи мне, какие боги поразили тебя страхом, словно проклятием? — серьезно спросил отец настоятель.

Эллерт пристыженно промолчал.

Монах тихо добавил:

— Ты говоришь, что боишься, однако страх — это нечто, сотворенное тобой из-за недостатка воли. Ты научишься смотреть на вещи по-иному и самостоятельно выбирать, когда тебе следует бояться, а когда нет. Но прежде всего ты должен

признать, что страх принадлежит *тебе* и ты можешь управлять им. Начни вот с чего. Когда ты чувствуешь, что твой страх мешает выбору, спроси себя: «Что заставляет меня бояться? Почему я ощущаю, что страх мешает мне, вместо того чтобы ощущать свободу выбора?» Страх должен стать способом подчинения рефлексов нуждам твоего разума. Судя по твоим словам, в последнее время ты избрал полное бездействие, чтобы не произошло ни одно из тех событий, которых ты боишься. Поэтому выбор был сделан не тобою, а твоим страхом. Начни с этого, Эллерт. Я не могу обещать, что избавлю тебя от страха, но обещаю, что придет время, когда ты окажешься победителем и страх не будет сковывать твою волю. — Он улыбнулся. — Ты же пришел сюда, разве не так?

— Я больше боялся остаться, чем прийти, — со вздохом отозвался Эллерт.

— По крайней мере, ты все еще можешь выбирать между большим и меньшим страхом, — заметил отец настоятель. — Теперь ты должен научиться контролировать страх и быть выше его. Настанет день, когда ты поймешь, что он — слуга, подвластный твоей воле.

— Да будет на то Божье соизволение, — прошептал Эллерт.

Так шесть лет назад началась его жизнь в монастыре. Медленно, один за другим, он победил свои страхи и научился управлять потребностями тела, научившись выбирать из устрашающих вариантов будущего один, выглядевший наиболее безопасным. Затем будущее сузилось, и наконец он увидел себя лишь в одном месте, живущим лишь одним днем, выполняющим только самое необходимое: не больше и не меньше.

Но теперь, шесть лет спустя, Эллерт внезапно увидел впереди потрясающий поток образов: путешествие, заснеженные скалы, незнакомый замок, свой старый дом, лицо женщины… Эллерт закрыл лицо руками, поддавшись напору старого, парализующего ужаса.

«Нет! Нет! Не буду! Я хочу остаться здесь, примириться со своей участью. Я не хочу петь чужие песни с чужого голоса…»

В течение шести лет он был предоставлен собственной судьбе. Теперь перед ним снова распахивался внешний мир. Кто-то за пределами монастыря сделал шаг, тем или иным образом вовлекающий его в чужую игру. Снова нахлынули страхи, подавленные годами дисциплины, но Эллерт сумел выстоять, глубоко дыша и думая так, как его учили: «Мой страх принадлежит мне. Я

командую им, и только я могу выбирать…» Хастур снова и снова искал среди теснящихся образов одно будущее, в котором останется простым монахом, живущим в мире с собой, работающим на благо других…

Но такого пути не было, и это кое о чем говорило: что бы ни вмешивалось в его жизнь, он окажется не в силах отказаться от неизбежного. Эллерт долго стоял коленопреклоненным на холодном каменном полу кельи, стараясь заставить разум принять новое знание. В конце концов силы, обретенные в Неварсине, помогли ему совладать со страхом. Когда придется столкнуться с вызовом, он сможет безбоязненно встретить свою судьбу.

К полудню Эллерт просмотрел множество вариантов будущего, которые разворачивались перед ним, разветвляясь в критических точках, и, по крайней мере частично, понял, что его ожидает. Особенно часто он видел лицо отца, попеременно принимавшее сердитое, шутливое и невозмутимо вежливое выражение. Это было первым из предстоявших ему испытаний.

Когда отец настоятель позвал его к себе, он встретил старого монаха, сохраняя полное бесстрастие.

— Твой отец приехал и хочет поговорить с тобой, сын мой. Ты можешь увидеться с ним в северном приделе, в помещении для гостей.

Эллерт на мгновение опустил глаза, но тут же в упор взглянул на своего наставника:

— Отец, должен ли я говорить с ним?

Его голос звучал спокойно, но отец настоятель слишком хорошо знал цену этого спокойствия.

— У меня нет причин отказывать ему, Эллерт.

Эллерт подавил сердитый ответ «зато у меня есть!», уже готовый сорваться с его губ. Тренировка снова одержала верх.

— Большую часть сегодняшнего дня я готовился к этому, — тихо сказал он. — Я не хочу покидать Неварсин. Я обрел здесь мир и полезную работу. Помоги мне найти верный путь, отец настоятель.

Старик вздохнул. Его глаза оставались закрытыми — он мог ясно видеть внутренним зрением, — и Эллерт знал, что сейчас за ним пристально наблюдают.

— Ради твоего блага, сын мой, мне хотелось бы найти такой путь. Ты доволен своей жизнью здесь и даже счастлив, насколько может быть счастлив человек, несущий в себе тяжкое проклятье. Но боюсь, что спокойное время закончилось.

Тебе следует понимать, мальчик, что немногим было даровано столько времени для дисциплины и самопознания; будь благодарен за то, что получил.

«Меня тошнит от благочестивых разговоров о каких-то ношах, возложенных на наши плечи!» Эллерт отмахнулся от гневной мысли, но отец настоятель поднял голову, и его глаза, бесцветные, как металл, встретились с глазами ученика.

— Видишь ли, мой мальчик, на самом деле ты не обладаешь качествами настоящего монаха. С нашей помощью ты до определенной степени научился управлять своими естественными наклонностями, но твой дух мятежен по природе. Он жаждет изменить, что в его силах, а перемены могут происходить только там. — Настоятель указал на мир, распростершийся у подножия скал. — Ты никогда не согласишься остановиться на достигнутом, сын мой. Теперь у тебя есть силы для разумной борьбы, а не для слепых метаний, порожденных страданиями. Ты должен идти, Эллерт, и изменить в мире то, что окажется тебе по силам.

Эллерт спрятал лицо в ладонях. До этого момента он все еще верил, — «как ребенок, как доверчивый ребенок!» — что старый монах об-

ладает некой властью над событиями и поможет избежать неминуемого. Он знал, что шесть лет жизни в монастыре не позволили ему избавиться от этого заблуждения; теперь чувствовал, как исчезают последние остатки детства, и ему хотелось плакать.

— Ты горюешь из-за того, что в свои двадцать три года не можешь остаться ребенком, Эллерт? — с ласковой улыбкой спросил отец настоятель. — Лучше будь благодарен, что после стольких лет обучения ты наконец готов стать мужчиной.

— Подобными речами меня кормили с утра до вечера — я еще недостаточно взрослый и не могу занять свое место в мире. Не хочу слышать их от *вас*, отец, иначе годы, проведенные здесь, покажутся мне сплошным обманом!

— Но когда я говорю, что ты готов встретить будущее как мужчина, я имею в виду не то же самое, что и твой отец, — возразил отец настоятель. — Думаю, ты понимаешь, что я понимаю под зрелостью. Или я ослышался, когда ты сегодня утром утешал и наставлял плачущего ребенка? Не делай вид, будто ты не понимаешь разницы, Эллерт. — Суровый голос смягчился. — Не слишком ли ты гневаешься, чтобы встать на колени и

принять мое благословение?

Эллерт упал на колени и ощутил прикосновение сознания старика к его разуму.

— Святой Носитель Вериг да укрепит тебя для грядущих свершений! Я люблю тебя всем сердцем, но удерживать тебя здесь будет пустой самонадеянностью. Ты слишком нужен тому миру, который пытался отвергнуть.

Когда Эллерт встал, отец настоятель на несколько секунд обнял и поцеловал его.

— Ты получил мое благословение на уход отсюда. Если желаешь, надень мирское платье, прежде чем предстать перед своим отцом. — Старик последний раз прикоснулся к лицу Эллерта. — Мое благословение пребудет с тобою всегда. Возможно, мы больше не встретимся в этом мире, но я буду молиться за тебя во дни, что грядут. Пришли когда-нибудь ко мне своих сыновей, если будет на то твоя воля. А теперь иди.

Отец настоятель сел, надвинув капюшон на лицо, и Эллерт понял, что его присутствие здесь больше не имеет смысла. Его не чувствовали и не замечали.

Хастур не воспользовался разрешением переодеться. Он сердито подумал о том, что остается монахом, и если отцу это не нравится, то он не

сможет надавить на сына. Однако частично его возмущение объяснялось тем, что, обратив мысли в будущее, он не увидел себя в монашеской рясе — ни во внешнем мире, ни здесь, в Неварсине. Неужели он никогда не вернется в Город Снегов?

Шагая к комнате для гостей, Эллерт старательно следил за дыханием, пытаясь успокоиться. Что бы там ни собирался сказать отец, разговор не станет легче, если ссора вспыхнет в самом начале встречи. Он распахнул дверь и вошел в просторную комнату с каменным полом.

В резном кресле возле пылающего камина, жестко выпрямив спину, сидел седой старик. Его пальцы крепко сжимали ручки кресла, на лице лежала печать высокомерия, свойственная Хастурам с равнины. Услышав шелест рясы Эллерта, задевающей за каменный пол, он раздраженно кашлянул:

— Еще один бездельник в рясе? Пришлите сюда моего сына!

— Ваш сын здесь и готов служить вам, *ваи дом*.

Старик изумленно уставился на него:

— Всемогущие боги! Это ты, Эллерт? Как ты осмелился предстать передо мной в подобном обличье?

— Я предстаю таким, какой я есть, сир. Вас разместили с удобствами? Позвольте мне принести вам еду и вино, если пожелаете.

— Меня уже обслужили, — отозвался старик, мотнув головой в сторону подноса и кувшина на столе. — Мне нужно лишь поговорить с тобой, ради этого я и отправился в эту злосчастную поездку.

— Повторяю, сир, я здесь и к вашим услугам. Трудным ли было путешествие? Что побудило вас отправиться в столь долгий путь в зимнее время?

— Ты, — проворчал отец. — Когда ты наконец соберешься вернуться на положенное тебе место, к своему наследию, семье и клану?

Эллерт опустил глаза и сжал кулаки, так что ногти глубоко, до крови, впились в кожу ладони. То, что он увидел в этой комнате за короткие мгновения, прошедшие с начала встречи, наполнило его ужасом. В одном из вариантов будущего, ветвившихся от каждого слова, Стефан Хастур, лорд Элхалин, младший брат Регис II, восседавшего на троне в Тендаре, лежал на каменном полу со сломанной шеей. Эллерт понимал, что закипающий в нем гнев, холодная ярость, которую ощущал к отцу с тех пор, как мог себя помнить,

легко могла вырваться наружу в смертельной атаке. Старик снова заговорил, но Эллерт ничего не слышал, отчаянно пытаясь подчинить себе тело и рассудок.

«Я не хочу наброситься на своего отца и убить его голыми руками! Я не хочу, не хочу! И не буду!»

— Мне очень жаль, сир, но вынужден огорчить вас, — тихо сказал молодой монах, когда к нему вернулось самообладание. — Я полагал, вам известно о моем желании провести всю жизнь в этих стенах, став целителем. В середине лета этого года я собираюсь принести последние обеты, отрекшись от своего имени и наследства, и жить здесь до самой смерти.

— Однажды, в безумии юности, ты вел подобные речи, — глухо произнес *дом* Стефан Хастур. — Но я думал, что, когда твой дух и рассудок исцелятся, это пройдет. Что с тобой стряслось, Эллерт? Ты выглядишь сильным и здоровым. Похоже, эти сумасшедшие христофоро не заморили тебя голодом и вечными молитвами… пока что.

— Разумеется, нет, сир, — спокойно отозвался Эллерт. — Как видите, тело вполне повинуется мне, а разум пребывает в покое.

— Вот как, сын? Тогда я не стану сожалеть о

годах, проведенных тобою здесь. Какими бы методами монахи ни добились этого, я навеки останусь благодарен им.

— Они заслужили вашу благодарность, *ваи дом*, предоставив мне право оставаться в обители, где я спокоен и счастлив.

— Невозможно! Это безумие!

— Могу я спросить почему, сир?

— Я забыл, что ты еще не знаешь. — Лорд Элхалин немного успокоился. — Твой брат Лаурен умер три года назад. Он обладал твоим *лараном*, но в еще худшей форме: не мог отличить прошлое от будущего. Когда на него накатило со всей силой, он замкнулся в себе, перестал разговаривать и реагировать на внешние воздействия. А вскоре умер.

У Эллерта болезненно сжалось сердце. Когда он уехал из дома, Лаурен был еще ребенком. Мысль о страданиях мальчика глубоко опечалила его. С каким трудом ему самому удалось избегнуть подобной участи!

— Мне очень жаль, отец, — сказал молодой монах. — Какая жалость, что вы не послали его сюда! Возможно, он мог бы излечиться.

— Вполне достаточно одного сына-юродивого, — отозвался *дом* Стефан. — Нам не нужны

худосочные сыновья; лучше умереть молодым, чем передать такой дефект своим потомкам. У его величества, моего брата Региса, остался единственный наследник. Его старший сын погиб в бою с захватчиками при Серраисе, а Феликс слаб здоровьем. Я следующий, а за мною — твой брат Дамон-Рафаэль. Ты стоишь в четырех шагах от трона, а старому королю скоро стукнет восемьдесят. У тебя нет сына, Эллерт.

— Ты бы хотел, чтобы я передал по наследству проклятье, которое ношу в себе? — спросил юноша в порыве яростного негодования. — Ты же сказал мне, что Лаурену оно стоило жизни!

— Однако мы нуждаемся в даре предвидения, — возразил Стефан Хастур. — А ты сумел овладеть им. *Леронии* из Хали разработали план закрепления этого дара в нашей линии без отклонений, поставивших под угрозу твой рассудок и погубивших Лаурена. Я пытался говорить об этом с тобой прежде, чем ты оставил нас, но тогда ты был не в состоянии думать о нуждах нашего клана. Мы заключили договор с семейством Эйлардов на брак с представительницей их рода, чьи гены изменены таким образом, что станут доминантными. Поэтому твои дети будут обладать даром предвидения и научатся пользоваться им без

опасности для своей жизни. Ты женишься на этой девушке. У нее также есть две сестры-недестро. *Лерони* из Башни изобрела методику, следуя которой ты станешь отцом единственных сыновей у всех троих. Если эксперимент окажется удачным, твои сыновья получат дар предвидения и смогут управлять им.

Заметив гримасу отвращения на лице Эллерта, старик с яростью спросил:

— Ты что, по-прежнему всего лишь истеричный мальчишка?

— Я христофоро. Первая заповедь Учения Целомудрия гласит: «Не бери женщину без ее желания».

— Сойдет для монаха, но не для мужчины! Однако уверяю тебя, что никто из них не выкажет нежелания, когда ты возьмешь их. Если захочешь, то те двое, которые не будут твоими женами, даже не узнают твоего имени. Сейчас у нас есть снадобья, после которых у них останутся лишь воспоминания о приятно проведенной ночи. И не забудь о том, что каждая женщина мечтает иметь сына от наследника Хастура и Кассильды.

Эллерт страдальчески сморщился:

— Я не хочу обладать женщиной, одурма-

ненной воздействием наркотика, покорной и бессознательной. Нежелание означает не только сопротивление грубому насилию; оно также означает свободу воли для того, кто собирается зачать ребенка. Наркотики уничтожают ее.

— Я бы не стал этого предлагать, — сердито отозвался старик. — Но ты ясно дал понять, что не собираешься добровольно выполнить свой долг перед семьей и кланом. В твоем возрасте Дамон-Рафаэль имел дюжину сыновей-недестро от такого же количества добровольно отдавшихся ему женщин. Но ты… ты, сандаленосец…

Эллерт склонил голову, борясь с инстинктивным гневом, побуждавшим свернуть отцу шею.

— Дамон-Рафаэль достаточно часто высказывался по поводу моего мужского естества, отец. Должен ли я выслушивать то же самое от тебя?

— А что ты сделал, чтобы у меня возникло лучшее мнение о тебе? Где *твои* сыновья?

— Я не согласен с вами, сир, о мужчине не судят лишь по количеству сыновей. Но не буду спорить с вами на эту тему. Я не хочу передавать по наследству проклятие, которое несу в крови. Я кое-что знаю о *ларане* и чувствую, что вы не правы, пытаясь добиться большей силы от моего дара. Вы можете видеть на моем примере, а тем

более на примере Лаурена, что человеческий мозг не способен справиться с таким даром. Вы понимаете, что я имею в виду, когда говорю о генах?

— Ты собираешься учить меня моему делу, юнец?

— Нет, отец, но, со всем уважением к вам, я не собираюсь принимать в этом участие. Если мне когда-либо придется иметь сыновей…

— Здесь нет никаких «если»! Ты должен иметь сыновей!

Голос старика звучал так уверенно, что Эллерт тяжело вздохнул и покачал головой. Отец просто не слышит его. О да, он слышит слова, но не вслушивается, потому что Эллерт не соглашается с кредо лорда Элхалина: первейшая обязанность сына знатного рода — зачинать и воспитывать сыновей, обладающих сказочным даром Хастура и Кассильды, *лараном* великих Доменов.

— Отец, умоляю тебя выслушать меня. — Теперь Эллерт не сердился и не спорил, но лишь отчаянно хотел, чтобы его поняли. — Говорю тебе: от этой генетической программы, превращающей женщин в простые орудия для выведения монстров разума без признаков человечности, нельзя ждать ничего, кроме зла. Я не могу пойти

против своей совести, не могу заниматься этим.

Отец оскалил зубы в хищной улыбке:

— Выходит, ты любитель мальчиков?

— Нет, — ответил Эллерт. — Но я не познал женщины. Если я проклят злым даром…

— Замолчи! Ты поносишь наших великих предков и самого Властелина Света, одарившего их *лараном*!

Юноша снова рассердился:

— Это вы богохульствуете, сир, если считаете, будто богов можно склонять к выполнению человеческих планов.

— Ты, дерзкий… — Отец резко выпрямился, но затем с неимоверным усилием совладал с душившей его яростью — Сын мой, ты молод и связан монашескими предрассудками. Вернись в свой дом, и тогда ты поймешь, что к чему. То, что я прошу от тебя, — справедливо и необходимо для процветания рода Хастуров. Нет, — он жестом принудил Эллерта к молчанию, — ты еще невежествен в этих вопросах, и твое образование должно продолжиться. Мужчина-девственник… — несмотря ни на что, лорд Элхалин не смог скрыть презрения в голосе, — такой мужчина не способен судить здраво.

— Поверьте мне, я не безразличен к женским

чарам, — пробормотал Эллерт. — Но я не желаю передавать по наследству мое проклятие. Не желаю и не буду.

— Этот вопрос не обсуждается, — угрожающе произнес *дом* Стефан. — Ты обязан повиноваться мне, Эллерт. Будет настоящим позором, если моему сыну придется зачать своих сыновей одурманенным, словно упрямой девице, но есть средства, которые вынудят тебя к этому, если не оставишь нам другого выбора.

«Святой Носитель Вериг, укрепи меня! Как мне удержаться и не убить его прямо здесь!»

— Сейчас не время спорить, сын мой, — уже тише продолжал лорд Элхалин. — Ты должен убедиться в том, что твои предрассудки беспочвенны. Я прошу тебя, оденься как подобает мужчине из рода Хастуров. Подготовься к поездке. Ты так нужен нам, дорогой сын… и знаешь ли ты, как мне не хватало тебя?

Неподдельная любовь, прозвучавшая в его голосе, пронзила болью сердце Эллерта. Тысячи детских воспоминаний замелькали перед взором, затуманивая прошлое и будущее. Да, он был пешкой в отцовской игре, но вместе с тем лорд Элхалин искренне любил своих сыновей и действительно опасался за здоровье и рассудок

Эллерта, иначе никогда бы не послал его в монастырь христофоро — последнее место, которое он мог бы считать пристанищем, достойным своего сына. «Я даже не могу ненавидеть его… — подумал Эллерт. — Насколько было бы проще, если бы я мог!»

— Я поеду, отец, — сказал он вслух. — Поверь мне, я не хотел прогневить тебя.

— И я не хотел сердить тебя, мой мальчик. — *Дом* Стефан раскрыл ему объятия. — Знаешь, ведь мы так и не приветствовали друг друга, как родственники. Или эти христофоро обязали тебя отречься от родственных уз, сынок?

Эллерт обнял отца, ощутив костлявую хрупкость стариковского тела и хорошо понимая, что суровость лорда Элхалина была лишь маской, скрывавшей страх перед безжалостным наступлением старости.

— Пусть боги проклянут меня, если я сделаю это, отец, — прошептал он. — Позволь мне идти и приготовиться к поездке.

— Иди, сынок. Когда я вижу тебя в тряпье, не подобающем мужчине, это расстраивает меня больше, чем можно выразить словами.

Эллерт не ответил, поклонился и ушел переодеваться. Да, он поедет с отцом и будет исполнять

роль покорного сына… до определенных пределов. Но теперь он знал, что имел в виду отец настоятель. В мире назрели перемены, и он не может отгораживаться от жизни.

Юноша видел себя скачущим вдаль, видел огромного ястреба, парящего в небе, видел лицо женщины… Женщины. Он так мало знал о женщинах, а теперь они собираются вручить ему не одну, но сразу троих, покорных и безгласных… *этому* он будет противиться изо всех своих сил. Он не станет принимать участия в чудовищной генетической программе Доменов. Никогда! Сняв монашеское одеяние, Эллерт в последний раз преклонил колени на холодных камнях пола кельи.

«Святой Носитель Вериг, укрепи меня и дай вынести испытания…» — пробормотал юноша. Потом встал и переоделся в обычное дворянское платье Доменов, впервые за шесть лет пристегнув меч к поясу.

«Святой Валентин-в-Снегах, да пребудет со мной твое благословение в мире…» — со вздохом прошептал он и в последний раз обвел взглядом свою келью. С горьким внутренним прозрением осознал, что больше не вернется сюда.

4

Червин, маленький дарковерский олень-пони, неторопливо трусил по тропе и время от времени встряхивал рогами, выражая свое негодование из-за возобновившегося снегопада. Они уже спустились с гор; до Хали оставалось не более трех дней пути. Эллерту поездка показалась долгой, гораздо дольше семи дней, которые прошли в действительности. У него возникло чувство, будто он путешествует целые годы, преодолев бесконечные лиги дорог, претерпев жесточайшие невзгоды. Юноша очень устал.

Потребовалась вся его выдержка, приобретенная в Неварсине, чтобы без ужаса преодолеть немыслимую мешанину образов — легионы вариантов будущего, словно дороги, по которым можно отправиться, новые возможности, рожденные каждым словом и поступком. Пока они ехали по опасным горным тропам, Эллерт мог предвидеть каждый неверный шаг, ведущий к падению в пропасть, одновременно с верным шагом, сохранявшим жизнь. В Неварсине он научился преодолевать страх, но бесконечные

усилия истощали и тревожили его.

Присутствовала также другая возможность. Снова и снова за время путешествия Эллерт видел отца умирающим у его ног в какой-то незнакомой комнате.

«Я не хочу начинать жизнь вне монастыря с отцеубийства! Святой Носитель Вериг, укрепи меня!» Юноша сознавал свой гнев, но бездействие из-за страха тоже могло привести к катастрофе.

«Гнев принадлежит мне, — настойчиво напоминал он себе. — Я могу управлять своим гневом и могу воздержаться от убийства». Но видение снова и снова проносилось перед его мысленным взором: он стоял над телом отца, распростершимся на полу комнаты с зелеными портьерами, шитыми золотом, возле огромного кресла, покрытого затейливой резьбой.

Глядя на лицо отца, было трудно удержаться от жалости и ужаса, видя перед собой человека, только что погибшего ужасной смертью. Еще труднее было не показывать свои чувства перед лордом Элхалином.

На время поездки отец оставил презрительные речи о монашеских предрассудках Эллерта и больше не ссорился с ним. Он ласково обращался к сыну, рассказывая в основном о его детстве в Ха-

ли, о временах, когда проклятие еще не поразило Эллерта, или о родственниках и бытовых мелочах. Он поведал о горнорудных работах в Хали, когда сила матриксного круга извлекала железную, медную и серебряную руду на поверхность земли; об экспериментах по выведению новых животных, предпринимаемых его братом, — о ястребах цвета радуги или червинах с фантастическими рогами из драгоценных камней, похожих на волшебных зверей из старых легенд.

День за днем к Эллерту возвращались частицы былой детской любви к отцу — любви тех дней, когда его *ларан* и вера христофоро еще не разделили их. Он раз за разом ощущал муку утраты, созерцая образ проклятой комнаты с зелеными портьерами, огромным резным креслом и побелевшее, заострившееся лицо отца, даже в смерти сохранившее удивленное выражение.

Снова и снова другие лица проплывали перед ним. Большинство из них Эллерт игнорировал, как научился в монастыре, но два или три возвращались с непонятной настойчивостью. Он понял, что это лица тех людей, кто *непременно* войдет в его жизнь. Одно из них принадлежало брату Дамону-Рафаэлю, называвшему его трусом и сандаленосцем. Дамон-Рафаэль был бы только

рад избавиться от соперника, оставшись единственным наследником Элхалина.

«Как бы мне хотелось, чтобы мы с Дамоном-Рафаэлем были друзьями и любили друг друга, как подобает братьям! Однако я не вижу этого ни в одном из возможных вариантов будущего…»

Также перед мысленным взором Хастура вставало лицо женщины, которую он раньше не видел. Маленькая, изящно сложенная, с бледным лицом и черными волосами, похожими на массу литого непрозрачного стекла; печальное, прекрасное лицо с темными глазами, глядевшими на него с безмолвной мольбой. «Кто ты? — спрашивал он. — Зачем являешься мне?»

После лет, проведенных в монастыре, для Эллерта казались странными и чуждыми эротические видения, связанные с этой женщиной. Он видел ее смеющейся, флиртующей, ее лицо с закрытыми глазами приближалось к нему для поцелуя… «Нет! — думал юноша. — Не имеет значения, какое искушение приготовил для него отец с помощью этой женщины. Он не породит ребенка, несущего в крови проклятье гибельного *ларана* ». Однако лицо женщины продолжало появляться, ее присутствие ощущалось во сне и наяву, и он понял: это одна из тех, кого отец вы-

брал ему в невесты. Возможно, мрачно подумал Эллерт, он окажется не способен противостоять ее красоте.

«Я уже наполовину влюбился в нее! — злился юноша. — А ведь я даже еще не знаю ее имени!»

Как-то вечером, когда они спускались в широкую зеленую долину, отец снова заговорил о будущем:

— Перед нами лежит Сиртис. Жители Сиртиса на протяжении столетий были вассалами Хастуров. Там мы ненадолго прервем наше путешествие. Полагаю, ты будешь рад снова поспать в настоящей постели?

— Мне все равно, отец, — рассмеялся Эллерт. — Во время нашей поездки я спал с куда большим комфортом, чем когда-либо в Неварсине.

— Возможно, мне не повредила бы монашеская выносливость, если я хочу, чтобы мои старые кости и дальше выдерживали подобные путешествия, — проворчал старик. — В отличие от тебя буду очень рад мягкой постели. Теперь мы всего лишь в двух днях езды от дома и можем поговорить о твоей свадьбе. В десятилетнем возрасте ты был обручен со своей родственницей Кассандрой Эйлард, не помнишь?

Как Эллерт ни старался, он не мог вспомнить

ничего, кроме праздника, когда его одели в новый костюм и заставили часами слушать длинные речи взрослых. Он сказал об этом отцу, тот пожал плечами:

— Я не удивлен. Наверное, в то время девочки там даже не было. Тогда ей, кажется, исполнилось всего лишь четыре года. Надо признать, я не вполне одобрял этот брак. В жилах Эйлардов течет кровь чири[11], и они производят на свет время от времени дочерей-эммаска — с виду прекрасных женщин, но не способных ни выходить замуж, ни рожать детей. Однако их *ларан* силен, поэтому я решился обручить вас. Когда девочка подросла, я поручил *лерони* из нашего дома обследовать ее в присутствии акушерки. Обе высказали мнение, что Кассандра полноценная женщина и может рожать детей. Я не видел ее с тех пор, когда она была совсем малюткой, но мне говорили, что она выросла красавицей. Эйлларды находятся в союзе с нашим кланом. Нужда в таком браке велика.

Эллерт заставил себя говорить спокойно:

— Ты знаешь мое мнение в этом вопросе, отец. Не буду спорить с тобой, но не изменю свои

[11] notes: 11

Мифические бесполые существа, наделенные психокинетическими способностями.

взгляды. Я не хочу жениться и плодить сыновей с проклятием в крови. Более мне нечего сказать.

И снова перед потрясенным взором юноши возникла комната с зелеными портьерами, обшитыми золотом, мертвое лицо отца… Видение было таким сильным, что ему пришлось несколько раз моргнуть, чтобы разглядеть *дома* Стефана, ехавшего рядом.

— Эллерт. — В голосе старика слышалась теплота. — За время нашего с тобой путешествия я слишком хорошо узнал тебя, чтобы верить подобным речам. В конце концов, ты — мой сын, и когда займешь место, принадлежащее тебе по праву, то быстро избавишься от этих монашеских догм. Давай не будем говорить об этом, пока не настанет срок. Боги знают, у меня нет желания ссориться с сыном, которого они мне подарили.

В горле у Эллерта встал горький комок. «Ничего не поделаешь. Я полюбил своего отца. Неужели в конце концов он сломит мою волю — не насильно, а добротой?» Он снова увидел мертвое лицо отца в комнате с зелеными портьерами, а затем перед затуманившимся взором проплыло лицо темноволосой девушки из его грез.

Замок Сиртиса был древней каменной цитаделью с крепостным рвом и подъемным мостом.

Каменные и деревянные надворные постройки радовали глаз своим мощным великолепием, а сам двор закрывал тент из разноцветного стеклоподобного вещества. Под ногами разбегались мозаичные узоры мостовой, выложенные с искусством и точностью, недоступными обычным мастеровым. Эллерт понял, что обитатели Сиртиса широко пользовались возможностями матрикса для создания великолепных вещей. «Как ему удалось собрать столько людей, одаренных *лараном* и готовых выполнить его волю?»

Старый лорд Сиртис, приземистый и рыхлый мужчина, сам вышел во двор приветствовать своего сюзерена. Вассал упал на колени с раболепной покорностью и поднялся с улыбкой, весьма напоминавшей ухмылку, когда *дом* Стефан заключил его в объятия. Потом лорд Сиртис обнял Эллерта, и тот содрогнулся, почувствовав на щеке мужской поцелуй.

«Фу! Словно домашняя кошка, ластящаяся к хозяину!» *Дом* Мариус провел их в приемный покой, обставленный с роскошью, усадил на мягкие диваны и послал за вином.

— Это новый сорт сидра из наших яблок и груш, вы обязаны его попробовать… Кстати, у меня появилось одно любопытное развлечение, но мы

поговорим о нем после еды.

Дом Мариус расслабленно откинулся на взбитые подушки.

— А это твой младший сын, Стефан? До меня дошли слухи, что он уехал из Хали и стал монахом среди христофоро… в общем, разные глупости. Рад, что это оказалось низкой клеветой; некоторые люди готовы болтать что угодно.

— Можешь быть уверен, родственник, Эллерт — не монах, — ответил *дом* Стефан. — Я дал ему разрешение пожить в Неварсине, чтобы поправить здоровье. В подростковом возрасте он жестоко страдал от пороговой болезни, но теперь мой сын здоров, силен и возвращается домой, чтобы жениться.

— О, вот как? — *Дом* Мариус изучающе посмотрел на Эллерта помаргивающими глазками, утопавшими в складках жира. — Имею ли я счастье быть знакомым с твоей избранницей, мой дорогой мальчик?

— Не больше меня, — неловко отозвался юноша. — Мне сказали, что это моя родственница Кассандра Эйлард; я видел ее лишь однажды, еще ребенком.

— Ах, *домна* Кассандра! — со слащавой ухмылкой воскликнул лорд Сиртис. — Я видел ее

в Тендаре. Она присутствовала на праздничном балу в замке Комин.

«Он всего лишь хочет дать нам понять, какая он важная персона», — с отвращением подумал Эллерт.

Дом Мариус приказал слугам принести ужин. Он следовал недавней моде на слуг-нелюдей — *кралмаков*, искусственным путем выведенных из приматов путем скрещивания с людьми. Гены существ были изменены с помощью матрикса. Эллерту кралмаки казались безобразными, непохожими ни на людей, ни на трейлменов. Трейлмены, странные обезьяноподобные животные, все же обладали красотой, но кралмаки, несмотря на свою несомненно привлекательную внешность, служили для Эллерта олицетворением возмутительного насилия над природой.

— Да, я видел твою суженую. Она столь прекрасна, что даже настоящий монах мог нарушить свои обеты. — Лорд Сиртис хихикнул. — Тебе не придется сожалеть о монастыре, когда ты возляжешь с нею, родственник. Хотя говорят, что все девушки Эйлардов были неудачными женами; некоторые из них бесплодны, точно ришья[12],

[12] notes: 12
Кралмаки женского пола, выведенные для увеселения господ.

а другие так хрупки, что не могут выносить ребенка.

«Он к тому же один из тех, кому нравится кликать беду», — подумал Эллерт.

— Я не слишком тороплюсь получить наследника, — сказал он вслух. — Мой старший брат пребывает в добром здравии и имеет нескольких сыновей-недестро. Я приму ту участь, которую пошлют мне боги. Скажите, а вы выводите кралмаков в собственном поместье? — спросил Эллерт, чтобы сменить тему разговора. — По пути отец рассказал мне об экспериментах моего брата с декоративными червинами, но ваши кралмаки меньше и изящнее тех, которых разводят в Хали. Если мне не изменяет память, наши хороши лишь для чистки конюшен и другой грязной работы, не подобающей для обычных слуг.

«Как быстро я обо всем забыл!» — с мучительным содроганием подумал юноша. В Неварсине учили, что человек не может считать ниже своего достоинства ни одну честную работу, которую он может выполнить своими руками. Но эти слова отвлекли внимание *дома* Мариуса, дав лорду возможность похвалиться успехами:

— У меня есть *лерони* из Риденоу, захваченная в плен на поле битвы. Она искусна в подобных

вещах. По ее разумению, я благородно обошелся с нею, когда заверил, что не буду использовать ее силы против собственного народа, — да и как бы я мог доверять ей в этом случае? Она безропотно согласилась выполнить для меня другую работу. Она вывела этих кралмаков, действительно более изящных и миловидных, чем те, которых мне приходилось видеть раньше. Если желаешь, *дом* Эллерт, я преподнесу тебе несколько породистых самцов и самок в качестве свадебного подарка. Твоей леди, без сомнения, понравятся исполнительные слуги. Кстати, эта *леронии* вывела для меня новую линию ришья; не хотите ли взглянуть, кузен?

Элхалин кивнул. Когда они покончили с едой, обещанные ришья вошли в чертог. Эллерт смотрел на них с отвращением: экзотические игрушки для извращенных вкусов. По облику они были женщинами, изящными и очаровательными, с упругими грудями, едва скрытыми под полупрозрачными одеяниями, но слишком узкобедрыми и длинноногими. Всего их было четверо — две блондинки и две брюнетки, похожие друг на друга как две капли воды. Они одновременно опустились на колени у ног *дома* Мариуса, грациозным движением согнув в поклоне гибкие

шеи, и Эллерт, несмотря на отвращение, ощутил непривычную дрожь желания.

«Во имя преисподен Зандру, как они прекрасны! Прекрасны и неестественны, словно демоны в женском обличье!»

— Поверишь ли ты, кузен, что они были вынашены в чреве кралмаков? Они — плод моего семени и искусства *лерони*. Будь они людьми, какой-нибудь педант мог бы даже назвать их моими дочерями. Разумеется, это лишь добавляет… пикантности. — *Дом* Мариус хихикнул и указал на двойняшек. — Блондинки Лелла и Релла, а брюнетки Риа и Тиа. Они не утомят вас разговорами, хотя умеют говорить и петь. Я также научил их танцевать, играть на рриле, подавать еду и питье, но, конечно же, их основные таланты заключаются в том, чтобы доставлять удовольствие своему повелителю. Они находятся под заклятьем матрикса, чтобы привлекать и очаровывать… Вижу, кузен, что ты уже не можешь отвести от них глаз, — *дом* Мариус издал смешок, — как и твой сын.

Эллерт вздрогнул и сердито отвернулся от нечеловечески прекрасных, возбуждающих похоть существ.

— Кузен, я отнюдь не жаден, — льстиво про-

должал толстяк. — Вы можете насладиться ими сегодняшней ночью. А тебе, юный Эллерт, если ты действительно шесть лет провел затворником в Неварсине, весьма понадобятся их услуги. Я пришлю тебе Леллу, она моя любимица. Ты не поверишь, на что способны ришья — даже самый твердокаменный монах не устоит перед их ласками.

Он пустился в подробные объяснения. Эллерт отвернулся; его лицо пылало.

— Прошу тебя, родственник, не лишай себя услуг фаворитки, — пробормотал он, безуспешно пытаясь скрыть закипающий гнев.

— Вот как? — Заплывшие жиром глазки *дома* Мариуса плотоядно сверкнули. — В самом деле? После стольких лет в монастыре ты предпочитаешь мальчиков? Сам я редко развлекаюсь с мальчиками, но на всякий случай держу несколько штук: некоторым гостям нравится разнообразие. Может быть, послать к тебе Луоя? Он замечательно красивый мальчик. Кстати, все они выведены таким образом, что почти не реагируют на боль, поэтому ты сможешь пользоваться им по своему усмотрению.

— Девушки нас вполне удовлетворят, — быстро сказал *дом* Стефан, заметивший, что Эллерт

готов взорваться. — Благодарю тебя за высокое искусство твоей *лерони*.

Когда они расположились в отведенных им комнатах, *дом* Стефан с яростью набросился на сына:

— Я не позволю тебе опозорить нас отказом от этой любезности! Я не хочу, чтобы в Сиртисе сплетничали о том, что мой сын — не мужчина!

— Он похож на большую жирную жабу! Отец, разве то, что мысль о подобных мерзостях наполняет меня отвращением, делает меня бабой? Мне хотелось швырнуть ему эти грязные подарки прямо в его ухмыляющуюся физиономию!

— Ты начинаешь утомлять меня своими монашескими принципами, Эллерт. *Лерони* совершили одно из лучших своих деяний, когда вывели ришья, и твоя будущая жена не поблагодарит тебя, если ты откажешься иметь хотя бы одну из них при дворе. Неужели ты настолько невежествен, что не знаешь: когда ты делишь ложе с беременной женщиной, у нее может случиться выкидыш? Это часть цены, которую мы платим за *ларан*, с такими трудами передаваемый по наследству. Наши женщины хрупки, поэтому нам приходится избавлять их от супружеских обязанностей практически на весь срок бере-

менности. Если же ты обратишь свое внимание на ришью, то жена не будет ревновать так, как если бы ты одарил своей благосклонностью настоящую девушку, которая может занять место в твоем сердце.

Эллерт опустил голову. На равнинах подобный разговор между старшим и младшим был верхом неприличия.

— Я бы не стал так забываться, Эллерт, если бы ты не выказывал дурацкого упрямства, — продолжал *дом* Стефан уже тише. — Но уверен: ты все-таки мой сын и воспрянешь к жизни, когда в твоих объятиях окажется прекрасная женщина. — Помедлив, он резко добавил: — Можешь не беспокоиться, эти существа стерильны.

«Я ведь могу и не дожидаться комнаты с зелеными портьерами, — подумал Эллерт, содрогаясь от отвращения. — Я могу убить его прямо сейчас». Но отец повернулся и ушел в свои покои.

Укладываясь спать, Эллерт с холодным бешенством думал о том, как далеко зашло разложение его рода. «Мы наследники Властелина Света, в чьих жилах течет кровь Хастура и Кассильды, — как мы дошли до такой жизни? Или это лишь красивая сказка?» Не были ли дары Хастура и Кассильды выдумкой какого-нибудь тщеслав-

ного смертного, копавшегося в генах, клетках мозга, или какой-нибудь колдуньи с матриксом, изменившей наследственность людей так же, как здешняя *лерони* сделала с этими ришья, сотворив экзотические игрушки для развратных мужчин?

«Сами боги, если они действительно существуют, должны возмутиться, глядя на нас!»

Натопленная роскошная комната угнетала Эллерта. Ему хотелось вернуться в Неварсин, к торжественной ночной тишине. Потушив свет, он услышал тихие, почти беззвучные шаги: Лелла, в полупрозрачном одеянии, незаметно кралась к его постели.

— Я пришла сюда ради вашего удовольствия, *ваи дом*.

Лишь глаза выдавали ее нечеловеческую сущность — темно-коричневые звериные глаза, непроницаемые и влажно поблескивавшие.

Эллерт покачал головой:

— Ты можешь идти, Лелла. Сегодня ночью я буду спать один.

Его терзали эротические фантазии — все, что он *мог* сделать с ней, но вместе с тем перед глазами вставали все возможные варианты будущего, бесконечно ветвящийся набор возможностей, берущий начало в настоящем. Лелла опустилась

на край его постели. Ее мягкие, гибкие пальцы, такие нежные, что казались почти бескостными, погладили тыльную сторону его ладони.

— Если я не доставлю вам удовольствия, *ваи дом*, то меня накажут, — умоляюще прошептала она. — Чего бы вы хотели от меня? Я знаю много, очень много способов подарить радость.

Юноша догадался, что отец умышленно подстроил это. Ришья выведены, обучены и закляты таким образом, чтобы их чары были неотразимы. Может быть, *дом* Стефан надеялся, что Лелла разрушит защитные барьеры Эллерта?

— Правда, мой хозяин очень рассердится, если я не смогу доставить вам удовольствия. Может, мне послать за сестрой — той, с темными волосами? Она даже искуснее меня. Или, может, вам доставит удовольствие поколотить меня, лорд? Мне нравится, когда меня бьют, правда нравится!

— Ш-ш-ш! — с досадой прошипел Эллерт. — Кому нужна другая, когда рядом такая красавица, как ты?

И в самом деле: безупречное юное тело, очаровательное маленькое лицо, обрамленное длинными надушенными локонами, — все это выглядело очень соблазнительно. От нее веяло сладковатым, слегка мускусным ароматом. До

того, как Лелла прикоснулась к нему, Эллерт почему-то считал, что от ришья должно пахнуть животным, а не человеком.

«Ее чары уже действуют на меня», — подумал он. Как он мог сопротивляться? Сладостная истома охватила юношу, когда ришья провела кончиком тонкого пальца по его шее от мочки уха до плеча. «Какая разница? Я действительно решил жить без женщины, чтобы не передавать по наследству свое проклятье, но это бедное создание бесплодно, и я не смогу стать отцом ее ребенка, даже если бы захотел. Возможно, когда отец узнает, что я выполнил его волю, он больше не станет оскорблять меня, поверит в мое мужское естество… О Святой Носитель Вериг, укрепи меня! Ведь я всего лишь стараюсь найти оправдание своему желанию! Но почему бы и нет? Почему я должен в одиночку противиться тому, что по праву дано любому мужчине моей касты?» Мысли Эллерта беспорядочно блуждали. Десятки возможных вариантов будущего разворачивались перед ним: в одном он хватал девушку за горло и сворачивал ей шею, как животному, которым она, в сущности, и была; в другом видел себя и девушку сплетавшимися в страстных объятьях, образ разрастался, наполняя его пламенным же-

ланием; в третьем видел ее, лежащую мертвой у его ног… «Так много возможностей, так много смертей и отчаяния…» Судорожно, безнадежно пытаясь вытолкнуть из разума роящиеся видения, он обнял девушку и притянул на постель. В тот момент, когда губы Леллы приблизились к его губам, юношу пронзила горькая мысль: «Какая разница, если рушится вся моя жизнь?»

Он слышал, словно из ниоткуда, ее приглушенные сладострастные стоны. Последней мыслью Эллерта было «по крайней мере, ей это нравится», а потом вообще перестал думать, что явилось для него огромным облегчением.

5

Когда Эллерт проснулся, девушка уже ушла. Некоторое время он лежал неподвижно, полный отвращения к самому себе. «Как не удержаться и не убить этого человека после того, что он со мной сотворил…» Но когда перед глазами Эллерта проплыло мертвое лицо отца в знакомой комнате с зелеными портьерами, он сурово напомнил себе: «Я сам сделал выбор. Он лишь предоставил мне возможность».

Тем не менее, одеваясь и готовясь к предстоящей поездке, юноша продолжал всей душой презирать себя. Этой ночью он узнал о себе кое-что, чего предпочел бы не знать вовсе.

После шести лет в Неварсине для Эллерта не составляло труда жить без мыслей о женщинах. У него никогда не возникало искушения, даже в день празднования середины лета, когда монахам не возбранялось присоединяться к общему веселью и искать в нижнем городе любви или же ее противоположности. Поэтому ему ни разу не приходило в голову, что может оказаться непросто сохранять решимость никогда не жениться и

не зачинать детей, несущих в себе чудовищное проклятье *ларана*. Однако, несмотря на отвращение к такому существу, как Лелла, шесть лет добровольного воздержания были забыты за несколько минут.

«Что со мной стало? Если я в первую же ночь не смог сдержаться…» В роящихся образах будущего появился новый, наиболее тревоживший его: он мог уподобиться старому *дому* Мариусу, отказавшись от брака и удовлетворяя свою похоть с помощью искусственно выведенных самок, если не худшими способами.

Юноша обрадовался тому, что гостеприимный хозяин не появился за завтраком. Ему было тяжело встретиться даже с отцом; видение мертвого, обескровленного лица почти затмило живого человека, склонившегося над тарелкой с овсяной кашей. Ощущая невысказанный гнев сына (Эллерту было интересно, не получил ли его отец подробного отчета от слуг, не унизился ли до подтверждения его мужской силы из уст самой Леллы), *дом* Стефан хранил молчание до тех пор, пока они не покончили с завтраком.

— Мы оставим верховых животных здесь, сынок, — сказал он, когда они надели дорожные плащи. — *Дом* Мариус любезно предложил нам

аэрокар, который доставит нас прямо в Хали, а слуги через пару дней доставят нашу поклажу. Ты не летал на аэрокаре с самого раннего детства, не так ли?

— Не помню, приходилось ли мне вообще летать на них, — признался Эллерт, заинтересованный против своей воли. — И уж конечно, в те времена они были большой редкостью.

— Разумеется, это и сейчас большая редкость. Игрушки для богачей, управляемые опытными пилотами, одаренными *лараном*. В горах они бесполезны; встречные воздушные течения и ветра разобьют о скалы любой механический аппарат тяжелее воздуха. Но здесь, на равнинах, они относительно безопасны, и думаю, полет доставит тебе немалое удовольствие.

— Должен признать, я весьма заинтересован, — отозвался Эллерт, подумав о том, что *дом* Мариус, очевидно, решил не жалеть усилий, чтобы ублажить сюзерена. Сперва он предоставил в его распоряжение своих любимых ришья, а теперь еще и это! — Но я слышал, что эти устройства и здесь не слишком безопасны. Пока между Элхалином и Риденоу идет война, их легко атаковать как с земли, так и с воздуха.

Дом Стефан пожал плечами:

— Все мы обладаем *лараном*. И сумеем охладить пыл любого, кто осмелится напасть на нас. Возможно, после шестилетнего пребывания в монастыре твои боевые навыки успели слегка заржаветь, особенно в том, что касается мечей и стрел, но не сомневаюсь в твоей способности нанести удар *лараном*. — Старик с хитринкой посмотрел на сына и добавил: — Или ты собираешься доказать мне, будто монахи сделали тебя столь миролюбивым, что теперь ты не станешь защищать даже свою жизнь и жизнь родственников, Эллерт? Кажется, я припоминаю, что в детстве ты был трусоват для честной драки.

«Да, ибо в каждом ударе я видел смерть или увечье для себя или своего противника. И с твоей стороны жестоко попрекать меня детской слабостью, в которой не было моей вины. Лишь твой проклятый наследственный дар тому виною…» Эллерт заставил себя не обращать внимания на мертвое лицо отца, продолжавшее стоять перед глазами, застилая живой образ.

— Пока я жив, я буду защищать своего отца и повелителя, — поклялся он — Пусть боги покарают меня самыми страшными муками, если я дрогну или убоюсь битвы.

Пораженный, неожиданно обрадованный

добротой, прозвучавшей в голосе Эллерта, лорд Элхалин обнял сына.

— Прости меня за недостойные слова, мой дорогой мальчик, — хрипло сказал он. — Мне не следовало беспричинно обвинять тебя.

Эллерт почувствовал, как к глазам подступили слезы. «Да смилуются надо мной боги! Отец не жесток, а если и кажется жестоким, то лишь из-за страха за меня… На самом деле он добр ко мне…»

Аэрокар, длинный, обтекаемой формы, был сделан из какого-то прозрачного материала. Вдоль фюзеляжа шли декоративные серебряные полосы, просторная четырехместная кабина была открыта всем ветрам. Кралмаки выкатили аппарат из-под навеса на мостовую внутреннего двора. Механик, гибкий молодой человек с копной рыжих волос, указывавшей на происхождение из мелкого дворянского рода в Холмах Киллгард, приблизился к ним и отвесил короткий поклон. Это был чисто поверхностный знак уважения; опытнейший эксперт в своем ремесле, он не имел нужды проявлять почтительность к другим людям, даже к брату короля.

— Меня зовут Кайринн, *ваи дом*. Мне дано поручение доставить вас в Хали. Пожалуйста, займите ваши места.

Механик предоставил кралмакам поднять *дома* Стефана в кабину и закрепить пристежные ремни, но остановился возле Эллерта перед тем, как занять собственное место.

— Вы когда-нибудь летали на аэрокаре, *дом* Эллерт? — спросил он.

— Нет, с тех пор, как помню себя. Скажите, он управляется матриксом, с которым может справиться лишь один пилот? Это кажется совершенно невероятным.

— Не совсем. — Кайринн улыбнулся и показал вниз: — Здесь находятся батареи, заряженные энергией, которая запускает турбины. Чтобы поднять в воздух такой аппарат и управлять им, действительно требуется сил больше, чем хватит у одного человека. Но батареи заряжены в матриксном круге, и мой *ларан* в настоящий момент нужен лишь для того, чтобы держать курс и маневрировать… а также для того, чтобы заметить возможную атаку и уклониться от нее. — Его лицо сделалось печальным. — Я не хочу нанести обиду своему верховному лорду, и мой долг обязывает меня выполнить порученное дело, но все же… вы обладаете *лараном*?

При этих словах Эллерт понял, что его беспокоило. Он внезапно увидел, как аэрокар взрывается

на лету, разлетается на куски, падает на землю дождем пылающих обломков… Было ли это лишь отдаленной возможностью или одним из реальных вариантов будущего? Он не знал ответа.

— Я обладаю *лараном* в достаточной мере, чтобы не доверять своим силам, когда дело касается незнакомых вещей, — осторожно ответил юноша. — Отец, скорее всего на нас будет совершено нападение. Ты знаешь об этом?

— *Дом* Эллерт, — вежливо вмешался Кайринн. — Эта «незнакомая вещь» является самым безопасным средством передвижения, когда-либо изобретенным с помощью технологии звездных камней. Вы были бы уязвимы для внезапного нападения, если бы отправились в утомительное трехдневное путешествие верхом отсюда до Хали; на аэрокаре вы прибудете туда до обеда, а чтобы атаковать нас, противник должен с большой точностью предугадать наш маршрут. Далее, проще защититься *лараном*, чем оружием. Я предвижу время, когда все Одаренные Семьи Дарковера получат в свое распоряжение силы и устройства, способные защитить их от завистливых недругов или мятежных вассалов. Тогда войны прекратятся навсегда, ибо никто в здравом уме не рискнет выпустить на свободу такие средства уничтоже-

ния. «Незнакомые вещи», подобные этой, *ваи дом*, сейчас могут казаться лишь дорогостоящими игрушками для богатых людей, но они приведут нас к эпохе мира и процветания.

Он говорил с такой убежденностью и энтузиазмом, что Эллерт засомневался в собственном видении ужасных войн с применением еще более ужасного оружия. Должно быть, Кайринн прав. Такое оружие должно удержать здравомыслящих людей от развязывания войн. Поэтому тот, кто изобретает самое мощное оружие, работает на благо мира.

— Алдонес, Властелин Света, даровал тебе способность убеждения, Кайринн, — заметил юноша, заняв свое место — Теперь давайте посмотрим, как работает это чудо.

«Я видел много возможных вариантов будущего, так и не воплотившихся в действительности. А сегодня утром обнаружил, что все-таки люблю своего отца. Я не убью его, как не свернул шею той бедной маленькой ришьи вчера ночью. Я не боюсь нападения, но буду начеку и постараюсь извлечь побольше удовольствия из этого нового способа путешествовать».

Кайринн показал Эллерту, как пристегнуть ремни, которые будут удерживать его на сиденье,

если машина попадет в шторм, и оптическое устройство на шарнире с выдвижной панелью увеличительного стекла, дающее возможность мгновенно заметить любую угрозу.

Юноша внимательно выслушал ларанцу. Потом механик занял свое место, пристегнулся, нагнул голову и сосредоточился. Вскоре раздался рев турбин, питавшихся от электрических батарей. Эллерт достаточно практиковался в детстве на крошечных планерах, парящих в воздушных потоках над озером Хали и управляемых маленькими матриксами. Он был знаком с элементарными принципами пилотажа, но ему казалось невероятным, что матриксный круг, группа тесно связанных между собой телепатических разумов, может зарядить батареи огромной энергией, достаточной для питания мощных турбин. Однако *ларан* мог быть силен, а матрикс усиливал электрические токи тела и мозга в сотни, тысячи раз. Эллерт мимолетно подумал о том, сколько разумов и в течение какого времени трудились над зарядкой этих батарей. Ему хотелось спросить Кайринна, почему подобные аппараты нельзя было приспособить для передвижения по земле, однако он боялся нарушить сосредоточенность ларанцу. А вскоре и сам сообразил, что для

этого необходимо строительство дорог. Возможно, когда-нибудь дороги станут практичными, но в сильно пересеченной местности к северу от Холмов Киллгард наземное передвижение еще долго будет ограничено пешими и верховыми переходами.

Набирая скорость, аэрокар покатился по взлетной полосе, залитой стекломатериалом, судя по всему расплавленным все тою же мощью матрикса. Потом они неожиданно оказались в воздухе, стремительно поднимаясь над вершинами деревьев. Облака приближались с поразительной быстротой, от которой у Эллерта перехватило дыхание. Повинуясь манипуляциям Кайринна, аэрокар плавно развернулся и полетел над дальними лесами к югу от Сиртиса.

Они летели довольно долго. Ремни, стягивавшие тело, начали утомлять Эллерта, и он задумался над тем, нельзя ли немного ослабить их, когда внезапное ощущение опасности наполнило тело незнакомым восторженным волнением с легким привкусом страха.

— Нас преследуют! Они собираются атаковать нас!

— Взгляни на запад, Эллерт!

Прищурившись, Эллерт посмотрел в указанном

направлении. Там мелькали маленькие темные силуэты — один, другой, третий… неужели планеры? Если так, то аэрокар без труда уйдет от преследования. Руки Кайринна двигались быстро и уверенно, разворачивая воздушную машину перед маневром уклонения. На какой-то момент показалось, что их не станут преследовать, но потом один из силуэтов — «Это не планеры! Может быть, ястребы?» — взмыл вверх, поднимаясь все выше и выше. Это в самом деле был ястреб, но Эллерт ощущал человеческий разум, наблюдающий за ними со злобой и недоброжелательством. Ни у одного ястреба нет глаз, сияющих как огромные самоцветы.

«Нет, это не обычная птица!» Он с растущим беспокойством наблюдал за ястребом, поднимавшимся все выше и выше на мощных крыльях.

Внезапно от птицы отделилась сверкающая капля. Видение Эллерта раньше, чем мысль, показало, что произойдет, если эта смертоносная искра, отливающая стеклянным блеском, попадет в аппарат. Машина взорвется, распадется на куски, причем каждый кусок будет покрыт клингфайром, жидким огнем, прилипающим ко всему, чего он касался, прожигающим металл, стекло, плоть и кость…

Эллерт схватился за матрикс, висевший на шее, и трясущимися пальцами развернул защитную шелковую ткань. «Так мало времени…» Сфокусировавшись на глубинах самоцвета, он направил осознание времени на замедление полета сверкающей стрелы, словно зажимая невидимыми пальцами. Медленно, медленно, осторожно… Нельзя сломать смертоносную стрелу, пока обломки могут упасть на аэрокар и впиться в металл полыхающей яростью клингфайра. В замедлившемся сознании прокручивались варианты будущего. Он видел взрывающийся аэрокар, отца, корчащегося на сиденье с объятыми пламенем волосами, Кайринна, вспыхнувшего подобно живому факелу… но ничто из этого не должно случиться!

С бесконечной тщательностью его разум фокусировался на пульсирующих огоньках матрикса. Закрыв глаза, Эллерт манипулировал стеклянистой формой, отклоняя ее от аэрокара. Юноша ощущал сопротивление и понимал, что тот; кто направил устройство, борется за контроль над ним. Словно его руки пытались удержать скользкое и увертливое живое существо, а противник освобождал его, по одному разжимая пальцы Эллерта.

«Кайринн, быстро подними аппарат выше, чтобы снаряд взорвался под нами!»

Эллерта прижало к сиденью, когда аэрокар круто взмыл вверх, набирая высоту. Краем глаза он заметил безвольно осевшее тело отца — «он стар и может не вынести такой перегрузки…» — но основная часть сознания по-прежнему сосредоточивалась на силовых тисках, отчаянно цеплявшихся за ускользающую смертоносную стрелу. Они уже почти вне опасности…

Снаряд взорвался с жутким грохотом, который, казалось, разметал на части пространство и время. Эллерт поспешно оттянул свое сознание из области взрыва, но ощущение ожога отдавалось в его руках пульсирующей болью. Он позволил себе открыть глаза и увидел, что устройство взорвалось в нескольких десятках метров под ними. Клингфайр падал, зажигая леса внизу. Но один кусок оболочки снаряда все же взлетел вверх, по касательной задев аэрокар. Тонкая пленка огня распространялась вдоль края кабины, приближаясь к тому месту, где без сознания лежал старый лорд Элхалин.

Эллерт с трудом поборол первое побуждение: перегнуться через край и сбить огонь голыми руками. Клингфайр нельзя потушить таким обра-

зом — даже капля жидкого огня прожжет одежду, плоть и кость, словно тонкую бумагу. Он снова сосредоточился на матриксе — не было времени доставать огненный талисман, об этом следовало позаботиться заранее! — призвав собственное пламя и обрушив его на клингфайр. На какой-то момент языки пламени с ревом взметнулись вверх, но затем огонь угас со слабым шипеньем.

— Отец! — крикнул Эллерт. — Ты ранен?

Дом Стефан отнял от лица трясущиеся руки. Тыльная сторона ладоней и один мизинец почернели от ожога, но более серьезных повреждений не было заметно.

— Да простят меня боги за то, что я сомневался в твоем мужестве, Эллерт, — слабым голосом произнес старик. — Ты спас нас всех. Боюсь, я сам уже слишком немощен для подобных схваток.

— *Ваш дом* ранен? — спросил Кайринн, не отрываясь от рычагов управления. — Смотрите, они бегут!

В самом деле: низко над горизонтом Эллерт мог видеть маленькие, быстро удалявшиеся силуэты. Может быть, враги наложили на настоящих птиц заклятье матрикса и снабдили их чудовищным оружием? Или же то были генетически выведенные мутанты, не более напоминающие птиц,

чем кралмаки напоминают людей? Или какие-то непонятные, управляемые матриксом механические устройства, несущие смертоносные заряды? Эллерту не хотелось гадать, а состояние его отца казалось настолько серьезным, что он даже и не подумал преследовать нападавших.

— Отец в шоке и немного обгорел! — воскликнул юноша. — Как скоро мы будем на месте?

— Очень скоро, *дом* Эллерт. Я уже вижу озеро. Вон, внизу…

Аэрокар описал круг, и Эллерт увидел береговую линию. Пески, сверкающие словно россыпи самоцветов, покрывали священные берега Хали. «Легенда гласит, что пески стали драгоценными с того самого дня, как по ним прошел Хастур, сын Света…» Странные, почти незаметные волны непрестанно набегали на побережье и откатывались назад. К северу вздымались сверкающие башни Великого Замка Элхалина, а вдалеке виднелся силуэт Башни Хали, отбрасывавший призрачно-голубые отблески.

Когда Кайринн направил воздухоплавательный аппарат вниз, Эллерт расстегнул удерживавшие его ремни и пододвинулся к отцу. Он осторожно взял его обожженные руки в свои и сосредоточился на матриксе, стараясь оценить

степень ожога с помощью внутреннего зрения. Повреждение в самом деле оказалось незначительным, но старый лорд был в шоке, и его сердце учащенно, беспорядочно билось, реагируя скорее на страх, чем на боль.

Внизу Эллерт видел слуг, носящих цвета Хастуров, бежавших по летному полю навстречу спускающемуся аэрокару. Он продолжал удерживать руки отца, выталкивая из разума все, что показывал ему ужасный дар предвидения. «Образы, но все они ложные… Аэрокар не взорвался, мы не сгорели… То, что я вижу, не обязательно происходит — оно лишь может произойти…»

Аэрокар коснулся земли.

— Позовите телохранителей лорда! — крикнул Эллерт, перекрывая стихающий гул турбин. — *Дом* Стефан ранен; его нужно нести.

Взяв отца на руки, он опустил старика в протянутые руки слуг, затем сам спрыгнул на землю. Откуда-то послышался знакомый голос, ненавистный еще с детских лет.

— Что с ним случилось, Эллерт? — спросил Дамон-Рафаэль. — Вас атаковали в воздухе?

Эллерт сухо описал происшествие, не вдаваясь в подробности. Брат кивнул:

— Это единственный способ бороться с по-

добным оружием. Значит, враги использовали ястребов? Раньше они один-два раза посылали их на нас, но сумели лишь сжечь фруктовый сад; помнится, в том году был неурожай.

— Во имя всех богов, брат, кто эти люди из Риденоу? Могут ли они происходить от Хастура и Кассильды, если посылают на нас такие творения *ларана*?

— Жалкие выскочки! — пренебрежительно ответил Дамон-Рафаэль. — Поначалу они разбойничали в Драйтауне, а потом перебрались в Серраис и заставили старые семьи города отдавать им в жены своих женщин. Некоторые старые семьи в Серраисе обладали сильным *лараном*, и теперь ты можешь видеть результат. Риденоу наглеют год от года. Сейчас они поговаривают о перемирии, и думаю, нам следует заключить с ними мирный договор. Эта борьба не может длиться вечно. Но их условия бескомпромиссны: они хотят безраздельно владеть Доменом Серраиса и заявляют, что с их *лараном* имеют право на это. Но сейчас не время говорить о войне и политике, брат. Что с отцом? Кажется, он ранен не слишком опасно? Все равно, нужно немедленно позвать целительницу. Пойдем!

Дома Стефана уложили на широкую скамью в

приемном покое. Целительница уже стояла на коленях рядом с ним, нанося мазь на обожженные пальцы и забинтовывая их мягкой тканью. Другая женщина поднесла к губам старого лорда кубок с вином. Он протянул руку к своим сыновьям, поспешившим на зов. Дамон-Рафаэль преклонил колени у изголовья. Эллерту казалось, будто он смотрит в размытое зеркало. Дамон-Рафаэль, родившийся на семь лет раньше его, был немного выше, немного тяжелее, светловолосым, как и он, и сероглазым, как все Хастуры из Элхалина. На его лице уже лежала печать прошедших лет.

— Хвала богам, что мы целы, — сказал *дом* Стефан. — За это тебе следует поблагодарить своего брата, Дамон. Это он спас нас.

— Я всегда рад видеть его в родных стенах. — Дамон-Рафаэль повернулся и по-родственному обнял брата. — Добро пожаловать, Эллерт. Надеюсь, ты вернулся к нам здоровым и избавившимся от болезненных фантазий, свойственных тебе в детстве.

— Ты ранен? — спросил *дом* Стефан, с тревогой глядя на Эллерта. — Тебе было больно, я видел.

Эллерт вытянул руки перед собой и посмотрел на них. Огонь не коснулся его физически,

но мысленное прикосновение к взорвавшемуся устройству отдалось в теле, возбудив болезненную пульсацию. Красные пятна ожогов покрывали ладони до запястья, но боль, хотя и жгучая, казалась лишь отголоском недавнего кошмара. Он сфокусировал на ней сознание. Боль уменьшилась, и багровые отметины начали бледнеть.

— Позволь мне помочь тебе, брат, — попросил Дамон-Рафаэль. Взяв пальцы Эллерта, он сосредоточился. Под его прикосновением следы ожогов совершенно исчезли, кожа приобрела нормальный оттенок. Лорд Элхалин улыбнулся.

— Я доволен, — сказал он. — Мой младший сын вернулся домой настоящим воином, и теперь старший и младший стоят вместе, как подобает братьям. Сегодня Эллерт действовал молодцом, и я благословляю…

— Отец! — Эллерт бросился вперед, когда голос *дома* Стефана внезапно пресекся на высокой ноте, а затем перешел в хрип. Старик задыхался. Его лицо потемнело и искривилось от судорог. Потом он обмяк, соскользнул на пол и замер.

— О, отец! — прошептал Дамон-Рафаэль. Охваченный мертвящим ужасом, Эллерт поднял голову и впервые разглядел то, что упустил из виду в первые суматошные мгновения: зеленые

портьеры, обшитые золотом, огромное резное кресло в дальнем конце зала.

«Так, значит, мой отец умер в собственном доме, а я даже не знал этого, пока не стало слишком поздно… Мое предвидение было верным, но я неправильно истолковал причину… Даже знание будущего не помогает предотвратить его…»

Дамон-Рафаэль опустил голову, содрогаясь от беззвучных рыданий.

— Он умер, — прошептал он, протянув руки к Эллерту. — Наш отец ушел к Свету.

Братья обнялись. Эллерт весь дрожал от потрясения, вызванного внезапным и реальным повторением картины, столь часто представавшей перед его внутренним взором.

Повсюду слуги один за другим преклоняли колени и поворачивались к братьям. Дамон-Рафаэль, с окаменевшим от горя лицом, усилием воли совладал с подступавшими рыданиями и гордо выпрямился, слушая ритуальную формулу:

— Наш лорд умер. Многие лета новому лорду!

Эллерт тоже преклонил колени и, как было положено по закону, первым принес присягу на верность новому верховному лорду Элхалина, Дамону-Рафаэлю.

6

Стефан, лорд Элхалин, упокоился на древнем кладбище у берегов Хали. Весь род Хастуров из Нижних Доменов, от Эйлардов из Валерона до Хастуров из Каркосы, пришел воздать ему последние почести. Король Регис, согбенный от старости и выглядевший слишком немощным даже для верховой езды, стоял рядом с могилой младшего брата, тяжело опираясь на руку своего единственного сына.

Феликс, наследник трона Тендары и короны Доменов, подошел обнять Эллерта и Дамона-Рафаэля, называя их «дорогими кузенами». Феликс был изящным, женственным молодым человеком с золотистыми волосами и бесцветными глазами. Вытянутое узкое лицо и тонкие запястья указывали на присутствие крови чири. После чтения отходных молитв последовала пышная церемония похорон. Затем старый король, сославшись на возраст и слабое здоровье, уехал домой, но Феликс остался, тем самым оказывая честь новому лорду Элхалину, Дамону-Рафаэлю.

Даже лорд Риденоу прислал гонца из Серрaиса,

предлагая непрошеное перемирие сроком дважды по сорок дней.

Эллерт, пригласивший гостей в зал, неожиданно заметил знакомое лицо, хотя никогда не видел его раньше. Темные волосы, словно грозовое облако под голубой вуалью; серые глаза, полускрытые такими густыми и длинными ресницами, что казались черными, как глаза животного. Глядя на женщину, чье лицо преследовало его в течение многих дней, Эллерт ощутил странное стеснение в груди.

— Приветствую тебя, родич, — вежливо сказала она, но юноша не смог опустить глаза, как того требовал обычай в обществе незнакомой незамужней женщины.

«Я хорошо знаю тебя. Ты являлась ко мне во снах и наяву, и я уже более чем наполовину влюблен в тебя…» Эротические образы, неподобающие для этого места и времени, смущали Эллерта, и он безуспешно боролся с ними.

— Родич, — снова произнесла красавица. — Почему ты так странно смотришь на меня?

Кровь бросилась Эллерту в лицо. Конечно же было невежливо так смотреть на незнакомку. Он внутренне содрогнулся при мысли, что она может обладать *лараном*, может различить своим

внутренним зрением мучившие его образы.

— Но мы не совсем чужие друг для друга, дамисела[13], — хрипло ответил молодой человек, овладев собой. — И если мужчина смотрит своей нареченной прямо в лицо, это нельзя назвать невежливостью. Я Эллерт Хастур, и вскоре я стану твоим мужем.

Кассандра подняла глаза и без колебания ответила на взгляд, но в ее голосе слышалось напряжение.

— Значит, вот в чем дело? Однако же я с трудом могу поверить, что ты носил мой образ в памяти с тех пор, как последний раз видел мое лицо. Тогда я была четырехлетней девочкой. А еще я слышала, Эллерт, что ты уединился в Неварсине; что был болен или сошел с ума; что пожелал остаться монахом и отрекся от наследства. Выходит, то пустые слухи.

— Это правда, что какое-то время я имел подобное намерение. Шесть лет я жил в монастыре Святого Валентина-в-Снегах и с радостью остался бы там.

«Если я полюблю эту женщину, то уничтожу ее… Она родит мне детей-чудовищ… Умрет, вына-

---

[13] notes: 13
Уважительное обращение к женщине.

шивая их… Благословенная Кассильда, праматерь Доменов, позволь мне не видеть свою судьбу, раз я так мало могу сделать, чтобы избежать ее!»

— Я не болен и не сумасшедший, дамисела. Тебе не следует бояться меня.

— Действительно, — согласилась молодая женщина, снова встретившись с ним взглядом. — Ты не выглядишь больным, лишь очень обеспокоенным. Значит, мысль о нашем браке тревожит тебя, кузен?

— Может быть, это волнение при виде красоты и достоинства, дарованного мне богами в лице моей невесты? — с нервной улыбкой отозвался Эллерт.

— О! — Кассандра нетерпеливо покачала головой. — Сейчас не время для льстивых речей, родич. Или ты один из тех, кто считает, женщин можно соблазнить парочкой вовремя сказанных комплиментов?

— Поверьте, леди Кассандра, я не хотел показаться невежливым. Но меня учили, что человеку не подобает делиться своими тревогами и страхами, если они неопределенны.

И снова прямой взгляд больших глаз, обрамленных темными ресницами.

— Страхи, кузен? Но я безвредна, как ребенок!

Лорд из рода Хастуров ничего не боится и уж конечно не станет опасаться своей нареченной.

Он вздрогнул, словно от удара плетью.

— Хочешь узнать правду, леди? Я обладаю странной формой *ларана*. Это не просто предвидение. Я вижу не только события, которые *произойдут*, но и события, которые *могут произойти*. Я вижу одновременно победу и поражение. Иногда я не могу сказать, какие из вариантов будущего порождаются реальными причинами, а какие — моими страхами. Чтобы преодолеть это, я и отправился в Неварсин.

Эллерт услышал ее резкий, свистящий вздох.

— Помилуй, Аварра, что за проклятье! И ты все-таки справился с ним, родич?

— До некоторой степени, Кассандра. Но когда я обеспокоен или не уверен в своих силах, оно снова обрушивается на меня, поэтому я вижу не только радость в браке с такой женщиной, как ты.

Подобно острой физической боли, Эллерта резануло осознание всех тех радостей, которые они *могли бы* познать, если бы он смог заставить ее ответить на его любовь… Он с силой захлопнул потайную дверь, закрыв свой разум от непрошеных мыслей. Перед ним стояла не ришья, которую

можно было взять бездумно, ради минутного удовольствия!

— Я также вижу все горе и страдание, которое может нас постигнуть, — хрипло продолжал он, не сознавая, как холодно и отчужденно звучит его голос. — И пока я могу видеть путь через ложное будущее, порожденное моими страхами, я не способен радоваться мысли о браке. Не сочтите это грубостью, моя леди.

— Я рада, что ты сказал об этом, — тихо отозвалась Кассандра. — Наверное, ты знаешь, что мои родственники рассержены из-за того, что наш брак не состоялся два года назад, когда я достигла совершеннолетия. Они решили, будто ты оскорбил меня, оставшись в Неварсине. Теперь они хотят быть уверенными в том, что ты женишься на мне без дальнейших отсрочек. — В ее глазах блеснул озорной огонек. — Они не дадут ни секела[14] за мое супружеское счастье, зато постоянно напоминают мне о том, как близко ты стоишь к трону, как мне повезло и как мне следует опутать тебя своими чарами, чтобы ты не ускользнул от меня. Они нарядили меня как куклу, покрыли волосы серебряной сеточкой и

---

[14] notes: 14
Мелкую монету.

увешали драгоценностями, как будто выставляют на продажу. Я почти ожидала, что ты откроешь мне рот и пересчитаешь зубы. Надо же убедиться в качестве товара!

Эллерт не мог удержаться от смеха.

— Пусть твои родственники не беспокоятся на этот счет, леди. Ни один мужчина не сможет найти в тебе малейшего изъяна.

— Однако он есть, — бесхитростно ответила Кассандра. — Они надеялись, что ты не заметишь, но я не собираюсь скрывать его от тебя.

Она протянула ему руки. Узкие, длинные пальцы были унизаны сверкающими кольцами. Однако на каждой руке было по шесть пальцев, и, когда взгляд юноши остановился на шестом, Кассандра густо покраснела.

— *Дом* Эллерт, прошу тебя не смотреть на мое уродство, — торопливо прошептала девушка.

— Мне это не кажется уродством, — возразил Эллерт. — Ты играешь на рриле? Думаю, тебе удается брать аккорды с большей легкостью, чем другим.

— В общем-то так и есть…

— Тогда давай больше никогда не думать об этом как об изъяне или уродстве, — предложил он, припав губами к изящной шестипалой ру-

ке. — В Неварсине я видел детей с шестью или семью пальцами, причем дополнительные пальцы были бескостными или не имели сочленений и не гнулись. Но, насколько вижу, твои пальцы совершенно нормальны. Кстати, я тоже немного обучен музыке.

— В самом деле? Это потому, что ты был монахом? У большинства мужчин за бранными потехами не хватает терпения или времени учиться подобным вещам.

— Я скорее предпочел бы быть музыкантом, чем воином, — отозвался Эллерт, снова приникнув губами к узким пальцам. — К счастью, боги даровали нам несколько мирных дней, чтобы мы могли слагать песни, а не воевать.

Но когда Кассандра улыбнулась, не отнимая руки, он заметил, что Ясбет, леди Эйлард, смотрит на них так же пристально, как и его брат Дамон-Рафаэль. Они выглядели такими довольными, что Эллерта замутило. Манипулировали им, собирались подчинить своей воле, не беря в расчет его чувств! Юноша выпустил руку Кассандры так, словно она обожгла ему губы.

— Могу я проводить вас к вашим родственникам, дамисела?

Вечер продолжался. Празднество было пыш-

ным, но не мрачным: старый лорд обрел вечный покой, зато оставил крепкого наследника, готового служить процветанию Доменов.

Дамон-Рафаэль подошел к своему брату. Эллерт заметил, что он оставался вполне трезвым.

— Завтра мы поедем в Тендару, где меня посвятят в сан Лорда Домена. Ты поедешь с нами, брат: будешь управляющим Элхалина и душеприказчиком. У меня нет законных сыновей, лишь недестро, а они не узаконят наследника-недестро до тех пор, пока не станет ясно, что Кассильда не принесет мне детей.

Он посмотрел через зал на свою жену. В холодном взгляде читалась затаенная горечь. Кассильда Эйлард-Хастур была бледной, хрупкой женщиной с болезненно-желтоватой кожей и усталым лицом.

— Домен будет в твоих руках, Эллерт, и в определенном смысле я отдаюсь на твою милость. Как там говорится в поговорке? «Без брата и спина не прикрыта».

Эллерт задумался. Как, во имя всех богов, два брата могли остаться друзьями или хотя бы сохранять нейтралитет при жесточайших законах наследования? У него не было честолюбивых помыслов. Он не хотел занять место брата во главе

Домена, но разве Дамон-Рафаэль когда-нибудь поверит этому?

— Кажется, в самом деле было бы лучше, если бы я остался в монастыре, — осторожно заметил юноша.

В улыбке Дамона-Рафаэля сквозил скептицизм, словно он опасался, что за словами брата что-то кроется.

— В самом деле? Однако я видел, как ты разговаривал с Кассандрой Эйлард, и мне показалось, что ты ждешь не дождешься свадебной церемонии. Похоже, ты раньше меня обзаведешься законным сыном; Кассильда немощна, а твоя невеста выглядит здоровой и сильной.

— Я не тороплюсь со свадьбой, — сдержанно произнес Эллерт.

Дамон-Рафаэль нахмурился.

— Однако Совет не признает тебя в качестве наследника, если не согласишься на немедленный брак. Это же настоящий скандал, когда мужчина в двадцать с лишним лет все еще не женат и даже бездетен! — Он пронзительно взглянул на брата. — Может быть, мне повезло больше, чем кажется? Ты случайно не эммаска? А может быть, даже любитель мальчиков?

Эллерт сухо усмехнулся:

— Мне очень жаль разочаровывать тебя, но что касается принадлежности к эммаска, то ты видел меня раздетым на Совете во время церемонии совершеннолетия. А если тебе хотелось, чтобы я стал любителем мужчин, то следовало бы устроить так, чтобы я никогда не встречался с христофоро. Но если пожелаешь, я вернусь в монастырь.

На какое-то мгновение он почти с восторгом подумал, что брат скажет «да» и покончит со всеми его муками и сомнениями. Ведь Дамон-Рафаэль не хочет видеть в его сыновьях соперников собственным детям; возможно, он сумеет избавиться от проклятья отцовства и не увидит детей, наделенных ужасным *лараном*. Если ему суждено вернуться в Неварсин… Эллерта изумила боль, причиненная этой мыслью. «Больше никогда не увидеть Кассандру…»

Но Дамон-Рафаэль не без сожаления покачал головой.

— Я не осмеливаюсь прогневить Эйлардов. Они — наши сильнейшие союзники в войне, и их тревожит, что Кассильда не укрепила наш союз, даровав мне наследника крови Элхалинов и Эйлардов. Если ты уклонишься от брака, то я наживу новых врагов, а я не могу себе позволить

вражду с таким могущественным родом. Они уже опасаются, что я подыскал для тебя лучшую пару, но я знаю, что наш отец заготовил для тебя в придачу двух сестер-недестро с модифицированными генами, и что мне останется делать, если у тебя родятся сыновья от всех троих?

Отвращение, почти такое же сильное, как в тот момент, когда старый лорд Элхалин впервые заговорил об этом, снова всколыхнулось в Эллерте.

— Я говорил отцу, что не хочу этого!

— Я предпочел бы, чтобы наследники рода Эйлардов были моими сыновьями, — продолжал Дамон-Рафаэль. — Однако я не могу взять себе твою невесту; у меня есть жена, и я не имею права сделать леди из столь знатного клана своей барраганьей. Хотя если бы Кассильда умерла при родах (а она была близка к этому), тогда…

Глаза лорда Элхалина остановились на Кассандре, оценивающе скользнули по ее фигуре. Эллерт ощутил неожиданную вспышку гнева. Как его брат осмеливается вести подобные речи! Кассандра принадлежит *ему*!

— У меня возникает искушение отложить твой брак еще на год, — заметил Дамон-Рафаэль. — Если Кассильда умрет при рождении ребенка, которого носит в чреве, я получу право сделать

Кассандру своей женой. Полагаю, Эйларды будут даже благодарны, когда она разделит со мной трон.

— Ты ведешь изменнические речи, — тихо сказал Эллерт. Он был искренне шокирован. — Король Регис все еще сидит на троне, а Феликс является законным наследником престола.

Дамон-Рафаэль презрительно пожал плечами.

— Старый король не протянет и года. Сегодня я стоял рядом с ним у отцовской могилы, а во мне, как тебе известно, тоже есть частица дара предвидения Хастуров из Элхалина. Он умрет еще до наступления осени. Что касается Феликса… что ж, до меня дошли кое-какие слухи. Он эммаска; говорят, что один из обследовавших его старейшин был подкуплен, а у другого слабое зрение. Как бы то ни было, он женат уже семь лет, и его жена не похожа на женщину, вкусившую радости супружеского ложа, а о ее беременности никто и не заикался. Измена или не измена, но скажу тебе так: не пройдет и семи лет, как я займу трон. Можешь воспользоваться собственным даром предвидения.

— Ты взойдешь на трон, брат мой, или умрешь, — тихо молвил Эллерт.

Дамон-Рафаэль враждебно взглянул на него.

— Старые развалины из Совета могут предпочесть законного сына младшего брата недестро старшего брата, — мрачно сказал он. — Протянешь ли ты свою руку над пламенем Хали и поклянешься ли поддерживать первоочередное право моих сыновей, законных или незаконных?

Эллерт отчаянно пытался найти истинное будущее в причудливой мешанине образов. Видел королевство, гибнущее в огне; себя на королевском троне; штормы, бушующие над Хеллерами; замок, рушащийся словно от землетрясения… Нет! Он был мирным человеком, не собиравшимся бороться за трон со своим братом и видеть Домены, затопленные реками крови в междоусобной войне. Он склонил голову.

— Дамон-Рафаэль, боги устроили так, что ты родился старшим сыном моего отца. Я принесу любую клятву, которую ты потребуешь от меня, мой брат и мой лорд.

Во взгляде Дамона-Рафаэля читалось торжество, смешанное с презрением. Эллерт знал, что, если бы их роли поменялись, ему пришлось бы вступить в смертельную схватку за наследство. Юноша внутренне сжался от неприязни, когда Дамон-Рафаэль обнял его со словами:

— Итак, у меня будет твоя клятва, а твоя силь-

ная рука будет хранить моих сыновей. Возможно, права старая поговорка и мне в самом деле не следует опасаться за свои тылы.

Он снова с сожалением взглянул на Кассандру, чье лицо сейчас было неразличимо под голубой вуалью.

— Полагаю, можно было бы… нет. Боюсь, ты все-таки должен жениться на своей невесте. Все Эйларды оскорбятся, если я сделаю ее своей барраганьей. Я не могу держать тебя неженатым еще год в надежде на то, что Кассильда умрет от родов и я снова стану свободен.

Кассандра в руках Дамона-Рафаэля, думавшего о ней лишь как о пешке в политической игре, закрепляющей право на поддержку ее родственников? Эллерта мутило от одной этой мысли. Однако он помнил о собственном решении: не брать жены и не становиться отцом сыновей, несущих проклятье его *ларана*.

— Избавь меня от этого брака, брат, взамен за мою безоговорочную поддержку, — с усилием выговорил он.

— Не могу, — с сожалением ответил Дамон-Рафаэль. — Я с радостью сделал бы ее барраганьей, но не осмеливаюсь бросить открытый вызов Эйлардам. Но не унывай! Возможно, Кассандра

недолго будет обременять тебя; она молода, а многие из женщин Эйлардов умирают от первых родов. Не исключено, что с ней случится то же самое. Или же она будет подобно Кассильде рожать мертвых. Тогда мои сыновья станут наследниками Элхалина, и никто не сможет упрекнуть тебя в том, что ты не старался ради нашего клана. Это будет ее вина, а не твоя.

— Я не стану так обращаться с женщиной! — вспыхнул Эллерт.

— Брат, мне совершенно безразлично, как ты будешь обращаться с Кассандрой, если женишься на ней, и Эйларды окажутся связаны с нами родственными узами. Я всего лишь предложил способ избавиться от нее, не нанося урона чести. — Он пожал плечами. — Но хватит об этом. Завтра мы поедем в Тендару, а после подтверждения наследных прав вернемся сюда и устроим тебе пышную свадьбу. Ты выпьешь со мной?

— Я выпил уже достаточно, — солгал Эллерт, стремясь избежать дальнейших разговоров с братом. Ни в одном из возможных вариантов будущего не были они с Дамоном-Рафаэлем друзьями, а если брат взойдет на трон — а *ларан* Эллерта говорил ему, что такое вполне возможно, — может случиться так, что Эллерту придется

защищать свою жизнь и жизнь своих еще не родившихся сыновей.

«Святой Носитель Вериг, укрепи меня! Вот и еще одна причина не иметь детей — ведь они могут погибнуть от руки моего брата!»

7

Пребывая в благодушном настроении и желая оказать честь молодому родственнику, его величество Регис II согласился лично исполнить церемонию бракосочетания. Его морщинистое лицо светилось добротой, когда он произносил ритуальные фразы и застегивал скованные цепочкой медные браслеты-катены сперва на запястье Эллерта, а затем на запястье Кассандры.

— Разделенные в мире, да не будете вы разделены духом и сердцем, — произнес он, расстегнув браслеты.

Новобрачные поцеловались.

— Да будете вы навсегда единым целым!

Эллерт чувствовал дрожь Кассандры, пока их руки были соединены цепочкой из драгоценного металла.

«Кассандра испугана, — подумал Хастур. — И неудивительно. Она ничего не знает обо мне. Родственники продали ее мне, как могли бы продать ястреба или племенную кобылу».

В былые дни (в Неварсине Эллерт кое-что читал об истории Доменов) браки наподобие этого

были немыслимы. Для женщины считалось проявлением крайнего эгоизма рожать детей лишь одному мужчине, и генетическая структура обогащалась путем увеличения количества возможных комбинаций. У Эллерта мелькнула мысль: не таким ли путем появилось в их роду проклятье *ларана*, или же они действительно произошли от детей богов, явившихся в Хали, чтобы править родом человеческим? А может быть, правдивы легенды о браках с нелюдями чири, наделившими их касту как способностью рожать бесполых эммаска, так и даром *ларана*?

Что бы ни случилось, давно забытые дни групповых браков отошли в прошлое, когда Одаренные Семьи начали набирать силу. Законы наследства и генетическая программа увеличили важность точного знания отцовства. «Теперь о мужчине судят лишь по сыновьям, а о женщине — лишь по способности рожать сыновей. И Кассандра знает, что отдана мне лишь ради этого!»

Церемония подошла к завершению. Эллерт сжал холодные дрожащие пальцы жены в своих ладонях, коснулся ее губ ритуальным поцелуем и вывел ее навстречу фейерверку поздравлений и аплодисментов гостей и родственников. Как обычно бывало в критические моменты, его

восприятие обострилось. Хастур угадывал резкие намеки за словами поздравлений и думал о том, что немногие из собравшихся в самом деле желают им счастья и благополучия. Возможно, одним из них был его брат, Дамон-Рафаэль. Этим утром Эллерт стоял перед святынями Хали, погрузив руку в холодный огонь, который не обжигал, если клявшийся не таил в сердце лживых помыслов, и дал обет утвердить первенство своего брата в клане Элхалинов и его побочных сыновей как наследников. Другие родственники поздравляли его потому, что он вступил в альянс с могущественным кланом Эйлардов из Валерона, или потому, что надеялись когда-нибудь стать его союзниками, или просто из-за удовольствия лицезреть бракосочетание и праздник с танцами и обильным угощением — желанная передышка в официальном трауре по *дому* Стефану.

— Ты молчишь, муж мой, — прошептала Кассандра.

Эллерт вздрогнул, услышав мольбу в ее голосе. «Бедная девочка, как ей сейчас тяжело. Мне удалось кое-что узнать об этом браке: ей даже не позволили сказать „да“ или „нет“. Почему мы поступаем так с нашими женщинами, ведь именно их трудами поддерживаются драгоценные

генетические линии, которые так много значат для нас!»

— Мое молчание не признак неуважения к тебе, дамисела, — мягко сказал Эллерт. — Этот день дал мне много поводов для размышлений, не более того. Но я виноват, что столь задумался в твоем присутствии.

Серые глаза, обрамленные столь густыми ресницами, что казались черными, встретились с его глазами, и в них промелькнула веселая искорка.

— Ты снова обращаешься ко мне как к горничной, которой можно польстить изысканным комплиментом. Смею напомнить тебе, мой лорд, что теперь, когда я стала твоей женой, тебе вряд ли подобает называть меня дамиселой.

— Ах да, Боже мой, — в отчаянии пробормотал Эллерт.

Кассандра взглянула на мужа, слегка нахмурившись:

— Разве ты не хотел этой свадьбы? Я с детства знала, что должна выйти замуж за того, кого выберут мои родственники, но мне казалось, что мужчины более свободны в своем выборе.

— Думаю, никто из нас не свободен; по крайней мере, не здесь, во владениях Доменов, — отозвался Эллерт.

Почему на свадьбе так много наигранного веселья, танцев и выпивки? Не потому ли, что сыновья и дочери Хастура и Кассильды стремятся забыть о том, что их скрещивают, словно племенной скот, ради благословенного и проклятого *ларана*, дающего власть и силу их роду?

Но как он мог забыть? Эллерт снова попал в плен размытого ощущения времени, наблюдая варианты будущего, бесконечно ветвившиеся из настоящего. Он видел землю, полыхающую в огне войны; парящих ястребов, похожих на тех, что посылали клингфайр на аэрокар; огромные планеры с широкими крыльями; лесные пожары; незнакомые заснеженные пики за Неварсином, не виденные ранее; лицо ребенка в бледных вспышках молний… «Неужели все это действительно войдет в мою жизнь, или это лишь то, что *может* случиться?»

Обладает ли он хоть какой-то властью над будущим, или же безжалостный рок обрушит на него лавину событий? Одно событие уже произошло: Кассандра Эйлард, стоявшая рядом с ним, стала его женой… Но теперь Эллерт видел перед собой дюжину лиц Кассандры. Одно светилось любовью и страстью (он знал, что может пробудить эти чувства); другое искажали ненависть и

презрение (да, он мог стать причиной и этому!); на третьем лежала печать неизбывной усталости. Кассандра умирала с проклятьем на устах, умирала у него на руках… Эллерт закрыл глаза в тщетной попытке отгородиться от многоликих образов своей жены.

— Муж мой! — в тревоге воскликнула новобрачная. — Эллерт! Умоляю, скажи, что случилось!

Он знал, что испугал ее. И боролся с собой, применяя приемы самоконтроля, которым научился в Неварсине. Мало-помалу ему удалось успокоиться.

— Ты тут ни при чем, Кассандра. Я уже рассказывал тебе о своем проклятье.

— И я ничем не могу помочь тебе?

«Могла бы, — яростно подумал Эллерт. — Ты бы помогла мне, если бы вообще не родилась на свет; если бы оба умерли в младенчестве; если бы наши гены — да вмерзнут они навеки в темнейшую из преисподен Зандру! — не поразили бы этим проклятьем весь род!» Юноша не мог произнести этого вслух, но Кассандра уловила его мысль, и ее глаза расширились от ужаса.

Затем толпа родственников нарушила их недолгое уединение. Дамон-Рафаэль пригласил Кассандру на танец, высокомерно бросив «скоро

она будет твоя, братец», кто-то сунул в руку бокал вина, требуя, чтобы он присоединился к общему веселью, которое, в конце концов, устраивалось в его честь.

Скрывая ярость и возмущение — нельзя же винить гостей в том, что мир устроен так, а не иначе! — Эллерт выпил и немного потанцевал с девушками, имевшими столь незначительное отношение к его будущему, что их лица слились в одно целое, не изменяясь в калейдоскопе вероятностей. Он не видел Кассандру до тех пор, пока Кассильда, жена Дамона-Рафаэля, не вывела ее из зала в сопровождении служанок для приготовлений к брачному ложу.

Обычай требовал, чтобы мужа и жену в первую брачную ночь сопровождали к ложу родственники, которые могли бы засвидетельствовать осуществление брака. В Неварсине Эллерту приходилось читать о том, что было время, когда первое исполнение супружеских обязанностей также некоторое время было публичным. К счастью, он знал, что сейчас этого не потребуется, и удивлялся тому, как другие могли терпеть подобное унижение.

Прошло еще немного времени, и Эллерта под обстрелом обычных шуточек повели к жене.

Обычай также требовал, чтобы ночное одеяние новобрачной было достаточно откровенным. Наверное, подумал Эллерт, это делается для того, чтобы все могли видеть отсутствие у женщины скрытых изъянов, способных уменьшить ее ценность как породистой самки.

«Да не допустят боги, чтобы ее одурманили наркотиками для вящей покорности!..» Эллерт внимательно всмотрелся в глаза Кассандры, стараясь заметить неестественный блеск. По его мнению, такая мера могла бы быть милосердной для женщины, отдаваемой против ее воли совершенно незнакомому человеку; никто не захочет насилием добиваться покорности от перепуганной девушки. И снова противоречивые образы, события и возможности затопили его разум, борясь за главенство между собою. Похоть, ненависть, смирение… Что там сказал Дамон-Рафаэль — все ее сестры умирали от родов?

Под хор поздравлений родственники покинули комнату. Эллерт встал и закрыл дверь на щеколду. Вернувшись к Кассандре, он заметил на ее лице страх, который девушка пыталась безуспешно скрыть.

«Может быть, она боится, что я нападу на нее, словно дикое животное?» Но вслух спросил:

— Они не опоили тебя афросоном или каким-нибудь другим снадобьем?

Кассандра покачала головой.

— Я отказалась. Моя приемная мать хотела, чтобы я выпила, но я сказала ей, что не боюсь тебя.

— Тогда почему ты дрожишь? — спросил юноша.

— Мне *холодно*, мой лорд, — ответила она с горячностью, которую он уже замечал в ней раньше. — Да и как может быть иначе в этой прозрачной рубашке, которую они на меня напялили!

Эллерт рассмеялся.

— Похоже, у меня есть преимущество: я-то кутаюсь в меха. Вот, возьми, моя леди. Тебе не нужны полупрозрачные одеяния, чтобы возбудить желание… Ах да, я забыл, что ты не любишь лести и комплиментов. — Вручив ей свой плащ, он уселся на краешке огромной постели. — Могу я предложить тебе немного вина, *домна*?

— Благодарю тебя. — Кассандра взяла бокал и сделала глоток, благодарно кутаясь в меховой плащ. Он заметил, как румянец постепенно возвращается на ее лицо, налил вина себе и повертел бокал в ладонях, размышляя о том, как высказать невесте свои мысли, не оскорбляя. Поток калей-

доскопических образов будущего снова угрожал унести прочь. Эллерт видел себя, отбросившего принципы и заключившего девушку в объятия. Видел ее, пробужденную к жизни любовью и страстью, видел годы радости, которые они могут разделить… но на эту картину странным образом накладывалось лицо другой женщины, загорелое и смеющееся, обрамленное густыми волосами цвета меди…

— Кассандра, — сказал он. — Ты хотела этого брака?

Она сидела потупив взор.

— Я *удостоена* этого брака. Когда нас обручили, я была еще слишком мала. Должно быть, для тебя все обстоит по-другому. Ты мужчина и можешь выбирать, но у меня никакого выбора не было. С детских лет я не слышала ничего иного, кроме «когда ты станешь женой Эллерта Хастура из Элхалина, ты будешь делать то-то и то-то».

— Какое счастье, должно быть, видеть лишь одно будущее вместо дюжины, сотни, тысячи… не балансировать между ними, словно акробат, идущий по канату!

— Я никогда не думала об этом. Но мне всегда казалось, что ты более свободен в выборе…

— Свободен? — Он невесело рассмеялся. — Моя

судьба предрешена так же, как и твоя, леди. Однако мы все еще можем выбрать будущее.

— Что нам теперь выбирать, мой лорд? — тихо спросила Кассандра. — Мы стали мужем и женой, и обратного пути нет. Правда, ты можешь обращаться со мной ласково или жестоко, а я могу терпеливо сносить твою жестокость или же опозорить свою касту, сопротивляясь единственным доступным мне способом и вынуждая тебя носить отметины моих зубов и ногтей, словно героя старой непристойной песенки! Впрочем, — в ее глазах снова промелькнули веселые искорки, — у меня все равно вряд ли получится.

— У тебя не будет причин для этого, — ласково сказал Эллерт. Однако образы, рожденные словами Кассандры, были столь мучительны, что прочие варианты будущего на мгновение перестали существовать. Нет! Она была его женой, покорной желанию старших, даже желавшей вступить в брак, и теперь находилась всецело в его власти.

«Тогда почему нам не покориться судьбе…»

Но вместо этого заметил:

— Тем не менее остается выбор. Ты знаешь закон: брак недействителен, пока мы не скрепим его, и даже супружеские клятвы могут быть ан-

нулированы. Мы можем подать прошение…

— Если я так опозорю своих родственников и навлеку на них гнев Хастуров, то цепь альянсов, на которых держится правление Хастуров, разобьется вдребезги. Если ты желаешь отправить меня домой лишь потому, что я не заслужила твое расположение, то в моей жизни никогда больше не будет мира и счастья.

В широко раскрытых глазах застыло отчаяние.

— Я думал только о… Моя леди, может настать время, когда ты отдашь сердце тому, кого выберешь сама.

— Почему ты думаешь, что мне нужно искать такого человека? — застенчиво спросила Кассандра.

С внезапным ужасом Эллерт осознал, что произошло наихудшее: страшась попасть в руки настоящему палачу, который будет думать о ней лишь как об орудии для деторождения, и обнаружив, что вместо этого супруг разговаривает с ней как с равной, девушка была готова обожать его. Понял, что, если хотя бы прикоснется к ее руке, решимость улетучится. Он покроет ее поцелуями, заключит в свои объятия… если бы только найти выход!

— Ты знаешь о проклятье, которое я ношу в

себе. — Голос Хастура звенел как натянутая струна. — Я вижу не только истинное будущее, но десятки возможностей, каждая из которых может воплотиться или обмануть меня своей несбыточностью. Я решил никогда не жениться, чтобы не передавать свое проклятие детям. Поэтому я решил отказаться от наследства и стать монахом: я слишком ясно видел, к чему может привести наш брак. О, боги! — выкрикнул он. — Неужели ты думаешь, будто я безразличен к тебе?

— Твои видения всегда сбываются, Эллерт? — умоляюще спросила Кассандра. — Почему мы должны отвергать судьбу? Если все предопределено заранее, то это произойдет независимо от нашего выбора. А если нет, то видения не должны смущать нас.

Она придвинулась ближе и положила руки ему на плечи.

— Я не хочу прекословить тебе, Эллерт. Я… я люблю тебя.

На кратчайшее мгновение Эллерту невыносимо захотелось обнять жену и прижать к сердцу. Но затем, борясь с позорными воспоминаниями о ришье-соблазнительнице, стряхнул ее руки и изо всех сил оттолкнул ее. Его голос звучал резко и холодно, как если бы принадлежал кому-то

другому:

— Ты по-прежнему думаешь, будто я верю, что они не одурманили тебя снадобьями, моя леди?

Ее тело застыло; к глазам подступили слезы гнева и унижения. Больше всего в жизни ему сейчас хотелось привлечь к себе, утешить ее…

— Прости меня. Я пытаюсь найти способ вырваться из ловушки, в которую нас завлекли. Знаешь ли ты, что я видел? Я стану отцом детей-монстров, терзаемых еще более жестоким *лараном*, чем мой, умирающих смертью моего брата, с рождения отмеченных печатью проклятья. И знаешь ли ты, что я видел для тебя, моя бедная девочка? Твою смерть, Кассандра, твою смерть при рождении моего ребенка.

— Две мои сестры умерли при родах, — прошептала девушка.

— И ты еще удивляешься моему поведению? Я не отвергаю тебя, Кассандра. Я пытаюсь избежать ужасной судьбы, которую видел для нас обоих. Боги знают, как это нелегко… Среди множества линий моего будущего я вижу самый легкий путь. Мы будем любить друг друга и рука об руку придем к чудовищной трагедии, уготованной для нас в будущем. К твоей трагедии, Кассандра. И к моей. Я… — Он сглотнул, пытаясь совладать со

своим голосом. — Я не переживу твоей смерти.

Девушка начала всхлипывать. Эллерт не осмеливался прикасаться к ней, лишь смотрел на нее сверху вниз, его сердце гулко стучало.

— Постарайся не плакать, — хрипло прошептал он. — Я не могу этого вынести. Всегда есть искушение выбрать самый легкий путь и положиться на удачу, а если все пойдет прахом, сказать: «Это рок, и тут ничего не поделаешь». Ибо есть и другие возможности. Ты можешь пережить роды, и наш ребенок может выдержать проклятье нашего объединенного *ларана*. Так много возможностей, так много искушений! Но я решил, что этот брак не осуществится до тех пор, пока я не разберусь, какой путь является истинным. Кассандра, я умоляю тебя согласиться с этим решением.

— Похоже, у меня нет выбора. — Она с отчаянием взглянула на Эллерта — Однако в нашем мире нет счастья для женщины, не заслужившей благосклонность своего мужа. Пока я не забеременею, мои родственницы не дадут мне покоя. Они обладают *лараном*, и если мы откажемся от исполнения супружеских обязанностей, то рано или поздно они узнают об этом и на нас обрушатся те же беды, которые ожидали бы нас в случае отказа от брака. И в том, и в ином случае

нам несдобровать.

Успокоенный ее серьезностью и рассудительностью, Эллерт немного расслабился.

— У меня есть план, Кассандра. Большинство наших родственников отбывают положенный срок в Башне, используя свой *ларан* в матриксном круге, обеспечивающем силу и процветание нашего народа. Подростком я был освобожден от этой службы из-за слабого здоровья, но обязательство должно быть выполнено. Кроме того, жизнь при дворе — не лучшее времяпровождение для молодой жены, которая… — он замялся, прежде чем продолжить, — которая может быть беременна. Я подам петицию с просьбой забрать тебя в Башню Хали. Мы выполним свою долю работы в матриксном круге. Там нам не придется встречаться с твоими родственницами или с моим братом, и мы сможем жить раздельно, не привлекая ненужного внимания. Может быть, там мы сумеем найти выход из тупика?

— Пусть будет так, как ты хочешь, — покорно ответила Кассандра. — Но нашим родственникам покажется странным, что мы решили отправиться в Башню в первые же дни своего супружества, без медового месяца.

— Они могут думать что угодно, — отмахнулся

Эллерт. — По-моему, отдать вору фальшивую монету — не преступление, как и солгать тем, чьи вопросы выходят за границы учтивости. Если меня спросят, скажу, что жажду исполнить долг, чтобы мы с тобой шли по жизни без груза невыполненных обязательств, омрачающих существование. А ты, моя леди, можешь сказать все, что заблагорассудится.

Ее лицо озарилось улыбкой, и сердце Эллерта снова учащенно забилось.

— Что ж, муж мой, я подчиняюсь. Я твоя жена и должна идти за тобой без всяких объяснений. Не скажу, что мне нравится этот обычай, но я могу использовать его, если он подходит для моих целей. Боюсь, *дом* Эллерт, в конце концов я окажусь не такой уж покорной женой!

«Святой Носитель Вериг, ну почему судьба дала не ту женщину, которую я бы с радостью оттолкнул, а ту, которую мне так хочется полюбить!» Эллерт склонил голову, поднес изящные пальцы Кассандры к своим губам и поцеловал их.

— Ты выглядишь очень усталым, муж мой, — озабоченно сказала она. — Почему бы тебе не лечь поспать?

Эротические образы снова принялись мучить его, но на этот раз он без труда справился с ни-

ми.

— Ты мало что знаешь о мужчинах, не так ли, чиа?[15]

Она покачала головой.

— Откуда? А теперь, наверное, и не узнаю… — В ее словах прозвучала такая печаль, что, несмотря на свою решимость, Эллерт ощутил смутное сожаление.

— Ложись и спи, если хочешь, — предложил Хастур.

— А разве ты не будешь спать? — наивно спросила девушка.

Он натянуто рассмеялся:

— Я посплю на полу. Мне приходилось спать и в худших местах, а здешний ковер просто роскошь после каменных келий Неварсина. Да благословят тебя боги, Кассандра, за твое согласие!

Она слабо улыбнулась:

— О, меня долго учили, что долг жены — во всем повиноваться мужу. Хотя это не то повиновение, которого я ожидала, однако я остаюсь твоей женой и буду делать то, что захочешь. Спокойной ночи, муж мой.

В ее словах прозвучала легкая ирония. Вытя-

---

[15] notes: 15
Ласковое обращение к женщине.

нувшись на мягком ковре, Эллерт призвал на помощь всю свою выдержку, отточенную годами практики в Неварсине, и полностью изгнал из разума все образы любящей Кассандры. В сознании не осталось ничего, кроме решимости. Но однажды перед рассветом показалось, что он услышал женский плач, очень тихий, словно приглушенный шелковыми одеялами и подушками.

На следующий день они отбыли в Башню Хали, где и провели следующие шесть месяцев.

8

В Хеллерах снова наступила весна. Донел Деллерей, прозванный Рокравеном, стоял на крепостной стене замка Алдаран, погрузившись в праздные думы о том, почему родоначальники клана Алдаранов построили цитадель на этой скале. Ответ был прост: замок главенствовал над окружающей местностью. Склон круто опускался в долину, а затем мало-помалу поднимался к отдаленной горной гряде, где не обитало ни одно человеческое существо — лишь трейлмены и полулегендарные чири дальних Хеллеров, застывших под шапками вечных снегов.

— Говорят, — пробормотал он вслух, — за самой дальней из этих гор, так далеко в снегах, что даже самый искусный скалолаз не найдет верную тропу через пропасти и ледники, есть долина вечного лета, куда отступили чири после прихода детей Хастура. Поэтому мы и не видим их в наши дни. Зато там они правят вечно, бессмертные и прекрасные, поют свои странные песни и видят чудесные сны.

— Неужели чири действительно так прекрас-

ны?

— Не знаю, сестренка, — ответил Донел. — Я никогда не видел их.

Недавно ему исполнилось двадцать лет. Он был высоким, худым и гибким, как хлыст, с выдубленной загорелой кожей — стройный и серьезный молодой человек, на вид казавшийся старше своих лет.

— Но когда я был еще очень мал, мама однажды рассказывала, что видела чири в лесу за деревом — прекрасную, словно Благословенная Кассильда, — продолжал Донел. — Говорят также, что если какой-нибудь смертный сможет достичь долины, где обитают чири, отведает их пищи и выпьет воды из волшебных источников, он тоже обретет бессмертие.

— Ну нет! — фыркнула Дорилис. — Теперь ты рассказываешь мне сказки. Я уже слишком взрослая, чтобы верить подобным вещам.

— О да, ты такая старая, — поддразнил Допел. — С каждым днем я вижу, как твоя спина все больше горбится, а в волосах появляются седые пряди.

— Я достаточно взрослая для церемонии обручения, — с достоинством возразила сестра. — Мне одиннадцать, а Маргали утверждает, что я выгляжу на все пятнадцать.

Донел окинул ее долгим, оценивающим взглядом. В самом деле: в одиннадцать лет Дорилис была уже выше многих взрослых женщин, в ее стройной фигуре угадывались округлые зрелые формы.

— Не уверена, хочется ли мне обручиться, — продолжала Дорилис, неожиданно надувшись. — Я совсем не знаю кузена Даррена. Ты знаком с ним, Донел?

— Да, знаком, — ответил Донел, помрачнев. — Он воспитывался здесь со многими другими ребятами, когда я был мальчиком.

— Он красивый? Добрый и обходительный? Он нравится тебе, Донел?

Тот открыл было рот для ответа, но так ничего и не сказал. Даррен был сыном Ракхела, младшего брата лорда Алдарана. Микел, лорд Алдаран, не имел сыновей, и этот брак будет означать, что их земли объединятся; именно так создавались когда-то Великие Домены. Было бы бессмысленно настраивать Дорилис против ее нареченного из-за мальчишеских обид.

— Ты не должна судить по моему отношению, Дорилис. В то время мы дрались и соперничали. Но теперь он повзрослел, как и я. Да, полагаю, его можно назвать красивым.

— Мне это кажется нечестным, — неожиданно заявила Дорилис. — Ты был моему отцу больше чем сыном. Да, он сам так говорил! Почему *ты* не можешь унаследовать его поместье, раз у него нет собственных сыновей?

Донел принужденно рассмеялся.

— Когда ты вырастешь, то будешь лучше разбираться в таких вещах, Дорилис. Я не прихожусь кровным родственником лорду Алдарану, хотя он был добр ко мне, и не могу ожидать большего, чем участи приемыша, — и то лишь потому, что он обещал нашей матери позаботиться обо мне. Я не ищу большего.

— Какой глупый закон! — с негодованием воскликнула Дорилис.

— Смотри, Дорилис. — Донел заметил в ее глазах гневные искорки. — Вон там, между холмами скачут всадники со знаменами. Это лорд Ракхел и его свита. Они едут к замку на обручение. Тебе нужно бежать к няне и как следует подготовиться к встрече с ними.

— Хорошо. — Внимание Дорилис отвлеклось, но на верхней ступени лестницы она обернулась и скорчила гримаску. — Если Даррен мне не понравится, то я не выйду за него замуж — слышишь, Донел?

— Слышу, — ответил он. — Но это речи маленькой девочки, чиа. Когда станешь женщиной, в тебе будет больше здравого смысла. Твой отец тщательно подбирал подходящего супруга. Он не принял бы решения, если бы не убедился, что это наилучший выбор для тебя.

— О, я слышала это много раз, от отца и от Маргали. Они говорят то же самое: я должна делать то-то и то-то, а когда вырасту, пойму, зачем это нужно. Но если мне не понравится Даррен, я не выйду за него замуж, а ты прекрасно знаешь, что никто не может заставить меня сделать то, чего мне не хочется!

Она топнула ногой, вспыхнув от детского гнева, и побежала вниз по лестнице, во внутренние покои замка. Вдалеке, словно эхо ее слов, раздался раскат грома.

Юноша остался стоять у парапета, забывшись в тягостных раздумьях. Дорилис говорила с бессознательным высокомерием любимой и изнеженной дочери лорда Алдарана. Но дело было не только в этом, и даже Донел невольно ощутил ужас, услышав непреклонную решимость в голосе младшей сестры.

«Никто не может заставить меня сделать то, чего мне не хочется!» В этих словах заключалась

жестокая истина. С самого рождения никто не осмеливался всерьез перечить Дорилис из-за странного *ларана*. Никто не знал пределов таинственной силы, ни у кого не хватало мужества сознательно провоцировать ее. Даже когда малышку еще не отняли от груди, каждый, кто прикасался к ней против ее воли, чувствовал болезненные электрические разряды. Но слухи среди слуг и сиделок разрастались до неимоверных размеров, облекаясь в форму страшных историй. Когда Дорилис, еще будучи ребенком, кричала от гнева, голода или боли, над замком гремел гром и сверкали молнии. Все при дворе лорда Алдарана боялись ее гнева. Однажды, когда на пятом году жизни лихорадка уложила ее в горячечном беспамятстве на несколько дней и девочка не узнавала даже Довела и отца, молнии с дикой яростью сверкали днем и ночью, ударяя в опасной близости от башен. Донел, сам немного умевший управлять молниями, спрашивал себя, какие фантомы и кошмары преследуют сестру в бреду, если она так отчаянно борется с ними.

К счастью, с годами она, как и любой нормальный ребенок, стала искать любви и нежности окружающих. Леди Деонара, любившая Дорилис как собственную дочь, смогла научить ее неко-

торым вещам. Девочка унаследовала красоту Алисианы и ее бесхитростную манеру поведения; в последний год-два ее стали меньше бояться и больше привечать. Но все же многие опасались девочку, называя за глаза «ведьмой» и «колдуньей», однако даже самые отчаянные сорвиголовы не решались произносить оскорбительные слова в ее присутствии. Дорилис никогда не обращала свой гнев ни на отца, ни на Довела, ни на Маргали, пожилую *леронии*, открывшую ей дорогу в мир людей; и пока была жива леди Деонара, не шла наперекор ее воле.

«Но после смерти Деонары уже никто не осмеливался прекословить Дорилис», — с грустью подумал Донел, также любивший мягкую и обходительную леди Алдаран. Лорд Микел обожал свою очаровательную дочь и выполнял все ее требования, разумные и неразумные. К одиннадцати годам Дорилис имела не меньше драгоценностей и игрушек, чем любая принцесса. Другие дети сторонились ее — частично потому, что она была высшей по положению, а частично потому, что малышка выросла эгоистичным маленьким тираном, никогда не забывавшим подтверждать превосходство щипками, подзатыльниками и пощечинами.

«Не так уж плохо для маленькой девочки — хорошенькой, изнеженной маленькой девочки — быть своенравной выше всякой меры и получать все, чего захочет. Но что случится, если она вырастет и станет женщиной, так и не поняв, что нельзя иметь все на свете? И кто, страшась ее силы, осмелится преподать ей урок?»

Озабоченный и немного встревоженный, Донел спустился во внутренние покои замка. Он тоже был обязан присутствовать на предварительных переговорах и на церемонии обручения.

Микел, лорд Алдаран, ожидал гостей в огромном приемном зале. Он заметно постарел. Огромный, тяжеловесный мужчина, седой и согнувшийся под тяжестью лет, по-прежнему сохранял во внешности что-то от старого, благородного ястреба. Когда Микел поднимал голову, это напоминало движение умудренной годами хищной птицы, которая, несмотря на старость, не растратила силу.

— Донел? Это ты? Здесь слишком темно.

Донел, знавший, что приемный отец не любит признавать утраченную с годами остроту зрения, подошел ближе.

— Это я, мой лорд.

— Иди сюда, дорогой мальчик. Дорилис уже

готова к сегодняшней церемонии. Как тебе кажется, она довольна моим выбором?

— Думаю, она еще слишком мала и не понимает, что это означает для нее, — ответил Донел. Он был одет в замшевый костюм, украшенный вышивкой, носил высокие ботфорты с бахромой на отворотах. Волосы удерживал обруч, украшенный самоцветами; на груди висел медальон, вспыхивавший рубиновыми отблесками. — Но ей интересно. Она спрашивала меня, красив ли Даррен и нравится ли он мне. Боюсь, я мало что мог рассказать. Впрочем, я сказал, что она не должна судить о человеке по моим воспоминаниям.

— Как и ты, мой мальчик, — мягко произнес лорд Алдаран.

— Приемный отец, я хочу попросить вас об одной милости, — сказал Допел.

— Ты хорошо знаешь, что можешь просить у меня любой подарок, в пределах разумного, — с улыбкой отозвался *дом* Микел.

— Это не будет вам ничего стоить, мой лорд. Когда лорд Ракхел и лорд Даррен придут к вам обсуждать вопрос о приданом Дорилис, я прошу вас представить меня им под именем моего отца, а не как Довела из Рокравена, как обычно.

Близорукие глаза лорда Алдарана моргнули,

сделав его еще больше похожим на гигантскую хищную птицу, ослепленную ярким светом.

— Но почему, приемный сын? Откажешься ли ты от имени матери и от ее статуса? Или же от своего положения?

— Упаси Боже, — ответил Допел. Он опустился на колени у ног лорда Алдарана. Старик положил руку ему на плечо, и это прикосновение словно высвободило горькие слова: — Но лишь бастард носит имя своей матери. Я сирота, но не бастард.

— Прости меня, Донел, — наконец сказал старик. — Это я виноват. Мне… мне хотелось забыть о том, что Алисиана когда-то принадлежала другому мужчине. Даже когда она… оставила нас, я оказался не в силах принять горькую правду о том, что ты — не мой родной сын. — Это прозвучало как крик боли. — Как мне хотелось, чтобы ты в самом деле был моим сыном!

— Мне тоже, — вздохнул Донел. Он не знал и не хотел другого отца, однако насмешливый, презрительный голос Даррена звучал в его ушах так же ясно, как и десять лет назад: «Ах да, Донел из Рокравена, отродье той барраганьи! Ты хоть знаешь, чей ты сын, или тебя нашли в капусте? Может, твоя мать лежала в лесу с Призрачным ветром и вернулась домой с ничьим сыном во

чреве?»

Донел налетел на него с кулаками как бешеный зверь. Когда их растащили, мальчишки продолжали выкрикивать взаимные угрозы. Даже сейчас Донелу было неприятно вспоминать презрительный взгляд маленького Даррена и его оскорбительные намеки.

— Если я и переусердствовал в своем желании назвать тебя сыном, то поверь: я никогда не собирался бросить тень на честь твоего рода. — В голосе Алдарана слышались извиняющиеся нотки. — Думаю, сегодня вечером ты поймешь, как высоко я ценю тебя, мой дорогой сын.

— Мне нужно лишь это, — ответил Донел и опустился на низкую скамью возле ног старика. Лорд Алдаран положил руку ему на плечо, и они сидели так до тех пор, пока слуга не принес свечи.

— Лорд Ракхел Алдаран из Скатфелла и лорд Даррен! — объявил герольд.

Ракхел из Скатфелла был крупным добродушным мужчиной в расцвете лет, с открытым и приятным лицом человека, которому хочется показать, что ему нечего скрывать, в то время как в действительности верно обратное. Как и отец, Даррен был высоким и широкоплечим, со светло-рыжими волосами, зачесанными назад

от высокого лба, и суровым, прямым взглядом. «Да, он красив, по женским меркам. Дорилис он понравится…» Донел старался убедить себя, что слабое ощущение чего-то недоброго вызвано тем, что сестра выходит из-под его протекции и формально становится женой другого человека. «Я не могу рассчитывать, что Дорилис навсегда останется со мной. Она наследница великого Домена. Я ее единоутробный брат, не более того, и ее благополучие должно находиться в более надежных руках».

Лорд Алдаран поднялся с места и сделал несколько шагов навстречу младшему брату, приветствуя его:

— Рад видеть тебя, Ракхел. Давно ты не приезжал ко мне в Алдаран. Как дела в Скатфелле? А у тебя, Даррен?

Он обнял родственников и пригласил сесть рядом с собой.

— Вы знакомы с моим приемным сыном, единоутробным сыном твоей невесты, Даррен? Донел Деллерей, сын Алисианы из Рокравена.

Даррен приподнял бровь, словно узнавая, и произнес:

— Да, мы вместе учились искусству владения оружием и другим вещам. Но я почему-то считал,

что его фамильное имя — Рокравен.

— Детям свойственно ошибаться, — твердо сказал лорд Алдаран. — Тогда ты был очень молод, родич, а честь рода мало что значит для мальчишек. Родителями отца Довела были Рафаэль Деллерей и Мирелла Линдир. Отец Довела умер молодым, и его овдовевшая мать нашла приют у меня. Она родила моего единственного ребенка — твою невесту, Даррен.

— Вот как? — Ракхел из Скатфелла посмотрел на Донела с вежливым интересом. Донел ответил таким же взглядом. Мнение Скатфелла его не волновало.

«Мы с Дарреном породнимся. Это не те отношения, в которых мне хотелось бы находиться с ним». Он, Донел, был благородного происхождения, с почетом воспитывался в одной из Одаренных Семей; разве этого недостаточно? Однако, глядя на Даррена, понимал, что этого никогда не будет достаточно, и спрашивал себя: почему? Почему Даррен Алдаран, наследник Скатфелла, должен ненавидеть и презирать брата своей невесты, приемного сына ее отца?

Но потом, взглянув на фальшиво сердечную улыбку Даррена, юноша неожиданно все понял. Он не имел сколь-либо выдающихся телепатиче-

ских способностей, но ответ прозвучал так ясно, как если бы Даррен выкрикнул его.

«Во имя всех преисподен Зандру, он опасается моего влияния на лорда Алдарана! Законы кровного наследства еще не слишком устоялись в горах. Случалось, что лорд назначал наследником того, кто кажется ему достойным. Ведь Даррен знает, что *дом* Микел относится ко мне как к сыну, а не как к приблудному щенку!»

К чести Донела, эта мысль ни разу не посещала его раньше. Он знал свое место — сына лорда Алдарана по любви, а не по крови — и безропотно мирился с таким положением вещей. Теперь же, спровоцированный гостями из Скатфелла, он спросил себя: а почему это не может случиться *на самом деле*; почему человек, которого он называл отцом и которому был дорог как сын, не сможет назвать его наследником? У Алдаранов из Скатфелла есть свои земли. По какому праву они хотят расширить свои владения почти до размеров королевства, прибавив к ним замок Алдаран?

Но лорд Ракхел уже отвернулся от Донела и добродушно обратился к своему брату:

— Ну вот, когда нас не станет, молодежь обратит объединение семей на благо и процветание Ал-

даранов. Мы сможем увидеть девушку, Микел?

— Она выйдет поприветствовать гостей, но я считаю более разумным уладить все деловые вопросы в ее отсутствие, — ответил лорд Алдаран. — Дорилис еще ребенок, и ей не подобает слушать, как седые бороды обсуждают вопросы наследства и приданого. Она представится тебе, Даррен, и будет танцевать с тобой на торжествах, но прошу тебя помнить о том, что моя дочь еще очень молода и о настоящем браке не может быть и речи в течение минимум четырех лет, а может быть, и больше.

Ракхел хохотнул:

— Отцы редко считают своих дочерей созревшими для брака, Микел!

— Но в этом случае мое слово останется неизменным, — твердо сказал Алдаран. — Брак ди катенас[16] состоится не раньше чем через четыре года.

— Полно, полно! Мой сын уже мужчина. Как долго он должен ждать свою невесту?

— Он должен ждать четыре года или искать себе другую жену, — сурово ответил Алдаран.

Даррен пожал плечами:

---

[16] notes: 16
Официальный брак.

— Если нужно ждать, пока девочка подрастет, — что ж, могу подождать. Но все же это варварский обычай: обручать взрослого мужчину с малышкой, еще играющей в куклы!

— Несомненно, — согласился Ракхел из Скатфелла. — Но я понимал важность этого брака с тех пор, как родилась Дорилис, и часто говорил об этом с братом в течение последних десяти лет.

— Если дядя так настроен против брака, то почему он изменил свое мнение? — спросил Даррен.

Лорд Алдаран грустно пожал плечами:

— Полагаю, потому что старею и наконец примирился с мыслью, что у меня не будет родного сына. Я предпочитаю видеть поместье Алдаран в руках родственников, а не какого-нибудь выскочки.

Но и сейчас, десять лет спустя, лорд Алдаран хорошо помнил о проклятье колдуньи, труп которой давно склевали стервятники: «С этого дня твои чресла опустеют». И в самом деле, после смерти Алисианы он ни разу всерьез не помышлял о женщинах.

— Разумеется, можно спорить о том, не является ли *мой* сын законным наследником Алдарана, — произнес Ракхел. — Законники могут доказать, что Дорилис заслуживает не более чем брачной

доли наследства, а законнорожденный родственник стоит выше по праву наследования, чем дочь барраганьи.

— Я не даю права так называемым законникам высказывать свои суждения по этому вопросу!

Скатфелл пожал плечами:

— В любом случае этот брак разрешит все неувязки и без обращения к третьим лицам. Наши земли объединятся. Я собираюсь оставить Скатфелл старшему сыну Дорилис, а Даррен будет управлять замком Алдаран от имени своей жены.

Алдаран покачал головой:

— Нет. Это обусловлено в брачном контракте: Донел будет управляющим от имени своей сестры до тех пор, пока ей не исполнится двадцать пять лет.

— Но это неразумно, — запротестовал Ракхел. — Неужели ты не можешь просто выделить надел приемному сыну?

— Я так и сделал, — заявил Алдаран. — Когда Донел достиг совершеннолетия, я подарил ему крепость в Хай-Крэг. В сущности, это развалина, поскольку бывшие владельцы постоянно воевали с соседями, и земли там не слишком плодородны. Но думаю, Донел сможет возродить

ее. Ему остается только найти подходящую жену, и все уладится. Однако он будет управлять Алдараном от имени Дорилис.

— Это выглядит так, словно ты не доверяешь нам, дядя, — возразил Даррен. — В самом деле, неужели ты думаешь, что мы способны лишить Дорилис наследства, которое принадлежит ей по праву?

— Разумеется, нет, — ответил *дом* Микел. — И поскольку вы не имеете таких намерений, какая вам разница, кто будет присматривать за ее землями? Если бы вы собирались сделать нечто подобное, то, наверное, стали бы протестовать против моего выбора. Однако он справедлив: наемного управляющего можно подкупить, а брата — никогда.

Донел изумленно слушал приемного отца. Когда его послали проверить состояние дел в местечке Хай-Крэг, он и не подозревал, что Алдаран предназначал эту крепость для него. Он докладывал в основном о работе, необходимой для приведения хозяйства в порядок, и о богатых возможностях скотоводческой фермы.

Тем более он не мог вообразить, что лорд Алдаран назначит его опекуном Дорилис. Но по здравом размышлении эта мысль казалась ра-

зумной. Для лордов Скатфелла Дорилис была не чем иным, как препятствием на пути к владению Алдараном. Если *дом* Микел умрет, то один лишь Донел в качестве опекуна и управляющего делами сможет помешать Даррену немедленно жениться на Дорилис, несмотря на ее молодость. Это будет не первый случай, когда от женщины избавляются втихомолку, как только ее наследство полностью переходит в руки мужа. Они могут подождать рождения ребенка, чтобы все выглядело законно, но известно, что чем моложе женщина, тем скорее она может умереть от родов. Трагедия, разумеется, — но ничего необычного.

Если же Донел будет опекуном Дорилис и опекунство продлится до ее двадцатипятилетия, а не только до вступления в законный брак и рождения ребенка, то даже в случае смерти сестры Донел будет стоять на страже интересов ее детей и ее наследство не перейдет автоматически в руки Даррена.

«Приемный отец не покривил душой, когда сказал, что сегодня вечером я узнаю, как высоко он меня ценит, — подумал Деллерей. — Может быть, Микел доверяет мне, потому что ему больше некому доверять. Но, по крайней мере, он знает, что я буду защищать интересы Дорилис

превыше моих собственных».

Ракхел никак не желал примириться с услышанным; он продолжал спорить до тех пор, пока лорд Микел не напомнил ему, что три других горных лорда уже присылали гонцов с просьбой руки Дорилис и что она в любое время может быть обручена по выбору отца — даже с одним из Хастуров или Элтонов из Нижних Земель.

— Она уже была обручена однажды: родственникам Деонары не терпелось сосватать ее одному из своих сыновей. Они считали это очевидным, поскольку Деонара так и не родила мне ни одного живого сына. К сожалению, вскоре после помолвки мальчик умер.

— Умер? Как именно?

Лорд Алдаран пожал плечами:

— Я слышал, что с ним произошел несчастный случай, но не знаю подробностей.

Дорилис в то время навещала родственников в Ардаисе и вернулась домой, потрясенная смертью жениха, хотя едва знала его и он ей вовсе не нравился. «Большой, грубый мальчишка. Он сломал мою куклу», — со слезами пожаловалась девочка брату. Донел не стал расспрашивать ее, но, несмотря на свою молодость, знал, что если ребенку предложен выгодный альянс, то у него

мало шансов дожить до зрелости.

«То же самое можно сказать и о Дорилис…»

— Это окончательное решение, — твердо, но благожелательно заключил лорд Алдаран. — Донел, и только он, будет опекуном своей сестры.

— Это оскорбление, дядя, — запротестовал было Даррен, но лорд Скатфелл утихомирил сына.

— Чему быть, того не миновать, — сказал он. — Мы должны быть благодарны за то, что наша невеста имеет достойного родственника, способного защитить ее. Ее интересы — это наши интересы. Все будет по твоей воле, Микел.

Но когда взгляд задумчивых глаз остановился на Донеле, молодой человек сразу же насторожился.

«Мне следует быть начеку, — подумал он. — Возможно, опасность не грозит до тех пор, пока Дорилис не вступит в законный брак: ведь пока жив Алдаран, он может назначить другого опекуна. Но если *дом* Микел умрет, а Дорилис выйдет замуж и уедет в Скатфелл, мои шансы выжить не очень велики».

Внезапно ему захотелось, чтобы лорд Алдаран не связывался со своими родственниками. Если бы *дом* Микел заключал сделку с незнакомыми людьми, то обязательно пригласил бы *леронi*,

чье присутствие сделало бы невозможной ложь и любую попытку обмана. Но хотя Алдаран едва ли доверял сородичам, он не мог оскорбить их сотворением заклятья правды.

Они обменялись рукопожатиями и подписали договор. Донел тоже поставил подпись. Обнявшись напоследок, как подобает любящим родственникам, спустились в зал, где собрались гости. Торжество открывалось пышной трапезой, затем ожидались танцы и разнообразные забавы.

Но Донел, поймавший на себе взгляд Даррена из Скатфелла, снова холодно подумал: «Мне следует быть начеку, этот человек — мой враг».

9

В это время в Большом зале Дорилис с Маргали принимала гостей. Она впервые была одета как женщина, в длинное синее платье с кружевным воротником и расшитыми золотом рукавами. Ее блестящие медно-золотистые волосы были уложены башенкой на затылке и прихвачены брошью-бабочкой. Она казалась гораздо старше своих лет. На вид ей можно было дать лет пятнадцать — шестнадцать, и Донел невольно поразился красоте сестры, хотя и не обрадовался при виде столь резкой перемены.

Дурные предчувствия оправдались, когда Даррен во время официального представления невесте не сводил с Дорилис глаз, словно пораженный в самое сердце. Галантно склонившись над ее рукой, он произнес:

— Это воистину нежданная радость, кузина. Ваш отец заставил меня поверить, будто меня обручают с маленькой девочкой, однако я вижу перед собой очаровательную женщину. Все так, как я и думал: ни один отец не считает свою дочь созревшей для брака.

У Довела становилось все тяжелее на сердце. Почему Маргали это сделала? В брачном контракте Алдарана было четко указано, что о браке не может быть и речи до тех пор, пока Дорилис не исполнится пятнадцать лет. Старый лорд особенно подчеркивал юный возраст дочери, но теперь, когда она предстала перед гостями во взрослом наряде, этот аргумент не выдерживал никакой критики. Когда Даррен, по-прежнему бормотавший комплименты, вывел Дорилис на первый танец, Донел с беспокойством посмотрел им вслед.

Потом он обратился с вопросами к Маргали, но та лишь покачала головой:

— Это было сделано не по моей воле, Донел. Дорилис сама захотела одеться и причесаться по-женски. Я не могла ей перечить, она слишком сильно этого хотела. Ты не хуже меня знаешь, как неразумно провоцировать Дорилис, когда она чего-то *хочет*. Это платье ее матери, и хотя мне жаль видеть свою маленькую девочку такой взрослой, надо признать, что…

— Но она не взрослая, — перебил Донел. — И мой приемный отец потратил много времени, убеждая лорда Скатфелла в том, что Дорилис еще ребенок. Маргали, она *в самом деле* лишь малень-

кая девочка, и ты прекрасно знаешь об этом.

— Да, она девочка, и очень своенравная, — согласилась *лерони*. — Я не могла спорить с ней перед праздником. Кто знает, какую форму могло бы принять ее недовольство? Пока я могу настоять на чем-то важном, но если попытаюсь навязывать ей свою волю в мелочах, девочка вскоре вообще перестанет слушать меня. В самом деле, разве важно, какое платье она надела на помолвку, если, как ты говоришь, лорд Алдаран записал в брачном контракте, что Дорилис выйдет замуж в пятнадцать лет?

— Это не так уж важно, пока мой приемный отец здоров, — угрюмо заметил Донел. — Но этот случай может привести к неприятностям, особенно если с лордом Алдараном что-нибудь случится в течение ближайших нескольких лет.

Донел знал, что Маргали не выдаст его — она заботилась о мальчике с раннего детства и была близкой подругой его матери, — но все же вести такие речи о лорде Домена было неразумно, и он понизил голос:

— Лорд Скатфелл и его сын — совершенно беспринципные люди. Они не постыдятся принудить ребенка к браку ради своих амбиций и присоединить Алдаран к своим владениям.

Если бы сегодня вечером Дорилис оделась как подобает ее возрасту, то общественное мнение составило бы противовес подобной угрозе. Теперь же никого не заинтересует ее настоящий возраст. Все вспомнят, что на церемонии обручения сестра выглядела взрослой, и решат, что правда на стороне Скатфеллов.

Теперь Маргали тоже забеспокоилась, но попыталась уйти от неприятного разговора.

— Думаю, ты зря воображаешь всякие ужасы, Донел, — сказала она. — Нет причин полагать, что лорд Алдаран не проживет еще десяток лет; во всяком случае, проживет достаточно, чтобы защитить дочь от слишком раннего брака. И потом, ты знаешь Дорилис. Она капризная девочка. Сегодня вечером ей нравится играть роль знатной леди, одетой в материнское платье и увешанной драгоценностями, а завтра все будет забыто, и она как ни в чем не бывало начнет играть с другими детьми. Тогда все смогут убедиться, кем она является на самом деле: маленькой девочкой, которой вздумалось поиграть во взрослую даму.

— Да будет так, во имя милосердной Аварры, — мрачно бросил юноша.

— Не вижу причин сомневаться в этом, Донел… А теперь ты должен исполнить свой долг перед

гостями лорда. Многие женщины хотят потанцевать с тобой. Дорилис тоже будет удивляться, почему ты не приглашаешь ее на танец.

Горький смех зазвучал в душе Донела, когда он увидел, как Дорилис, шедшая рука об руку с Дарреном, оказалась в центре внимания группы юношей из мелких дворянских родов, именовавшихся Стражей Алдарана. Возможно, Дорилис и забавлялась, изображая знатную леди, но притворство оказалось неожиданно удачным. Она смеялась и флиртовала, открыто наслаждаясь лестью и восхищением окружающих.

«Отец не станет увещевать ее. Сестра слишком похожа на мать, и он гордится ею. Почему я должен беспокоиться или винить Дорилис? Здесь, на балу, среди друзей и родственников, ей ничто не угрожает. А завтра, несомненно, все будет так, как говорила Маргали: девочка наденет короткое платье, заплетет волосы в косичку и начнет носиться по замку как маленький демон. Тогда Даррен увидит настоящую Дорилис — девочку, которая уже может получить удовольствие от легкого флирта и танцев, но еще слишком далека от того, чтобы стать женщиной».

Стараясь отделаться от гнетущих подозрений, Донел всецело посвятил себя гостям. Обменивал-

ся вежливыми фразами с пожилыми вдовами, танцевал с молодыми женщинами, по тем или иным причинам оставленными без внимания, незаметно встревал между лордом Алдараном и назойливыми прихлебателями, которые могли взбесить старика неуместными просьбами. Но каждый раз, когда он смотрел на Дорилис, юноша замечал, что ее окружает толпа молодых мужчин.

Было уже за полночь, когда Донел наконец получил возможность потанцевать с сестрой. Она дулась на него в притворном негодовании, разрумянившаяся и прекрасная.

— Я думала, братик, что ты уже вообще не захочешь танцевать со мной.

Ее дыхание было свежим, но он ощутил слабый запах вина и нахмурился:

— Дорилис! Сколько ты выпила сегодня вечером?

Она виновато опустила глаза:

— Маргали сказала, что я могу выпить не больше одного бокала, но разве это справедливо, когда на твоей помолвке с тобой обращаются как с маленькой девочкой, которую укладывают спать с заходом солнца?

— Но ведь ты и есть маленькая девочка, — воз-

разил Донел, едва сдерживая улыбку. — Я скажу Маргали, чтобы она отвела тебя наверх, к няне. Ты можешь опьянеть, Дорилис, и тогда никто не будет считать тебя настоящей леди.

— Но сейчас я вовсе не пьяна. Мне просто очень весело и хорошо. — Она вскинула голову и улыбнулась: — Полно, Донел, не брани меня. Весь вечер я ждала случая потанцевать с моим дорогим братом. Разве ты не пригласишь меня на танец?

— Как ты захочешь, чиа.

Он провел сестру в бальный зал. Дорилис отлично танцевала, но сейчас, выполняя пируэт, зацепилась за непривычно длинный подол платья и тяжело рухнула на Допела. Он удержал ее; девочка со смехом обвила его шею руками и положила голову ему на плечо.

— О-о-о, может быть, я в самом деле слишком много выпила! Каждый из моих партнеров после танца предлагал мне бокал вина, а я не знала, как отказаться, чтобы при этом не выглядеть невежливой. Надо будет спросить Маргали, как вести себя в таких обет… обстоятельствах. — На последнем слове Дорилис запнулась и хихикнула. — Если это и значит быть пьяной, Донел, — чувствовать себя веселой и воздушной, похожей

на куколку из бусин на нитке, какие продают старухи на рынке в Каэр-Донне, — то мне это нравится!

— Где Маргали? — спросил Донел, озираясь по сторонам в поисках пожилой *леронии*; про себя он решил, что сегодня ему придется серьезно поговорить с ней. — Я немедленно отведу тебя к ней.

— О бедная Маргали! — Дорилис с невинным видом взглянула на него. — Ей нездоровится. У нее сильно разболелась голова, и я уговорила ее лечь отдохнуть. — Девочка агрессивно добавила: — Мне надоело, что она стоит надо мной с укоризненной миной, словно это она — леди Алдаран, а я — простая служанка. Слуги не имеют права приказывать мне…

— Дорилис! — сердито перебил Донел. — Ты не должна так говорить! Маргали — наша *леронии*. Она благородного происхождения. И если *дом* Микел препоручил тебя ее заботам, твой долг — слушаться ее, пока ты не вырастешь и не сможешь сама отвечать за свои поступки. Сейчас ты ведешь себя как скверная маленькая девчонка. Как ты можешь насылать головную боль на свою приемную мать? Смотри, как ты уронила свое достоинство: напилась, словно последняя девка из конюшен! А Маргали даже не может поставить

тебя на место!

Донел не на шутку рассердился и встревожился. Он сам, *дом* Микел и Маргали были единственными людьми, против которых Дорилис раньше никогда не применяла свой *ларан*.

«Если она больше не хочет слушаться Маргали, то как ее образумить? Она испорчена и неуправляема. Я надеялся, что Маргали сможет держать ее в узде, пока она не подрастет, но теперь…»

— Мне очень стыдно за тебя, Дорилис, и отец будет недоволен, когда узнает о том, что ты сделала с Маргали, которая всегда была так добра к тебе, — сурово сказал юноша.

— Я леди Алдаран и делаю только то, что захочу! — ответила девочка, упрямо выставив маленький подбородок.

Донел обескураженно покачал головой. Этот контраст поражал его. Дорилис выглядела как взрослая женщина, и притом очень хорошенькая, но разговаривала и вела себя как испорченный ребенок, которым, в сущности, и была. «Хорошо бы ее сейчас увидел Даррен. Тогда бы он разглядел в ней капризную девочку».

Однако, поправил себя Деллерей, она уже не совсем ребенок. Ее *ларан* позволил ей поразить Маргали жестокой головной болью. «Может

быть, нам стоит считать себя счастливчиками, пока сестра не обрушивает на нас громы и молнии? А ведь, уверен, она смогла бы это сделать, если бы рассердилась по-настоящему!» Донел возблагодарил богов за то, что Дорилис не обладала телепатическими способностями и не могла прочесть его мысли.

— Ты не должна оставаться в мужской компании, если ты пьяна, чиа, — умиротворяющим тоном произнес юноша. — Позволь мне отвести тебя наверх, к няне. Уже поздно, и гости скоро разойдутся по своим комнатам. Разреши мне проводить тебя, Дорилис.

— Я не хочу спать, — капризно ответила сестра — Мы с тобой потанцевали только раз, а с отцом я вообще не танцевала. И потом, я обещала Даррену еще один танец. Смотри, вот он идет сюда!

— Но ты не в состоянии танцевать, Дорилис, — настаивал Донел. — Ты же едва держишься на ногах.

— Нет, я в самом деле… Даррен! — воскликнула она, подойдя к своему жениху и умело состроив ему глазки. — Потанцуй со мной. Донел выбранил меня; он считает, что как старший брат имеет на это право. Но мне надоело его слушать.

— Я пытался убедить сестру, что вечеринка

продолжается уже достаточно долго для столь юной девушки, — сказал Донел — Возможно, она лучше прислушается к твоим словам, Даррен, ведь ты ее будущий муж.

«Если он пьян, то я не разрешу ей уйти с ним, — сердито подумал Деллерей. — Даже если мне придется поссориться с ним прямо здесь».

Но Даррен, казалось, прекрасно владел собой.

— В самом деле, Дорилис, уже поздно, — заметил он. — Как ты думаешь…

Внезапно в дальнем конце зала послышались крики.

— Боже милосердный! — воскликнул Даррен, повернувшись на шум. — Это младший сын лорда Сторна и тот молодой хлыщ из Дерриел-Форст. Они сцепились. Как бы дело не дошло до драки!

— Мне нужно идти туда, — торопливо сказал Донел, вспомнив об обязанностях распорядителя церемонии и официального хозяина празднества. Но, уходя, он встревоженно взглянул на Дорилис.

— Я присмотрю за ней, Донел, — пообещал Даррен с обычной невозмутимостью. — Иди и разберись с ними.

— Благодарю тебя, — ответил Донел. Даррен был трезв; кроме того, в его же интересах удержать

невесту от скандального поведения в обществе. Он поспешил на звук сердитых голосов — туда, где два молодых парня из враждующих семей ожесточенно спорили друг с другом. Донел был искушен в тактике разрешения подобных споров. Подошел к молодым людям и, присоединившись к дискуссии, убедил каждого из них в том, что правда на его стороне, а затем тактично развел их в стороны. Старый лорд Сторн взял под опеку своего вспыльчивого сына, а Донел отвел молодого Патрика Дерриела в другой конец зала. Через некоторое время юноша протрезвел, извинился и присоединился к своим родственникам, собиравшимся уходить. Донел обвел взглядом бальный зал, надеясь увидеть свою сестру и Даррена. Но их не было, и он подумал, что Даррен все же убедил Дорилис отказаться от танцев и идти спать.

«Если он имеет влияние на Дорилис, то, может быть, нам стоит даже поблагодарить его. Некоторые Алдараны владеют командным тоном; например, отец, когда он был моложе. Может быть, Даррен таким образом повлиял на Дорилис?»

Он безуспешно искал взглядом Даррена. Им начало овладевать смутное предчувствие беды. Словно подтверждая его страхи, вдалеке послы-

шался слабый рокот грома. Когда Донел слышал гром, он всегда думал о Дорилис. Усилием воли юноша приказал себе выбросить из головы глупые мысли: в горах уже наступил сезон гроз, и гром был естественным явлением. Тем не менее он был испуган. Неужели что-то случилось с Дорилис?

Как только Донел направился к ссорящимся гостям, Даррен положил руку на плечо Дорилис:

— Твои щечки порозовели, *дамисела*. Это от жары в бальном зале, или ты натанцевалась до изнеможения?

— Нет, — ответила она, подняв руку к лицу. — Но Донел считает, что я выпила слишком много вина, и постоянно бранит меня. Он хочет, чтобы меня отправили в постель, словно маленькую девочку.

— Мне ты вовсе не кажешься девочкой, — заметил Даррен.

Она придвинулась ближе.

— Я знала, что ты согласишься со мной!

«Почему они так упорно пытались убедить меня, что она не созрела для брака? — подумал Даррен. Его взгляд скользил по ее стройной фигуре. — Она вовсе не ребенок. Кого они хотели обмануть? Или этот старый козел, мой дядюш-

ка, тянет время в надежде на более выгодную партию? А может, он собирается объявить наследником бастарда из Рокравена?»

— Здесь в самом деле очень жарко, — сказала Дорилис, придвинувшись к Даррену. Ее горячие, потные пальцы легли на его руку.

Он улыбнулся невесте.

— Тогда выйдем на балкон, там прохладнее.

Он повел ее на балкон, Дорилис замешкалась, зная, что молодой девушке не подобает покидать бальный зал без сопровождения родственников. «Но Даррен мой кузен! — возмущенно подумала она. — И к тому же мой будущий муж».

Холодный горный воздух освежил Дорилис. Она глубоко вздохнула и оперлась на перила балкона.

— Спасибо, Даррен, — сказала леди Алдаран. — Я так рада уйти из этого людного места! Ты очень добр ко мне.

Ее тон был таким бесхитростным, что Даррен нахмурился и удивленно посмотрел на девушку.

Как же она ребячлива для своих лет! А может быть, она идиотка или слабоумная? Впрочем, какая разница? Дорилис была наследницей Домена Алдаранов, и Даррену оставалось лишь развить свой успех — так, чтобы она стала протестовать,

если ее родственники найдут повод для расторжения брачного контракта. Чем раньше это случится, тем лучше; просто позор, что старый лорд хотел заставить его ждать целых четыре года! Девушка явно созрела, и отсрочка казалась Даррену совершенно неразумной.

А если невеста ведет себя по-детски, то его задача упрощается. Даррен сжал ладонь, доверчиво вложенную в его руку, и ласково сказал:

— Любой мужчина не раздумывая оказал бы тебе *такую* услугу, Дорилис. Кому не захочется побыть наедине со своей невестой? А если она к тому же так прекрасна, как ты, то услуга становится не обязанностью, а удовольствием.

Дорилис покраснела:

— Я в самом деле красива? Маргали говорила мне об этом, но она всего лишь пожилая женщина и едва ли может судить о красоте.

— Ты прекрасна, Дорилис, ты очаровательна, — ответил Даррен, и она увидела его белозубую улыбку.

«Он говорит правду, — подумала девочка. — А не просто хочет казаться вежливым!» И ощутила первый, еще полудетский толчок осознания собственной силы — власти женской красоты над мужским естеством.

— Мне говорили, что моя мать была очень красивой, но она умерла, когда я родилась на свет. Отец говорит, что я похожа на нее. Ты когда-нибудь видел ее, Даррен?

— Лишь в детстве, — ответил тот. — Но это правда: Алисиана из Рокравена считалась одной из прекраснейших женщин от Кадарина до Стены Мира. Некоторые говорили, что она околдовала твоего отца, но ей не требовалось ничего, кроме красоты. Ты в самом деле очень похожа на нее. Может быть, ты так же хорошо умеешь петь?

— Не знаю, — задумчиво сказала Дорилис. — Я могу «держать мелодию», как говорит учительница музыки, но, по ее мнению, я еще слишком мала и неизвестно, будет ли у меня настоящий голос. А ты любишь музыку, Даррен?

— Я плохо разбираюсь в этих материях, — с улыбкой отозвался он, придвинувшись к девочке. — Но для того, чтобы женщина была привлекательной в моих глазах, ей не нужен хороший голос. Ну же — я твой кузен, родственник и жених… ты поцелуешь меня, Дорилис?

— Если хочешь, — наивно ответила она и подставила щеку для поцелуя. Даррен снова задался вопросом: дразнит ли она его или же у нее не все в порядке с головой? Он взял ее лицо в ладони,

повернул к себе и поцеловал в губы.

Дорилис подчинилась поцелую, но в полупьяном вихре ощущений, закружившем ее, послышался слабый сигнал тревоги. Маргали предупреждала ее… «А, эта Маргали всегда старается испортить веселье!» Она прижалась к Даррену, позволяя ему крепко обнять себя, наслаждаясь его прикосновениями, раскрыв губы для жадных поцелуев. Дорилис не была телепаткой, но обладала сильным *лараном*. Среди неясных и расплывчатых эмоций уловила его желание и смутную мысль: «В конце концов, это может оказаться не так плохо, как я полагал!» Ей было интересно, чему он радуется, но потом поняла — вернее, подумала, что поняла. Конечно же, молодой человек был недоволен тем, что ему предстоит обручиться с незнакомой родственницей, которую он считал маленькой девочкой. Но теперь он увидел, что она вовсе не маленькая, назвал ее прекрасной! Дорилис была на седьмом небе от счастья.

Даррен продолжал целовать ее — медленно, настойчиво, не отрываясь от ее губ. Дорилис была слишком пьяна и слишком неопытна, чтобы понять, что с ней происходит. Но когда он расшнуровал ей лиф и его пальцы заползли внутрь,

подбираясь к груди, она внезапно вспыхнула и оттолкнула его.

— Нет, Даррен, это неприлично! Ты не должен… — запротестовала девочка, еле ворочая языком. Впервые подумала, что Донел, наверное, был прав: не следовало так много пить. Лицо Даррена раскраснелось. Он не собирался отпускать Дорилис. Она крепко вцепилась в его руки своими маленькими пальчиками и оттолкнула их.

— Нет, Даррен, нет! — И принялась лихорадочно зашнуровывать лиф.

— Все в порядке, Дорилис, — произнес он таким хриплым голосом, что ее бросило в дрожь. — Все нормально. Мы поженимся, когда ты пожелаешь. Ты же хочешь выйти за меня замуж, правда?

Он снова привлек ее к себе и поцеловал, грубо и настойчиво.

— Дорилис, послушай меня. Если ты позволишь овладеть тобой сейчас же, то твой отец будет вынужден согласиться на бракосочетание.

Теперь Дорилис встревожилась. Отодвинулась от жениха, начиная понимать, что ей следует как можно скорее уйти с балкона. В своей невинности она еще не могла понять, чего от нее хотят, но знала, что это неправильно. Ее пальцы, зашнуровывавшие лиф, нервно дрожали.

— Мой отец… Маргали говорит, что я еще недостаточно взрослая для настоящего брака.

— А, эта *леронi*! Что может знать о любви и браке какая-то старая дева? — Даррен рассмеялся. — Иди сюда и поцелуй меня еще раз, моя крошка. Ну, ну, не дергайся. Вот так, теперь так…

Она чувствовала грубую, пугающую силу его поцелуев. Его руки больше не ласкали, но грубо лапали ее.

— Даррен, отпусти меня, — умоляла девочка. — Пожалуйста, пожалуйста, ты не должен! — Ее голос звенел от испуга. — Отцу это не понравится. Убери руки! Умоляю тебя, кузен, родич!

Дорилис оттолкнула его, но она была лишь опьяневшей одиннадцатилетней девочкой, а Даррен — взрослым мужчиной, к тому же абсолютно трезвым. Ее затуманенный *ларан* выхватывал из мешанины образов его желание, решимость с оттенком жестокости.

— Нет, не сопротивляйся, — бормотал жених. — Когда все закончится, твой отец с радостью отдаст тебя в жены, и ты будешь довольна — не так ли, моя маленькая, моя красавица? Ну, иди же ко мне!

Охваченная ужасом, Дорилис слабо отбивалась:

— Отпусти меня, Даррен! Отпусти меня! Папа очень рассердится, и Донел тоже рассердится. Отпусти меня, Даррен, иначе я позову на помощь!

Она заметила, что в его глазах мелькнула тревога, и открыла рот, собираясь закричать. Но Даррен опередил ее. Жесткая ладонь зажала ей рот, заглушив крик.

Ужас Дорилис неожиданно сменился бешенством. Как он посмел? Не сдерживая ярости, она *потянулась*, как делала это с младенчества, когда кто-то прикасался к ней против ее воли, и *ударила* ...

Даррен отпрянул с приглушенным криком и зашипел от боли:

— Ах ты маленькая ведьма! Как ты осмелилась?

Размахнувшись, ударил ее по щеке с такой силой, что Дорилис чуть не потеряла сознание.

— Ни одна женщина не смеет так поступать со мной! Ты же хочешь, чтобы тебя целовали и обнимали! Ну нет, теперь уже слишком поздно!

Когда она упала на пол, Даррен опустился на колени рядом с ней, срывая с себя одежду. Дорилис, ослепленная гневом и ужасом, снова *ударила*. Раскат грома заглушил ее крик, и она увидела сверкающую белую вспышку, ударившую в грудь

жениха. Он откинулся назад с искаженным лицом, потом покачнулся и тяжело упал на нее. Девочка оттолкнула его в сторону и поднялась на ноги, хватая ртом воздух и борясь с подступившей тошнотой. Даррен лежал без чувств, не двигаясь. Никогда, никогда еще она не наносила удар с такой силой… «О, что я наделала!»

— Даррен, — умоляла она, склонившись над неподвижным телом. — Даррен, вставай! Я не хотела сделать тебе больно, но ты не должен был так грубо приставать ко мне. Мне это не нравится. Даррен! Даррен! Тебе в самом деле так плохо? Кузен, ты слышишь меня?

Но он молчал. Ужас снова пронзил Дорилис, она побежала к двери бального зала, забыв о своей растрепавшейся прическе и расстегнутом платье.

«Донел! — Сейчас она могла думать только о нем. — Донел знает, что делать! Я должна найти Довела!»

Панический крик сестры эхом отозвался в сознании Довела, хотя его и не услышали в бальном зале. Деллерей торопливо извинился перед пожилым другом своего деда, остановившимся поговорить с ним, и устремился на поиски, направляемый беззвучным зовом о помощи.

«Этот ублюдок Даррен!» — Он открыл дверь балкона, и Дорилис почти сразу же упала в его объятия. Прическа в беспорядке, платье на груди порвано.

— Дорилис! Чиа, что случилось? — спросил брат, чувствуя, как гулко забилось его сердце. Боги милосердные, неужели Даррен осмелился приставать к одиннадцатилетней девочке? — Успокойся, бредилла. Никто не должен увидеть тебя в таком виде. Зашнуруй лиф, быстренько!

Он мрачно размышлял о том, как скрыть этот инцидент от лорда Алдарана. В противном случае вспыхнет ссора с родственниками из Скатфелла. Донелу даже не приходило в голову, что это может принести ему выгоду.

— Не плачь, сестренка. Твой кузен, несомненно, был пьян и не знал, что делает. Теперь понимаешь, почему молодая девушка не должна много пить. Пошли, Дорилис, не плачь.

— Даррен… — дрожащим шепотом произнесла она. — Я ударила его. Я не знаю, что с ним случилось. Он лежит там и не отвечает. Он очень грубо целовал меня. Сначала я хотела целоваться с ним, но потом он стал домогаться меня. Я остановила его, он ударил меня. Потом я рассердилась и… и вызвала молнию. Но я не хотела сделать ему

больно, честное слово, не хотела! Пожалуйста, Донел, пойди и посмотри, что с ним случилось.

«О, милосердная Аварра!» — Учащенно дыша, Донел вышел с сестрой на балкон и склонился над Дарреном, уже зная, что предстоит увидеть. Лицо Даррена смотрело в ночное небо невидящими глазами. Тело уже начинало остывать.

— Он мертв, Дорилис. Ты убила его.

Донел обнял сестру, словно пытаясь защитить ее от огромного и жестокого мира. Она дрожала всем телом, как молодое деревце на ветру. Над башнями замка Алдаран прокатывались сердитые раскаты грома, постепенно затихая вдали.

10

— А теперь, с дозволения богов, мы узнаем правду об этом чудовищном злодеянии, — мрачно произнес лорд Скатфелл.

Гости разъехались по домам. Огромное красное солнце начало проглядывать над бастионами замка Алдаран через тяжелую пелену облаков. Тело Даррена перенесли в часовню, расположенную в самом сердце замка.

Донел никогда не любил Даррена, но не мог удержаться от жалости, увидев молодого человека окоченевшим и бездыханным, в наполовину расстегнутой одежде, с искаженным от муки и ужаса лицом. «Он умер жалкой смертью», — подумал Деллерей. Он собрался было поправить одежду мертвеца, чтобы придать ему более приличный вид, но вовремя сообразил, что таким образом уничтожит единственные улики, на основании которых будет строиться защита Дорилис.

«Кровь на таком маленьком ребенке!» — с содроганием подумал Донел. Отступив от трупа, он направился в приемный зал замка Алдаран.

Маргали пробудилась от тяжелого сна, одолевшего ее, когда головная боль понемногу начала стихать. Она стояла в ночной рубашке, с наброшенной на плечи теплой шалью, а Дорилис рыдала в ее объятиях. Лицо девочки распухло от слез, волосы слиплись, заплывшие веки сонно опускались на глаза. Она почти перестала плакать, но время от времени ее худые плечи начинали сотрясаться от рыданий. Красивое платье измялось и испачкалось.

— Вы хотите сотворить заклятье правды, мой лорд? — спросила Маргали, взглянув на лорда Микела. — Хорошо, но позвольте мне хотя бы послать за ее няней и уложить ребенка в постель. Она не спала всю ночь, и сами видите… — *Лерони* кивнула, указывая на всхлипывающую, взъерошенную Дорилис, прижимавшуюся к ней.

— Мне очень жаль, местра[17], но Дорилис должна остаться, — ответил Алдаран. — Нам нужно выслушать ее показания… Дорилис, — его голос звучал очень мягко, — отпусти приемную мать, дитя мое, и сядь рядом с Донелом. Никто не причинит тебе вреда; мы хотим лишь узнать, что произошло на самом деле.

---

[17] notes: 17
Уважительное обращение к женщине.

Дорилис неохотно убрала руки с шеи Маргали. Ее движения были механическими, словно у заводной куклы. Донелу поневоле подумалось о кролике, загипнотизированном змеей.

Она подошла и села на низкую скамью рядом с ним. Донел протянул ей руку, и детские пальчики с неожиданной силой уцепились за его палец. Подняв другую руку, Дорилис утерла заплаканное лицо рукавом платья.

Маргали вынула матрикс из шелкового мешочка, висевшего у нее на шее, и всмотрелась в глубины самоцвета. Низкий, ясный голос отчетливо звучал в тишине приемного чертога, хотя *леронi* почти шептала.

— Пусть правда озарит эту комнату, — произнесла она. — Во имя огня истинного и нерукотворного…

Донел много раз наблюдал за созданием заклятья правды, и все же каждый раз это зрелище не переставало изумлять его. В маленьком голубом самоцвете разгоралось сияние, медленно озарившее лицо *леронi*. Потом сияние начало распространяться по комнате. Донел ощутил отблеск холодного света на собственном лице, увидел сияние на заплаканном лице Дорилис, на лицах Ракхела из Скатфелла и телохрани-

теля, неподвижно застывшего за его спиной. В голубых бликах Микел из Алдарана казался еще больше похожим на старого, угрюмого ястреба. Когда он поднял голову, от него волнами распространилось ощущение угрожающей силы — дремлющей, но готовой проснуться.

— Все сделано, мой лорд, — сказала Маргали. — Пока горит этот свет, здесь возможно говорить только правду, и ничего кроме правды.

Донел знал, что если под заклятием правды произносится умышленная ложь, свет исчезает с лица говорившего, немедленно указывая на его вину.

— А теперь ты должна рассказать нам все, что тебе известно, Дорилис, — произнес лорд Алдаран. — Как умер Даррен?

Дорилис подняла голову, заморгала припухшими от слез глазами и снова вытерла нос вышитым рукавом своего платья. Она крепко держалась за руку Донела, и он чувствовал, как дрожит сестра. Раньше Алдаран никогда не обращался к дочери командным тоном.

— Я… я не знала, что он умер, — пробормотала девочка и быстро заморгала, словно собираясь расплакаться.

— Он мертв! — воскликнул Ракхел из Скат-

фелла. — Мой старший сын убит! Можешь не сомневаться в этом, ты…

— *Молчать!*

Командный тон заставил умолкнуть даже лорда Скатфелла.

— А теперь, Дорилис, расскажи нам о том, что произошло между тобою и Дарреном. Как получилось, что его ударило молнией?

Дорилис мало-помалу справилась с волнением.

— Нам стало жарко от танцев, и он предложил выйти на балкон. Он начал целовать меня, а потом… — ее голос снова задрожал, — а потом он расшнуровал мой лиф и стал трогать меня. Он не останавливался, хотя я очень просила его. — Дорилис учащенно моргала, но свет правды на ее лице оставался неизменным. — Он сказал, что я должна отдаться ему, чтобы отец не откладывал нашу свадьбу. Он грубо целовал меня; он сделал мне больно!

Девочка закрыла лицо руками и содрогнулась в новом приступе беззвучных рыданий. Лицо Алдарана окаменело.

— Не бойся, дочь моя, — сказал лорд. — Пусть наши родственники видят твое лицо.

Донел мягко отвел руки Дорилис от лица, взяв

их в свои. Он ощущал мучительный страх и стыд, как будто толчками вливавшийся в него с биением ее пульса.

— Он… когда я оттолкнула его, он сильно ударил меня и повалил на пол. Потом он опустился на пол рядом со мной, и я… я испугалась и ударила его молнией. Я не хотела убивать его, я только хотела, чтобы он убрал от меня свои руки!

— Ты! Значит, это ты убила его? Ты ударила его своей колдовской молнией, исчадие ада!

Скатфелл поднялся со своего места, угрожающе протянув руку.

— Отец! — пронзительно выкрикнула Дорилис. — Не позволяй ему трогать меня!

В воздухе сверкнула фиолетовая вспышка, что-то зашипело. Ракхел из Скатфелла пошатнулся и застыл как вкопанный, хватаясь за сердце. Телохранитель подошел и помог ему вернуться на место.

— Мои лорды, если бы она не сразила его, то я бы сам вызвал его на поединок! — заявил Донел. — Совершить насилие над одиннадцатилетней девочкой!.. — Рука стиснула эфес меча, словно мертвец стоял перед ним во плоти.

Когда лорд Алдаран повернулся к лорду Скатфеллу, его голос был проникнут печалью и

сожалением:

— Ну что же, брат мой, ты все слышал. Я сожалею об этом сильнее, чем могу выразить словами, но ты видел свет правды на лице ребенка. Мне кажется, что ее вина в этом деле невелика. Как мог твой сын решиться на столь позорный поступок — изнасиловать свою невесту!

— Мне и в голову не могло прийти, что ему придется прибегнуть к насилию. — В словах Скатфелла пульсировал едва сдерживаемый гнев. — Короче говоря, это я посоветовал ему получше познакомиться с ней. Неужели ты действительно думаешь, что мы согласились бы ждать долгие годы, пока ты будешь подыскивать для нее более выгодную партию? И слепой может увидеть, что твоя дочь созрела для брака, а в законе ясно сказано: если нареченные супруги возлягут вместе, их брак считается законным начиная с этого момента. Да, это я посоветовал Даррену… присмотреть за ней.

— Мне следовало бы догадаться, — с горечью произнес лорд Алдаран. — Так ты не поверил мне, брат? Но сейчас здесь стоит *леронии*, помогавшая моей дочери появиться на свет. Под заклятием правды, Маргали, скажи, сколько лет исполнилось Дорилис?

— Свидетельствую, что я отняла ребенка от тела Алисианы одиннадцать лет назад, — ответила *леронии*, окруженная голубым сиянием. — Но если бы даже она была совершеннолетней, лорд Скатфелл, почему ты потворствовал совращению собственной невестки?

— Да, мы должны услышать и об этом, — сказал Микел, лорд Алдаран. — Почему, брат мой? Разве ты не доверял родственным узам?

— Это вы забыли о родственных узах! — взъярился Скатфелл. — Стоит ли тебе спрашивать, брат? Ты собирался заставить Даррена ждать многие годы, а тем временем рассчитывал изыскать какой-нибудь способ сделать наследником этого бастарда, которого ты называешь приемным сыном. Этого ублюдка, который даже не приходится тебе родственником!

Донел, не раздумывая, поднялся со скамьи и встал на место телохранителя, в трех шагах за спиной лорда Алдарана. Его рука застыла над эфесом меча. *Дом* Микел не оглянулся на Донела, но слова сорвались с его губ так, словно их жгло каленым железом:

— Благодари богов за то, что ты сказал правду! Если бы Донел только был моим кровным сыном, законнорожденным или недестро! Ни один отец

не может желать лучшего родича или сына. Но увы — и я говорю это с болью в сердце и под заклятьем правды — Донел не мой сын.

— Не твой сын? В самом деле? — Голос Скатфелла дрожал от ярости. — Тогда почему, скажи, старый человек питает позорное пристрастие к чужому мальчишке? Если он не твой сын, то, должно быть, он твой любовник!

Рука Донела метнулась к эфесу меча. Алдаран почувствовал его намерение и сжал запястье Донела стальными пальцами. Он продолжал удерживать руку юноши до тех пор, пока тот не подчинился, вложив меч обратно в ножны.

— Только не под моей крышей, приемный сын; он все еще остается нашим гостем.

Отпустив запястье Донела, Микел повернулся к лорду Скатфеллу, точно огромный ястреб, нацеливший на жертву.

— Если бы кто-то, кроме моего брата, завел подобные речи в моем присутствии, то я бы клещами вырвал ложь из его глотки! Убирайся! Забирай с собой труп грязного подонка, которого ты называл сыном, и всех своих лакеев и убирайся вон из моего замка, прежде чем я в самом деле не забыл о родственных узах!

— Твой замок недолго останется при тебе,

брат, — сквозь зубы прошипел Скатфелл. — Я обрушу его тебе на голову, камень за камнем, если он достанется бастарду из Рокравена!

— А я сожгу крышу над своей головой, прежде чем она перейдет к любому из сыновей Скатфелла! — отрезал лорд Алдаран. — Выметайся из моего дома до полудня, иначе мои слуги выгонят тебя кнутами! Возвращайся в Скатфелл и почитай за счастье, что я не выдворяю тебя из замка, которым ты владеешь лишь с моего соизволения. Я делаю поблажку твоему горю, иначе ты заплатил бы кровью своего сердца за все, сказанное тобою в этой комнате. Убирайся в Скатфелл или куда захочешь, но больше не попадайся мне на глаза и не называй меня братом!

— Ни братом, ни верховным лордом, — в бешенстве отозвался Ракхел. — Благодарение богам, у меня есть другие сыновья, и придет день, когда они будут владеть Скатфеллом по праву, а не по твоей поганой милости. Придет день, когда мы завладеем и Алдараном и колдунья-убийца, что прячется сейчас под личиной хнычущей девчонки, ответит за все! С этих пор, Микел, дрожи за себя, за свою дочь-колдунью и за ублюдка из Рокравена, которого ты называешь сыном! Одни боги знают, как ему удалось влезть тебе в душу!

Какая-то гнусная ворожба! Я более не собираюсь дышать воздухом, отравленным злыми чарами!

Лорд Скатфелл горделивой походкой удалился из приемного чертога. Его взгляд, брошенный на Дорилис, был исполнен такой ненависти, что у Донела кровь застыла в жилах.

«Когда братья враждуют друг с другом, в брешь между ними входят враги, — подумал Донел. — Теперь приемный отец рассорился со всей своей родней. И я, единственный, кто остался с ним, — я даже не могу назвать его родным отцом!»

— А теперь, мой лорд, с вашего позволения я уложу Дорилис в постель, — твердо сказала Маргали после отъезда гостей из Скатфелла.

— Да, да, — с какой-то мрачной апатией пробормотал лорд Алдаран. — Забери девочку и возвращайся, когда она уснет.

Маргали увела плачущую Дорилис. *Дом* Микел сидел неподвижно, склонив голову и углубившись в раздумья. Донел опасался беспокоить его, но когда вернулась Маргали, он тихо спросил:

— Может быть, мне уйти?

— Нет, мой мальчик, это касается и тебя. — Вздохнув, Алдаран поднял голову и посмотрел на пожилую *леронии*. — На тебе нет вины, Маргали, но что нам теперь делать?

— Я больше не могу контролировать ее, мой лорд, — печально ответила *леронн*. — Она сильна и своевольна, а вскоре на нее обрушатся все тяготы переходного возраста. Прошу вас, *дом* Микел, отдать ее под опеку кого-то более сильного, чем я, и лучше подготовленного. Дорилис должна научиться обуздывать свой *ларан*, иначе могут случиться еще худшие беды.

«Что может быть хуже, чем это?» — удивленно подумал Донел.

— Все остальные мои дети умерли либо в утробе матери, либо в подростковом возрасте. — Алдаран словно отвечал на невысказанный вопрос. — Их убило проклятье нашего рода — пороговая болезнь. Должен ли я бояться и за нее?

— Мой лорд, а вы не хотите послать ее к *ваи леронн* из Башни Трамонтана? — спросила Маргали. — Они позаботятся о ней и научат пользоваться *лараном*. Если кто-нибудь из ныне живущих может провести ее через тяготы созревания без рокового ущерба для нее, то это они.

«В самом деле, правильное решение», — решил Донел.

— Да, отец, — с энтузиазмом поддержал он. — Ты помнишь, как они были добры ко мне каждый раз, когда я ездил туда? Они были рады моему

обществу; они рассказали мне о *ларане* и с радостью научили бы большему, если бы я остался у них. Пусть Дорилис отправится к ним, отец!

Лицо Алдарана едва заметно просветлело, но затем он снова нахмурился.

— В Трамонтану? Ты хочешь опозорить меня перед соседями, Донел? Должен ли я показать свою слабость, чтобы они распространили слухи о ней по всем Хеллерам? Должен ли я сделаться объектом сплетен и всеобщего презрения?

— Отец, я думаю, ты неверно судишь о людях из Трамонтаны, — ответил юноша, уже зная, что уговоры не помогут. Он не принял в расчет фамильную гордость дома Микела.

— Если вы не хотите отпустить ее на попечение наших соседей в Трамонтане, то умоляю вас отослать ее в Хали, или в Нескью, или в одну из Башен на равнине, — попросила Маргали. — Я недостаточно сильна, чтобы справляться с нею. Боги знают, как мне не хочется расставаться с моей маленькой девочкой. Я люблю ее как собственное дитя, но больше не могу обуздывать ее *ларан*. В Башнях же специально учатся этому искусству.

Алдаран надолго задумался.

— По-моему, она еще слишком мала для обуче-

ния в Башне, — наконец сказал он. — Но между Алдараном и Элхалином существует старая дружба. Может быть, ради этой дружбы лорд Элхалин согласится послать сюда *леронии* из Башни Хали, которая позаботится о моей дочери. Это не возбудит сплетен. Готов ли ты, Донел, отправиться на поиски того, кто согласится приехать в Алдаран, жить в нашей семье и учить Дорилис пользоваться *лараном*?

Донел встал и поклонился. Мысль о Дорилис, живущей в неприступной Башне Трамонтана среди надежных друзей, привлекала его, но, может быть, такой поступок действительно означал слишком большое унижение для приемного отца.

— Если хочешь, мой лорд, я поеду сегодня, как только соберу эскорт, подобающий твоему званию и достоинству.

— Нет, — сурово возразил Алдаран. — Ты поедешь один, Донел, как подобает просителю. Я слышал, что между Элхалином и Риденоу заключено перемирие, поэтому ты будешь в относительной безопасности. Но если ты отправишься в одиночку, им будет ясно, что я действительно нуждаюсь в помощи.

— Как вам будет угодно, — согласился До-

нел. — Значит, я поеду завтра или даже сегодня вечером.

— Ты поедешь завтра, — произнес Алдаран. — Пусть крысы из Скатфелла уберутся в свои норы. Я хочу, чтобы ни слова о случившемся не стало известно в наших горах.

11

У дальнего берега озера Хали высилась Башня — величественное сооружение, сложенное из матового полупрозрачного камня.

Наиболее ответственная работа в матриксном круге совершалась по ночам. Сначала Эллерт не понимал, почему так заведено, считая это предрассудком или бессмысленным обычаем, однако со временем начал осознавать, что ночные часы, когда большинство людей спит, свободны от беспорядочных мыслей и случайного вмешательства чужих разумов. В глухие ночные часы работники матриксного круга могли посылать свое объединенное сознание в кристаллы матрикса, многократно усиливающие пси-излучение человеческого мозга и превращающие силу воли в чистую энергию.

С помощью невероятной силы соединенных разумов и гигантских искусственных кристаллических решеток матрикса, построенных специалистами-техниками, эта мысленная энергия могла находить и добывать глубоко погребенные под землей металлы, поднимая их на поверх-

ность в виде очищенного расплава; заряжать батареи для аэрокаров или мощные генераторы, дававшие свет в замках Элхалина и Тендары. Когда-то работники матриксного круга воздвигли сверкающие белые башни замка Тендары прямо из монолитной скальной породы. Башни служили источником всей энергии и технологии Дарковера, но создавали эту энергию женщины и мужчины, работавшие в матриксных кругах.

В защищенном матриксном зале — защищенном не только табу, традициями и уединенностью самой Башни, но и силовыми полями, способными поразить незваного пришельца смертью или безумием, — Эллерт Хастур сидел перед низким круглым столом, соединившись руками и разумом с шестью другими работниками его круга. Вся энергия тела и разума сосредоточилась в едином потоке, текущем к Хранителю круга. Хранитель был гибким и крепким как сталь молодым человеком. Его звали Корином, он приходился Эллерту кузеном и был примерно его ровесником. Сидя перед гигантским искусственным кристаллом, он принимал концентрированный энергетический поток от шестерых людей, сидевших вокруг стола, и направлял его через кристаллические решетки в ряды батарей, выстроившиеся на низком

столе. Корин не говорил и не двигался, но когда он властным жестом указывал то на одну, то на другую батарею, работники круга вливали всю силу в матрикс через тело Хранителя, посылая огромные заряды энергии в следующий по счету аккумулятор.

Тело Эллерта было холодным как лед, но он не чувствовал этого, не чувствовал ничего, кроме протекавшего через него мощного потока энергии. Это чем-то напоминало ему экстатическое слияние голосов и разумов при исполнении утренних гимнов в Неварсине, уникальное единение и вместе с ним осознание собственного места в музыке вселенной…

Вне круга соединенных рук и разумов сидела женщина в свободном белом одеянии, закрывшая лицо ладонями, так что были видны лишь локоны ее длинных, пышных волос медного цвета. Ее разум без устали перемещался по кругу, по очереди наблюдая за неподвижными фигурами. Она снимала мышечное напряжение, прежде чем судорога могла нарушить концентрацию внимания, следила за функционированием жизненно важных органов. Ритмическое помаргивание и легкие перемены позы помогали избежать перенапряжения. Если у кого-то сбивалось дыхание,

женщина вступала в энергетический контакт и восстанавливала прежний ритм, возвращала к нормальной работе случайно зачастившее сердце. Работники круга в течение долгих часов не чувствовали собственных тел. Они ощущали лишь общий разум, плывущий в потоке энергии, поступавшей в батареи. Время для них остановилось в одном бесконечном мгновении; лишь Наблюдающая следила за тем, как бегут минуты. Теперь, не замечая приближения рассвета, но внутренне ощущая его, она нащупала в круге нежелательную слабину и послала зонд своего ищущего разума, проверяя одну неподвижную фигуру за другой.

«Корин?» Сам Хранитель, годами тренировавший тело и разум, чтобы выдерживать подобное напряжение… нет, он не испытывал беспокойства. Женщина проверила циркуляцию его крови; температура тела сильно понизилась, но он не осознавал этого. Его состояние не изменилось с ночи. Как только тело приобретало удобное и сбалансированное положение, он мог часами пребывать в неподвижности, не испытывая неудобств.

«Мира?» Нет, пожилая женщина, сама исполнявшая обязанности Наблюдающей до того, как

это место заняла Рената, оставалась спокойной и отрешенной, слаженно двигаясь вместе с энергетическими полями, фокусируясь на случайных всплесках силы.

«Барак?» Этот плотный, смуглый мужчина — техник, построивший искусственную матриксную решетку для своего круга, — был близок к судороге. Рената автоматически проникла в его тело и расслабила напряженный мускул, прежде чем боль успела нарушить его сосредоточенность. В остальном с ним все было в порядке.

«Эллерт?» Как может новичок проявлять подобное самообладание? Может быть, сказывается тренировка, полученная в Неварсине? Дыхание было глубоким и размеренным, приток кислорода к сердцу и конечностям не прекращался ни на секунду. Он даже научился наиболее сложному приему в матриксном круге — оставаться неподвижным в течение долгого времени, не испытывая боли или судорог.

«Ариэлла?» По возрасту она была самой младшей, однако в свои шестнадцать лет уже провела два года в Хали и достигла ранга механика. Рената тщательно проверила ее: дыхание, сердце, кровообращение. Особенное внимание женщина обратила на носовые пазухи, иногда беспоко-

ившие Ариэллу из-за сырости, обычной для здешнего климата. Девушка была родом с южных равнин. Не обнаружив отклонений от нормы, Рената продолжила проверку. Нет, ничего серьезного, даже такой мелочи, как полный мочевой пузырь, способной вызвать нежелательное напряжение. «Одно время мне казалось, что Корин сделал ей ребенка, но это не так, — подумала Рената. — Я тщательно обследовала ее, прежде чем она вошла в круг; Ариэлла знает, как соблюдать меры предосторожности. Значит, это Кассандра…»

Наблюдающая проверила сердце, дыхание, циркуляцию крови. Рената ощутила тревожную дрожь в сознании девушки и послала быстрый успокаивающий сигнал. Кассандра неопытна в этой работе и еще не научилась воспринимать мысленное прикосновение Наблюдающей к своему телу или разуму как признак помощи и поддержки. Рената потратила еще несколько секунд, чтобы успокоить ее, прежде чем смогла перейти к более тщательному обследованию.

«Да, это Кассандра. Это ее напряжение мы все сейчас разделяем… Ей не следовало входить в круг теперь, когда у нее начинаются месячные. Я думала, она это понимает, но…» Однако Рената

не винила Кассандру. Она сама должна была удостовериться, что с девушкой все в порядке. Рената знала, как тяжело бывает в первые дни обучения признаться в своих слабостях или подчиниться строгим ограничениям. Наблюдающая вступила в связь с Кассандрой, пытаясь ослабить напряжение, но вскоре поняла, что та еще не способна работать в тесном контакте с нею. Тогда она послала осторожный предупреждающий сигнал Корину, мягкое прикосновение, сродни тишайшему шепоту: «Нам придется разорвать круг. Будь готов, когда я подам знак…»

Поток энергии не замедлился, но слабая дрожь мысли на самой периферии сознания Корина ответила ей: «Не сейчас. Нам осталось зарядить еще целый ряд батарей». Затем Хранитель снова погрузился в связь с матриксным кругом, словно камень, брошенный в воду и не оставивший следов на ее поверхности.

Теперь забеспокоилась Рената. Слово Хранителя в круге было законом, однако на ней лежала ответственность за здоровье и благополучие работающих. До сих пор женщина тщательно скрывала от них свою озабоченность, но продолжала ощущать чье-то слабое самоосознание, отток энергии из круга, утечку в единой цепи. «Эл-

лерт сознает присутствие Кассандры. Находясь на этой стадии транса внутри круга, он не должен подозревать о ее существовании, не должен отличать ее от других». Однако это было лишь легким отклонением, которое Рената скомпенсировала, осторожно сдвинув осознание Эллерта к фокусу его энергии. Она старалась поддерживать Кассандру, как будто вела ее под руку по крутой лестнице. Но как только полная сосредоточенность оказалась нарушенной, что-то в потоке энергии дрогнуло, стронулось — словно ветерок покрыл рябью спокойное зеркало вод. Барак беспокойно заворочался, Корин кашлянул, Ариэлла шмыгнула носом. Дыхание Кассандры стало более тяжелым и прерывистым. Рената направила второе предупреждение, в повелительном тоне: «Мы должны разорвать круг, Корин».

На этот раз в ответном сигнале сквозило явное раздражение, отдавшееся во всех соединенных разумах, подобно сигналу тревоги. Эллерт услышал этот сигнал в своем сознании, как слышал беззвучные колокола Неварсина, и мало-помалу начал восстанавливать свою независимость от окружающих разумов. Раздражение Корина напоминало жгучий шлепок, скручивание какой-то внутренней жилы; вместе с тем Эллерт ощущал,

как сознание Кассандры уплывает куда-то в темноту. Круг начал распадаться, но не медленно и постепенно, как это бывало раньше, а быстро и болезненно. Эллерт слышал, как Мира хватает ртом воздух, как шмыгает носом Ариэлла, словно собираясь расплакаться. Барак застонал, потянув сведенную судорогой руку, Хастур хорошо знал, что из круга нельзя выходить слишком быстро; продвигался медленно, осторожно, словно просыпаясь от глубокого сна. Но он был взволнован и обеспокоен. Что произошло с кругом? Очевидно, они не успели закончить работу…

Один за другим члены круга выходили из матриксного транса. Лицо Корина побелело и исказилось. Он молчал, но гнев на Ренату мучительно ощущался всеми.

«Я же сказал тебе: еще рано! Теперь нам придется начинать все сначала ради какой-то дюжины батарей… Почему ты разорвала круг? Неужели кто-то оказался слишком слаб и не мог потерпеть еще несколько минут? Кто мы — дети, играющие в камушки, или ответственные специалисты?»

Но Рената не обратила внимания на его вспышку. Эллерт увидел, что Кассандра тяжело осела, длинные темные волосы разметались по столу. Он резко отодвинул низкий табурет и бросился к

ней, но Рената оказалась проворнее.

— Нет! — твердо произнесла она, и Эллерт с невольной дрожью почувствовал, что командный тон предназначался только ему. — Не прикасайся к ней. Я несу за нее ответственность!

Эллерт, пребывавший в состоянии крайней обостренности чувств, уловил невысказанную мысль: «Это ты виноват…»

«Я? Святой Носитель Вериг, укрепи меня! Я, Рената?»

Рената стояла на коленях возле Кассандры. Кончики ее пальцев поглаживали шею девушки, слегка прикасаясь к нервным центрам. Кассандра слабо зашевелилась.

— Все в порядке, милая, — успокаивающе прошептала Наблюдающая. — Теперь все будет хорошо.

— Мне так холодно.

— Я знаю. Это пройдет через несколько минут.

— Мне очень жаль. Я не хотела… я была уверена… — Девушка огляделась, готовая расплакаться, и вся сжалась под сердитым взглядом Корина.

— Оставь ее в покое, Корин, — сказала Рената, не поднимая головы. — Она не виновата.

— *Ц'пар серву, ваи леронн*, — с нескрываемой иронией бросил Корин. — Ты разрешишь нам

проверить батареи, пока будешь ухаживать за ней?

Кассандра боролась с подступающими рыданиями.

— Не обращай внимания на Корина, — мягко заметила Рената. — Он устал, как и все мы. Он не хотел обидеть тебя.

Ариэлла подошла к столику у стены, взяла металлический щуп — работники матриксных кругов обладали первоочередным правом использования всех редких металлов Дарковера — и, обернув руку изолирующим материалом, подошла к батареям. Она прикасалась к одной батарее за другой и извлекала электрическую искру, указывавшую на полную подзарядку. Остальные члены круга мало-помалу поднимались со своих мест, разминая занемевшие конечности. Рената по-прежнему стояла на коленях возле Кассандры. Проверив пульс, она убрала руку с шеи девушки.

— Теперь попробуй встать. Походи кругами, если можешь.

Кассандра прижала к груди худые руки.

— Мне так холодно, словно я провела ночь в самой дальней из преисподен Зандру, — прошептала она. — Спасибо тебе, Рената. Как ты узнала?

— Я Наблюдающая. Знать о таких вещах — это

моя обязанность.

Рената Лейнье была стройной и крепкой молодой женщиной с пышной копной медно-золотистых волос. Но рот был слишком широким, зубы — мелкими и неровными, нос и щеки украшала россыпь веснушек. Самой привлекательной чертой ее внешности были глаза — большие, дымчато-серые, словно два туманных самоцвета.

— Когда ты немного больше узнаешь о себе, Кассандра, то сможешь следить за недомоганиями и заранее предупреждать нас, когда тебе не следует работать в круге. У нас, женщин, при менструации психическая энергия покидает тело вместе с кровью, и вся наша сила требуется нам для самих себя. А теперь ты должна лечь в постель и отдохнуть день-другой. В любом случае ты некоторое время не сможешь работать в круге и вообще заниматься чем-либо, требующим усилий и сосредоточенности.

— Тебе плохо, Кассандра? — встревоженно спросил Эллерт.

— Она немного переутомилась, не более того, и нуждается в хорошей пище и отдыхе, — ответила за девушку Рената.

Мира подошла к буфету, стоявшему в дальнем конце комнаты, и поставила на стол еду и вино,

хранившиеся на полках, чтобы члены круга могли восстанавливать силы после огромных затрат энергии при работе. Пошарив на полке, Рената вытащила длинный брусок орехов в меду. Она протянула брусок Кассандре, но темноволосая девушка покачала головой:

— Я не люблю сладостей. Пожалуй, я лучше подожду до завтрака.

— Ешь, — командным голосом приказала Рената. — Тебе нужны силы.

Кассандра послушно положила в рот кусочек и начала жевать. Ариэлла присоединилась к ней, взяв полную горсть сухофруктов.

— Последняя дюжина батарей так и осталась незаряженной, — сказала она с набитым ртом. — А еще три нуждаются в подзарядке.

— Какая досада! — Корин искоса взглянул на Кассандру.

— Оставь ее в покое! — требовательно произнесла Наблюдающая. — Все мы когда-то были новичками.

Корин налил себе бокал вина и сделал добрый глоток.

— Извини, — с улыбкой обратился он к Кассандре, когда к нему вернулось обычное хорошее расположение духа. — Ты сильно переутоми-

лась? В самом деле, несколько батарей не стоят человеческой жизни.

Ариэлла вытерла пальцы, липкие от сухофруктов.

— Едва ли от Далерета до Хеллеров есть более утомительная и нудная работа, чем зарядка батарей, — заявила она.

— Лучше уж заряжать батареи, чем бурить шахты, — возразил Корин. — Когда я работаю с металлами, мне каждый раз приходится неделю восстанавливать силы. Я рад, что в этом году такой работы больше не предвидится. Каждый раз, когда мы углубляемся в землю, у меня появляется четкое ощущение, словно я своими руками поднимаю каждую пригоршню расплава!

Эллерт, чей разум был отточен годами суровой психической и умственной тренировки в Неварсине, устал меньше остальных, но и его мускулы ныли от долгого напряжения. Он видел, как Кассандра отломила еще один кусочек орехов в меду и положила себе в рот. Эмоциональная связь между ними все еще оставалась довольно крепкой, и он ощутил ее отвращение к приторной субстанции, словно сам жевал то же самое.

— Не ешь, если тебе не нравится, — заметил он. — На полках наверняка найдется что-нибудь

получше.

Кассандра пожала плечами:

— Рената сказала, что это восстановит мои силы быстрее всего остального. Я не возражаю.

Эллерт тоже взял кусочек. Барак подошел к ним с бокалом вина в руке.

— Тебе уже лучше, родственница? Эта работа в самом деле очень утомительна, особенно поначалу, а здесь нет действительно хороших средств для восстановления сил. — Он усмехнулся. — Наверное, тебе следовало бы принять ложку-другую киресетового меда. Это лучшее тонизирующее после долгой работы, и оно было бы особенно… — Он вдруг закашлялся и отвернулся, сделав вид, что поперхнулся вином, но все услышали его слова в своем сознании, как если бы он произнес их вслух: «…и оно было бы особенно полезно для тебя, так как ты недавно вышла замуж и несешь двойную нагрузку…» Но прежде, чем слова успели сорваться с его языка, Барак вспомнил о том, что уже было известно всем, кто поддерживал телепатический контакт с Эллертом и Кассандрой: о их реальных отношениях.

Единственным способом смягчить бестактность было сделать вид, что ничего не произошло. В матриксном зале ненадолго воцарилась тиши-

на, а потом все принялись громко разговаривать. Корин взял металлический щуп и сам проверил пару батарей. Мира потерла озябшие руки и заявила, что ей не мешало бы принять горячую ванну и сделать массаж.

— И тебе тоже, милая. — Рената обняла Кассандру за талию. — Ты устала и замерзла. Спускайся вниз, съешь горячий завтрак и прими ванну. Я пришлю к тебе свою массажистку: она необычайно искусна и может расслабить все занемевшие мускулы. Пожалуйста, не считай себя виноватой. Всем нам приходилось перерабатывать на первых порах, и никому не нравилось признаваться в своих слабостях. Горячий завтрак, ванна и массаж — вот то, что тебе сейчас нужно. И побольше сна. Попроси массажистку потеплее укрыть тебя и приложить к подошвам ног нагретые кирпичи.

— Но вам тоже нужны ее услуги, — слабо запротестовала Кассандра.

— Чиа, я больше не довожу себя до изнеможения. А теперь иди к себе. Скажи Люсетте, что я попросила ее поухаживать за тобой так же, как за мной, когда я работала в матриксном круге. Делай, как тебе сказано, кузина, и все будет хорошо.

Эллерту показалось, что в голосе Ренаты зазвучали материнские нотки, словно она была женщиной старшего поколения, а не девушкой примерно одного с Кассандрой возраста.

— Я тоже пойду вниз, — заявила Мира.

Корин взял Ариэллу под руку, и они ушли вместе. Эллерт уже было собрался последовать за ними, но Рената легким движением руки удержала его.

— Эллерт, если ты не слишком устал, я хотела бы немного поговорить с тобой.

Юноша подумал о своей уютной комнате на нижнем этаже и о прохладной ванне, но на самом деле он не слишком устал. Когда он сказал об этом, Рената понимающе кивнула.

— Если такова тренировка в Неварсинском братстве, то, возможно, нам следует перенять ее для матриксных кругов, — заметила она. — Ты так же крепок и уравновешен, как и Барак, а он работал в круге почти столько же, сколько я живу на свете. Ты должен передать нам некоторые из твоих секретов… или твои наставники потребовали держать их в тайне?

Эллерт покачал головой.

— Это всего лишь техника дыхания.

— Пошли. Не возражаешь, если мы прогуляемся

снаружи, на солнышке?

Они спустились на первый этаж, прошли через силовое поле, защищавшее Башню от вторжения извне во время работы в матриксном круге, и вышли навстречу прохладному сиянию летнего утра. Эллерт молча шагал рядом с Ренатой. Он почти не устал, но держался напряженно, даже отчужденно, как бывало всегда, когда он хотя бы немного ослаблял защитные барьеры и его *ларан* начинал сплетать прихотливую паутину вариантов возможного будущего.

По-прежнему не сказав друг другу ни слова, они вышли к туманному берегу озера Хали. Лириэль, фиолетовая луна, только что миновавшая полную фазу, тусклым кругом висела над озером. Бледно-зеленый полумесяц Идриэля едва отсвечивал в небе над дальним краем горной гряды.

С тех пор как Эллерт впервые увидел Ренату, он узнал в ней вторую из женщин, которых он видел снова и снова на расходящихся тропках будущего. С первого же дня в Башне он относился к ней настороженно. Обращался не чаще, чем того требовала элементарная вежливость, и по возможности избегал ее общества. Юноша уважал ее компетентность и знания. Ему нравился ее заразительный смех и легкий характер, а в это

утро, глядя, как она ухаживает за Кассандрой, он был глубоко тронут ее добротой. Но до этого момента они не обменялись и парой фраз, не относившихся к исполнению обязанностей в матриксном круге.

Теперь он видел лицо Ренаты не таким, каким оно было на самом деле — безразличным, отрешенно-сосредоточенным лицом профессиональной Наблюдающей за работой, — но таким, каким оно могло стать в любом из ветвящихся вариантов будущего. Эллерт сдерживал свое внутреннее зрение, не позволяя образам вырываться на свободу, но все же видел ее, согретую любовью, ощущал силу нежности, на которую она была способна, обладал ею, словно во сне. Все это угнетало, как будто он встретился с женщиной, являвшейся к нему в эротических снах. Нет! Ни одна женщина, кроме Кассандры, не займет места в его жизни, и он уже твердо определил для себя, насколько ограниченной будет роль его жены. Заставил себя держаться холодно, почти враждебно, сознательно вернувшись к привычкам неварсинского монаха.

Они шли медленно, прислушиваясь к шепоту туманных волн, набегавших на песчаный берег. Эллерту, выросшему на берегах Хали, этот звук

был знаком с детства, но теперь он как будто слышал его заново, через Ренату.

— Я никогда не устану слушать шелест этих волн, — задумчиво сказала она. — Так похоже на воду и вместе с тем так непохоже… Полагаю, в этом озере нельзя плавать?

— Нельзя, — согласился Эллерт. — Мало-помалу все равно пойдешь ко дну; эти воды не держат тело на плаву. Но, знаешь, там можно дышать, поэтому тонуть совсем не страшно. В детстве я много раз гулял по дну озера и наблюдал за странными существами, обитающими там.

— Там можно дышать? И не утонешь?

— Нет, это ведь совсем не вода… я не знаю, что это такое. Если слишком долго дышать ею, то начнется головокружение и подступит такая усталость, что трудно будет даже вздохнуть, поэтому существует опасность потерять сознание и умереть. Но если находиться там недолго, то можно стать свидетелем захватывающих сцен. Там обитают странные создания. Я не могу назвать их рыбами или птицами и не знаю, плавают они или парят в воздухе, но они необычайно прекрасны. Говорят, что дыхание в облачном озере продлевает жизнь, поэтому все Хастуры такие долгожители. А еще говорят, что когда первый

Хастур, сын Властелина Света, прибыл на берега Хали, то даровал бессмертие всем, кто обитал там. Впоследствии Хастуры утратили этот дар из-за своей грешной жизни. Но это всего лишь волшебные сказки.

— Ты так думаешь, потому что ты христофоро?

— Я так думаю, потому что я разумный человек, — с улыбкой отозвался Эллерт. — Я не могу принять идею бога, который вмешивается в законы им же сотворенного мира. Однако Хастуры действительно долгожители. В Неварсине мне говорили, что все, в чьих жилах течет кровь Хастуров, несут в себе и частицу крови чири, а они, как известно, считаются бессмертными.

Рената вздохнула:

— Я также слышала, что они эммаска: ни мужчины, ни женщины, и потому свободны от опасностей и тягот, связанных с сексом. Мне кажется, я немного завидую им в этом.

Эллерту вдруг подумалось, что Рената без устали тратит собственные силы; однако кто о ней позаботится, если сама она упадет от переутомления?

— Тебе нужно отдохнуть, — мягко произнес он. — Что бы ты ни собиралась мне сказать, это не так уж срочно и может подождать, пока ты не

поешь и отдохнешь — словом, не сделаешь все то, о чем так просила мою жену.

— Но мне хотелось сказать об этом, пока Кассандра спит. Мне нужно обратиться к одному из вас, и хотя я понимаю, что ты сочтешь это вторжением в свою личную жизнь, ты старше Кассандры и лучше способен понять меня. Что ж, достаточно преамбул и извинений… Тебе не следовало приезжать сюда вместе с молодой женой, пока твой брак остается ненастоящим.

Эллерт открыл было рот, собираясь что-то сказать, но Рената жестом вынудила его замолчать.

— Я предупреждала, что это может показаться тебе вторжением в личную жизнь. Я живу в Башне с четырнадцати лет и знаю правила вежливости в подобных вопросах; но я работаю Наблюдающей и несу ответственность за всех, кто работает в нашем матриксном круге. Все, что мешает… — нет, слушай меня, Эллерт! — все, что ослабляет вашу работоспособность, неизбежно отражается на всех остальных. Уже на третий день вашего пребывания здесь я узнала, что твоя жена еще девственна, но тогда я не вмешивалась. Я думала, что вы женились по политическим соображениям и не нравитесь друг другу. Но теперь прошло полгода, и мне совершенно ясно, что ты

безумно влюблен в нее. Напряженность в ваших отношениях беспокоит всех и ухудшает здоровье Кассандры. Она все время так скована, что не может даже следить за состоянием своего тела, хотя ей пора бы уже этому научиться. Я немного помогаю ей в матриксном круге, но не могу, да и не хочу выполнять за нее ту работу, которую она должна делать самостоятельно. Я уверена, у тебя были веские причины для такого решения, но какими бы они ни были, ты слишком мало знаешь о том, как функционирует матриксный круг. Ты можешь выдерживать работу; с твоей неварсинской выдержкой ты способен сохранять контроль над собой даже тогда, когда у тебя тяжело на душе. Кассандра этого не может. Как видишь, все очень просто.

— Она не кажется мне такой уж несчастной или недовольной, — сердито возразил Эллерт.

Рената искоса взглянула на него:

— Если ты чего-то не знаешь, то лишь потому, что не хочешь или не позволяешь себе узнать. Наилучшим выходом было бы увезти ее отсюда до тех пор, пока вы не разберетесь в ваших отношениях, а потом сможете вернуться, если захотите. Нам всегда требуются дисциплинированные работники, а твой уровень очень высок. Что

касается Кассандры, то думаю, у нее есть потенциальный талант Наблюдающей, даже техника, если работа ее заинтересует. Но не сейчас. Сейчас для вас пришло время побыть в одиночестве, не отвлекая наше внимание своими неудовлетворенными потребностями.

Эллерт слушал, застыв от беспокойства, смешанного с негодованием. Его жизнь так долго управлялась железной дисциплиной, что ему ни разу не приходило в голову, что его собственные потребности или состояние Кассандры могут помешать нормальной работе матриксного круга. Но, разумеется, ему следовало бы знать…

— Возьми ее, Эллерт. Сегодня ночью будет еще не слишком поздно.

— Я отдал бы все, что у меня есть, если бы имел свободу выбора в этом вопросе, — с растущей горечью отозвался Эллерт. — Но мы с Кассандрой поклялись друг другу…

Он отвернулся, но мысли ясно читались в его сознании, и Рената с ужасом посмотрела на него:

— Что побудило тебя дать столь необдуманную клятву? Я говорю не только о твоем долге перед родственниками и кланом.

— Нет, — прошептал Эллерт. — Давай не будем говорить об этом, Рената. Я слышал это уже так

много раз, что лишние напоминания мне ни к чему. Ты знаешь о моем *ларане*; тебе известно, какое проклятье я несу в своей крови. Я не передам его своим сыновьям и внукам. Генетическая программа, которая заставляет тебя говорить о долге перед родом и кастой, порочна от начала до конца. Это зло, а я не собираюсь сеять зло!

Он говорил с жаром, стараясь не видеть лицо Ренаты — не серьезное и участливое, каким оно было теперь, но нежное и страстное, каким оно *могло* быть.

— Это в самом деле проклятье, Эллерт, — согласилась она. — У меня тоже есть немало сомнений и опасений по поводу генетической программы. Ни одна женщина, принадлежащая к Великим Доменам, не свободна от них. Однако в ваших страданиях нет необходимости.

— Хуже того, — с отчаянием продолжал Эллерт, словно не слыша ее слов. — В конце каждого пути, который я могу предвидеть, Кассандра умирает при рождении моего ребенка. Даже если бы я мог успокоить свою совесть, зачав ребенка-монстра, я не хочу навлекать на нее такую беду. Поэтому мы поклялись жить раздельно.

— Кассандра молода и девственна, — заметила Рената. — Ее можно извинить за недостаток

знаний, хотя мне кажется порочным держать женщину в неведении относительно важных аспектов ее жизни. Твой выбор, несомненно, слишком категоричен, поскольку даже посторонним ясно, что вы любите друг друга. Ты прекрасно знаешь, что есть способы…

Она в замешательстве отвернулась. О таких вещах не было принято говорить даже между мужем и женой. Эллерт тоже смутился.

«Она же не старше Кассандры! Во имя всех богов, откуда незамужняя женщина из хорошей семьи могла узнать о подобных вещах?»

По-видимому, Рената без труда прочитала эту мысль.

— Ты был монахом, родич, и лишь по этой причине я готова признать, что ты действительно не знаешь ответа на свой вопрос. Возможно, ты все еще веришь, что одни мужчины испытывают такие потребности, а женщины невосприимчивы к ним. Не хочу шокировать тебя, Эллерт, но женщины, живущие в Башнях, не нуждаются в дурацких законах и обычаях нашего времени, превращающих их в игрушки для чужих желаний, не имеющие иного предназначения, кроме как рожать сыновей для своего клана. Я не девственница, Эллерт. Каждый из нас — будь то

мужчина или женщина — должен в надлежащее время научиться распознавать свои потребности, иначе мы не сможем вкладывать все силы в работу. Тогда может произойти то, что случилось сегодня утром… или хуже, гораздо хуже.

Эллерт смущенно опустил глаза. Его первой, почти панической мыслью была реакция: «Выходит, мужчины Доменов знают об этом и все-таки позволяют своим женщинам приезжать сюда?»

Рената пожала плечами, отвечая на невысказанный вопрос:

— Это цена, которую им приходится платить за нашу работу. Пока мы, женщины, работаем здесь, мы до некоторой степени освобождаемся от законов, ставящих во главу угла права наследования и улучшение породы. Думаю, большинству родственников и не хочется разбираться, что к чему. Кроме того, женщинам, работающим в матриксном круге, небезопасно делать перерыв из-за беременности. — Немного помолчав, она добавила: — Если хочешь, Мира может проинструктировать Кассандру, или я сама это сделаю. Может быть, ей будет легче это принять от женщины своего возраста.

«Если бы в Неварсине кто-нибудь сказал мне, что на свете есть женщина, с которой я смогу

открыто говорить о таких вещах, то я бы никогда этому не поверил. Я вообще никогда бы не подумал, что между мужчиной и женщиной может существовать подобная откровенность».

— Это избавляет нас от худших страхов, пока мы живем в Башне. Может быть, это все, что нам дано. Разумеется, мы немного говорим об этом друг с другом.

Слова Кассандры эхом отзывались в его сознании, словно прозвучали лишь минуту, а не полгода назад: «Пока что я могу смириться с нынешним положением, Эллерт, но не знаю, насколько у меня хватит решимости. Я люблю тебя, Эллерт. Я не могу доверять себе. Рано или поздно я захочу иметь ребенка от тебя, и может быть, так будет проще — без постоянных страхов и искушений…»

— Может быть, проще для *нее*, — возмущенно заметила Рената, услышав эхо в его сознании. Вдруг она замолчала. — Прости меня. Я не имела права так говорить. У Кассандры свои желания и потребности, и они могут не совпадать с тем, что я считаю полезным для нее. С юных лет ее учили, что женщина живет ради того, чтобы рожать детей мужу, касте и клану. Нелегко это изменить или найти себе другую цель в жизни.

Она замолчала. Эллерту показалось, что ее голос звучит слишком горько для девушки ее возраста. Сколько же ей лет на самом деле? Он задумался над этим, и Рената тут же ответила:

— Я лишь на два месяца старше Кассандры. И мне тоже хочется когда-нибудь родить ребенка, но мои опасения насчет генетической программы очень схожи с твоими. Конечно, лишь мужчинам дозволяется выражать свои страхи и сомнения; женщинам не положено и думать о подобных вещах. Иногда мне кажется, что женщинам Доменов вообще не положено думать. Мой отец снисходительно относился ко мне. Я добилась от него обещания, что он не выдаст меня замуж до двадцати лет, и в результате многое узнала в этой Башне. Например, Эллерт, если вы с Кассандрой решите завести ребенка и она забеременеет, то с помощью Наблюдающей вы сможете глубоко прозондировать плод, вплоть до наследственной плазмы. Если у ребенка обнаружится тот вид *ларана*, которого ты так боишься, или отклонение, способное погубить Кассандру при родах, то ей вовсе не обязательно рожать.

— Хастуры совершили достаточно зла, копаясь в жизненном веществе и выводя себе на потребу ришья и других уродов с помощью генетических

манипуляций с нашим семенем. Но сделать это с моими собственными детьми или добровольно уничтожить еще не оформившуюся жизнь, данную мною другому существу? Меня мутит от одной мысли об этом.

— Я не хранительница твоей совести, — сказала Рената. — Это лишь один выбор, но могут быть и другие, более близкие твоему сердцу. Однако я считаю это меньшим злом. Я знаю, что когда-нибудь меня вынудят к браку и мне придется вынашивать детей, я окажусь перед двумя возможностями, которые кажутся мне в равной мере жестокими: родить детей, которые, возможно, окажутся монстрами *ларана*, или же уничтожить их до рождения в своем чреве.

Эллерт увидел, как она содрогнулась.

— Поэтому я и стала Наблюдающей. Я не могу неосознанно способствовать выполнению генетической программы, порождающей чудовищ для нашей расы. Но теперь, когда я знаю, ч*то* должна делать, положение стало еще более нестерпимым: я не богиня и не могу определять, кому следует жить, а кому — умереть. Возможно, вы с Кассандрой в конце концов правы, решив не давать жизнь, которую потом все равно придется забрать обратно.

Эллерт горько усмехнулся:

— И, ожидая своей участи, мы заряжаем батареи, чтобы праздный народ мог баловаться с аэрокарами и освещать свои дома, не марая рук в смоле и саже; мы добываем металлы, избавляя других от рытья шахт; мы создаем все более устрашающее оружие для уничтожения жизни, на которую у нас нет никаких прав.

Рената сильно побледнела.

— Нет! Нет, *этого* я не слышала. Эллерт, твой дар предвидения говорит тебе о новой войне?

— Я сказал не подумав, — торопливо ответил Эллерт. Звуки и образы войны уже окружили его, отвлекая от ее присутствия. «Наверное, я умру в сражении и буду избавлен от дальнейшей борьбы со своей судьбой или с совестью», — подумал он.

— Это ваша война, а не моя. — Она слегка нахмурилась. — Мой отец не ссорился с Серраисом и не заключал союза с Хастурами. Если начнется война, то он пошлет за мной, требуя моего возвращения домой для замужества. Ах, милосердная Аварра, я полна благоразумных советов о том, как вам следует поступить со своим браком, а сама не имею ни мужества, ни мудрости взглянуть в лицо собственной судьбе. О, если бы я обладала твоим даром предвидения, Эллерт, и могла узнать, ка-

кой из темных путей принесет наименьшее зло!

— Я могу показать тебе, — решительно сказал он, взяв ее руки в свои. Одновременно *ларан* Эллерта ясно показал его и Ренату скачущими вместе на север… Куда? С какой целью? Образ выцвел и исчез, сменившись калейдоскопом новых видений. Полет огромной птицы… да полно, птица ли это? Испуганное лицо ребенка в обрамлении сверкающих молний. Огненный дождь клингфайра; грандиозная башня — оседающая, раскалывающаяся, рушащаяся во прах… Лицо Ренаты, озаренное нежностью, ее тело, сплетенное с его телом… У него закружилась голова, и он с трудом захлопнул дверь перед образами будущего, теснившимися вовне.

— Возможно, *это* и есть ответ, — с неожиданной яростью произнесла Рената. — Вскармливать монстров и напускать их на свой народ, создавать все более ужасное оружие, стереть нашу проклятую расу с лица земли и позволить богам создать новых людей, не пораженных проклятьем *ларана*!

После ее неожиданной вспышки наступила такая тишина, что Эллерт мог слышать отдаленное чириканье просыпающихся мелких птах и мягкий шелест облачных волн у берегов Хали.

Рената судорожно вздохнула, но когда снова заговорила, ее голос был спокоен, как у опытной Наблюдающей:

— Однако все это имеет мало отношения к тому, что я хотела сказать тебе сегодня. Ради блага нашей работы, вы с Кассандрой больше не должны находиться в одном матриксном круге, пока не уладите отношения; пока не примиритесь со своей любовью или не отвергнете ее; пока вы не покончите с нерешительностью и неудовлетворенными желаниями. Но если вы не уедете вместе, одному из вас придется уйти. Я думаю, что уехать должен ты. Ты учился в Неварсине владеть *лараном*; Кассандра этому не обучена. Но последнее слово за тобой, Эллерт. По закону, вступив в брак, ты стал хозяином Кассандры, а если полнее истолковать это право, то хранителем ее воли и совести.

Эллерт проигнорировал иронию, звучавшую в ее словах.

— Если ты считаешь, что моей леди будет полезнее остаться, тогда она останется, а я уйду, — мрачно ответил он.

Им овладело беспросветное уныние. В Неварсине он обрел счастье, но был изгнан оттуда и уже никогда не вернется. Здесь нашел полезную

работу, где мог применять свой *ларан* на благо других людей, но должен уйти и отсюда.

«Есть ли для меня место в этом мире? Суждено ли мне навсегда стать бездомным скитальцем, гонимым туда, куда подует ветер?» Эллерт невесело усмехнулся про себя. Раньше он жаловался на *ларан*, показывавший ему слишком много вариантов возможного будущего. Теперь расстроился, не увидев перед собой ничего. И Рената тоже подчинялась обстоятельствам, над которыми не имела власти.

— Ты работала всю ночь, — сказал он. — Потом пошла со мной и решала мои проблемы, даже не подумав о собственной усталости.

Глубоко в ее глазах затеплилась улыбка, хотя выражение лица осталось серьезным.

— А разве ты не знаешь, что разговоры о чужих бедах отвлекают от собственных забот? Чужая ноша всегда легче своей. Но я все-таки пойду спать. А ты?

Эллерт покачал головой:

— Мне не хочется спать. Наверное, я немного погуляю по дну озера, посмотрю на странных существ, обитающих там, и попытаюсь понять, что они такое на самом деле. Иногда мне кажется, что их вывели наши предки, с их страстью ко всему

новому и необычному. Может быть, я тоже найду успокоение в чем-то далеком от моих тревог. Да благословят тебя боги, Рената, за твою доброту.

— Почему? Теперь у тебя только прибавилось забот. Ну что ж, пойду спать и, может быть, во сне найду ответ на все наши проблемы. Интересно, существует ли такой *ларан*.

— Возможно, — серьезно ответил Эллерт. — Но, без сомнения, он дан тому человеку, который не знает, как употребить его во благо. Так уж устроен наш мир. Иначе мы бы нашли способ избавиться от своих страхов и стали бы подобны проходным пешкам, пересекающим шахматное поле от одного конца до другого. До свидания, Рената. Пусть боги хотя бы во сне избавят тебя от треволнений.

12

В тот вечер, когда Эллерт присоединился к членам своего круга в нижнем зале Башни Хали, они о чем-то возбужденно говорили друг с другом. Он поймал взгляд Ренаты, стоявшей в дальнем конце комнаты; ее лицо было бледным от ужаса.

— Что случилось? — спросил он у Барака, стоявшего ближе к нему.

— Война снова обрушилась на нас. Риденоу пошли в атаку с лучниками и огненными стрелами. Каждый работоспособный мужчина из рода Хастуров и Эйлардов призван на борьбу с огнем, бушующим в лесах, или на защиту замка. Вести пришли от передатчика в Нескье. Ариэлла находилась на приеме и услышала…

— Великие боги! — прошептал Эллерт.

Кассандра подошла ближе и встревоженно взглянула на него:

— Лорд Дамон-Рафаэль пошлет за тобой, муж мой? Ты должен идти на войну?

— Не знаю, — ответил он. — Я так долго жил в монастыре, что мой брат может счесть меня недостаточно образованным в вопросах военной

стратегии.

Он замолчал. «Если один из нас должен уйти, то будет лучше, если я отправлюсь на войну. Если я не вернусь, то Кассандра освободится от брачных обязательств, и мы так или иначе выпутаемся из этого безнадежного положения».

Жена не смотрела на него. Ее глаза наполнились слезами, но Эллерт сохранял на лице холодную, бесстрастную маску дисциплинированного монаха.

— Почему ты не отдыхаешь, моя леди? — спросил он. — Рената сказала, что тебе нездоровится. Разве тебе не следует лежать в постели?

— Я услышала разговоры о войне и испугалась, — тихо ответила девушка, потянувшись к его руке. Но Эллерт мягко отстранился и повернулся к Корину.

— Думаю, тебе лучше остаться здесь, Эллерт, — сказал Хранитель. — Ты обладаешь силой, а поскольку началась война, нам наверняка прикажут готовить клингфайр. Мы и так уже почти потеряли Ренату…

— Разве это неизбежно?

Корин кивнул.

— Ее семья сохраняет нейтралитет. Ее отец уже послал гонца с предписанием, где ей предлагает-

ся вернуться домой под усиленной охраной. Он хочет, чтобы она немедленно покинула район боевых действий. Мне очень жаль терять такую хорошую Наблюдающую, — добавил он, — но надеюсь, что после соответствующей тренировки Кассандра не уступит ей в мастерстве. Наблюдение — не такая уж сложная работа, но Ариэлле лучше подходит роль техника. Как думаешь, Рената, у тебя достаточно времени, чтобы обучить Кассандру навыкам Наблюдающей до твоего отъезда?

— Постараюсь, — ответила Рената. — Я останусь здесь так долго, как только смогу. Я не хочу уезжать из Башни.

Она с отчаянием взглянула на Эллерта. Юноша вспомнил об утреннем разговоре с Наблюдающей.

— Мне будет жаль, если ты уедешь, — сказал он, взяв ее руки в свои.

— Я предпочла бы остаться здесь. Или быть мужчиной и иметь право выбора.

— Ах, Рената. Мужчины тоже не свободны, они не вольны избегнуть войн и невзгод. Меня, лорда Хастура, можно послать на бойню против моей воли, словно последнего из вассалов моего брата.

Несколько мгновений они стояли взявшись за

руки, не заметив, что Кассандра, бросив на них полный горечи взгляд, вышла из зала. Потом Корин снова подошел к Ренате.

— Как нам будет не хватать тебя! Лорд Дамон-Рафаэль уже послал к нам гонцов для пополнения запасов клингфайра, а я изобрел новое оружие, и мне не терпится испытать его. — Он беззаботно уселся на подоконнике, болтая ногами, словно мальчишка, рассказывающий о новой игре. — Это устройство на основе матриксной ловушки, действующее на расстоянии и предназначенное для того, чтобы убивать определенного врага. Если, к примеру, мы прицелимся в лорда Риденоу, телохранители могут сколько угодно закрывать телами своего повелителя. Разумеется, нам нужно сделать условную модель его личности с помощью какого-нибудь клочка одежды или, еще лучше, с какой-нибудь драгоценности, которую он носит на теле. В крайнем случае, можно прозондировать пленника из числа его людей. Такое оружие не повредит никому другому; оно будет настроено на конкретную схему *его* разума, полетит *к нему* и убьет *только* его.

Рената содрогнулась, и Эллерт машинально погладил ее руку.

— Готовить клингфайр — слишком трудное

занятие, — пожаловалась Ариэлла. — Придумали бы какое-нибудь оружие получше! Сначала нам придется добывать из земли красную руду, потом атом за атомом отделять активное вещество и очищать при высокой температуре, а это опасно. Когда я последний раз работала с клингфайром, один из стеклянных сосудов взорвался; к счастью, я была в защитном костюме, и все же…

Она протянула руку и показала розовый, уже зарубцевавшийся шрам округлой формы и оставшееся углубление в плоти.

— Всего лишь крошечная частица, однако она проникла почти до кости, и ее пришлось вырезать с мясом.

Корин поднял руку девушки к своим губам и поцеловал ее.

— Ты носишь почетную отметину войны, пречиоза[18]. Немногие женщины имеют такие шрамы. Но я продолжаю свой рассказ. Недавно я изобрел сосуды для клингфайра, которым не страшно никакое тепло. Мы наложили на них связующее заклятье, так что они ни за что не разлетятся на куски. Даже если они треснут, связующее заклятье будет удерживать их форму.

---

[18] notes: 18
Ласковое обращение к женщине.

— Как это получается? — спросила Мира.

— Все очень просто. — Корин улыбнулся. — С помощью матрикса ты устанавливаешь структуру вещества таким образом, что оно не может принять новую форму. Оно может потрескаться, содержимое может просочиться наружу, но не разлететься в стороны. Даже если сосуд разобьется, а это практически невозможно, его куски плавно опустятся на землю. К сожалению, мы еще не можем полностью контролировать гравитацию, но и это уже большое достижение. Когда работаешь с матриксом девятого уровня, как при очищении клингфайра, требуется минимум девять человек плюс техник, а еще лучше — другой Хранитель, удерживающий связующее заклятье на сосуде. Интересно, — добавил он, взглянув на Эллерта, — смог бы ты стать Хранителем после надлежащей тренировки?

— Я не имею подобных намерений, — сухо ответил юноша.

— Однако в этом случае тебе не нужно было бы отправляться на войну, — откровенно заметил Корин. — Если ты чувствуешь себя виноватым, то вспомни, что здесь ты можешь принести больше пользы, а у всех нас шрамы. Вот, посмотри, — он протянул руку, показав глубокие, давно зажив-

шие ожоги, — я принял на себя отраженный удар матрикса, когда у техника дрогнула воля. Матрикс был словно живой раскаленный огонь. Я подумал, что он сожжет мне руки до костей, как клингфайр. А что касается страданий… что ж, нам приходится страдать, работая днем и ночью в кругах из девяти человек. И наши женщины страдают не меньше.

Ариэлла покраснела, когда мужчины, стоявшие вокруг, дружно рассмеялись. Все поняли намек: главным побочным эффектом работы с матриксом для мужчин были длительные периоды импотенции. Увидев застывшую улыбку на лице Эллерта, Корин захихикал:

— Возможно, нам всем не мешало бы стать монахами и научиться терпеть *это* наравне с холодом и голодом. Эллерт, расскажи нам о своем приключении. Я слышал, что по пути из Неварсина вас атаковали клингфайром, но ты сумел отклонить снаряд, так что он взорвался на некотором расстоянии.

Эллерт восстановил как мог полузабытое происшествие. Хранитель кивнул с серьезным видом:

— Я думал о таком снаряде, собираясь сделать его чрезвычайно хрупким и наполнить либо клингфайром, либо обычной горючей смесью. У

меня есть устройство, которое может поджечь целый лес, так что противнику придется бросить войска на борьбу с огнем. А еще у меня есть оружие, похожее на серьги, которые делают наши ремесленники. По нему можно бить хоть кузнечным молотом, и оно не взорвется. Его также нельзя взорвать на расстоянии, как ты сделал с клингфайром, нацеленным на твоего отца. Ничто, *ничто* не взорвет его, кроме детонирующих мыслей того, кто владеет секретом. Я не жалею, что перемирие нарушено. Нужно же где-то испытать новое оружие!

— Лучше бы оно навсегда осталось неиспытанным, — с невольной дрожью пробормотал Эллерт.

— Слышу речи монаха, — весело сказал Барак. — Через пару лет ты избавишься от этой чепухи, друг мой. Эти узурпаторы из Риденоу, хлынувшие в наш Домен, многочисленны и плодовиты. У некоторых отцов по шесть-семь сыновей, и все как на подбор задиристые и жадные до новых земель. Из семерых сыновей *моего* отца двое умерли в младенчестве, а еще один — от пороговой болезни в ранней юности. Однако, сдается мне, иметь много сыновей еще хуже. Либо тебе приходится делить поместье, чтобы

дать каждому хоть малую толику, либо младшие отпрыски уходят покорять огнем и мечом чужие земли, как эти Риденоу.

Корин улыбнулся, но в улыбке не было веселья.

— Верно, — согласился он. — Один сын так необходим, что родители готовы пойти на все, лишь бы он выжил. Но если выживают двое, то это уже многовато. Я был младшим сыном, и мой брат весьма доволен моим положением Хранителя — по его мнению, я всего лишь жалкий технарь, не принимающий участия в великих событиях нашего времени. Твой брат более благосклонен к тебе, Эллерт. По крайней мере, он разрешил тебе вступить в брак.

— Да, — согласился Хастур. — Но я поклялся поддержать его право на престол, если что-нибудь произойдет с королем Регисом, да будет долгим его царствование!

— Его царствование было уже слишком долгим, — заметил Хранитель из другого круга, присоединившийся к беседе. — Но я не ожидаю ничего хорошего от того времени, когда твой брат и принц Феликс начнут бороться за трон. Война с Риденоу сама по себе уже достаточное зло, но война между братьями в Домене Хастуров будет

гораздо худшим злом.

— Я слышал, что принц Феликс — эммаска, — бросил Барак. — Не думаю, что он будет бороться за корону. Яйцу камня не одолеть!

— Что ж, пока жив старый король, он в безопасности, — задумчиво произнес Корин. — Но впоследствии его разоблачение — лишь вопрос времени. Интересно, кого они подкупили, чтобы объявить Феликса наследником? Не исключено, Эллерт, что тебе привалило изрядное счастье: ведь твой брат настолько нуждается в твоей поддержке, что нашел тебе жену, причем умную и очаровательную.

— Кажется, я совсем недавно видел ее, — сказал другой Хранитель. — Но теперь она ушла.

Эллерт огляделся по сторонам, охваченный недобрым предчувствием. Группа молодых женщин из Башни танцевала в дальнем конце большого зала; ему казалось, что Кассандра находится среди них. Юноша снова увидел ее мертвой в своих объятиях, но отделался от этого образа, как от иллюзии, рожденной страхом и тревогой.

— Возможно, она поднялась к себе. Рената просила ее оставаться в постели, и я удивился, когда она спустилась к нам сегодня вечером.

— Но в комнате ее нет, — заметила Рената,

подойдя к ним. — Куда она могла уйти, Эллерт? Я зашла спросить, не хочет ли она приступить к обучению, но похоже, ее вообще нет в Башне.

— Милосердная Аварра! — Внезапно калейдоскопические образы будущего снова нахлынули на Эллерта, и он понял, куда ушла Кассандра. Без единого слова повернулся спиной к мужчинам и побежал по коридорам к силовому полю, прикрывавшему вход в Башню Хали.

Огромное пурпурное солнце висело, словно живой огонь, над дальними холмами, окутывая озеро призрачным пламенем.

«Кассандра видела меня вместе с Ренатой. Я не прикоснулся к ее руке, хотя она плакала, однако поцеловал Ренату у нее на глазах. Это был дружеский жест, каким утешают сестру, — ведь я могу прикасаться к Ренате, не чувствуя любви и вины перед нею. Но Кассандра все видела и не понимала…»

Эллерт звал жену, но вокруг слышался лишь тихий шелест облачных волн. Он сбросил плащ и пустился бегом. У самой кромки берега увидел две маленькие сандалии с высокими каблуками — не сброшенные в спешке, но заботливо поставленные рядом, словно девушка стояла здесь в глубоком раздумье. Эллерт скинул сапоги и

нырнул в озеро.

Странные облачные воды обволокли его — тусклые, слабо мерцающие. Он вдохнул туман, явственно ощущая прилив сил, странную восторженность, которая всегда приходила на первых порах. Юноша мог видеть довольно отчетливо, как сквозь тонкую утреннюю дымку. Сияющие существа — рыбы или птицы? — скользили мимо. Их тела, светящиеся оранжевым или зеленоватым, напоминали разноцветные огни, вспыхивавшие за сомкнутыми веками, когда ему давали дозу кириана, снадобья, раскрывавшего сознание.

Эллерт почувствовал, как ноги мягко погружаются в поросшее водорослями дно озера, и побежал вперед.

Да, кто-то уже прошел этим путем. Рыбы-птицы сбивались в стайки, дрейфуя в облачной среде. Постепенно Эллерт замедлил бег: тяжелый газ облачного озера начинал угнетать его.

— Кассандра! — в отчаянии крикнул он, но туман, наполнявший озеро, имел свойство глушить все звуки. Здесь было тихо, как на дне очень глубокого колодца. Тишина окружала и обволакивала. Даже в Неварсине Эллерт не знал подобного безмолвия.

Рыбы-птицы бесшумно проплывали мимо него. Их люминесцентные тела мельтешили перед ним, даже когда юноша закрывал глаза. Эллерт ощущал легкость и приподнятость во всем теле. Сильно кружилась голова. Он заставил себя дышать, вспомнив, что здесь, в странном газовом облаке, не хватает неведомого элемента, включавшего в мозгу дыхательный рефлекс. Приходилось дышать усилием воли; легкие отказывались автоматически качать воздух.

— Кассандра!

Слабый, отдаленный, почти ребячливо-обидчивый мысленный отклик — «уходи…» — и снова тишина.

«Дыши!» Эллерт начал уставать. Водоросли здесь росли гуще, стебли стали толще, и ему приходилось пробиваться через них. «Дыши! Вдох и выдох, не забывай о дыхании…» Длинная, скользкая водоросль оплела колено. Он был вынужден остановиться и избавиться от нее. «Дыши!» Заставлял себя бороться, не обращая внимания на разноцветных рыб-птиц, мелькавших вокруг него стремительными мазками, словно нанесенными кистью безумного художника. Его *ларан* снова вышел из-под контроля, как случалось всегда, когда он был истощен или обеспокоен.

Юноша увидел себя погружающимся ниже и ниже в облаках газа и ила, веселого и довольного, задыхающегося в блаженном неведении… «Дыши!» Эллерт с усилием вдохнул в себя очередную порцию сырого тумана, напомнив себе, что не может утонуть. Единственная опасность заключалась в забытьи. Может быть, Кассандра уже достигла этой стадии? Может быть, она уже умирает где-то здесь, на дне озера?

«Она хотела умереть, и я в этом виноват… Дыши! Не думай ни о чем, помни только о дыхании».

Он видел себя выносящим Кассандру из озера, неподвижную и безжизненную. Ее длинные волосы, влажно поблескивая, струились по его рукам. Видел себя склонившимся над женой, среди колышущихся водорослей на дне озера, погружающегося вместе с ней в смертном объятии… Нет больше *ларана*, нет страха, нет семейного проклятия.

Рыбы-птицы возбужденно сновали вокруг. Невдалеке справа он заметил голубое пятно — цвет, еще не встречавшийся ему на дне. Может быть, длинный рукав платья Кассандры? «Дыши!» Эллерт склонился над своей женой. Она лежала на боку с открытыми глазами. Губы изогнулись

в блаженной улыбке, но она не могла его видеть. С содроганием сердца юноша поднял ее на руки. Тело Кассандры безвольно обмякло, окруженное колышущимися прядями водорослей.

«Дыши! Вдыхай ей в рот. Это восстановит процесс дыхания…»

Эллерт крепко обнял ее и прижался губами к ее губам, вдувая воздух ей в легкие. Словно отзываясь на условный рефлекс, Кассандра сделала глубокий вдох и снова замерла.

Эллерт понес девушку, бесшумно ступая по дну озера в тусклом свете, розовевшем от рассеянных закатных лучей. Внезапно им овладел ужас: «Если стемнеет, я не смогу найти дорогу к берегу. Мы умрем вместе». Он снова склонился над Кассандрой, делая ей искусственное дыхание, и снова почувствовал, как она задышала. Но он не знал, как долго она сможет продержаться, даже с помощью кислорода, попадавшего в ее легкие через каждые два-три шага. Сердце Эллерта бешено стучало в груди. Если бы только она могла дышать… если бы только ему удалось поднять ее туда, где она вспомнит, как дышать…

Последние несколько метров превратились в сплошной кошмар. Кассандра весила немного, но Эллерт тоже был отнюдь не крупным. Когда

туман начал редеть, юноша потащил ее за собой, придерживая под мышки и наклоняясь через каждые два-три шага, чтобы сделать искусственное дыхание. Наконец его голова вынырнула на поверхность, и он конвульсивно задышал, а затем поднял голову Кассандры над облачной дымкой. Эллерт уже не помнил, как добрел до берега и рухнул на траву рядом с женой. Потом лежал возле нее и дышал ей в рот, нажимая на грудную клетку, пока ее тело не содрогнулось. Грудь девушки ритмично задвигалась. Кассандра по-прежнему оставалась без сознания, но через некоторое время, в уже сгустившихся сумерках, юноша ощутил прикосновение ее мысли. Слабый шепот был едва различим:

— Эллерт? Это ты?

— Я здесь, любимая.

— Мне так холодно…

Эллерт подхватил плащ, валявшийся на берегу, плотно закутал Кассандру и прижал ее к себе, бормоча бессвязные утешения.

— Пречиоза… бредива… Моя возлюбленная, мое сокровище… Почему? Зачем? Я думал, что навеки потерял тебя. Почему ты решила покинуть меня?

— Покинуть? Нет. Но в озере было так мирно и

спокойно! Мне хотелось остаться там навсегда, чтобы больше никого не бояться, никогда не плакать… Мне показалось, что ты зовешь меня, но мне не хотелось отвечать. Я прилегла отдохнуть, но так устала, что не могла подняться. Я не могла дышать и испугалась… А потом пришел ты, но я знала, что ты не любишь меня.

— Не люблю тебя? Кассандра…

Эллерт понял, что не может говорить. Он прижал ее к себе и поцеловал в холодные губы.

Вскоре он встал, снова поднял ее на руки и отнес в Башню. Работники матриксных кругов с изумлением смотрели на него, но что-то в глазах Эллерта удерживало их от расспросов. Он чувствовал на себе взгляд Ренаты, ощущал любопытство и ужас окружающих. На мгновение, не прилагая к этому сознательных усилий, увидел себя их глазами — мокрым, растрепанным, без сапог. Длинные волосы Кассандры слиплись от воды, в них запутались водоросли.

Заметив мрачную сосредоточенность на лице Хастура, люди расступались, пока он шел по коридору и поднимался вверх по длинной лестнице — не в ту комнату, где спала Кассандра с тех пор, как они приехали сюда, но в собственную, на одном из нижних этажей Башни.

Он запер за собой дверь. Опустившись на колени перед Кассандрой, снял с нее мокрую одежду и завернул ее в свои теплые одеяла. Девушка оставалась холодной и неподвижной как смерть. Ее лицо смутным пятном белело на подушке, мокрые спутанные волосы безжизненно свисали вниз.

— Нет, — прошептала Кассандра. — Ты собирался уехать из Башни и даже ничего не сказал мне. Я подумала, что будет лучше умереть, чем остаться здесь, где все остальные смеются надо мной. Они знают, что я замужем, но не стала женщиной. Они знают, что ты не любишь и не хочешь меня.

— Не люблю тебя? — спросил Эллерт. — Я люблю тебя так же, как мой благословенный предок любил дочь Робардина на берегах Хали много веков назад. Не хочу тебя, Кассандра? — Он прижал ее к себе, покрывая поцелуями и чувствуя, что эти поцелуи вдыхают в нее жизнь так же, как дыхание его легких в туманных глубинах озера. Юноша уже почти не думал, почти не помнил о клятве, которую они дали друг другу. Лишь одна последняя, отчаянная мысль промелькнула в его сознании, прежде чем он откинул одеяла: «Я не смогу оставить ее. Только не сейчас! Милосердная Аварра, смилуйся над нами!»

13

Эллерт сидел рядом со спящей Кассандрой, глядя на ее лицо. Физически она выглядела почти так же, как в тот момент, когда он нашел ее в озере. Даже теперь нельзя было утверждать с уверенностью, пыталась ли девушка покончить жизнь самоубийством или ее поступок был вызван глубоким отчаянием, болезнью и упадком сил. Но в последующие дни Эллерт почти не оставлял ее одну. Он был так близок к тому, чтобы потерять ее!

Остальные обитатели Башни предоставили супругов самим себе. Хастур понял, что они узнали об их близости, но не придали этому значения.

Он должен принять решение, как только Кассандра сможет встать с постели. Покинуть ли ему Башню и взять жену с собой, отослать ее в безопасное место (ибо здесь делали оружие и Башня могла подвергнуться нападению), или ему надо уехать и оставить здесь для тренировки *ларана*, так необходимой для нее?

Однако его собственный *ларан* снова и снова рисовал картины поездки на север вместе с Ре-

натой. Отсутствие Кассандры в этих видениях пугало Эллерта. Что с ней случится?

Хастур видел незнакомые знамена над головой, войну, лязг мечей, взрывы странного оружия, огонь и смерть. «Может быть, так будет лучше для нас обоих…»

Он обнаружил, что больше не может поддерживать духовную дисциплину и оставаться невозмутимым, как его учили в Неварсине. Кассандра постоянно присутствовала в его мыслях и эмоциях.

Он нарушил клятву.

«После семи лет в Неварсине я все еще слаб, все еще движим чувствами, а не разумом. Я взял ее без раздумий, как если бы она была одной из девушек для развлечения у старого *дома* Мариуса…»

Эллерт услышал слабый стук в дверь, но еще раньше, чем звук достиг его слуха, понял: время пришло. Наклонившись, поцеловал спящую женщину, затем подошел к двери и распахнул ее так быстро, что Ариэлла удивленно заморгала.

— Эллерт, — прошептала она. — Твой брат, лорд Элхалин, в приемном зале и хочет поговорить с тобой. Я останусь с твоей женой.

Эллерт спустился в приемный зал — единственное помещение Башни, куда допускались

посторонние. Дамон-Рафаэль стоял там; за его спиной неподвижно и безмолвно возвышался телохранитель.

— Ты оказал нам честь своим приездом, брат. Чем могу служить тебе?

— Полагаю, ты слышал о нарушении перемирия?

— Неужели ты пришел призвать меня к оружию?

— Неужели ты думаешь, что я сам бы явился сюда ради этого? — с презрительным смехом отозвался Дамон-Рафаэль. — Нет, здесь от тебя больше проку. После стольких лет, проведенных тобою в посте да молитвах, мне что-то не верится в твои боевые навыки… да и в остальные мужские способности. Нет, брат, у меня есть для тебя другое поручение.

Эллерту пришлось призвать на помощь всю выдержку, чтобы стерпеть неприкрытый сарказм, звучавший в словах брата, и спокойно повторить, что он готов служить своему верховному лорду.

— Тебе приходилось жить за Кадарином. Ты когда-нибудь бывал в землях Алдарана, возле Каэр-Донна?

— Нет, только в Ардаисе и Неварсине.

— Тем не менее ты должен знать, что клан Ал-

даранов становится слишком могущественным. Они владеют замком Алдаран у Каэр-Донна, а также Сэйн-Скарпом и Скатфеллом. Недавно они заключили союз со всеми своими соседями — с Ардаисом, Дарриэлом и Сторном. Они из рода Хастуров, но лорд Алдаран не приехал на мое вступление в права лорда Элхалина. Более того, он уже много лет не посещает праздник середины лета в Тендаре. Теперь, когда снова разразилась война, он похож на огромного ястреба в своем горном гнезде, готового обрушиться на Нижние Земли, если мы потеряем много сил и не сможем противостоять ему. Если все, кто находится в союзе с Алдараном, ударят по нам одновременно, сама Тендара не устоит. Я могу предвидеть день, когда все Домены от Далерета до Холмов Килгард подпадут под владычество Алдарана.

— Я не знал, что ты обладаешь даром предвидения, брат, — заметил Эллерт.

Дамон-Рафаэль покачал головой:

— Для этого не требуется большой одаренности, да, пожалуй, и большого ума. Когда родичи враждуют, в брешь между ними вступают враги. Я пытаюсь договориться о новом перемирии, но это не так-то просто. Наши почтовые птицы днем и ночью летают с секретными депешами.

Кроме того, одна из моих *леронии* работает на приеме и передаче посланий, но, разумеется, ей мы не можем доверить ничего секретного: то, что известно одному, становится известно всем, кто находится на связи. Вот теперь, брат, мы подошли к той услуге, о которой я хочу тебя попросить.

— Я слушаю, — сказал Эллерт.

— Много времени прошло с тех пор, как замок Хастур посылал дипломатическую миссию в Алдаран. Однако мы нуждаемся в более тесных связях. Сторны владеют землями к западу от Каэр-Донна, прилегающими к Серраису. Возможно, они сочтут выгодным для себя присоединиться к Риденоу. Тогда все кланы в пределах Хеллеров окажутся втянутыми в эту войну. Как думаешь, ты сможешь убедить лорда Алдарана сохранять нейтралитет и удерживать своих союзников от поспешных действий? Не думаю, что он захочет воевать на нашей стороне, но он может воздержаться от какого-либо участия в распрях. Ты приобрел неварсинские навыки и хорошо знаешь язык Хеллеров. Ну как, Эллерт, ты поедешь туда?

Эллерт внимательно изучал лицо брата. Задание казалось ему слишком простым. Неужели Дамон-Рафаэль задумал какое-то предательство или просто хочет убрать его с дороги, чтобы

подданным Элхалина не пришлось делить свою преданность между двумя братьями?

— Я в твоем распоряжении, Дамон-Рафаэль, — ответил он. — Но я не искушен в дипломатии.

— Ты повезешь от меня письма, — сказал Дамон-Рафаэль. — Ты будешь писать секретные депеши и отсылать их ко мне с почтовыми птицами. Конечно, ты будешь сочинять и открытые послания, содержание которых станет известно соглядатаям с обеих сторон. Самые секретные донесения будешь посылать под матриксной печатью, которую не сможет открыть никто, кроме меня. Полагаю, тебе под силу сотворить печать, заговоренную таким образом, что если послание попадется на глаза постороннему, оно немедленно исчезнет?

— Это достаточно просто, — подтвердил Эллерт. Теперь он понял. На свете было совсем немного людей, которым Дамон-Рафаэль мог бы добровольно вручить рисунок своего сознания, чтобы настроить матриксную печать. Попав в руки убийц, такая печать становилась бесценным оружием, подобным устройству, о котором рассказывал Корин.

«Выходит, я оказался одним из двух или трех человек, которым Дамон-Рафаэль может дове-

рить такую власть над собой, ведь я поклялся защищать его и его сыновей».

— Ты получишь прикрытие для своей миссии, — продолжал лорд Элхалин. — Нам удалось перехватить посланца из Алдарана; мы опасались, что он был направлен с предложениями к Риденоу. Но когда моя *лерони* прозондировала его во сне, выяснилось, что он был направлен к нам с личным поручением от лорда Микела. Я не знаю подробностей, но это не имеет никакого отношения к войне. Его память была очищена матриксом, и когда посланец приедет сюда для разговора с твоим Хранителем — а это, я полагаю, произойдет очень скоро, — он не будет помнить о том, что его перехватили и прозондировали. Я договорился с Корином. Ты будешь официальным начальником эскорта под мирным флагом, который препроводит посланца Алдарана на север, до Кадарина. Никто не заметит, если ты решишь продолжить поездку и отправишься с ним в Алдаран. Это тебя устраивает?

«А какой у меня есть выбор? Я уже много дней знаю, что поеду на север; я не знал лишь, что конечным пунктом будет замок Алдаран. И какое отношение к этому имеет Рената?»

— Вижу, что ты все продумал, — сказал он

вслух.

— С заходом солнца мой оруженосец приедет сюда и вручит тебе документы, удостоверяющие твою личность в качестве моего посланника, а также инструкции по пересылке сообщений и почтовые коды. — Дамон-Рафаэль встал. — Если хочешь, я нанесу твоей леди визит вежливости. Это будет принято за обычный семейный визит, без какой-либо секретной цели.

— Благодарю тебя, — сказал Эллерт. — Но Кассандра чувствует себя неважно и лежит в постели. Я передам ей твои наилучшие пожелания.

— Прекрасно. — Дамон-Рафаэль усмехнулся. — Хотя, полагаю, поскольку ты решил жить с ней в Башне, вас вряд ли можно поздравить. Не думаю, что она уже носит твоего ребенка.

«Еще нет, а может быть, и никогда…» Эллерт чувствовал себя опустошенным.

— Нет, нам еще не выпало такой удачи, — ответил он.

Дамон-Рафаэль никак не мог узнать о реальных отношениях. Он не знал ни о клятве, которую они дали друг другу, ни об обстоятельствах, при которых она была нарушена. Просто наугад поворачивал нож в ране. Не стоило тратить время и силы на его злорадство, но Эллерт все же рас-

сердился.

Однако он был обязан повиноваться своему брату как верховному лорду Элхалина, а в речах Дамона-Рафаэля звучал здравый смысл. Если северяне из Хеллеров решат вступить в войну, произойдет настоящая катастрофа.

«Мне нужно радоваться, что боги предоставили мне достойный способ послужить своему роду в этой войне, — подумал юноша. — Если мне удастся убедить Алдарана сохранять нейтралитет, я помогу Хастурам и всем их вассалам».

Дамон-Рафаэль собрался уходить.

— Благодарю тебя, брат, за то, что ты доверил мне столь важную миссию, — сказал Эллерт. Голос звучал так искренне, что Дамон-Рафаэль в немом изумлении посмотрел на него. Когда он обнял Эллерта на прощание, в его жесте ощущалась теплота. Эллерт знал, что они никогда не станут друзьями, но в этот момент братья были ближе друг к другу, чем когда-либо раньше.

Позже тем же вечером Эллерта снова вызвали в приемный зал — видимо, для встречи с посланцем Дамона-Рафаэля, явившимся с секретными кодами и депешами.

Корин встретил его перед дверью.

— Эллерт, ты говоришь на языке Хеллеров? —

спросил он.

Тот кивнул. Интересно, сделал ли его брат Корина своим доверенным лицом, и если да, то почему?

— Микел из Алдарана прислал нам гонца, — сказал Хранитель. — Но этот юноша не слишком хорошо владеет нашим языком. Может быть, ты поговоришь с ним на его собственном наречии?

— С радостью, — ответил Эллерт.

«Значит, не посланец от Дамона-Рафаэля, а гонец от Алдарана, — подумал он. — Мой брат упоминал о том, что разум этого человека подвергся зондированию без его согласия. Думаю, это несправедливо, но, в конце концов, идет война».

Войдя вместе с Корином в приемный зал, он сразу же узнал гонца. Его *ларан* неоднократно показывал ему это лицо — молодое, худощавое, с темными бровями и волосами. Человек смотрел на него дружелюбно, хотя и с некоторой настороженностью. Эллерт приветствовал его формальным обращением на языке Хеллеров.

— Ты оказал нам честь своим приходом, си-арбайнн, — произнес он, специально сделав ударение на архаичной форме слова «незнакомец», которое могло означать и «незнакомый друг». — Чем я могу служить тебе?

Молодой человек встал и поклонился:

— Я Донел Деллерей, приемный сын и посланник Микела, лорда Алдарана. Он обращается к *ваи лерони* из Башни Хали.

— Я Эллерт Хастур из Элхалина, а это мой родич и друг Корин, главный Хранитель Башни Хали. Ты можешь говорить свободно.

«Разумеется, это больше чем обычное совпадение, — подумал он. — Алдаран посылает гонца как раз в то время, когда мой брат является сюда со своим планом. Или он изобрел этот план специально к приезду гонца? О боги, укрепите меня — я повсюду вижу заговоры и встречные заговоры!»

— Сначала, господа, я должен принести вам извинения лорда Алдарана за то, что он послал меня, а не приехал сам, — начал Донел. — Он бы не замедлил явиться к вам как проситель, но он уже стар, и ему трудно вынести дорогу от Алдарана. К тому же я проделал этот путь быстрее, чем он. Вообще-то, я рассчитывал быть здесь после восьми дней пути, но, кажется, потерял один день.

«Это Дамон-Рафаэль с его проклятым мысленным зондированием!» — подумал Эллерт, но ничего не сказал, ожидая продолжения.

— Нам доставит удовольствие оказать услугу лорду Алдарану, — сказал Корин. — О чем он просит?

— Лорд Алдаран просил меня передать, что его дитя, его единственная дочь и наследница, несет в себе *ларан*, еще не виданный ранее. Пожилая *лерони*, заботившаяся о девочке с самого рождения, больше не знает, что с ней делать. Девочка близка к критическому возрасту, и мой приемный отец опасается, что пороговая болезнь может убить ее. Поэтому он обращается к *ваи лерони* с нижайшей просьбой. Не найдется ли среди них одна, которая сможет позаботиться о его дочери в самое трудное время?

Существовал обычай, по которому обученные в башнях *лерони* могли становиться наставницами молодых наследников в трудные подростковые годы, когда пороговая болезнь собирала страшную жатву с сыновей и дочерей благородных каст. Ларанцу из Башни Арилинн был первым, кто посоветовал Эллерту искать убежища в Неварсине. К тому же, подумал Эллерт, если Алдаран решил обратиться в Хали с просьбой о такой услуге, то он тем более воздержится от вступления в войну и не захочет навлечь на себя гнев Элхалина.

— Хастуры из Элхалина и те, кто служит им в

Башне Хали, будут рады помочь лорду Алдарану в этом деле, — заметил Эллерт и обратился к Корину на языке равнин: — Кого мы пошлем?

— Мне показалось, ты сам хотел уехать. Ты не слишком жаждешь остаться здесь или махать мечом на поле брани.

— Разумеется, я поеду в Алдаран, по поручению от своего брата и с миссией от его имени, — согласился Эллерт. — Но мужчине не подобает обучать юную девушку. Ей нужна наставница женского пола.

— У меня нет ни одного лишнего человека, — напомнил Корин. — Теперь, когда мы останемся без Ренаты, Мира понадобится мне для наблюдения, а Кассандра еще недостаточно опытна даже для работы в матриксном круге, не говоря уже о такой трудной задаче, как обучение искусству пользоваться *лараном*.

— А Рената не могла бы поехать? — спросил Хастур. — Мне кажется, уехав в Алдаран, она точно так же окажется вне зоны военных действий, как если бы вернулась в Нескью.

— Да, Рената — самая подходящая кандидатура, — кивнул Корин. — Но она не едет в Нескью. Разве ты еще не слышал? Нет, — ответил он на собственный вопрос — Пока Кассандра была

больна, ты оставался с ней и поэтому не знаешь последних новостей. *Дом* Эрленд Лейнье прислал сообщение, в котором Ренате предписывается ехать не в Нескью, а домой для бракосочетания. Оно уже дважды откладывалось. Я не думаю, что Рената снова откажется от этого ради того, чтобы отправиться в какой-то Богом забытый угол Хеллеров и учить босоногую горную девчонку пользоваться *лараном*!

Эллерт встревоженно взглянул на молодого Донела. Не услышал ли тот оскорбительное замечание? Но Донел, как и полагалось посланцу великого лорда, смотрел прямо перед собой, вроде бы не замечая ничего, не имевшего к нему непосредственного отношения. Если он достаточно хорошо знал язык Нижних Земель и понял слова Корина или обладал достаточно сильным *лараном*, чтобы прочесть его мысли, то никак не дал знать об этом.

— Мне не кажется, что Рената очень торопится выйти замуж, — пробормотал Эллерт.

Корин хохотнул:

— Мне кажется, ты хочешь сказать, что ты сам не торопишься увидеть ее замужем, дружище.

Заметив вспышку бешенства в глазах Эллерта, он торопливо добавил:

— Я всего лишь пошутил, родич. Скажи молодому Деллерею, что мы спросим дамиселу Ренату Лейнье, не согласится ли она отправиться в поездку на север.

Эллерт обратился к Донелу с формальными фразами. Тот поклонился и ответил:

— Передайте *ваи домне*, что Микел, лорд Алдаран, не оставит ее неоценимые услуги без вознаграждения. В знак благодарности он назначит ей приданое как собственной дочери, когда для нее настанет время выйти замуж.

— Это более чем щедрое предложение, — заметил Эллерт, ничуть не покривив душой. Использование *ларана* не покупалось и не продавалось, как обычная услуга; по традиции, его можно было использовать лишь на службе касте или клану. Лейнье были состоятельны, но вряд ли обладали богатством Алдаранов, и у Ренаты появилась возможность получить приданое не хуже, чем у настоящей принцессы.

После обмена любезностями молодого Донела препроводили в чертог, где ему предстояло ждать окончательного решения.

— Возможно, мне следовало бы организовать такую поездку для Ариэллы, — с сожалением заметил Корин, когда они с Эллертом проходили

через силовое поле в главные покои Башни. — Она принадлежит к роду ди Астуриен, но она недестро, поэтому за ней почти ничего не дают. Даже если бы мой брат разрешил мне жениться, что вряд ли возможно, он бы не позволил мне взять в жены бедную девочку. — Он с горечью рассмеялся. — Но это не имеет значения. Даже если бы она получила в приданое все драгоценности Кэртона, Хастур из Каркосы не может вступить в брак с недестро из рода ди Астуриен; да если бы у Ариэллы и было такое приданое, то ее отец, несомненно, выдал бы ее замуж, и я бы навсегда потерял ее.

— Ты уже давно в том возрасте, когда мужчине следует обзавестись женой, — заметил Эллерт.

Корин пожал плечами:

— Мой брат вовсе не жаждет, чтобы у меня родился наследник. У меня сильный *ларан*, и я зачал с полдюжины сыновей для проклятой генетической программы — от разных девушек, всех и не упомнишь, — но так ни разу и не видел детей, хотя слышал, что все они обладают *лараном*. Лучше не привязываться к ним. Я понимаю, что любая попытка скрещивания Хастуров с Эйлардами или Ардаисами приводит к тому, что дети от таких браков гибнут от пороговой болезни.

Конечно, это тяжело для матерей, но сам я не собираюсь убиваться от горя.

— Как ты можешь так спокойно относиться к этому?

На какое-то мгновение маска безразличия исчезла, и Эллерт увидел, как настоящее лицо Корина исказилось страданием.

— А что мне остается делать, Эллерт? Ни один из сыновей Хастуров не имеет свободы выбора, и так будет продолжаться до тех пор, пока *леронии* этой чертовой племенной конюшни, которая называется нашей кастой, устраивают все браки и даже следят за отцовством наших бастардов. Не все же из нас похожи на тебя и способны сохранять монашеское целомудрие! — Его лицо снова стало каменно-бесстрастным. — В конце концов, это не такая уж неприятная обязанность. Пока я живу здесь и работаю Хранителем, я большую часть времени бесполезен для любой женщины, а это почти то же самое, что жизнь в монастыре… Мы с Ариэллой берем от жизни что можем, когда позволяют обстоятельства. Я не похож на тебя, романтика в поисках большой и чистой любви, — агрессивно добавил он и отвернулся. — Ты поговоришь с Ренатой или это сделаю я?

— Лучше ты, — сказал Эллерт, уже зная, каков

будет ответ; знал, что поедет на север с Ренатой. Он видел это снова и снова в мысленных образах, а следовательно, это было неизбежно.

Выходит, он полюбит Ренату, забудет свою прежнюю любовь, откажется от клятв, данных Кассандре?

«Мне вообще не следовало уезжать из Неварсина, — подумал Хастур — Лучше бы я бросился в пропасть с высочайшей вершины, прежде чем позволил отцу увезти меня оттуда!»

14

Рената помедлила у двери, а затем, зная, что Кассандра почувствовала ее присутствие, вошла без стука. Та была не в постели, хотя все еще выглядела бледной и измученной. Она держала на коленях полотно и мелкими, аккуратными стежками вышивала лепесток какого-то цветка. Когда взгляд Ренаты упал на ее работу, Кассандра покраснела и отложила вышивку в сторону.

— Мне стыдно тратить время на такое глупое занятие, — сказала она.

— Почему? — спросила Рената. — Меня тоже учили никогда не сидеть без дела, если у меня есть свободное время, чтобы не отвлекаться на собственные горести и проблемы. Хотя я так и не научилась делать такие ровные стежки… Теперь ты чувствуешь себя лучше?

Кассандра вздохнула:

— Да, я выздоровела. Наверное, мне пора занять свое место среди вас. Наверное… — У нее перехватило дыхание, но Рената, обладавшая даром эмпатии, уловила ее невысказанные слова: «Наверное, все знают о том, что я пыталась наложить

на себя руки, и презирают меня».

— Все мы испытываем к тебе только симпатию и сожалеем о том, что, когда ты была несчастна, ни у кого не нашлось достаточно сочувствия, чтобы утешить тебя.

— Однако я слышу шепотки вокруг, хотя и не могу понять, что происходит. О чем ты умалчиваешь, Рената? Что вы все скрываете?

— Ты знаешь, что война началась снова… — начала было Рената.

— Эллерт отправляется на войну! — С губ Кассандры сорвался страдальческий стон. — И он мне ничего не сказал!

— Если он медлил с этой вестью, чиа, то лишь из опасения, что тобою снова овладеет отчаяние и ты совершишь какой-нибудь необдуманный поступок.

Кассандра опустила глаза; несмотря на мягкий тон, это был упрек, причем заслуженный.

— Нет, этого больше не случится. Теперь уже нет.

— Эллерт не собирается на войну, — сказала Рената. — Его посылают в земли, которые пока что остаются нейтральными. Прибыл посланец из Каэр-Донна, и Эллерт отправится сопровождать его. Лорд Элхалин послал его с какой-то важной

миссией к горцам Хеллеров.

— И я поеду вместе с ним? — Кассандра затаила дыхание, и на ее лице отразилась такая чистая радость, что Рената с большой неохотой решилась разочаровать ее.

— Нет, милая. Сейчас это не твой жребий. Ты должна остаться здесь. Ты очень нуждаешься в тренировке, которую мы можем тебе дать. Когда овладеешь своим *лараном*, с тобой больше никогда не произойдет того, что случилось недавно. А поскольку я покидаю Башню, ты очень понадобишься здесь в качестве Наблюдающей. Мира скоро начнет учить тебя.

— Я буду Наблюдающей? Правда?

— Да. Ты достаточно долго работала в круге, поэтому твои таланты хорошо известны нам. Корин сказал, что из тебя выйдет замечательная Наблюдающая. После нашего отъезда здесь едва наберется опытных работников на два матриксных круга, и для каждого круга понадобится своя Наблюдающая.

— Значит, быть по сему. — Кассандра немного помолчала. — В любом случае мне выпал более счастливый жребий, чем любой из женщин моего клана, которым остается лишь смотреть, как их мужья уходят на войну, навстречу возможной

гибели. У меня есть полезная работа, и Эллерт может не бояться, что он оставит меня с ребенком.

Заметив вопросительный взгляд Ренаты, она опустила голову.

— Мне стыдно, Рената. Возможно, ты не знаешь… Мы с Эллертом поклялись друг другу, что наш брак останется целомудренным. Я… я соблазнила его, и он нарушил клятву.

— Кассандра, Эллерт взрослый мужчина и вполне способен принять самостоятельное решение. — Рената подавила желание рассмеяться. — Я сомневаюсь, что его самолюбию польстила бы мысль, что ты изнасиловала его.

Кассандра густо покраснела.

— И все же, если бы я оказалась сильнее, если бы смогла совладать со своими чувствами…

— Что сделано, того не изменишь. Все кузнецы преисподен Зандру не смогут спаять одно разбитое яйцо. Ты не хранительница совести Эллерта. Теперь ты можешь только смотреть вперед. Может быть, это и к лучшему, что Эллерт на время покинет тебя. Вы оба получите возможность решить, что вам нужно от жизни.

Кассандра покачала головой:

— Как я могу одна принимать решение, касающееся нас обоих? Пусть Эллерт скажет, что

ожидает нас впереди. Он мой муж и повелитель.

Внезапно Ренату охватило раздражение.

— Именно такое поведение сделало женщин Доменов тем, во что они сейчас превратились. Во имя благословенной Кассильды, дитя, неужели ты все еще думаешь о себе как о приспособлении для рождения сыновей и игрушке для чужой похоти? Проснись, девочка! Неужели ты считаешь, что это все, чего Эллерт хочет от тебя?

Кассандра изумленно заморгала:

— Но кто же я в таком случае? Кем еще может быть женщина?

— Ты не женщина, — сердито отрезала Рената. — Ты еще ребенок, и это ясно из каждого твоего слова. Послушай меня, Кассандра. Во-первых, ты человеческое существо, дитя богов, дочь своего клана, обладающая даром *ларана*. Ты думаешь, что он дан тебе лишь для того, чтобы ты могла передать его своим сыновьям? Ты работаешь с матриксом и скоро станешь Наблюдающей. Неужели ты в самом деле полагаешь, что не пригодишься Эллерту ни для чего иного, кроме постельных забав и деторождения? Великие боги, да ведь *это* он может получить от любой наложницы или от *ришьи* …

Кассандра снова покраснела, но теперь от

гнева.

— Не подобает говорить о таких вещах!

— Подобает только делать их, верно? — презрительно бросила Рената, сама не на шутку рассердившись. — Боги сотворили нас мыслящими существами; неужели ты думаешь, что они хотели сделать женщин лишь инструментом для продолжения рода? Если так, то почему у нас есть *ларан*, разум и язык, чтобы выражать наши мысли, а не только смазливые мордашки, половые органы, чрево для вынашивания детей и груди для вскармливания? Неужели ты полагаешь, будто боги не представляли, что они делают?

— Я вообще не верю в богов! — выкрикнула Кассандра. Горечь, звучавшая в ее голосе, была такой сильной, что гнев Ренаты моментально улетучился. Она слишком хорошо знала это чувство и сама еще не вполне избавилась от него.

— Я не собиралась ссориться с тобой. — Она нежно обняла девушку. — Ты еще молода и неопытна. Когда научишься пользоваться своим *лараном*, ты начнешь по-другому смотреть на вещи. Когда-нибудь ты перестанешь полагаться на Эллерта в решениях, будешь сама отвечать за свои поступки.

— Я никогда не думала об этом, — прошептала

Кассандра, уткнувшись лицом в плечо Ренаты. — Если бы я была сильнее, я не стала бы возлагать на него такую ношу. Я винила его в своих несчастьях, однако он делал лишь то, что был обязан. Научат ли меня здесь быть сильной, Рената? Такой же сильной, как ты?

— Надеюсь, ты будешь сильнее меня, чиа, — ответила Рената, поцеловав девушку в лоб. Но ее одолевали мрачные мысли. «Я держу наготове добрые советы для других, однако не в состоянии справиться с собственной жизнью. Уже третий раз убегаю от брака, отправляясь с неизвестной миссией в Алдаран, к девушке, которую не знаю и до которой мне нет никакого дела. Мне следовало бы остаться здесь и бросить вызов отцу, а не бежать в Алдаран. Кем мне приходится эта девчонка, что я должна наплевать на собственную жизнь ради того, чтобы помочь ей?»

Однако она знала, что выбор определялся ее положением *лерони*, имеющей врожденный талант и прошедшей полный курс обучения в Башне. Такая честь обязывала ее делать все возможное, чтобы помочь другим, менее удачливым, овладеть своим непрошеным или опасным *лараном*.

Кассандра уже успокоилась.

— Эллерт уедет, не попрощавшись со мной? —

спросила она.

— Нет, дитя мое. Конечно же нет. Корин уже разрешил ему покинуть круг. Сегодняшнюю ночь вы проведете под одной крышей и сможете надлежащим образом попрощаться друг с другом.

Она не сказала Кассандре о том, что будет сопровождать Эллерта в его поездке на север; об этом должен был сообщить сам Эллерт, в то время и в тех выражениях, которые сочтет необходимыми.

— В любом случае при нынешнем положении дел один из вас должен уехать, — добавила она. — Ты знаешь, что, когда в круге начнется серьезная работа, вам придется жить порознь и хранить целомудрие.

— Не понимаю, — пробормотала Кассандра. — Корин и Ариэлла…

— …вместе работают в матриксном круге больше полутора лет, — закончила Рената. — Они знают границы дозволенного и никогда не перейдут их. Придет день, когда ты тоже это узнаешь, но пока что тебе будет слишком трудно придерживаться ограничений и постоянно напоминать себе о них. Тебе пора учиться, ни на что не отвлекаясь, а Эллерт будет… — она лукаво улыбнулась, — будет именно таким отвлекающим фактором. Ах, эти мужчины! Мы не можем

жить ни с ними, ни без них.

Кассандра рассмеялась, но в следующее мгновение ее лицо снова омрачилось.

— Я знаю, что ты говоришь правду, однако не могу вынести мысли о том, что Эллерт должен покинуть меня. Ты никогда не любила, Рената?

— Нет, чиа; во всяком случае, в том смысле, какой ты вкладываешь в это слово.

Рената привлекла Кассандру к себе, остро ощущая своим эмпатическим *лараном* страдание другой женщины. Кассандра беспомощно расплакалась у нее на груди:

— Что мне делать, Рената? Что я могу сделать?

Лерони покачала головой, отсутствующе глядя в пространство. «Узнаю ли я когда-нибудь, что означает любовь? Захочется ли мне узнать, или подобное чувство — лишь ловушка, в которую женщины попадают добровольно, отказываясь от права распоряжаться своей жизнью? Не так ли все женщины Доменов стали не более чем роженицами и игрушками для чужой похоти?» Но страдания Кассандры были для нее более чем реальными. Глубина чужих эмоций смущала и беспокоила Ренату.

— Если ты так горюешь, милая, то ты можешь сделать так, что разлука с тобой окажется невы-

носимой. Он будет слишком бояться за тебя, чувствовать себя виноватым при мысли о том, что он оставляет тебя в таком отчаянии.

Кассандра с трудом удержалась от рыданий.

— Ты права. Я не должна прибавлять к его страданиям свои. Я не первая и не последняя жена Хастуров, которой суждено увидеть, как муж уезжает от нее, не зная, когда он вернется и вернется ли вообще. Но его честь и успех его миссии находятся в моих руках, и к этому следует относиться серьезно. — Она упрямо выставила свой маленький подбородок. — Я найду в себе силы проститься с ним. Скрепя сердце. Но, по крайней мере, я буду знать, что Эллерт отправляется в путь без страха за меня.

На следующий день из Хали на север выехал маленький отряд. Донел, как гонец лорда Алдарана, скакал впереди; Эллерта сопровождали знаменосец, положенный ему как наследнику Элхалина, и стражник с белым флагом. Он не взял себе даже телохранителя. Рената тоже отказалась от свиты, заявив, что в военное время такие излишества непозволительны. С ней отправилась лишь пожилая горничная Люсетта — незамужняя женщина в Доменах не могла путешествовать без старшей спутницы.

Эллерт ехал молча, отдельно от остальных, терзаемый воспоминаниями о Кассандре в момент их прощания. Он думал о ее прекрасных глазах, наполненных слезами, и о мужественных попытках удержаться от рыданий. По крайней мере, жена не беременна; в этом боги сжалились над ними.

Если боги в самом деле существуют и если им есть дело до человечества…

Хастур мог слышать, как Рената, скачущая впереди, оживленно беседует с Донелом. Они оба казались очень молодыми и веселыми. Эллерт знал, что он старше Довела лишь на три-четыре года, но чувствовал себя глубоким стариком. «Видеть то, что будет, то, что может случиться, и то, чего не случится никогда… Я как будто проживаю целую жизнь с каждым прошедшим днем». Он завидовал юноше.

Они ехали по земле, изуродованной шрамами войны: мимо почерневших полей со следами огня, домов с сорванными крышами, покинутых ферм. По дороге попадалось так мало путешественников, что на второй день Рената перестала закрывать голову капюшоном своего плаща, как того требовали приличия.

Однажды над ними пролетел аэрокар; он сде-

лал круг и снизился, чтобы изучить путников, затем заложил крутой вираж и умчался на юг. Стражник, везущий флаг, подъехал к Эллерту.

— Несмотря на наш флаг, *ваи дом*, лучше бы вы согласились взять сильный эскорт, — с беспокойством сказал он. — Эти ублюдки из Риденоу могут не проявить уважения даже к белому флагу, а увидев ваше знамя, не погнушаются захватить наследника Элхалина и держать его ради выкупа. Такое уже случалось.

— Если они не проявят уважения к белому флагу, то нам незачем воевать с ними, — сухо отозвался Эллерт. — В таком случае они не проявят уважения ни к нашей победе, ни к условиям капитуляции. Думаю, мы можем доверять нашим врагам в соблюдении правил войны.

— Мне с трудом верится в правила войны, *дом* Эллерт, с тех пор, как я впервые увидел деревню, обращенную в пепел клингфайром. Не уцелел никто. Погибли не только солдаты, но и старики, и женщины, и маленькие дети. Я предпочел бы верить в правила войны, имея за спиной внушительную силу.

— Мой *ларан* не предсказывал возможность нападения, — заметил Эллерт.

— В таком случае вам повезло, *ваи дом*, —

мрачно ответил стражник. — Я не могу найти утешения в предвидении или в другом волшебном искусстве.

На третий день путешествия они пересекли дорогу, ведущую к реке Кадарин, отделявшей Нижние Домены от владений горных лордов — Алдаранов, Ардаисов и менее родовитых дворян Хеллеров. Прежде чем они начали спускаться, Рената оглянулась на земли, откуда они пришли. С возвышенности можно было видеть большую часть территории Нижних Доменов. Окинув взглядом отдаленные холмы и Башни, *леронн* испуганно вскрикнула: к югу от Килгард-Хиллс бушевал лесной пожар.

— Смотрите, где горит! Он обязательно перекинется на земли Элтонов!

Эллерт и Донел, оба телепаты, уловили ее мысль: «Значит, и мой дом тоже может сгореть, погибнув в войне, к которой мы не имеем никакого отношения?»

— Теперь мне хотелось бы обладать твоим даром предвидения, Эллерт, — дрожащим голосом сказала она.

Панорама Нижних Доменов развернулась перед глазами Эллерта, он прикрыл веки в тщетной попытке отгородиться от калейдоскопических

вариантов будущего, рисуемых его *лараном*. Если могущественный клан Элтонов вступит в эту войну, подвергнувшись вероломному нападению, ни одно поместье, ни один замок в Доменах не останется в безопасности. Для Элтонов не будет иметь значения, были ли их дома сожжены умышленно или же погибли в вышедшем из-под контроля пламени, направляемом для атаки в другое место.

— Как они осмелились использовать лесной пожар в качестве оружия? — гневно спросила Рената. — Они же знали, что пожаром нельзя управлять, что огонь отдан на милость ветров, над которыми они не властны!

— Нельзя, — согласился Эллерт, стараясь утешить ее. — Но некоторые *лерони* — и ты знаешь об этом — могут использовать свою силу, чтобы нагнать облака и остановить пожар с помощью дождя или даже снега.

Донел подъехал ближе к Ренате.

— Где ваш дом, леди? — спросил он.

Она указала направление, протянув руку:

— Там, между озерами Миридон и Марипоза. Мой дом за холмами, но озера видны отсюда.

Загорелое лицо Донела немного просветлело.

— Не бойтесь, дамисела. Видите — пожар

двинется вверх по тому склону. — Он махнул рукой. — А там ветер повернет его в обратную сторону. Все выгорит до завтрашнего заката.

— Молюсь, чтобы ты оказался прав, — отозвалась Рената. — Но ведь это лишь догадки, верно?

— Нет, леди. Разумеется, вы сами это поймете, как только успокоитесь. С вашим опытом вам не составит труда прочесть воздушные потоки и увидеть, *куда* подует ветер. Для *лерони* это несложная задача.

Эллерт и Рената смотрели на Донела с удивлением, к которому примешивалось восхищение.

— Когда я изучала историю генетической программы, мне приходилось читать о подобном *ларане*, — наконец сказала девушка. — Но от него отказались, поскольку он был трудноуправляемым. Однако этим даром не обладали ни Хастуры, ни Деллереи. Может быть, ты сродни Сторнам или Рокравенам?

— Алисиана из Рокравена, четвертая дочь старого лорда Вардо, была моей матерью.

— Вот как? — Рената с нескрываемым любопытством взглянула на юношу. — Я считала этот *ларан* вымершим, поскольку он приходит к ребенку еще до рождения и обычно убивает мать при родах. Твоя мать выжила после твоего

рождения?

— Да, — ответил Донел. — Но она умерла при родах моей сестры Дорилис — той самой, которая будет отдана на ваше попечение.

Лерони покачала головой:

— Значит, проклятая генетическая программа рода Хастуров оставила свои отметины и в Хеллерах! Твой отец обладал *лараном*?

— Не знаю, — отозвался Донел. — Я даже не помню его лица. Но моя мать была очень слабой телепаткой, а Дорилис вообще не может читать мысли. Должно быть, то, что я имею, досталось мне от отца.

— Твой *ларан* постепенно пришел к тебе в детстве или неожиданно проявился в подростковом возрасте?

— Способность ощущать воздушные потоки и предвидеть наступление грозы была со мной с тех пор, как я себя помню, — ответил Донел. — Но тогда я считал ее не *лараном*, а обычным даром, в той или иной степени доступным любому человеку, вроде музыкального слуха. Когда я вырос, то немного научился управлять молниями. — Он рассказал о том, как в детстве отвел молнию, что могла ударить в дерево, под которым прятались они с матерью. — Но я могу использовать этот дар

лишь в случае крайней необходимости, поскольку потом мне приходится долго восстанавливать силы. Поэтому я стараюсь лишь видеть движение стихий, а не управлять ими.

— Это самое мудрое решение, — согласилась Рената. — Все, что мы знаем о необычных формах *ларана*, научило нас тому, как опасно играть с этими силами: проливаешь дождь в одном месте и вызываешь засуху в другом. Один мудрец сказал: «Неразумно спускать с привязи огнедышащего дракона, чтобы поджарить себе кусок мяса». Однако я вижу, ты носишь звездный камень.

— Он маленький и служит лишь для забавы. Я могу левитировать, управлять планером, и знаю несколько мелочей, усвоенных от *лерони* нашей семьи.

— Телепатия тоже развилась у тебя с раннего детства?

— Нет. Она проявилась в пятнадцать лет, когда я уже не ожидал ничего подобного.

— Ты сильно страдал от пороговой болезни? — спросил Эллерт.

— Не слишком. Я испытывал головокружение и дезориентацию в течение одного-двух месяцев. В основном меня удручало то, что в это время приемный отец запрещал мне пользоваться

планером. — Донел рассмеялся, но они оба могли прочесть его мысли: «Я и не подозревал, как сильно мой приемный отец любит меня, пока не почувствовал его страх за меня во время пороговой болезни».

— Судорог и конвульсий не было?

— Нет, ничего похожего.

Рената кивнула:

— В некоторых линиях пороговая болезнь проявляется гораздо сильнее, чем в других. У тебя, похоже, была сравнительно слабая форма, но в роду Алдаранов она летальна. В вашей семье случайно нет примеси крови Хастуров?

— Не имею ни малейшего представления, дамисела, — сдержанно отозвался Донел, но они уловили его возмущение, столь же отчетливое, как если бы он говорил вслух: «Разве я скаковая лошадь или племенной жеребец, чтобы судить обо мне по моей родословной?»

Рената громко рассмеялась:

— Прости меня, Донел. Возможно, я слишком долго жила в Башне и не учла, насколько оскорбительным может показаться подобный вопрос. Я столько лет занималась этими вещами! Хотя, честно говоря, друг мой, если мне предстоит обучать твою сестру, то я в самом деле должна

изучить ее родословную и наследственность так же серьезно, как если бы она была племенной кобылой или чистопородной гончей. Нужно выяснить, какой *ларан*, какие летальные и рецессивные гены она может носить в себе. Даже если сейчас они не проявляются, неприятности могут начаться, когда наступит пора созревания. Но прошу меня извинить: я не собиралась тебя оскорблять.

— Это я должен просить у вас прощения, дамисела. Вы стремитесь помочь моей сестре, а я…

— Тогда давай простим друг друга, Донел, и останемся друзьями.

Наблюдая за ними, Эллерт ощутил неожиданный приступ зависти к этим молодым людям, которые могли смеяться, флиртовать и наслаждаться жизнью, даже обремененные предчувствием грядущих несчастий. Потом он устыдился. Доля Ренаты была нелегкой; она могла возложить всю ответственность на отца или мужа, однако с детства работала над собой и отвечала за свои поступки. Донел тоже не был беззаботным юнцом: он жил с сознанием странного *ларана*, который мог разрушить его жизнь и жизнь сестры.

Эллерт подумал, что каждое человеческое существо, возможно, идет по тропинке над пропа-

стью, такой же бездонной, как и его собственная. Вдруг понял, что ведет себя так, как будто он один несет в себе ужасное проклятье, в то время как все остальные веселы и беззаботны. Постепенно им овладевали совершенно новые, необычные мысли: «Может быть, из-за неварсинского воспитания я отношусь к жизни с преувеличенной серьезностью? Если они могут жить со своей ношей и при этом сохранять легкость в сердце и радоваться миру, то, наверное, они мудрее меня».

Когда Эллерт подъехал к своим спутникам, он улыбался.

Они прибыли в Алдаран ранним вечером серого и дождливого дня. Вместе с дождем на землю падал мокрый снег. Рената надвинула на лицо капюшон и плотно обмотала шарфом нижнюю часть лица. Знаменосец убрал флаг, чтобы защитить его от непогоды, и ехал с суровым видом, закутавшись в дорожный плащ. Эллерт обнаружил, что здесь, на высоте, его сердце временами начинало гулко стучать, а голова немного кружилась от разреженного воздуха. Зато Донел с каждым часом, казалось, становился все более беззаботным, молодым и веселым, как если бы разреженный воздух и плохая погода были для

него верными признаками возвращения домой. Даже в дождь он ехал с непокрытой головой, откинув капюшон плаща, не обращая внимания на мокрый снег. Его лицо раскраснелось от ветра и холода.

У подножия склона, ведущего к замку, Донел помедлил и помахал рукой, словно подавая какой-то сигнал.

— Мы должны взбираться вверх по этой козьей тропке? — недовольно проворчала горничная Ренаты. — Может быть, им кажется, будто мы умеем летать?

Даже Рената выглядела немного озабоченной.

— Это цитадель Алдарана? Она выглядит такой же неприступной, как Неварсин.

Донел рассмеялся:

— В старые дни, когда предкам моего отца приходилось отстаивать замок силой оружия, его расположение сослужило хорошую службу… леди, — с неожиданной серьезностью добавил он. За время путешествия они стали друг для друга «Эллертом», «Донелом» и «Ренатой». Неожиданное возвращение к формальной учтивости заставило их осознать, что путь окончен и на каждого из них снова возложена ноша его судьбы.

— Полагаю, солдаты, охраняющие эти стены,

знают, что мы не собираемся нападать на них, — буркнул стражник.

— Нет, наш отряд слишком малочислен, — успокоил его Донел. — Смотрите — вон на крепостной стене стоит мой приемный отец вместе с Дорилис! Судя по всему, он узнал о нашем прибытии.

Эллерт увидел, как лицо Донела на мгновение приобрело бесстрастное выражение — как у телепата, находившегося в контакте с человеком за пределами слышимости.

— В конце концов, лошадиная тропка не такая уж крутая, — весело сказал юноша секунду спустя. — С другой стороны замка есть лестница, высеченная в камне, длиной в двести восемьдесят девять ступеней. Может быть, вы, сестра, предпочитаете подняться таким способом? — спросил он, обратившись к Люсетте.

Та изобразила на лице притворный ужас.

— Тогда пошли. Мой приемный отец ждет нас.

За время долгой поездки Эллерт не раз применял технику, усвоенную в Неварсине, и удерживал калейдоскопические образы будущего на расстоянии. Поскольку он не мог ничего с ними поделать, размышления о них могли вызвать лишь страхи и жалость к себе, непозволительные в критические моменты. Необходимо принять

свою судьбу, заглядывать вперед стоило лишь в тех случаях, когда появлялись веские причины полагать, что его выбор может принести пользу. Но когда путники достигли вершины крутого, продуваемого всеми ветрами склона и вступили в защищенный навесом внутренний двор, Эллерт понял, что уже проживал эту сцену в предвидении. Охваченный мгновенным замешательством, он услышал звонкий детский голос. Показалось, что полыхнула молния, и он физически сжался за долю секунды до того, как голос достиг его слуха. Нет — никакой опасности, никаких молний. Ничего, кроме радостного детского голоса, выкрикивавшего имя Довела. Маленькая девочка в развевавшемся на ветру длинном платье выбежала навстречу и обняла Донела.

— Я знала, что это ты и твои новые друзья! Эта женщина будет моей новой учительницей? Как ее зовут? Она тебе нравится? На что похожи равнины? Там действительно круглый год цветут сады, как я однажды слышала? А ты не видел какую-нибудь нечисть по дороге? Ты привез мне подарок? Кто эти люди и что за странные животные, на которых они едут?

— Тише, тише, Дорилис, — укоризненно произнес глубокий мужской голос. — Наши гости по

праву сочтут нас горными варварами, если ты будешь болтать без умолку. Отпусти своего брата и приветствуй гостей, как подобает настоящей леди.

Донел позволил сестре крепко уцепиться за руку, но отпустил ее, когда Микел Алдаранский заключил его в объятия.

— Мне очень не хватало тебя, дорогой мой мальчик. Ты представишь мне наших почтенных гостей?

— Это Рената Лейнье, *леронi* из Башни Хали, — сказал Донел.

Рената сделала глубокий реверанс.

— Вы оказали нам огромную честь, леди, и мы глубоко польщены. Позвольте мне представить вам свою дочь и наследницу, Дорилис Рокравен.

Дорилис стыдливо опустила глаза и присела в реверансе.

— *С'диа шайа, домна*, — пробормотала она.

Затем лорд Алдаран представил Ренате Маргали:

— Вот *леронi*, которая заботилась о девочке со дня ее рождения.

Рената внимательно взглянула на пожилую женщину. Несмотря на бледность и хрупкость черт, седеющие волосы и морщины, избороз-

дившие ее лицо, в Маргали еще чувствовалась внутренняя сила. «Если она заботилась о девочке с младенчества, но Алдаран считает, что его дочери нужна более суровая опека, то чего, во имя всех богов, он так боится? Ведь я вижу перед собой лишь очаровательную маленькую девочку».

Донел представил Эллерта своему приемному отцу. Поклонившись старику, Хастур поднял голову и посмотрел на ястребиное лицо *дома* Микела. Внезапно со смешанным ощущением приязни и страха он понял, что видел это лицо раньше в снах и видениях. Каким-то образом в руках этого горного лорда находился ключ к его судьбе, но Эллерт мог различить лишь комнату со сводчатым потолком, стены из белого камня, мерцающие огни и ощущение отчаяния. Он боролся с пугающими, непрошеными образами, пытаясь найти в них хоть какое-то рациональное зерно.

«Мой *ларан* бесполезен, — подумал он. — Он годится лишь на то, чтобы пугать меня!»

Когда их вели по замку в подготовленные для них покои, Эллерт поймал себя на том, что нервно осматривается, надеясь увидеть комнату со сводчатым потолком — место, где могла разыграться какая-то еще неясная для него трагедия. Но не видел ничего похожего на это помещение.

Возможно, с горечью подумал он, в замке Алдаран вообще нет такой комнаты. Возможно, ее вообще не существует.

15

Проснувшись, Рената ощутила присутствие в комнате постороннего человека. Потом она увидела хорошенькое девичье лицо Дорилис, выглядывающее из-за занавески.

— Мне очень жаль, — застенчиво произнесла Дорилис. — Я разбудила вас, *домна*?

— Наверное. — Рената моргнула, стряхивая остатки сна, в которых мелькали крылья планеров, языки пламени и лицо Донела. — Но это не имеет значения, дитя; Люсетта все равно должна была разбудить меня к обеду.

Дорилис вышла из-за занавески и опустилась на край кровати.

— Ваше путешествие было не слишком утомительным, *домна*? Надеюсь, вы вскоре избавитесь от усталости.

Рената улыбнулась, слушая эту смесь ребяческой серьезности и формальной вежливости.

— Ты очень хорошо говоришь на языке каста, — заметила она. — Разве он здесь принят?

— Нет, — ответила Дорилис. — Но Маргали воспитывалась в Тендаре. Она говорит, что я должна

научиться говорить на языке жителей равнин, так что если мне придется поехать в столицу, никто не сможет назвать меня горной дикаркой.

— Значит, Маргали превосходно справилась со своей работой, потому что у тебя очень правильное произношение.

— Вы тоже учились в Башне, *ваи леронии*?

— Да, но не нужно так формально обращаться ко мне. — Рената почувствовала, что девочка ей нравится. — Называй меня кузиной или родственницей, как пожелаешь.

— Вы выглядите очень молодо для *леронии*, кузина, — сказала Дорилис, выбрав наиболее интимное из двух обращений.

— Я начинала примерно в твоем возрасте… — начала было Рената, но вдруг замешкалась. Дорилис казалась слишком ребячливой для четырнадцати-пятнадцатилетней юной девушки, которой казалась. Если ей предстоит учить девочку, она должна положить конец забавам, запретить беготню с распущенными волосами и пронзительные вопли. Может быть, Дорилис немного слабоумная?

— Сколько тебе лет… пятнадцать? — осторожно спросила Рената.

Дорилис хихикнула и покачала головой:

— Все говорят, что я выгляжу на пятнадцать, и Маргали постоянно твердит мне, что я уже слишком взрослая то для одного, то для другого. Но мне еще одиннадцать лет. Вернее, исполнится двенадцать к празднику урожая.

Рената резко изменила свое мнение о девочке. Стало быть, это не ребячливая и плохо образованная молодая женщина, какой она кажется на первый взгляд, но рано развившаяся и не по годам разумная девочка, которая скоро станет девушкой. Возможно, ей не повезло, что она выглядит старше своих лет, ибо любой незнакомый человек будет ожидать от Дорилис большей опытности и зрелости в суждениях, чем свойственно ее возрасту.

— Тебе нравится быть *лерони*? — спросила Дорилис. — А что такое «Наблюдающая»?

— Ты это выяснишь, когда я буду обследовать тебя. Это необходимо сделать, прежде чем я начну учить тебя искусству обращаться с *лараном*.

— А чем ты занималась в Башне?

— Разными вещами, — ответила Рената. — Поднимала металлы на поверхность земли, чтобы кузнецы могли обрабатывать их; заряжала батареи для освещения домов и аэрокаров; работала на связи с другими Башнями, чтобы о происходя-

щем в одном месте могло стать известно везде, причем гораздо быстрее, чем через вестовых…

Дорилис внимательно слушала. Наконец она испустила долгий, зачарованный вздох:

— И ты научишь меня всем этим вещам?

— Может быть, и нет, но ты узнаешь все, что следует знать настоящей леди из Великого Домена. Кроме того, ты узнаешь вещи, которые положено знать всем женщинам, если они хотят обладать властью над собственным телом и разумом.

— Ты научишь меня читать мысли? Донел, отец и Маргали умеют читать мысли, а я не умею. Они могут разговаривать молча, а я их не слышу и сержусь, потому что они говорят обо мне.

— Я не могу научить тебя телепатии, но если у тебя обнаружится талант, научу, как им пользоваться. Ты еще слишком мала, и неизвестно, обладаешь ли ты этим даром.

— А матрикс у меня будет?

— Будет, когда ты научишься им пользоваться, — ответила Рената. Ей показалось странным, что Маргали еще не испытывала способности ребенка и не научила девочку управлять матриксом. Что ж… Маргали была уже в годах. Возможно, она опасалась, что своевольная воспитанница может злоупотребить огромными возможностя-

ми матрикса.

— Ты знаешь, в чем заключается твой *ларан*, Дорилис?

Девочка опустила глаза:

— Немножко. Наверное, ты слышала, что случилось на моей помолвке…

— Я слышала лишь, что твой жених скоропостижно скончался.

Внезапно Дорилис расплакалась:

— Он умер, и все сказали, что это я убила его! Но я не делала этого, кузина! Я не хотела убивать его — мне только хотелось, чтобы он убрал от меня свои руки.

Глядя на всхлипывающую девочку, Рената захотела обнять Дорилис и утешить ее. «Разумеется, она не собиралась убивать его! Как это жестоко — возложить вину за кровь на такую юную девочку!» Но прежде, чем Рената успела протянуть руки, интуиция заставила ее замереть на месте.

Несмотря на свою молодость, Дорилис обладала *лараном*, способным убивать. Такой *ларан* в руках ребенка, еще не умеющего размышлять здраво… Сама мысль об этом заставила Ренату содрогнуться. Если Дорилис достаточно взрослая для своего устрашающего дара, то она достаточно взрослая и для того, чтобы научиться контроли-

ровать и правильно использовать его.

Овладение *лараном* было непростой задачей. Никто лучше Ренаты, профессиональной Наблюдающей, прошедшей тренировку в Башне, не знал, какой упорной работой и жесточайшей самодисциплиной должны постигаться даже азы обучения. Как может испорченная, избалованная маленькая девочка, каждое слово которой служило законом для обожающих ее родственников, найти в себе силы и желание вступить на этот трудный путь? Возможно, смерть, причиной которой она послужила, наряду со страхом и чувством вины, могут послужить отправной точкой. Ренате не нравилось пользоваться страхом для обучения, но в тот момент она еще недостаточно хорошо знала Дорилис и не могла упускать даже самое слабое преимущество.

Она не прикоснулась к Дорилис, но позволила ей выплакаться, глядя на нее с отрешенной нежностью и сохраняя на лице бесстрастное выражение, не позволявшее понять, что творится у нее в душе. Наконец заговорила, выбрав для этого случая первое правило дисциплины, усвоенное ею в башне Хали:

— *Ларан* — огромный дар, означающий огромную ответственность. Управлять им очень

непросто. Ты сама должна сделать выбор, будешь ли ты управлять своим *лараном* или же он будет править *тобой*. Если ты готова упорно трудиться, придет время, когда ты будешь свободно пользоваться своим даром. Я приехала сюда учить тебя этому, чтобы с тобой больше не случалось никаких неприятных неожиданностей.

— Ты — более чем почетный гость в моем замке. — Микел, лорд Алдаранский, подавшись вперед на высоком сиденье, встретился взглядом с Эллертом. — Уже давно я не имел удовольствия принимать у себя одного из своих родичей из Нижних Земель. Надеюсь, наше гостеприимство не разочарует тебя. Но я не льщу себя мыслью, что наследник Элхалина выполняет поручение, посильное для любого гонца, лишь ради того, чтобы оказать мне честь, а тем более — когда Домен Элхалинов находится в состоянии войны. Тебе или твоему Домену что-то нужно от меня. Ты поведаешь мне истинную цель своей миссии, родич?

Эллерт задумался над дюжиной ответов, следя за игрой света на лице старика и понимая, что лишь действие его *ларана* заставляет это лицо принимать разные выражения — гнева, благожелательности, оскорбленного достоинства,

горечи и сострадания. Неужели цель его миссии способна пробудить в лорде Алдаране все эти чувства, или между ними предстоит произойти чему-то иному?

— Мой лорд, ваши слова справедливы, хотя для меня было большим удовольствием совершить путешествие на север с вашим приемным сыном, и я не сожалею о том, что оказался вдали от полей сражений, — сказал он, тщательно взвешивая каждое слово.

Лорд Алдаран приподнял седую бровь:

— Я полагал, что в военное время тебе не слишком хотелось покидать свой Домен. Ведь ты наследник своего брата, не так ли?

— Я его регент и управляющий, сир, но я поклялся поддерживать права его сыновей-недестро.

— Мне думается, ты мог бы предусмотреть лучшую участь для себя, — заметил *дом* Микел. — Если твой брат погибнет в бою, то ты будешь править Доменом лучше, чем любой из мальчишек, законных или незаконных. И без сомнения, народ твоего Домена предпочтет видеть верховным лордом тебя. Воистину сказано: кот со двора — у мышек игра! Так же и с Доменами. В трудные времена нужна сильная рука. Во время войны младший сын или даже наследник

третьей очереди может неожиданно занять положение, недоступное для него в мирную пору.

«Но я не настолько честолюбив, чтобы стремиться к власти над своим Доменом, — подумал Эллерт. Впрочем, он знал, что лорд Алдаран никогда этому не поверит. Для людей такого сорта личные амбиции были единственной движущей силой для мужчины, члена правящего дома. — Именно из-за этого нас раздирают братоубийственные войны…» Но вслух Эллерт этого не сказал, так как лорд Алдаран немедленно пришел бы к выводу, что видит перед собой женоподобное существо или обыкновенного труса.

— Сир, мой брат и верховный лорд полагает, что я смогу лучше послужить своему Домену, выполняя эту миссию.

— Вот как? — сурово спросил Алдаран. — Должно быть, она более важна, чем мне представлялось сначала. Расскажи о своем деле, родич, раз уж оно столь неотложное, что твоему брату пришлось доверить его своему младшему брату.

Дом Микел выглядел сердитым и настороженным. Эллерт понял, что ему не удалось произвести хорошего впечатления. Однако, слушая его рассказ, Алдаран мало-помалу расслабился и откинулся на спинку своего кресла. Потом мед-

ленно кивнул и глубоко вздохнул:

— Не так плохо, как я ожидал. Кое-что я предвидел, а кое-что сумел прочесть в твоих мыслях, хотя и немногое. Интересно, где ты научился так хорошо охранять их? Я опасался, что ты обратишься ко мне ради старой дружбы между мною и твоим отцом и попытаешься убедить меня присоединиться к твоему роду в этой войне. Хотя я искренне любил твоего отца, но на такой шаг я пошел бы с большой неохотой. Возможно, я решился бы оказать помощь в обороне Элхалина, будь ваше положение отчаянным, но я не хочу принимать участия в атаке на Риденоу.

— Мы не решились бы просить вас об этом, — вежливо признал Эллерт. — Но не будете ли вы любезны объяснить почему?

— Почему? Почему, ты спрашиваешь? Скажи, мой мальчик, какую обиду ты держишь на Риденоу?

— Я? Никакой, сир, за исключением того, что они напали на аэрокар, в котором летели мы с отцом, и мы оказались на волосок от смерти. Но все Домены Нижних Земель злы на Риденоу, потому что они вторглись в древний Домен Серраиса и забрали себе их женщин.

— Разве это так плохо? — спросил Алдаран. —

Разве женщины Серрaиса просили вас воспрепятствовать этим бракам, или же у вас есть доказательства, что их выдали замуж насильно?

— Нет, но… — Эллерт замешкался. Он знал, что женщины из рода Хастуров по закону могут выходить замуж только за родственников. Алдаран прочел эту мысль и невесело усмехнулся:

— Так я и думал. Дело лишь в том, что эти женщины приходятся вам отдаленными родственницами и вы не хотите выпустить их за пределы собственного Домена. Я слышал, что мужская линия в Серрaисе вымирает; именно генетическая программа поставила ее на грань гибели. Если женщины Серрaиса снова начнут вступать в брак с представителями рода Хастуров, то могу с достаточной уверенностью предсказать, что их *ларан* не протянет и ста лет. Этому дому *нужна* свежая кровь, а Риденоу здоровы и плодовиты. Для женщин Серрaиса браки с Риденоу — наилучшая участь, какую можно представить.

Эллерт не смог скрыть гримасу отвращения.

— Простите меня за прямоту, сир, — сказал он, — но я нахожу возмутительным говорить об отношениях между мужчинами и женщинами лишь в терминах проклятой генетической программы Доменов.

Алдаран фыркнул:

— Однако тебя устраивает мысль о том, что женщины Серраиса должны выходить замуж за Хастуров, Элхалинов и Эйлардов, не так ли? Разве это не является выведением потомства ради *ларана*? Говорю тебе: в этом случае их род не продлится и трех поколений. Сколько жизнеспособных сыновей родилось от женщин Домена Серраиса за последние сорок лет? Полно, неужели ты считаешь лордов в Тендаре милосердными мизантропами, пекущимися о целомудрии Серраиса? Ты молод, но едва ли можешь быть столь наивен. Род Хастуров скорее позволит Домену Серраиса вымереть поголовно, чем допустит смешение его крови с чужаками. Но у этих Риденоу, похоже, другие планы. И это единственная надежда для Серраисов: новые гены! Если бы вы, люди Доменов, проявили достаточно выдержки и благоразумия, то встретили бы Риденоу с распростертыми объятиями и связали бы их узами брака с собственными дочерями!

Эллерт был шокирован.

— Позволить Риденоу брать в жены женщин рода Хастуров? Но в их жилах нет ни капли крови Хастура и Кассильды!

— Зато она будет у их сыновей, — резко отозвал-

ся Алдаран. — С притоком новой крови старая линия Серраиса может выжить, вместо того чтобы выродиться до полной стерильности. Эйлларды уже сделали это с Валероном, а некоторые из Хастуров занимаются этим в наши дни. Сколько сыновей-эммаска родилось у Хастуров из Каркосы или из Элхалина за последние сто лет?

— Боюсь, слишком много. — Эллерт подумал о молодых монахах, которых встречал в Неварсине: не мужчины и не женщины, бесплодные, а некоторые и с другими врожденными дефектами. — Но я не изучал этот вопрос специально.

— Однако претендуешь на собственное мнение? — Алдаран снова поднял бровь. — Я слышал, что ты женился на дочери Эйлардов; сколько здоровых сыновей и дочерей у вас родилось? Хотя об этом не стоило и спрашивать. Если бы ты имел собственных детей, то едва ли согласился бы принести клятву верности бастардам брата.

— Мы женаты менее полугода, — раздраженно возразил Эллерт.

— Сколько здоровых законнорожденных сыновей есть у твоего брата? Полно, Эллерт, — ты не хуже меня знаешь, что если твоим генам суждено выжить, то лишь в крови сыновей-недестро. Это справедливо и для меня. Моя жена была из

рода Ардаисов и принесла мне не больше живых детей, чем сможет принести твоя леди из рода Эйлардов.

Эллерт опустил глаза, охваченный внезапным приступом душевной боли. «Неудивительно, что мужчины нашего рода забавляются с ришья. Наши жены дарят нам так мало радостей. Мы разрываемся между чувством вины перед ними и страхом перед участью, которая может их постичь».

Увидев игру эмоций на лице молодого человека, лорд Алдаран смягчился:

— Ну-ну, родственник, нам нет нужды ссориться. Я не хотел обидеть тебя. Но мы, потомки Хастура и Кассильды, связавшись с генетической программой, подвергли свои жизни большей угрозе, чем может исходить от самых отъявленных бандитов, — и спасение может принимать странные формы. Мне кажется, Риденоу могут послужить спасению Домена Серрайса, если вы, люди Элхалина, не будете препятствовать им. Однако ни вы, ни они не склонны к компромиссам. Передай своему брату, что если бы я и хотел вступить в войну — а я этого не хочу, — то все равно ничего бы не смог поделать. Я сам оказался в трудном положении, поссорившись со своим

братом из Скатфелла, и сейчас меня беспокоят его мстительные замыслы. Какие козни он строит? Здесь, в Алдаране, много лакомых кусочков… Иногда мне кажется, что другие горные лорды кружат надо мною словно стервятники. Я уже стар. У меня нет законного наследника, нет даже живого сына — ни единого ребенка моей крови, кроме маленькой дочери.

— Она красивая девочка, здоровая, если судить по внешности, и обладает *лараном*, — сказал Эллерт. — Если у вас нет сыновей, то разве вы не можете подыскать себе достойного зятя, который унаследует ваше поместье?

— Я надеялся на это, — мрачно произнес Алдаран. — Сейчас мне кажется, что ей, наверное, было бы лучше выйти замуж за одного из Риденоу, но *такой* поступок неизбежно перессорит меня со всеми Хастурами. К тому же все зависит от того, удастся ли этой молодой *леронi* из Хали помочь Дорилис пережить пороговую болезнь. Я потерял двоих сыновей и дочь, едва они достигли переходного возраста. Когда я женился на Деонаре, чей род отличается ранним пробуждением *ларана*, мои дети умирали еще до рождения. Дорилис пережила детство, но боюсь, с ее *лараном* она не переживет пору созревания.

— Да избавят ее боги от такой участи! — побледнев, пробормотал Эллерт. — Мы с леди Ренатой сделаем все, что в наших силах. Существует много способов предотвратить смерть от пороговой болезни. Я сам когда-то был близок к этому, однако выжил.

— Коли так, родич, то я твой покорный слуга. Ты можешь просить у меня все, чем владею. Но умоляю тебя: останься и спаси мое дитя!

— Я к вашим услугам, лорд Алдаран. Мой брат распорядился, чтобы я оставался здесь до тех пор, пока могу быть вам полезен или пока мне не удастся убедить вас сохранять нейтралитет в войне.

— Это я тебе обещаю, — твердо сказал Алдаран.

— Тогда я в вашем распоряжении. — Сдерживаемая горечь Эллерта наконец прорвалась наружу. — Если только вы не слишком презираете меня за то, что я не жажду вернуться на поле боя!

Алдаран склонил голову:

— Я говорил необдуманно. Прости меня, родич. Но я не имею желания присоединяться к этой безрассудной войне, хотя полагаю, что Хастурам в самом деле не мешает проверить Риденоу на прочность, прежде чем принять их в свой круг.

Если Риденоу не выдержат, то, возможно, они в самом деле не заслуживали родства с Серраисом. Наверное, боги все же знают, что делают, когда насылают на людей войны: старые линии крови, разжившиеся от роскоши, уходят в небытие или смешиваются с новым генетическим материалом, проверенным на способность к выживанию.

Эллерт покачал головой:

— Это могло быть справедливо в былые дни, когда война действительно служила испытанием силы и храбрости и выживал сильнейший. Но, мой лорд, я не могу поверить в это *сейчас*, когда оружие, подобное клингфайру, убивает сильных и слабых без разбора, не щадя женщин и малых детей.

— Клингфайр! — прошептал лорд Алдаран. — Значит, это правда и в Доменах начали пользоваться этим оружием? Но так или иначе, они могут применять его лишь в малых количествах: сырье очень трудно добыть из-под земли, и оно быстро разрушается на открытом воздухе.

— Сырье очищается в матриксных кругах Башен, мой лорд. Это одна из причин, заставивших меня уехать оттуда. Меня заставили бы работать над изготовлением адской смеси.

Алдаран закрыл глаза, словно пытаясь отгородиться от чего-то, причинявшего ему острую боль.

— Неужели за Кадарином все сошли с ума? Я полагал, что здравый смысл удержит их от производства оружия, способного истребить как побежденных, так и победителей! Мне трудно поверить, что тот, кто называет себя человеком чести, может устроить бойню во имя своих идей. — *Дом* Микел тяжело вздохнул. — Оставайся здесь, Эллерт. Пусть боги проклянут меня, если я вышлю хотя бы одного человека на такую бесчестную войну.

Его лицо исказилось судорогой гнева.

— Может быть, боги проявят милосердие и обе стороны уничтожат друг друга, подобно огнедышащим драконам из легенды, и оставят свои кости на выжженной земле в назидание грядущим поколениям!

16

Рената торопливо шла по двору замка Алдаран, не глядя по сторонам. Поглощенная своими раздумьями, она неожиданно налетела на какого-то человека, пробормотала извинение и пошла бы дальше, но ее удержали за руку.

— Подожди минутку, Рената! — сказал Эллерт. — Я почти не видел тебя с тех пор, как мы приехали сюда.

— Ты готовишься к возвращению, кузен? — спросила *лерони*, встретившись с ним взглядом.

— Нет. Лорд Алдаран попросил меня остаться и научить Довела кое-каким приемам, которые я узнал в Неварсине.

Эллерт пристально вгляделся в ее лицо и вздохнул:

— Кузина, что беспокоит тебя? Почему у тебя такой расстроенный вид?

— Со мной все в порядке, — смущенно пробормотала Рената. Но в следующее мгновение, прикоснувшись к его разуму *лараном*, увидела себя его глазами: бледную, осунувшуюся, с искаженным от тревоги лицом.

«Неужели я сейчас так выгляжу, или он видит меня такой в будущем?» Охваченная внезапным страхом, она на мгновение прильнула к нему, но Эллерт мягко отстранился, взяв ее за плечи.

— Извини меня, Рената, я испугал тебя. Мне в самом деле начинает казаться, что многое из того, что я вижу, существует лишь в моих страхах. На самом деле ничего страшного не произошло, не так ли? Или дамисела Дорилис действительно оказалась маленьким чудовищем, каким ее изображают местные сплетни?

Рената рассмеялась, но ее смех звучал принужденно.

— Разумеется, нет. Она милейший ребенок и пока ведет себя вполне послушно. Но… О Эллерт, это правда! Я боюсь за нее. Девочка носит в себе действительно ужасный *ларан*, и я страшусь предстоящего разговора с ее отцом, лордом Алдараном.

— Я видел ее лишь однажды в течение нескольких минут, — сказал Эллерт. — Донел показывал мне, как управлять планером, а она подошла и сказала, что хочет полетать вместе с нами. Но Донел ответил, что она должна попросить разрешения у Маргали. Дорилис очень рассердилась и ушла, разобидевшись на брата.

— Но она не ударила его *лараном*?

— Нет, — ответил Эллерт. — Она надулась и заявила, что он не любит ее, но не стала спорить. Мне не хотелось бы позволять ей летать, пока она не научится управлять матриксом. Кстати, по словам Донела, он сам получил матрикс в девятилетнем возрасте и без труда научился пользоваться им. Очевидно, *ларан* рано проявляется в роду Деллереев.

— Или Рокравенов, — добавила Рената. Она по-прежнему казалась встревоженной. — Думаю, Дорилис еще не готова управлять матриксом, а может быть, никогда не будет готова. Но мы поговорим об этом попозже, ладно? Лорд Алдаран согласился принять меня, и я не могу заставлять его ждать.

— Конечно, не должна, — согласился Эллерт.

Рената попрощалась с ним и пошла дальше, озабоченно нахмурившись.

Перед входом в приемный чертог лорда Алдарана она встретилась с Дорилис. Сегодня девочка была более сдержанной, чем в день их приезда. Волосы были аккуратно уложены, длинное платье с вышитыми рукавами сияло чистотой.

— Я хочу послушать, что ты скажешь отцу обо мне, кузина, — проворковала Дорилис, до-

верительным жестом вложив свою руку в руку Ренаты.

Рената покачала головой.

— Маленьким девочкам не разрешается присутствовать на советах старших, — ответила она. — Мне придется говорить о многих вещах, еще непонятных для тебя. Я даю слово, что в нужное время расскажу тебе обо всем, что имеет отношение к тебе, но это время еще не пришло.

— Я уже не маленькая, — возразила Дорилис, капризно выпятив губу.

— В таком случае ты не должна дуться и топать ногами, словно пятилетняя девочка. Такое поведение не убедит меня в том, что ты повзрослела и можешь слушать разговоры о твоем будущем.

— Да кто ты такая, чтобы так разговаривать со мной? — дерзко спросила Дорилис. — Я леди Алдаран!

— Ты девочка, которая когда-нибудь станет леди Алдаран, — холодно ответила Рената. — А я — *леронии*. Твой отец поручил мне научить тебя правилам поведения, подобающим женщине, которой предстоит занять высокое положение в обществе.

Дорилис вырвала свою руку из руки Ренаты и мрачно уставилась в пол:

— Я не потерплю таких разговоров! Я пожалуюсь отцу, и он отошлет тебя прочь, если ты не будешь добра ко мне!

— Ты еще не понимаешь значения слова «доброта», — спокойно сказала Рената. — Когда я впервые пришла в Башню Хали, чтобы научиться ремеслу Наблюдающей, никому в течение сорока дней не разрешалось говорить со мной или глядеть мне в глаза. Это делалось для того, чтобы укрепить мою способность полагаться на собственный *ларан*.

— Я не стала бы мириться с таким отношением, — сердито заявила Дорилис.

Рената улыбнулась:

— Тогда они отослали бы тебя домой, рассудив, что у тебя недостаточно сил и самодисциплины для обучения. Я всегда буду добра к тебе, Дорилис, но ты должна научиться владеть собой, прежде чем отдавать приказы другим.

— Но я не такая, как остальные, — возразила девочка. — Я леди Алдаран, и я уже имею право приказывать всем женщинам в замке, и большинству мужчин тоже. Ты же не верховная леди своего Домена, не так ли?

Рената покачала головой:

— Нет, но я Наблюдающая из Башни Хали, а там

всех учат одинаково, даже Хранителей. Ты уже видела Эллерта, нового друга твоего брата. Он из рода Хастуров, однако в Неварсине три года спал обнаженным на голом камне и никогда не открывал рта в присутствии старших по сану.

— Но это ужасно! — Дорилис состроила гримаску.

— Ничего подобного. Мы добровольно подчиняемся суровой дисциплине. Мы знаем, что должны научить нашу душу и тело подчиняться нам, чтобы *ларан* не смог уничтожить нас.

— А если я буду слушаться тебя, ты дашь мне матрикс и научишь меня пользоваться им, чтобы я могла летать вместе с Донелом? — вкрадчиво спросила Дорилис.

— Я сделаю это, когда буду уверена, что ты готова к этому, *чиа*, — сказала Рената.

— Но я хочу *сейчас*! — вспыльчиво выкрикнула Дорилис.

Рената покачала головой:

— Нет. Возвращайся в свою комнату, Дорилис. Я встречусь с тобой после разговора с твоим отцом.

Ее голос звучал жестко и решительно. Дорилис покорно отошла в сторону, но, сделав несколько шагов, резко обернулась и в гневе топнула

ножкой:

— Не смей приказывать мне командным тоном!

— Я буду делать то, что сочту нужным, — бесстрастно ответила Рената. — Твой отец пригласил меня заниматься твоим обучением. Должна ли я сказать ему о твоем непослушании и попросить у него права приказывать тебе каждый раз, когда это понадобится?

Дорилис вздрогнула:

— Нет, пожалуйста… Пожалуйста, не говори отцу, Рената!

— Тогда изволь слушаться, — повторила Рената. — Возвращайся к себе и скажи Маргали, что ты плохо себя вела и я попросила ее наказать тебя.

Глаза Дорилис наполнились слезами, но она повернулась и медленно пошла к выходу во двор. Рената с шумом выпустила воздух сквозь сжатые зубы.

«Как бы я заставила ее подчиниться, если бы она отказалась? А ведь придет время, когда она взбунтуется, и я должна быть готова к этому!»

Одна из служанок наблюдала за небольшой перепалкой с расширившимися от удивления глазами. Рената без труда уловила мысли женщины: «Я никогда не видела, чтобы маленькая

леди повиновалась так безропотно… без единого протеста!»

Значит, Дорилис впервые пришлось подчиниться против своей воли, подумала *лерони*. Она знала, что Маргали назначит Дорилис мягкое наказание — возможно, усадит подметывать юбки и ночные рубашки, запретив трогать рамы для вышивки. Что ж, маленькой леди пора научиться выполнять работу, которая ей не нравится.

Но конфронтация с девочкой укрепила ее волю перед трудным разговором с лордом Алдараном. Рената была рада, что *дом* Микел согласился принять ее в небольшом кабинете, а не в огромном и пустом приемном зале.

Когда она вошла, старый лорд что-то диктовал своему секретарю, взглянув на нее, он прервал свое занятие и отослал слугу.

— Ну, дамисела, как вы поладили с моей дочерью? Находите ли вы ее послушной и воспитанной? Иногда она своевольничает, но уверяю вас, это ласковый и любящий ребенок.

Рената печально улыбнулась.

— Боюсь, сейчас Дорилис не испытывает ко мне нежных чувств, — призналась она. — Мне пришлось наказать ее. Я послала ее к Маргали, чтобы она немного посидела за шитьем и поучилась

думать, прежде чем говорить.

Лорд Алдаран вздохнул:

— Полагаю, в воспитании детей не обойтись без наказаний. Когда-то я разрешил наставникам Донела применять физические наказания, но я обошелся с ним гораздо мягче, чем мой отец обошелся со мной. Я запретил им бить Донела до синяков, в то время как сам в детстве частенько получал такие взбучки, что целыми днями не мог сидеть как следует. Но надеюсь, вам не придется поднимать руку на мою дочь?

— Я бы предпочла этого не делать, — сказала Рената. — Размышления в одиночестве за какой-нибудь утомительной или скучной работой всегда казались мне достаточным наказанием за дурное поведение. Однако, мой лорд, мне хотелось бы, чтобы когда-нибудь вы сказали ей то, что я слышала от вас сейчас. Судя по всему, она считает, что высокое положение избавляет от тягот учебы.

— Вам хотелось бы, чтобы я рассказал ей, как мои учителя поколачивали меня в детстве? — Лорд Алдаран усмехнулся — Очень хорошо, я это сделаю. И кстати, напомню ей, что даже мне пришлось учиться быть правителем. Но разве вы пришли лишь ради того, чтобы сообщить мне о

наказании для моей дочери, леди? Приставив вас к ее обучению, я полагал подобные случаи чем-то совершенно естественным.

— Так оно и есть, — ответила Рената. — Я собиралась обсудить с вами гораздо более серьезный вопрос. Вы пригласили меня из-за опасений по поводу *ларана* Дорилис, не так ли? Я тщательно изучила состояние ее тела и разума; по моему мнению, ей остается еще несколько месяцев до начала полового созревания. Прежде чем это произойдет, я хотела бы попросить разрешения обследовать вас, мой лорд, а также Донела.

Лорд Алдаран с любопытством приподнял брови:

— Могу я спросить почему, дамисела?

— Маргали уже рассказала мне все, что могла вспомнить о беременности и родах Алисианы, — сказала Рената. — Поэтому мне известно кое-что из унаследованного Дорилис от матери. Но Донел тоже является продолжателем линии Рокравенов, и мне хотелось бы знать, какие рецессивные гены может иметь девочка. Будет проще обследовать Донела, чем изучать состав наследственной плазмы. То же самое относится и к вам, мой лорд, поскольку Дорилис является наследницей всей вашей линии. Я также хотела

бы получить доступ к вашему генеалогическому древу и поискать признаки определенных типов *ларана* в вашем роду.

Лорд Алдаран кивнул.

— Понимаю. Можете передать хранителю архивов Алдарана, что я предоставил вам свободный доступ ко всем записям. Так, значит, вы полагаете, что Дорилис переживет пороговую болезнь?

— Я смогу утверждать с большей уверенностью, когда узнаю, что заложено в ее генах, — ответила Рената. — Но клянусь, я сделаю для нее все, что в моих силах, и Эллерт поможет мне. Однако я должна знать, с чем имею дело.

— Что ж, у меня нет возражений против обследования, — задумчиво сказал лорд Алдаран. — Хотя эта техника мне незнакома.

— Техника глубинного наблюдения была изобретена для работников матриксных кругов, работающих на высоких уровнях, — объяснила Рената. — Потом мы нашли ей другие применения.

— Что мне нужно делать?

— Ничего. Постарайтесь совершенно успокоиться и ни о чем не думайте. Поверьте, я не стану вторгаться в ваши мысли. Моя задача — выяснить, какие секреты может хранить ваше тело.

Алдаран пожал плечами.

— Как вам будет угодно. — Он закрыл глаза.

Рената потянулась своим сознанием, приступив к первому этапу обследования. Сначала осуществлялось наблюдение за дыханием, циркуляцией крови, функционированием жизненно важных органов. Потом процесс детализировался, доходя до клеточной структуры тела и мозга.

Спустя довольно долгое время Рената осторожно вывела мысленный зонд и поблагодарила лорда Алдарана. На ее лице лежала печать смутного беспокойства.

— Каков ваш вердикт, дамисела?

— Если не возражаете, я подожду с выводами. Нужно просмотреть архивы и поработать с Донелом.

Рената поклонилась и вышла из комнаты.

Через несколько дней Рената снова передала лорду Алдарану просьбу о встрече. Войдя в его кабинет, *лерони* с порога спросила:

— Мой лорд, Дорилис является вашим единственным ребенком?

— Да, я говорил вам об этом.

— Я знаю, что она является единственной, кого вы признаете. Есть ли у вас незаконнорожденные дети, случайные, непризнанные — любые?

Алдаран встревоженно покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Ни одного. У меня было несколько детей от первого брака, но они умерли в ранней юности от пороговой болезни, а все дети Деонары умерли до рождения или на первых минутах жизни. В молодости я зачал нескольких сыновей, но ни один из них не дожил до пятнадцати лет. Насколько мне известно, Дорилис одна во всем мире несет мои гены.

— Я не хочу прогневить вас, лорд Алдаран, но вы должны немедленно заняться поисками другого наследника, — тихо сказала Рената.

Старик поднял голову. Она увидела панический ужас в его выцветших глазах.

— Вы предупреждаете меня о том, что Дорилис тоже не переживет пороговую болезнь?

— Нет, — ответила Рената. — Есть все основания надеяться, что девочка переживет критический период; она может даже приобрести определенные телепатические способности. Но продолжение вашей династии не должно опираться только на нее. Как и Алисиана, она может вынести рождение мальчика. Насколько я могу судить, ее *ларан* обусловлен полом. У мальчиков он рецессивен. Донел может читать направление воздушных потоков, ощущать атмосферное

давление и приближение грозы, даже немного управлять молниями, хотя и не создавать их. Но этот дар является доминантным у девочек. Дорилис не переживет рождения дочери, еще в утробе обладающей подобным *лараном*. Донела тоже следует предупредить. Он может иметь только мальчиков, если не хочет видеть, как его женщины гибнут от ударов *ларана* своих еще не родившихся дочерей.

Мало-помалу смысл слов дошел до лорда Алдарана. Его лицо посерело и осунулось.

— Вы утверждаете, что Дорилис убила Алисиану? — спросил он.

— Я думала, что вы знаете об этом. Это одна из причин, на основании которых род Рокравенов был исключен из генетической программы. Некоторые дочери, сами не обладавшие полноценным *лараном*, тем не менее передавали его по наследству своим дочерям. Алисиана — одна из них, и ее дочь обладает *лараном* в полной мере. Скажите, в тот день, когда она родила… была гроза?

У лорда Алдарана перехватило дыхание. Он вспомнил, как Алисиана кричала в ужасе: «Она ненавидит меня! Она не хочет появляться на свет!»

«Дорилис убила свою мать! Она убила Алиси-

ану, любимую...» Он отчаянно боролся с собой, пытаясь сохранить спокойствие.

— Но ведь она была младенцем. Как вы можете винить ее?

— Винить? Разве я кого-то обвинила? Эмоции младенца неконтролируемы; ребенок не может и не умеет сдерживать их, а роды всегда бывают самым страшным испытанием для еще неразвитой психики. Разве вы этого не знали, мой лорд?

— Разумеется, я присутствовал при рождении всех детей Деонары, — пробормотал он. — Однако без труда мог успокоить их.

— Но Дорилис была сильнее большинства детей, — сказала Рената. — Ослепленная болью и страхом, не зная, что с ней происходит, она нанесла удар... убивший ее мать. Дорилис не знает об этом и, надеюсь, никогда не узнает. Но теперь вы можете понять, почему так опасно полагаться только на нее в деле продолжения рода. Разумеется, для нее было бы безопаснее вообще не выходить замуж, хотя, когда она станет женщиной, я могу научить ее методике, позволяющей зачинать только сыновей.

— Если бы только Алисиана обладала подобным искусством! — с невыразимой горечью прошептал лорд Алдаран. — Я не знал о том, что

такая методика известна в Доменах.

— Она не получила широкого распространения, — отозвалась *леронн*. — Хотя те, кто разводит ришья, знакомы с ней и выращивают только особей женского пола. Эту методику нельзя распространять повсеместно, иначе лорды Великих Доменов, жадные до сыновей, нарушат естественное равновесие и на свете останется слишком мало женщин. Однако в данных обстоятельствах я считаю это оправданным. Я научу Дорилис и Донела тоже, если он пожелает.

Старик опустил голову:

— Что мне делать? Она мой единственный ребенок.

— Лорд Алдаран, — тихо сказала Рената. — Я хотела бы попросить у вас разрешения — только в том случае, если это окажется совершенно необходимым — выжечь ее *ларан*, разрушив пси-центры мозга. Это может спасти ей жизнь или сохранить рассудок.

Дом Микел в ужасе посмотрел на нее:

— Вы хотите лишить ее разума?

— Нет, — ответила Рената. — Но она освободится от *ларана*.

— Чудовищно! Об этом не может быть и речи!

— Мой лорд. — Лицо Ренаты стало суровым. —

Клянусь вам, что, если бы Дорилис была моим собственным ребенком, я просила бы вас о том же самом. Вы знаете, что она убивала трижды?

— *Трижды?* Алисиана, потом Даррен, сын моего брата… но это было оправдано: он пытался изнасиловать ее!

Рената кивнула:

— Но до того случая она уже однажды была обручена и ее жених умер, не так ли?

— Я считал это несчастным случаем.

— В общем-то, так оно и было, — согласилась Рената. — Дорилис не было и шести лет. Она помнит лишь, что мальчик сломал ее любимую куклу; все остальное наглухо заблокировано в ее памяти. Когда я заставляла ее вспомнить, она плакала так жалобно, что могла бы растопить сердце самого Зандру! До сих пор она убивала лишь в панике. Думаю, она не стала бы умышленно убивать даже родственника, попытавшегося изнасиловать ее. Но она не контролирует свои порывы. Она не может оглушить — только убить. Не знаю, способен ли кто-нибудь научить Дорилис управлять подобным *лараном*. Мне не хочется возлагать на нее бремя вины, если она ударит снова, в момент страха или паники.

Рената помедлила, но лорд Алдаран хранил

молчание.

— Хорошо известно, что власть развращает, — продолжала *лерони*. — Полагаю, даже сейчас девочка считает, что никто не осмелится прекословить ей. Она своевольна и высокомерна. Возможно, ей нравится думать, что все боятся ее. На пороге юности девушки сталкиваются со многими проблемами: им часто не нравится их лицо, тело или цвет волос. Им кажется, что окружающие недолюбливают их, хотя на самом деле они просто не могут ясно сформулировать свои опасения. Если Дорилис решит искать утешения в силе своего *ларана* … Что ж, скажу откровенно: я испугалась бы ее в подобных обстоятельствах.

Алдаран невидящим взглядом уставился на черно-белый мозаичный пол комнаты.

— Я не могу согласиться на уничтожение ее *ларана*, Рената. Она мой единственный ребенок.

— Тогда, мой лорд, вы должны снова жениться и родить наследника, пока еще не поздно, — посоветовала Рената, удивляясь своей смелости. — В вашем возрасте нельзя терять времени.

— Вы думаете, я не пробовал? — желчно спросил Алдаран. Затем, немного помешкав, рассказал Ренате о наложенном на него проклятье.

— Мой лорд, человек вашего разума и положе-

ния обязан знать, что сила подобного проклятья тяготеет лишь над вашим рассудком, но никак не над вашим телом.

— Я уже много лет пытаюсь убедить себя в этом. Однако с тех пор, как умерла Алисиана, я не испытывал желания ни к одной женщине. После смерти Деонары я делил ложе с другими женщинами, но ни одна из них так и не зачала. В последнее время я начинаю верить, что проклятье поразило меня еще до того, как колдунья произнесла его, ибо, пока Алисиана носила мое дитя, я и не помышлял о женщинах. Раньше для меня было немыслимо воздерживаться целых полгода. — Микел покачал головой, извиняясь. — Простите меня, дамисела. Мне не следовало вести такие речи в вашем присутствии.

— Мой лорд, об этом следует говорить, потому что сейчас я прежде всего *леронии*. Не беспокойтесь на этот счет. Но разве вы не проходили обследование, чтобы убедиться окончательно?

— Я и не знал, что такое возможно.

— Если хотите, я проверю, — деловым тоном предложила Рената. — Или… Маргали давно служит вам и ближе вам по возрасту. Если вы предпочтете ее…

— Думаю, мне будет не так стыдно перед незна-

комым человеком, — перебил лорд Алдаран.

— Как пожелаете.

Рената сосредоточилась и погрузилась в наблюдение за телом и мозгом на клеточном уровне.

— Вы действительно прокляты, мой лорд, — сокрушенно произнесла она через некоторое время. — В вашем семени нет искры жизни.

— Но разве такое возможно? Может быть, та женщина знала о моем позоре, или же она в самом деле сотворила это… это… — Его голос замер, но ярость и ужас были ощутимы почти физически.

— Этого нам уже никогда не узнать, мой лорд, — тихо сказала Рената. — В принципе, кто-то из ваших врагов мог сделать это с вами, хотя никто из обученных искусству владения матриксом в Башнях не решился бы на такое злодеяние. Мы связаны клятвами, запрещающими употреблять наши силы во зло.

— Нельзя ли снять проклятье? Совершенное при помощи колдовства можно и отменить с помощью колдовства, не так ли?

— Боюсь, что нет, сир. Возможно, если бы об этом стало известно сразу, то… Но прошло уже много лет. Нет, это невозможно.

Алдаран опустил голову.

— Тогда я должен молиться всем богам, чтобы вам удалось провести Дорилис через пору созревания, сохранив ей жизнь. В ней одной сохранилась кровь Алдаранов.

Рената пожалела старика, которому сегодня пришлось узнать сразу несколько мучительных и унизительных для него истин.

— Мой лорд, у вас есть брат, а у вашего брата есть сыновья, — мягко напомнила она. — Даже если Дорилис не переживет пороговую болезнь — хотя я молю, чтобы Аварра уберегла ее, — наследство Алдаранов не будет потеряно полностью. Я умоляю вас, сир, примириться со своим братом.

Глаза *дома* Микела блеснули неожиданной яростью, столь ужасающей, что *лерони* отшатнулась.

— Поосторожнее, леди! Я благодарен за все, что вы сделали и сделаете для моего ребенка, но есть вещи, о которых даже вы не смеете говорить со мной! Я поклялся разобрать этот замок своими руками, камень за камнем, прежде чем он достанется любому из сыновей Скатфелла. После меня здесь будет править Дорилис или никто!

«Жестокий, высокомерный старик! — подумала Рената. — Поделом тебе, если и в самом деле дойдет до этого! Твоя гордость сильнее любви к

дочери, иначе бы ты избавил ее от такой ужасной участи».

Она поклонилась.

— В таком случае нам не о чем больше говорить, мой лорд. Я сделаю для Дорилис все, что смогу. Однако, сир, прошу вас помнить о том, что в мире не все происходит так, как нам бы того хотелось.

— Прошу вас не сердиться на меня, — устало сказал Алдаран. — Пусть болтливый стариковский язык не послужит преградой для дружбы между вами и моей дочерью.

— Можете быть спокойны, — отозвалась Рената, невольно смягчаясь от любезности старика. — Я люблю Дорилис и буду охранять ее, даже от нее самой.

Покинув покои Алдарана, *лерони* долго гуляла по крепостной стене, расстроенная и обеспокоенная. Возможно, Дорилис будет не в состоянии пережить рождение ребенка. Должна ли она последовать своим строгим правилам и позволить девочке стать женщиной, не раскрывая этой мрачной правды? Или следует предупредить Дорилис?

Рената снова подумала о лорде Алдаране, готовом скорее обречь дочь на верную гибель, чем примириться с мыслью о том, что Скатфеллы

могут унаследовать его поместье.

«О Кассильда, благословенная праматерь рода Хастуров! — подумала она. — Хвала богам, что я не лорд одного из Доменов!»

17

Лето в Хеллерах было прекрасным; снега отступили к вершинам, и даже в плохую погоду редко лил дождь.

— Хороший выдался сезон, но опасный, кузен Эллерт, — сказал Донел, стоявший на башне замка. — У нас бывает меньше пожаров, чем на равнинах, так как снег здесь лежит дольше, но наши пожары более продолжительны из-за хвойных лесов. В жаркие дни смолистые деревья выделяют эфирные масла, мгновенно воспламеняющиеся при первой же грозе. А когда горит смола… — Он развел руками.

Эллерт понял его. Ему приходилось видеть, как хвойные деревья вспыхивают, словно факелы, разбрасывая фонтаны искр, падающих огненным дождем и разносящих пламя по всему лесу.

— Просто чудо, что здесь еще сохранились хвойные леса, раз пожары случаются из года в год, — заметил он.

— Да, — согласился Донел. — Если бы они росли медленнее, то склоны Хеллеров превратились бы в сплошную пустыню от Кадарина до Стены Ми-

ра. Но, к счастью, за год горы снова покрываются молодой порослью.

— Я не летал на планерах с тех пор, как был мальчишкой. — Эллерт застегивал на талии ремни летного снаряжения. — Надеюсь, я не утратил навыки.

— Раз усвоив, их невозможно забыть, — успокоил его Донел. — В пятнадцать лет меня скрутила пороговая болезнь, и я почти год не мог летать. Когда я поправился, мне казалось, что я забыл, как это делается. Но как только я оказался в воздухе, тело само все вспомнило.

Эллерт застегнул последнюю пряжку.

— Мы далеко полетим? — осведомился он.

— Если мерить пешими переходами, то дальше, чем большинство вьючных животных может уйти за два дня; тропы здесь петляют и идут то вверх, то вниз. Но по прямой лететь не больше часа.

— Это проще, чем управлять аэрокаром? — Эллерт вспомнил, что не видел в Хеллерах ни одного большого летательного аппарата.

— Народ из Дерриэла экспериментирует с такими машинами, — ответил Донел. — Но между горными пиками возникает слишком много встречных воздушных потоков. Даже с планером

нужно тщательно выбирать дни для полетов, остерегаясь гроз и перемены ветра. Однажды мне пришлось несколько часов просидеть на скале, ожидая, пока пройдет летняя гроза. — Он усмехнулся, припоминая. — Я вернулся домой грустный, как кролик, которому пришлось уступить свою нору барсуку. Но сегодня, думаю, у нас не будет неприятностей. Эллерт, ты проходил тренировку в Башне. Ты знаешь людей из Трамонтаны?

— Ян-Микел из Сторна работает там Хранителем, — сказал Эллерт. — За те полгода, что я провел в Хали, мне время от времени приходилось общаться с ними на сеансах связи. Но я никогда не бывал в Трамонтане.

— Они всегда привечали меня; по-моему, там рады гостям. Они словно ястребы в горной цитадели, не видят почти никого от праздника середины лета до новогодней ночи. Они будут рады принять тебя, кузен.

— Я тоже буду рад встретиться с ними, — искренне ответил Эллерт.

Трамонтана была самой дальней Башней на крайнем севере Хеллеров, находившейся почти в полной изоляции от остальных, хотя ее обитатели передавали сообщения по ретрансляционной

сети и обменивались информацией о достижениях матриксной науки. Именно работники Трамонтаны, вспомнил Эллерт, изобрели химические ингредиенты для огненного оружия. Они извлекали вещества из глубоких пещер под Келлерами, очищали их и изобретали новые способы их использования — все с помощью искусства матрикса.

— Правда ли, что они работали с матриксом до двадцать пятого уровня?

— Думаю, да, кузен. В конце концов, их там тридцать человек. Может быть, это самая удаленная из Башен, но отнюдь не самая малочисленная.

— Их работа с химическими веществами великолепна, — заметил Эллерт. — Хотя мне кажется, я бы не решился повторить кое-что из того, что делают они. Однако их техники утверждают, что при полном контроле над кристаллической решеткой двадцать шестой уровень матрикса не более опасен, чем четвертый. Не знаю, смог бы я положиться на надежность двадцати пяти других людей в деле, требующем такой огромной сосредоточенности.

Донел сокрушенно улыбнулся:

— Хотелось бы мне разбираться в этих вещах. Увы, я знаю лишь то, что усвоил от Маргали, да те

крохи, что они сообщили мне из вежливости, когда я гостил там. Мне редко позволяли оставаться в Башне более суток.

— Думаю, ты мог бы стать неплохим механиком или даже техником, — сказал Эллерт, вспомнив, как быстро юноша усвоил его уроки. — Но, видимо, у тебя иная судьба.

— Это верно. Я не могу покинуть ни отца, ни сестру, пока она не вырастет. Я никогда не узнаю многих тонкостей обращения с матриксом, для которых необходимо обучение в Башне. Но я рад учиться, чему могу… а особенно рад вот этому, — добавил он, прикоснувшись к обитому тонкой кожей крылу планера. — Ты готов отправиться в путь, кузен?

Донел подошел к краю парапета, расправил длинные крылья планера, ловя воздушный поток, затем шагнул в воздух и взмыл вверх. Напрягая свое обострившееся сознание, Эллерт смог ощутить движение восходящего потока. Он остановился на краю парапета и почувствовал, как внутри расползается неприятный холодок страха перед высотой. Пропасть внизу казалась огромной. Однако если Донел еще мальчиком мог без страха летать на такой высоте… Эллерт сфокусировался на матриксе, шагнул со стены и

ощутил внезапное головокружение от скорости воздушного потока, рывком потащившего его вверх. Он быстро выправил аппарат, отклоняясь то в одну, то в другую сторону, заново постигая мастерство управления изящной игрушкой. Планер Донела ленивыми кругами парил над ним. Эллерт поймал воздушное течение, поднявшее его выше, и они полетели бок о бок.

В первые минуты Эллерт был так поглощен управлением, что вообще не смотрел вниз. Все его внимание обратилось на тонкую балансировку, оценку атмосферного давления и восприятие энергетических потоков, которые он смутно ощущал повсюду. Это напоминало ему былые дни в Неварсине, когда он впервые овладел *лараном* и научился воспринимать человеческие существа как энергетическую субстанцию в сети силовых линий, отсекая восприятие плоти и крови, твердого тела. Теперь он чувствовал, что воздух вокруг наполнен такими же текучими энергетическими потоками. «Если я многому научил Донела, то он дал мне не меньше, научив меня читать воздушные течения и силовые токи, пронизывающие воздух точно так же, как сушу и воду…» Раньше Эллерт и не подозревал о существовании этих потоков. Теперь он мог почти видеть их.

Он мог выбрать среди них самый подходящий, оседлать его и подняться на такую высоту, где ветра несли хрупкий аппарат словно пушинку, потом найти нисходящий поток и спуститься в более безопасное место. Сейчас же, вытянувшись на переборках, он начал посматривать вниз, на раскинувшуюся под ним землю.

Под ним разворачивалась панорама тихой горной страны — склоны, покрытые темными лесами. То тут, то там чащи уступали место ровным рядам деревьев — то были фруктовые сады или плантации орешника на маленьких фермах. Пологие холмы расчищались под луга, где паслись стада, из стремительных горных речушек выглядывали водяные колеса, приспособленные для маслобоек и сыроделен. Временами до него доносился резкий запах сукновальни или маленькой бумажной фабрики, а однажды он увидел вход в пещеры, где жили кузнецы. Искры из кузнечных горнов в этих местах не могли причинить вреда лесам или человеческому жилью.

Пока они летели, холмы постепенно становились выше и пустыннее. Эллерт ощутил прикосновение Донела к своему разуму — юноша становился искусным телепатом, способным привлечь внимание, не нарушая сосредоточен-

ности другого человека. Эллерт последовал за ним в термодинамическую трубу между двумя грядами; туда, где в полуденном свете тускло блестел белый камень Башни Трамонтана. Он увидел, как страж на вершине Башни поднял руку, приветствуя их. Донел устремился вниз по пологой дуге, сложив крылья планера точно в момент приземления. Он опустился на колени и поднялся отработанным движением. Эллерту, значительно уступавшему в мастерстве, повезло меньше: он споткнулся и едва не полетел кувырком, запутавшись в планках и веревках. Донел со смехом подошел к нему и помог встать.

— Не унывай, кузен, — сказал он. — Я сам много раз приземлялся точно так же.

Эллерт подумал о том, сколько лет прошло с тех пор.

— Пошли. Эрци заберет твой планер и сохранит его до нашего возвращения. — Донел указал на сутулого старика, стоявшего неподалеку от них.

— Мастер Донел, — произнес старик с таким сильным акцентом, что Эллерт, знавший большинство диалектов Хеллеров, с трудом понимал его. — Мы, как всегда, рады приветствовать вас. Мое почтение, *дом'н*, — добавил он, включив Эллерта в свой небрежный поклон.

— Это мой старый друг Эрци, служивший в Башне еще до моего рождения и принимавший меня три-четыре раза в год с тех пор, как мне исполнилось десять лет. Эрци, это мой кузен, *дом* Эллерт Хастур из Элхалина.

— *Ваи дом* … — Второй поклон Эрци выглядел почти комично. — Лорд Хастур оказал нам великую честь. *Ваи леронин* тоже будут рады приветствовать вас, да, тоже будут рады.

— Я не лорд Хастур, — мягко поправил Эллерт. — Всего лишь лорд Эллерт, добрый человек, но благодарю тебя за приветствие.

— Много, много лет утекло с тех пор, как последний Хастур навестил нас, — прохрипел Эрци. — Следуйте за мной, высокородные господа.

— Смотрите, кого к нам принес ветер! — воскликнул чей-то веселый голос. Юная девушка, высокая и стройная, с пышными волосами, бледно-золотистыми, как снег на дальних горных вершинах, подбежала к Донелу и протянула руки, приветствуя его. — Донел, как мы рады снова видеть тебя! Ты привел к нам гостя?

— Я тоже рад встрече с вами, Розаура, — отозвался Донел, обнимая девушку так, словно они были родственниками. Розаура протянула руку Эллерту, сопроводив движение быстрым телепа-

тическим прикосновением, которое показалось Эллерту более естественным, чем пожатие. Разумеется, он узнал девушку еще до того, как Донел назвал ее имя. Когда они поздоровались, лицо Розауры снова осветилось быстрой улыбкой.

— Так ты тот самый Эллерт, который полгода жил в Хали? Разумеется, я слышала о твоей поездке в Хеллеры, но не рассчитывала, что счастливый случай приведет тебя к нам, родич. Ты решил поработать в Башне Трамонтана?

Донел с изумлением наблюдал за их встречей.

— Но ты же никогда не был здесь раньше, кузен! — обратился он к Эллерту.

— Это верно, — согласилась Розаура. — До этой минуты никто из нас не видел его лица, но мы соприкасались с его разумом на сеансах связи. Это радостный день для Трамонтаны, родич. Пойдем, ты должен встретиться со всеми остальными!

Розаура повела их во внутренние помещения Башни. Вскоре их окружило около дюжины молодых мужчин и женщин — остальные находились на связи или спали после ночной работы. Все они приветствовали Донела почти как равного.

Эллерт испытывал смешанные чувства. В последнее время ему удавалось удержаться от тягостных воспоминаний о Кассандре и Башне

Хали, но теперь он лицом к лицу встретился с людьми, которых знал лишь как бесплотные голоса на сеансах связи. Сейчас они облеклись в плоть и кровь, обрели лица.

— Ты собираешься остаться в Трамонтане, кузен? Нам пригодится хороший техник.

Эллерт с сожалением покачал головой:

— Был бы очень рад, но обязательства требуют моего присутствия в другом месте. Я уже долго живу в Алдаране, не получая почти никаких новостей из внешнего мира. Как идет война?

— В основном так же, как и раньше, — ответил Ян-Микел из Сторна, изящный, смуглый молодой человек с вьющимися волосами. — Ходили слухи о том, что Аларик Риденоу, которого прозвали Рыжим Лисом, погиб в сражении, но это оказалось ложью. Король Регис серьезно болен, и принц Феликс созвал Совет. Если король умрет (да будет долгим его царствование), возникнет потребность в новом перемирии для коронации Феликса, если он когда-либо будет коронован. А от твоих родственников, Эллерт, поступило сообщение, что жена твоего брата родила сына десятого числа прошлого месяца. Мальчик здоров, хотя леди Кассильда так и не восстановила силы и не может сама кормить его. Есть опасе-

ния, что она уже не поправится. Но мальчик был объявлен наследником твоего брата.

— Благодарение богам, и да пребудет их благословение на ребенке. — Эллерт произнес ритуальную формулу с облегчением. Теперь, когда у Дамона-Рафаэля есть законный сын, нет никаких сомнений, кого Совет выберет наследником престола.

Однако среди калейдоскопических образов будущего Эллерт по-прежнему видел себя коронованным в Тендаре. Он в гневе отгородился от своего *ларана*, от непрошеных видений. «Неужели я, в конце концов, так же честолюбив, как и брат?»

— И еще, — добавила Розаура. — Третьего дня я разговаривала с твоей леди в свою смену на связи.

Сердце Эллерта мучительно сжалось. Кассандра! Как давно он не вспоминал ее!

— Как она? — тихо спросил он.

— Судя по всему, здорова и довольна, — ответила Розаура. — Ты еще не знаешь, что ее назначили Наблюдающей в круге Корина?

— Нет, я не знал об этом.

— У нее выдающиеся телепатические способности, и это чувствуется при контакте. Не могу

представить, каких усилий тебе стоило расстаться с ней. Ты ведь женат недавно, правда?

— Еще и года не прошло, — ответил Эллерт.

«Слишком недолго, мучительно мало мы были вместе…» Эллерт забыл, что находится среди тренированных телепатов матриксного круга. На короткий момент он опустил защитные барьеры и увидел, как тень, омрачившая его, отразилась на лицах окружающих.

— Превратности войны, — сказал Эллерт, пожав плечами. — Мир живет по своим правилам, а не так, как нам хочется.

Произнося клише, он ощущал претенциозную чопорность своих слов. Однако все выказали вежливое равнодушие, мысленно отвернувшись в сторону. Пока Донел сообщал о цели их визита, Эллерт постепенно пришел в себя.

— Отец послал меня за первой партией противопожарных химикатов, которые нужно доставить на станцию. Другие партии можно будет послать с вьючными животными.

— Вы построили новую пожарную станцию на вершине горы?

Разговор перешел на общие темы, на борьбу с огнем и погоду в нынешнем сезоне. Один из *леронии* повел Донела за пакетом с химикатами,

которые следовало отвезти в Алдаран. Розаура отвела Эллерта в сторону.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось так быстро проститься с супругой, родич, — сказала она. — Но если Кассандра сейчас находится на связи, ты можешь поговорить с ней.

Эллерт вздрогнул. Он уже давно решил, что если ему не суждено больше увидеть Кассандру, то, по крайней мере, они избегнут трагедии, которую он прозревал в будущем. Однако он не мог упустить случая поговорить с ней.

Матриксный зал был похож на любой другой — со сводчатым потолком, голубыми окнами, откуда струился мягкий свет, экраном монитора и огромной матриксной решеткой. Молодая женщина в одеянии свободного покроя из мягкой ткани стояла на коленях перед решеткой. Ее лицо было отрешенным и сосредоточенным — лицо матриксного техника, чей разум настроен на внешние сигналы, а мысль улавливается в ретрансляционной сети, связывавшей всех телепатов в Башнях Дарковера.

Эллерт занял место рядом с девушкой, но часть его сознания по-прежнему оставалась неспокойной.

«Что я скажу ей? Как смогу общаться с ней, даже

на расстоянии?»

Но старая выучка взяла свое. Ритуальное дыхание успокоило разум, тело автоматически приняло одну из расслабленных поз, которые можно сохранять достаточно долго, не испытывая усталости.

Хастур погрузился в необъятную вращающуюся темноту, словно скользил на планере над бескрайней равниной. Мысли кружились и мелькали, словно звуки отдаленных разговоров в наполненном людьми огромном зале — бессмысленные, поскольку он не знал их контекста или происхождения. Медленно свыкаясь со структурой трансляционной сети, сложившейся на этом сеансе, ощутил более определенное прикосновение, голос Розауры.

«Хали…»

«Мы здесь, что там у вас?»

«Если леди Кассандра Эйлард-Хастур находится среди вас, то передайте ей, что ее муж сейчас находится у нас в Трамонтане и хочет поговорить с ней».

«Эллерт, это ты? — Прикосновение Ариэллы было таким же узнаваемым, как ее пшеничные волосы и задорная девичья улыбка. — Думаю, Кассандра сейчас спит, но ради такого случая она

будет рада проснуться. Передай мои приветствия кузине Ренате; я часто думаю о ней с любовью и благодарностью. Сейчас я разбужу Кассандру».

Ариэлла исчезла. Эллерт вернулся в пустоту, наполненную шорохами и шепотами. Послания проносились мимо него, не затрагивая ту часть его разума, которая могла бы зарегистрировать или запомнить их. Затем, неожиданно, она оказалась рядом — возле него, вокруг него. Ее присутствие было почти физически ощутимым…

«Кассандра!»

«Эллерт, любимый!»

Смесь слез, изумления, недоверия… Ощущение возрожденной целостности, две-три минуты абсолютного, экстатического единения, словно крепкое объятие… Этот момент можно было сравнить лишь с тем, когда он впервые овладел ею. Все его защитные барьеры рухнули. Эллерт почувствовал, как его разум сливается с ее во взаимном проникновении, более страстном, чем слияние их тел.

Это не могло продлиться долго на таком глубинном уровне. Ощущение начало размываться и пропадать, сокращаясь до обычной мысли, обычного контакта.

«Эллерт, как ты оказался в Трамонтане?»

«Прилетел с приемным сыном лорда Алдарана за партией противопожарных химикатов. В Хеллерах начинается сезон летних гроз, и мы опасаемся пожаров». — Он передал Кассандре мысленный образ — парящий планер, восторженная радость полета, ощущение ветра, бьющего в лицо.

«У нас здесь тоже были пожары. Башню атаковали аэрокары, начиненные зажигательной смесью».

Хастур увидел языки пламени, бушующие на побережье, взрывы, сбитый аэрокар, пылающий как метеор в стремительном падении, предсмертные вопли летчика-самоубийцы, наглотавшегося наркотиков…

«Но ты цела, любимая?»

«Я жива и здорова, хотя все мы устали, работаем днем и ночью. Я должна о многом рассказать тебе. Когда ты вернешься?»

«Это зависит от воли богов, Кассандра, но я не буду откладывать дольше, чем необходимо…»

Он знал, что это правда. Возможно, было бы мудро больше никогда не встречаться с ней, но уже сейчас он мог видеть день, когда прижмет ее к сердцу. Внезапно Эллерт понял, что даже перед угрозой смерти он не отступится от любви… и

она тоже.

«Эллерт, стоит ли нам опасаться вступления Алдарана в эту войну? С тех пор, как ты покинул нас и уехал в Хеллеры, мы боимся этого больше всего».

«Нет, Алдаран слишком занят раздорами с собственной родней; он не захочет вступать в войну. Я обучаю *ларану* приемного сына лорда Алдарана, а Рената заботится о его дочери».

«Она очень красива?» — Эллерт уловил в ее мыслях слабый, но безошибочный отзвук ревности. Кому предназначалась эта ревность — Ренате или Дорилис? Он услышал ответ: «Обоим…»

«Да, она очень красива… — Эллерт попытался придать своим мыслям юмористический оттенок. — Ей одиннадцать лет… но ни одна женщина в этом мире, даже Благословенная Кассильда в ее гробнице, не может быть и вполовину такой прекрасной, как ты, моя любимая…»

Затем наступил новый момент полного, экстатического слияния, как если бы они срослись всем, что составляло их существо: разумом, душою, телом… «Это надо прекратить. Кассандра долго не выдержит. Нельзя забывать, что она работает Наблюдающей».

Медленно, неохотно Эллерт разорвал контакт,

позволил ему исчезнуть, превратиться в ничто, но его разум по-прежнему оставался полон женой, как если бы он ощущал вкус ее поцелуя на губах.

Усталый и ошеломленный, Эллерт очнулся в матриксном чертоге, залитом голубым светом, ощутил собственное тело — холодное и оцепеневшее. Спустя довольно долгое время он зашевелился, встал и тихо вышел наружу, не беспокоя работников трансляционной сети. Спускаясь по длинной спиральной лестнице, он не знал, следует ли радоваться этому разговору.

«Это заново укрепило узы, которые, возможно, было бы лучше разорвать». В своем единстве с Кассандрой он узнал о себе многое, чего не мог постичь одним лишь разумом. Но он чувствовал, что Кассандра по-своему тоже пыталась освободиться. Это не возмущало его. Теперь их связывало нечто другое: неразделенное желание, томление и неизбывная печаль.

А любовь? *А любовь?*

«В конце концов, что такое любовь?» Эллерт не был уверен, принадлежала ли эта мысль ему самому, или же он каким-то образом уловил ее, воспользовавшись замешательством жены.

Розаура встретила Хастура у подножия лест-

ницы. Если она и заметила его растерянность и следы слез, то не подала виду; среди телепатов Башни, где ни одна сильная эмоция не могла долго оставаться незамеченной, существовали определенные правила вежливости.

— Ты должен чувствовать усталость и опустошенность после контакта на таком большом расстоянии, — деловым тоном заметила девушка. — Пошли, тебе нужно подкрепиться и восстановить силы.

Донел присоединился к ним за трапезой вместе с полудюжиной работников Башни, чья рабочая смена еще не наступила. Все они были немного взвинчены, ненадолго освободившись от напряжения и радуясь новой компании, что было редкостью в этом уединенном месте. Печаль Эллерта и его томление по Кассандре были смыты приливом шуток и смеха. Еда была ему незнакома, хотя и хороша: сладкое белое горное вино, с десяток разных блюд из грибов, вареный желтоватый стебель или корень какого-то растения, сбитый в пюре и сформованный в котлетки, обжаренные в растительном масле. Однако мяса не было. Розаура сообщила ему, что они решили провести эксперимент с диетой, исключающей мясо и животные жиры, и посмотреть, будет ли

это способствовать обострению телепатического восприятия. Эллерту это казалось странным и немного глупым, но он сам в течение нескольких лет жил на такой диете в Неварсине.

— Прежде чем вы покинете нас, мы хотим передать сообщение для твоего приемного отца, Донел, — сказал Ян-Микел. — Скатфелл разослал гонцов в Скатфелл и Сэйн-Скарп, к Ардаисам, Скаравелам и Кастамирам. Я не знаю, в чем суть дела, но как верховный лорд Скатфелла твой приемный отец должен знать об этом. Ракхел не доверяет свои послания нашей трансляционной сети, поэтому я опасаюсь, что назревает какой-то тайный сговор. До нас дошли слухи о раздоре между твоим отцом и Скатфеллом. Лорд Алдаран должен быть предупрежден.

— Я благодарю вас от лица своего приемного отца, — озабоченно произнес Донел. — Разумеется, мы подозреваем что-то в этом роде, но наша домашняя *леронии* уже стара и до последнего времени была обременена заботами о моей сестре, поэтому мы не могли воспользоваться ее искусством.

— Здорова ли твоя сестра? — спросила Розаура. — Мы были бы рады пригласить ее в Трамонтану для обследования.

— Рената Лейнье специально приехала из Хали, чтобы заботиться о Дорилис, пока она не повзрослеет, — сообщил Донел.

Розаура улыбнулась:

— Рената из Хали! Я хорошо знакома с ней по сеансам связи. Твоя сестра в надежных руках, Донел.

Пришло время готовиться к отлету. Одна из Наблюдающих принесла им аккуратно перевязанные пакеты с химикатами. Смешанное с водой или другими жидкостями, это вещество могло многократно увеличивать свой объем, превращаясь в белую пену, способную потушить пламя на большой территории.

Донел подошел к высокому парапету башни и встал там, изучая небо. Когда он спустился, его лицо было очень серьезным.

— До захода солнца может разразиться гроза, — сказал он. — Нам нельзя терять времени.

На этот раз Эллерт без промедления шагнул в воздух и поднялся в восходящем потоке, пользуясь силой своего матрикса для поддержания равновесия и создания дополнительной подъемной тяги. Однако он уже не мог полностью отдаться восторгу полета. Контакт с Кассандрой, несмотря на пережитое блаженство, оставил его

взволнованным и опустошенным. Хастур старался отвлечься от мыслей об этом: полет требовал концентрации внимания, и любые посторонние мысли были непозволительной роскошью. Однако снова и снова видел перед собой лица, рисуемые *лараном*: крупного, добродушного с виду мужчину, странно напоминавшего *дома* Микела из Алдарана; Кассандру, плачущую в своей комнате в Башне Хали, встающую и собирающуюся с духом для работы в ретрансляционной сети; Ренату, встречающую вызов Дорилис… Сделав над собой усилие, он поднялся выше. Потоки воздуха овевали тело. Редкие толчки мучительно отдавались в кончиках пальцев, словно каждый был когтем парящего ястреба. Он знал, что в этот момент разделяет мимолетную фантазию Донела, которому нравилось воображать себя птицей.

— Впереди грозовой фронт, — сказал Донел. — Мне очень жаль, что приходится сильно отклониться от заданного маршрута, ведь ты не привык к полетам, но мы должны обойти грозу стороной. Опасно летать так близко к шторму. Следуй за мной, кузен.

Планер Деллерея поймал подходящий воздушный поток и заскользил, направляемый матриксом, в сторону от прямой, ведущей к замку

Алдаран. Эллерт тоже заметил тучи, но скорее ощущал, чем видел, разряды электричества. Они опустились почти до земли по длинной спирали.

Эллерт чувствовал растущее раздражение Донела: «Неужели придется где-нибудь приземлиться и переждать бурю? Я бы рискнул, но Эллерт еще неопытен…»

«Я готов рискнуть, Донел».

«Тогда полетели. Ощущение будет такое, словно уклоняешься от ливня стрел, но я проделывал это неоднократно».

Качнув крыльями, Донел взмыл вверх вместе с быстрым течением, затем устремился в разрыв между облаками.

«Быстрее! Молния только что ударила здесь, и скоро накопится следующий заряд!»

Эллерт ощутил непривычную резкую щекотку. Они снова устремились к просвету между молниями. Сам он никогда бы не решился лететь туда, но доверял *ларану* Донела. Тот в точности знал, где и когда ударит молния, однако Эллерт чувствовал, что даже его бьет холодная дрожь. Они пролетели через неожиданный шквал дождя. Эллерт, продрогший и вымокший до нитки, вцепился в планки планера. Мокрая одежда примерзала к коже. Он последовал за Донелом

по длинной, тошнотворно-стремительной дуге в нисходящем потоке и в последнюю секунду поднялся, закружив над стенами замка Алдаран.

Донел начал мысленно инструктировать Хастура:

«Мы не можем спускаться немедленно; на одежде и планерах накопился слишком большой электростатический заряд. Если мы коснемся ногами земли, нас оглушит ударом тока. Нужно немного покружиться наверху. Пари: раскинь руки, чтобы уменьшить заряд!»

Следуя инструкции, Эллерт выписывал ленивые, сонные круги. Он чувствовал, что Донел снова воплотился в ястреба. Эллерт от нечего делать взглянул вниз. За прошедшие месяцы это место стало для него вторым домом, но сейчас он с тревогой увидел длинную кавалькаду всадников, скакавших к воротам. Развернувшись, Эллерт послал Донелу бессловесный крик-предупреждение, когда человек, возглавлявший всадников, обнажил меч, и звук его призыва *почти* донесся до слуха юноши.

— Но там никого нет, родич, — встревоженно сказал Донел. — Что ты видел? Что тебе померещилось?

Эллерт изумленно заморгал. Внезапный при-

ступ головокружения заставил крылья его планера вздрогнуть, и он автоматически сместил положение тела, чтобы восстановить равновесие. Под ним в сгущавшихся сумерках лежала пустынная дорога к замку Алдаран — никаких всадников, никаких знамен. *Ларан* показал ему то, что могло произойти в будущем… а могло и не произойти. Видение исчезло бесследно.

Донел качнул крыльями и подлетел ближе к нему. Его тревога немедленно передалась Эллерту.

— Нам нужно спускаться сейчас же, даже если нас ударит током! — крикнул он. В следующее мгновение Эллерт прочитал его мысль: «Приближается новый шторм!»

Но облаков не было.

«Этой грозе не нужны облака, — в ужасе думал Донел. — Это гнев моей сестры, рождающий молнии. Облака придут потом. Она не нанесет сознательного удара, но нам нужно спускаться как можно быстрее!»

Деллерей стремительно понесся вниз, переместив вес так, что теперь находился практически в вертикальном положении, изогнувшись, словно акробат. Эллерт, более осторожный и менее опытный, спускался по обычной нисходящей

спирали, но все равно упал, когда электрический разряд мучительной болью отдался во всем теле. Донел торопливо расстегнул летное снаряжение и вручил планер подбежавшему слуге.

— Что это могло быть? — пробормотал он. — Что могло так расстроить или испугать Дорилис?

Извинившись перед Эллертом, юноша поспешно ушел во внутренние покои замка.

18

Рената тоже слышала рокот летнего грома, хотя и не обратила на это особенного внимания. Она шла по коридорам замка к апартаментам Дорилис для ежедневного послеобеденного урока.

Поскольку Дорилис была младше любого новичка из Башни, а также, в отличие от них, не стремилась учиться, то, взяв на себя обязательство безропотно сносить все тяготы и неудобства, Рената попыталась сделать ее обучение легким и приятным. Она изобретала игры, которые могли развить владение *лараном* без утомительных и однообразных упражнений. Дорилис была еще слишком молода для формального теста на телепатию, которая редко развивалась до наступления половой зрелости, но другие формы *ларана* легче поддавались пробуждению. Рената с достаточным основанием полагала, что в дополнение к устрашающему дару управления молниями Дорилис обладала потенциальным ясновидением и, возможно, кое-какими телекинетическими способностями. *Лерони* прятала игрушки и сладости и предлагала Дорилис найти их с помощью

ларана; завязывая девочке глаза, заставляла находить дорогу среди беспорядочно расставленной мебели; учила ее выбирать личные вещи из кучи точно таких же предметов, «почувствовав» магнетизм тех. Дорилис оказалась способной ученицей. Ей так нравились уроки, что два-три раза Маргали без труда смогла обуздать ее мятежные порывы угрозой лишения занятий с Ренатой.

У Ренаты были причины для беспокойства. Насколько она могла понять, у Дорилис полностью отсутствовали два дара, совершенно необходимые для каждого работника Башни: телепатия, определяемая как способность читать или улавливать мысли, и эмпатия, или способность чувствовать эмоции других людей или воспринимать их физические ощущения собственным телом и разумом. Но и то и другое могло развиться чуть позже. Если к этому времени Дорилис до некоторой степени обретет контроль над энергетическими потоками и импульсами, создаваемыми ее *лараном*, то пороговая болезнь будет угрожать ей в значительно меньшей мере.

Если бы только пороговая болезнь развивалась раньше… или позже! Это было бедствием многих семей, обладавших *лараном*: дополнительные способности появлялись в то самое время, когда

ребенок испытывал физические и эмоциональные потрясения, связанные с половым созреванием. Многие из обладавших экстрасенсорным восприятием сталкивались с тем, что внезапное проявление психокинетических способностей в сочетании с гормональной и психологической перестройкой организма оказывается непосильной ношей для тела и мозга. Это приводило к нервным срывам, а иногда — к острым кризисам, конвульсиям и даже к смерти. Рената сама потеряла брата из-за пороговой болезни; ни одну из Одаренных Семей не миновали горькие утраты.

С отцовской стороны Дорилис несла в себе кровь Алдаранов, а не относительно стабильную кровь Деллереев, родственных Хастурам. Генеалогические линии Алдаранов и Рокравенов не давали поводов для оптимизма. Но чем больше Дорилис узнает, тем более вероятно, что она сможет пережить кризисный период без тяжелых потрясений.

Теперь, приближаясь к комнатам Дорилис, Рената ощущала обертоны раздражения и усталого терпения. (Сама она считала пожилую *лерони* настоящей святой за способность мириться с выходками испорченной девчонки.) Дорилис редко капризничала перед Ренатой, так как вос-

хищалась молодой наставницей и нуждалась в ее расположении, но ее не приучили к дисциплине, и ей было трудно подчиниться, когда ее захлестывали эмоции. Ситуацию осложняло и то, что после скоропостижной смерти Даррена из Скатфелла Маргали боялась внезапного нападения со стороны воспитанницы и не могла этого скрыть.

«Я тоже боюсь ее, — подумала Рената. — Но она об этом не знает, и если я позволю ей узнать, то больше никогда не смогу чему-то научить ее».

Из-за двери доносилось недовольное бормотание Дорилис. Повысив восприятие, Рената услышала твердый ответ Маргали:

— Нет, дитя мое. Твое шитье — это просто позор! Не будет уроков музыки и никаких занятий с леди Ренатой, пока ты не распорешь все эти неуклюжие стежки и не сделаешь работу как следует. На самом деле ты ведь не такая неумеха, верно? Ты просто не стараешься, — добавила *лерони* умиротворяюще. — Когда тебе хочется, ты можешь шить очень аккуратно, но сегодня ты решила, что не хочешь шить, и специально испортила работу. А теперь выпори все эти стежки… нет, девочка, возьми крючок. Не пытайся вытащить их пальцами, иначе порвешь ткань. Да что с тобой сегодня, Дорилис?

— Я не люблю шитье, — буркнула девочка. — Когда я стану леди Алдаран, у меня будет дюжина швей, поэтому мне не нужно учиться шить. А леди Рената не лишит меня занятий только потому, что *ты* так говоришь.

Грубый и презрительный тон придал Ренате решимости. Важным было не само шитье, а самодисциплина, тщательное и добросовестное выполнение работы, которая кажется утомительной и неинтересной. Приоткрыв дверь, Рената, опытная эмпатка и Наблюдающая Башни, сразу же ощутила острую режущую боль в висках Маргали и увидела морщины усталости на лице пожилой женщины. Дорилис прибегла к старому приему: мучила Маргали головной болью, если та не позволяла ей заниматься тем, чем ей хотелось. Дорилис с невинным и послушным видом сидела над ненавистным шитьем, но, входя в комнату, Рената заметила торжествующую улыбку в уголках ее губ. Девочка швырнула рукоделие на пол и бросилась к Ренате:

— Нам с тобой пора заниматься, кузина?

— Подними шитье и положи его на место, — холодно ответила та. — А еще лучше — сядь и закончи работу.

— Я не обязана учиться шить! — Дорилис на-

дула губки. — Отец хочет, чтобы я училась тем вещам, которым *ты* можешь меня научить.

— Я могу научить тебя делать то, что ты обязана, нравится тебе это или нет, — твердо сказала Рената. — Мне безразлично, аккуратно ли ты шьешь, или твои стежки ковыляют по полотну, словно червин, объевшийся перезрелых яблок. — Дорилис издала тихий, довольный смешок. — Но ты не будешь пользоваться моими уроками как предлогом для того, чтобы перечить своей приемной матери или увиливать от занятий с ней.

Она взглянула на Маргали, побледневшую от головной боли. Пожалуй, настало время для откровенного разговора.

— Она снова насылает на вас головную боль?

— Она не может придумать ничего лучшего, — слабым голосом пожаловалась пожилая *лерони*.

— Что ж, — ледяным тоном произнесла Рената. — Что бы ты там ни делала, Дорилис, ты немедленно отпустишь свою приемную мать, а потом встанешь на колени и попросишь прощения. Тогда, *может быть*, я буду заниматься с тобой.

— Просить прощения у *нее*? — недоверчиво спросила девочка. — Не буду.

Хотя Дорилис, по общему мнению, была похожа

на покойную мать, что-то в выражении ее лица и упрямо выставленного маленького подбородка неожиданно напомнило Ренате лорда Алдарана.

«У нее отцовская гордость, — подумала девушка, — но она еще не научилась маскировать свои чувства. Дорилис еще мала, и в ней можно увидеть своеволие во всей неприкрытой мерзости. Ей наплевать, кому она причиняет боль, если это дает возможность настоять на своем. Маргали для нее почти не отличается от служанки. Я — другое дело: она слушается меня, потому что это ей нравится».

— Я жду, Дорилис, — сказала Рената вслух. — Немедленно попроси прощения у Маргали и больше никогда так не делай.

— Попрошу, если она пообещает, что больше не будет командовать мною, — упрямо пробормотала девочка.

Рената плотно сжала губы. Итак, в самом деле пора поговорить начистоту. «Если я отступлю, если позволю ей настоять на своем, то Дорилис больше не будет слушаться меня. А ведь занятия со мной могут спасти ей жизнь. Я не хочу власти над ней, но если мне суждено и дальше заботиться о девочке, то она должна научиться послушанию и умению полагаться на мое мнение».

— Я не спрашивала тебя, на каких условиях ты попросишь прощения, — ответила Рената. — Я просто сказала, чтобы ты это сделала. Я жду.

— Рената… — начала было Маргали.

— Нет, Маргали, — остановила ее Рената. — Не вмешивайтесь. Вы не хуже меня знаете, чему она должна научиться в первую очередь.

Лерони обратилась к Дорилис, и ее тренированный командный тон хлестнул девочку как удар бича:

— Немедленно опустись на колени и проси прощения у приемной матери!

Дорилис автоматически подчинилась, но тут же вскочила на ноги и пронзительно закричала:

— Я говорила тебе, чтобы ты больше не обращалась ко мне командным тоном! Я не потерплю этого, и мой отец тоже. *Он* не захочет, чтобы я унижалась перед Маргали.

«Ее нужно было как следует драть в детстве, пока она не набрала силы и не вбила себе в голову идеи о собственной важности, — подумала Рената. — Но все ее боялись и не смели перечить ей. Я их не виню. Я тоже ее боюсь».

Она знала, что стоит лицом к лицу с рассерженным ребенком, чей гнев уже не однажды убивал людей. «Однако у меня все-таки есть пре-

имущество. Она ребенок и знает, что не права, а я опытная Наблюдающая Башни, и правда на моей стороне. Нужно дать ей понять, что сейчас я сильнее. Придет день, когда никто не сможет с ней справиться; но прежде Дорилис должна научиться обуздывать себя».

— Дорилис, твой отец дал мне право приказывать тебе во всем. Он сказал, что если ты не будешь слушаться, то он разрешает отшлепать тебя. Ты уже большая девочка, и мне не хочется унижать тебя *таким* наказанием, но предупреждаю: если ты немедленно не послушаешься и не попросишь прощения у своей приемной матери, я именно так и поступлю! На колени, немедленно!

— Не хочу! — выкрикнула Дорилис. — И ты не можешь меня заставить!

Словно эхо ее слов, за стенами замка раздался глухой раскат грома. Дорилис была сильно рассержена, но все же испуганно сжалась, услышав этот звук.

«Хорошо, — подумала Рената. — Она побаивается своей силы. Ей не хочется убивать снова…»

В следующее мгновение Рената ощутила, как боль охватывает ее голову, словно стягивающим обручем. Может быть, она уловила страдания

Маргали? Нет! Взглянув на Дорилис, *лерони* поняла, в чем дело: девочка сосредоточенно нахмурилась и напряглась, кипя от сдерживаемого возмущения. Дорилис пыталась проделать с Ренатой то же самое, что с Маргали.

«Вот маленький чертенок! — подумала Рената, разрываясь между гневом и невольным восхищением перед силой и стойкостью ребенка. — Если бы только эту силу и упрямство можно было обратить во благо!» Сфокусировавшись на матриксе — чего она раньше не делала в присутствии Дорилис, за исключением обследований, — Рената начала сопротивляться, отражая поток энергии и обращая ее вспять. Мало-помалу головная боль утихла, и она увидела, как лицо девочки побелело от напряжения.

— Видишь, — ей стоило больших усилий говорить спокойно, — ты не можешь сделать это со мной, Дорилис. Я сильнее тебя. Я не хочу причинить тебе вред, и ты знаешь об этом. А теперь извинись перед Маргали, и вернемся к занятиям.

Рената почувствовала, как разгневанная Дорилис нанесла удар. Собрав всю свою силу, она отразила поток энергии и удержала девочку, как будто сковав тело и разум. Дорилис попыталась крикнуть: «Отпусти меня!» — но в ужасе обнару-

жила, что не владеет голосом, что не может даже шелохнуться… Рената всем своим существом ощущала ужас девочки.

«Но она должна знать, что я достаточно сильна и могу защититься. Она должна знать, что меня нельзя сразить, как это случилось с Дарреном, что со мной она находится в безопасности, что я не позволю ей причинить вред себе или другим».

Теперь Дорилис испугалась по-настоящему. На какой-то момент, глядя на ее выпученные глаза и мелкие, лихорадочные движения парализованных мышц, Рената ощутила такой прилив жалости, что едва выдержала. «Я не хочу причинить ей боль или сломить ее дух. Я должна лишь научить ее… защитить от собственной ужасной силы. Когда-нибудь девочка поймет это, но сейчас она так испугана, бедное маленькое дитя…»

Она увидела, как напряглись мышцы горла Дорилис, пытавшейся заговорить, и ослабила хватку. В следующее мгновение из глаз Дорилис хлынули слезы.

— Отпусти, отпусти меня!

Маргали умоляюще взглянула на Ренату; она тоже страдала, глядя на беспомощность любимой воспитанницы.

— Отпустите ее, леди Рената, — прошептала

пожилая *леронии*. — Она будет хорошо себя вести — правда, моя девочка?

— Видишь, Дорилис, я все-таки сильнее тебя, — мягко сказала Рената. — Я не позволю тебе причинить вред никому, даже самой себе. Я знаю, ты на самом деле не хочешь сделать кому-то больно.

Дорилис всхлипывала, по-прежнему удерживаемая *лараном* Ренаты.

— Отпусти меня, кузина, прошу тебя! Я буду слушаться, обещаю! Прости меня!

— Ты должна извиниться не передо мной, а перед своей приемной матерью, — тихо напомнила Рената, освобождая девушку.

Дорилис упала на колени.

— Прости меня, Маргали! Я не хотела сделать тебе больно. Я просто рассердилась.

Девочка разрыдалась. Тонкие пальцы Маргали, скрюченные от возраста, нежно гладили щеку Дорилис.

— Я знаю, моя лапочка. Ты никому не желаешь зла, просто ты иногда не думаешь, что творишь.

Дорилис повернулась к Ренате с расширившимися от ужаса глазами и прошептала:

— Я могла… могла сделать с тобой то, что сделала с Дарреном… а ведь я люблю тебя, кузина.

Я люблю тебя!

Она неистово обняла Ренату, и та, все еще дрожа от напряжения, обвила руками вздрагивающие плечи девочки.

— Не надо плакать, милая, — сказала она, прижимая Дорилис к себе. — Все будет хорошо, обещаю тебе.

Лерони вынула носовой платок и осушила слезы на лице Дорилис.

— А теперь убери свое шитье на место, и мы начнем урок.

«Теперь она знает, на что способна, и проявит достаточно благоразумия, чтобы бояться этого. Если бы только я могла контролировать Дорилис до тех пор, пока она не поумнеет и не научится сдерживать себя!»

Гроза за окнами смолкала. Послышался последний отдаленный раскат грома, а затем наступила тишина.

Через несколько часов Рената встретилась с Эллертом. Она все еще не оправилась от потрясения.

— Я оказалась сильнее… но не намного. Я так испугалась, родич!

— Расскажи мне, как это было, — попросил он.

Они сидели в гостиной небольших, но рос-

кошных апартаментов, которые лорд Алдаран предоставил в распоряжение Ренаты.

— Эллерт, мне не хотелось пугать ее. Должен быть лучший способ для обучения, чем страх.

— В тот момент у тебя не было другого выбора. Дорилис должна научиться остерегаться собственных порывов. Страх тоже бывает разный.

Разговор усилил его собственные тревоги и опасения, пробудившиеся после визита в Башню Трамонтана и мысленного контакта с Кассандрой.

— Я сам боролся со страхом, парализовавшим меня, — продолжал он. — В таком страхе нет никакой пользы. Пока я не справился с ним, я оставался беспомощным. Но мне кажется, что Дорилис слишком мало знает об осторожности, и страх может послужить во благо, пока она не научится здраво мыслить и рассчитывать свои поступки.

— Если бы только она научилась обуздывать свои силы! — повторила Рената свою мысль, промелькнувшую в комнате перед началом их схватки.

— Что ж, — заметил Эллерт. — В конце концов, для того ты и находишься здесь. Не расстраивайся, Рената, она еще очень молода, и у тебя есть

время.

— Времени слишком мало, — возразила Рената. — Я боюсь, что вот-вот начнется ее созревание, и не знаю, успею ли я научить ее всему, что она обязана знать.

— Выше головы не прыгнешь, — сказал Эллерт.

Были ли образы, мелькавшие в сознании, — лицо ребенка, озаренное молниями, Рената на последнем месяце беременности, плачущая в комнате со сводчатыми стенами, — образами реального будущего или лишь порождениями страха? Как различить то, что обязательно случится, то, что может произойти, и то, чего никогда не будет?

«Время — мой враг. Для всех остальных оно движется в одном направлении, но для меня оно ветвится и толкает меня в мир, где нереально абсолютно все, кроме настоящего момента!»

Эллерт заглушил беспокойство, встретившись с умоляющим взглядом Ренаты. Она казалась такой молодой, а на ее плечи уже легла ответственность. Юноша ненадолго задумался, припоминая какую-нибудь новость, способную поднять ей настроение, и наконец сказал:

— Я разговаривал с Башней Хали по системе

дальней связи. Ариэлла передает тебе свою любовь и наилучшие пожелания.

— Дорогая Ариэлла! — вздохнула Рената. — Я тоже скучаю по ней. Какие новости из Хали, кузен?

— У моего брата родился сын, законный наследник, — ответил Эллерт. — Наш король серьезно болен, и принц Феликс созвал Совет. Башня Хали была атакована с воздуха.

Рената вздрогнула.

— Кто-нибудь погиб?

— Нет… Кассандра обязательно сказала бы мне. Но они совершенно измучены, работают днем и ночью.

Наконец Эллерт решился высказать то, о чем думал постоянно после разговора с женой:

— Меня тяготит, что я нахожусь в безопасности, когда жизнь Кассандры под угрозой. Я должен заботиться о ней и защищать ее, но не могу этого сделать.

— У тебя свои проблемы, и нельзя сказать, что здесь тебе не угрожает опасность, — заметила Рената. — Кассандра достаточно сильна; к тому же она среди друзей. Значит, теперь она стала полноправной Наблюдающей? Я знала, что у нее есть талант, ей оставалось лишь развить его.

— И я лучше приспособлен к тяготам и опасностям.

— Что тревожит тебя, родич? Неужели ты боишься, что если она больше не будет зависеть от тебя, то перестанет отвечать на твою любовь?

«Разве дело только в этом? Неужели я в самом деле настолько эгоистичен, что хочу видеть ее слабой и беспомощной, чтобы она каждый раз обращалась ко мне за поддержкой и защитой?» Эллерт многое почерпнул из разума Кассандры за время их мысленного контакта; о многом жена поведала бессознательно, и сейчас это начало всплывать в его памяти. Робкая, хрупкая девушка, движимая эмоциями, полностью зависящая от мужа, превратилась в сильную женщину, опытную *лерони*. Она по-прежнему страстно любила его — после их единения он не сомневался в этом, — но он больше не был для нее единственным в мире. Любовь заняла свое место среди многих сил, больше не владела Кассандрой безраздельно.

Эллерту было мучительно осознавать это. Еще более мучительным было чувство уязвленного самолюбия.

«Неужели я в самом деле хотел сохранить Кассандру такой — робкой, застенчивой, послушной,

принадлежащей мне одному, знающей лишь то, что дозволено!» Обычаи, традиции касты и гордость семьи кричали «да, да!», но опыт показывал обратное.

Эллерт сокрушенно улыбнулся. Рената уже не впервые ходатайствовала за его жену, желая ей добра. Теперь перед Кассандрой открывались другие пути, кроме того, в конце которого он видел крушение их любви и ее смерть от родов. Как он мог лишить жену того, что снимало с нее груз постоянного страха перед будущим?

— Прости, Рената! Ты пришла ко мне за советом, и, как обычно, вышло наоборот. Конечно, мне хотелось бы побольше узнать о *ларане* Дорилис, но в одном я согласен с тобой: если вовремя не научить ее всему, может произойти катастрофа. Кстати, сегодня я видел Донела в действии. Он произвел на меня огромное впечатление — даже большее, чем когда угадывал, в какую сторону двинется пожар. Сейчас начинается опасный сезон, и мне пришла в голову мысль: а не стоит ли взять Дорилис на пожарную станцию? Пусть Донел немного поучит ее своему искусству. Он разбирается в этом лучше нас с тобой.

— Наверно, так и следует сделать, — задумчиво сказала Рената. — Донел благополучно пережил

пороговую болезнь, и это может придать девочке уверенности, что с ней тоже не случится ничего страшного. Я рада, что она не может читать мои мысли. Не хочу, чтобы Дорилис заранее страшилась бед, которые могут обрушиться на нее в юности, но она должна быть готова и к этому. Больше всего ей хочется научиться летать; ты знаешь, что ребята в замке с малолетства осваивают планеры. Маргали говорит, что такое занятие не подобает молодой девушке, но раз ее *ларан* имеет отношение к грозовой стихии, она должна освоить полеты. Кстати, мне и самой хотелось бы поучиться, — с улыбкой добавила Рената. — Надеюсь, ты не станешь изображать из себя педантичного монаха и говорить, что это неприлично?

Эллерт рассмеялся, отсалютовав ей, точно фехтовальщик, признающийся в пропущенном ударе.

— Неужели неварсинское воспитание так сказывается на моем поведении, кузина?

Рената тоже рассмеялась, и Эллерт снова остро осознал, насколько она еще молода. Девушка обладала врожденным достоинством и манерами Наблюдающей, носила маску строгой учительницы, помогавшую ей заниматься с Дорилис, но на

самом деле оставалась молодой девушкой, которой самой следовало бы быть такой же веселой и беззаботной, как и ее подопечная.

— В таком случае Донел научит летать вас обеих, — сказал он. — Я поговорю с ним, пока ты будешь учить девочку владению матриксом.

— Думаю, она уже созрела для этого, — согласилась Рената. — Теперь она будет учиться быстро, не тратя времени на конфронтацию со мной.

— На планерах будет гораздо легче добраться до пожарной станции, — заметил Эллерт. — Поездка верхом весьма утомительна.

Он с беспокойством посмотрел на сумерки, сгустившиеся за окнами.

— Кузина, я должен идти. Уже очень поздно.

Эллерт встал. Их пальцы соприкоснулись в привычном жесте телепатов, более интимном, чем простое рукопожатие. Они все еще поддерживали мысленный контакт. Когда юноша посмотрел на лицо Ренаты, то снова остро осознал ее близость и красоту, хотя давно приказал себе воздерживаться от этого; после всепоглощающего слияния с Кассандрой в фасаде его монашеской отрешенности и безразличия к женщинам появились заметные трещины. От одного мимолетного прикосновения Рената превратилась для него

в дюжину женщин: *ларан* показывал ему изведанное и неизвестное, возможное и невероятное. Почти не отдавая себе отчета в том, что он делает, Эллерт привлек девушку к себе.

— Рената, Рената…

Их глаза встретились. Они находились в таком тесном контакте, что было уже невозможно скрыть внезапную вспышку его влечения и ее немедленную, хотя и сдержанную реакцию.

— Кузен, этого ли ты хочешь? Мне очень жаль, если я, сама того не желая, пробудила в тебе желание. Я не стала бы делать этого сознательно, просто для того, чтобы продемонстрировать свою власть. Или это случилось потому, что ты очень одинок и тоскуешь по человеку, который может дать тебе сочувствие и душевное тепло?

Он отстранился, все еще ошеломленный, но частично приведенный в чувство спокойствием, полнейшим отсутствием стыдливости или замешательства с ее стороны. Как ему хотелось так же контролировать эмоции.

— Мне очень жаль, Рената. Прости меня.

— За что? — спросила она с улыбкой. — Разве это оскорбление — считать меня желанной? Если так, то надеюсь, что в будущем меня не однажды оскорбят подобным же образом.

Ее маленькая ладонь легла на его руку.

— Это не так важно, как тебе кажется, кузен. Я всего лишь хотела понять, насколько серьезны твои намерения.

— Не знаю, — беспомощно пробормотал Эллерт.

Замешательство, верность Кассандре, воспоминания о стыде и отвращении после встречи с ришья — все это обрушилось на него как лавина. Неужели *это* заставило его желать Ренату? Когда до него дошло, что она разделяет его порыв, его потребность в любви и понимании, он смутился еще больше.

Женщина, которую он мог бы любить без опаски, не зависящая от него… «Или я делаю это потому, что Кассандра больше не принадлежит мне безраздельно?» — со стыдом подумал он.

— Почему ты отказываешь себе в свободе, которую готов предоставить ей? — с улыбкой спросила Рената.

— Я не… я не хочу использовать тебя для удовлетворения своих потребностей, словно ришья, — заикаясь, пробормотал он.

— О нет, Эллерт, — прошептала девушка, прильнув к нему. — Я тоже одинока, родич, и нуждаюсь в утешении. Только я понимаю, что в

таком признании нет ничего постыдного, а ты — нет, вот и все…

Выражение ее лица потрясло Эллерта своей открытостью и беззащитностью. Он прижал Ренату к себе, с новой силой осознав, что, несмотря на всю свою дисциплину, на всю мудрость и искусство Наблюдающей, она была лишь испуганной девушкой, подобно ему столкнувшейся с почти неразрешимыми трудностями и проблемами.

«Что мужчины и женщины могли сотворить друг с другом, если на любые наши отношения ложится тень страха или вины? Как мы дошли до такой жизни? И как редко можно встретить обычную дружбу и доброту… такую, как сейчас!»

Наклонившись к Ренате, он очень нежно поцеловал ее в лоб и почти шепотом произнес:

— Тогда давай утешим друг друга, кузина.

Они ушли в спальню.

19

Дорилис пришла в неимоверное возбуждение и болтала, как ребенок вполовину младше себя, но все же она слегка смутилась, когда Маргали одела ее в костюм одного из молодых пажей. Маргали тоже скептически отнеслась к тому, как выглядит ее воспитанница.

— Разве это так уж необходимо, леди Рената? Она и без того проказница, но чтобы носиться по окрестностям в мужской одежде… — *Лерони* нахмурилась и с неодобрением посмотрела на Ренату.

— Девочка должна научиться работать со своим *лараном*, а для этого ей нужно встретиться с элементами в их стихии, а не там, где нам хотелось бы, — серьезно ответила Рената. — Она очень старательно работала с матриксом, поэтому я обещала ей, что она сможет полетать вместе с Донелом, как только в достаточной мере овладеет искусством левитации.

— Но неужели для этого нужно напяливать на себя мужские штаны? Мне это кажется неприличным.

Рената рассмеялась:

— Для полета? Как вы думаете, будет ли прилично, если ее юбки наполнятся ветром, словно огромный парус? Эти злосчастные штаны кажутся мне самым скромным одеянием для полета.

— Об этом я не подумала, — со смешком призналась пожилая *леронии*. — Когда я была молоденькой девушкой, мне тоже очень хотелось летать. Если бы я могла сейчас полететь с вами!

— Почему бы и нет? — спросила Рената. — Я не сомневаюсь, что вы искусно владеете матриксом и быстро научитесь управлять планером.

Маргали покачала головой.

— Мои кости уже слишком стары для таких забав. Всему свое время… что ж, прошлого не вернуть. Для меня уже слишком поздно, Рената, а вам — в добрый путь! И тебе тоже, милая, — добавила она, целуя Дорилис в щеку. — Ты как следует застегнулась? У тебя есть теплый шарф? Там, наверху, может быть очень холодно.

Несмотря на смелые речи, Рената чувствовала себя не в своей тарелке. С пятилетнего возраста ей не приходилось выставлять напоказ ноги, пусть даже обтянутые бриджами. Когда подошли Эллерт с Донелом, они тоже старались не смотреть на нее.

«Я надеялась, что Эллерт проявит больше здравомыслия, — подумала Рената. — Я делила с ним ложе, однако сейчас он готов смотреть куда угодно, только не на меня. Вот так сюрприз — узнать, что у меня есть ноги, как и у любого другого человека! Как нелепы наши обычаи!»

Зато Дорилис беззаботно разгуливала по двору в бриджах, требуя, чтобы все ею восхищались.

— Видишь, Донел? Теперь я смогу летать не хуже любого мальчишки!

— Прежде чем мы приступим к полетам, скажи мне: Рената научила тебя поднимать и опускать предметы с помощью матрикса?

— Да, и у меня здорово получается. Разве не так, Рената?

Рената улыбнулась.

— Да, мне кажется, у нее есть талант, который после некоторой практики можно довести до уровня настоящего искусства.

Пока Донел объяснял сестре устройство планера, Эллерт подошел помочь Ренате с ремнями и застежками летного снаряжения. Проведенная вместе ночь лишь укрепила их дружбу, но не изменила сути их отношений. Рената улыбнулась Эллерту, с удовольствием ощутив, что по-прежнему думает о нем как о друге, а не как

о любовнике.

«Я не знаю, что такое любовь, и не думаю, что мне хотелось бы это узнать…»

Она относилась к Эллерту с нежностью. Ей нравилось доставлять ему удовольствие. Но оба согласились считать этот случай вспышкой разделенного влечения, подстегнутого одиночеством. Их потребности слишком различались, и слишком непохожими были их судьбы.

Теперь Донел показывал Дорилис, как читать воздушные течения, как использовать сосредоточенность на матриксе для повышения восприимчивости. Рената внимательно слушала; если ребята, живущие в Хеллерах, овладевают такими приемами до десятилетнего возраста, надо думать, это не составит труда для опытного работника матриксного круга!

Донел заставил всех немного попрактиковаться на продуваемой всеми ветрами площадке за крепостными стенами. Он учил их ловить ветер и подниматься с воздушными потоками, парить кругами и плавно спускаться вниз с нисходящими течениями. Наконец он объявил, что удовлетворен результатами тренировки, и указал на один из горных пиков, высившихся на краю долины. Расположенная там пожарная

станция господствовала над всей местностью за Каэр-Донном.

— Как думаешь, сестрица, ты сможешь долететь дотуда?

— О да! — Дорилис запыхалась и раскраснелась. Несколько прядей медно-золотистых волос выбились из косы, уложенной на затылке. От ветра ее щеки зарумянились, как наливные яблоки. — Я люблю летать. Кажется, я могла бы летать вечно!

— Тогда полетели. Но держись ближе ко мне. Ни в коем случае не бойся: ты не можешь упасть, если сосредоточилась на воздушных потоках. А теперь подними крылья, вот так…

Донел смотрел, как она взмыла вверх вместе с длинным восходящим течением, поднимаясь в голубом небе с редкими белыми облаками. Рената последовала за ней, ощутив, как могучая подъемная сила подхватывает и уносит ее, словно пушинку. Краем глаза она заметила, как взлетел Эллерт. Дорилис поймала нисходящий поток и принялась кружить, словно ястреб над добычей, но Донел жестом позвал ее за собой.

Они летели все выше и выше, пройдя через влажное облако и вынырнув сверху, потом одновременно повернулись и заскользили по плавной нисходящей дуге. Точно выбранное течение до-

ставило их прямо к нужному месту.

Пожарная станция была древним строением, сложенным из булыжника, скрепленного цементом, и сосновых бревен. Лесничий, мужчина средних лет, худой и высокий, с бледно-серыми глазами и обветренным лицом человека, который проводит много времени на открытом воздухе, вышел им навстречу. Он был удивлен и явно обрадован.

— Донел! *Дом* Микел послал тебя с сообщением для меня?

— Нет, Кайрил. Мы просто хотели показать моей сестре, как работает пожарная станция. Это лорд Эллерт Хастур, а это леди Рената Лейнье, *леронис* из Хали.

— Добро пожаловать, — вежливо, но без подобострастия произнес лесничий; как опытный профессионал, он мог держаться независимо даже перед важными особами. — Вы когда-нибудь были в горах, маленькая леди?

— Нет. Отец считал, что поездка верхом будет слишком утомительной для меня. Кроме того, он говорил, что во время сезона пожаров вы очень заняты и не можете принимать гостей.

— Что ж, он прав, — отозвался Кайрил. — Но в свободное время я рад показать вам что смогу.

Заходите, дорогая леди.

На станции имелись карты рельефа долины, в миниатюре повторявшие величественную панораму, открывавшуюся из окон в каждой стене второго этажа. Кайрил показал на карте тонко закрашенные области, отмечавшие участки, выгоравшие в прошлые сезоны, за ними следовало вести особенно тщательное наблюдение.

— А что это за огонек там вспыхивает, мастер Кайрил? — неожиданно спросила Дорилис.

— У вас острое зрение, маленькая леди. Это сигнал, на который я должен ответить.

Лесничий взял небольшой прибор, состоявший из зеркальца и металлической задвижки, которую можно было быстро поднимать и опускать перед отражающей поверхностью. Подойдя к открытому окну, он начал передавать ответный сигнал в долину. Через несколько секунд внизу снова замелькали вспышки света. Дорилис подошла ближе, собираясь задать вопрос, но Кайрил жестом попросил ее соблюдать тишину. Потом склонился над картой, отметил какое-то место и повернулся к девочке:

— Сейчас я все объясню. Этот человек сообщил мне, что разжигает костер для приготовления пищи, пока гуртовщики пересчитывают скот. Это

мера предосторожности, необходимая для того, чтобы я не счел огонь началом пожара и не позвал людей на борьбу с ним. Но опять-таки, если дым над этим местом будет оставаться дольше, чем необходимо для обычного пастушьего костра, я созову людей прежде, чем пламя успеет распространиться. Как видите, — он широким жестом обвел все помещение пожарной станции, — я в любой момент могу узнать, где возникает огонь и что послужило причиной возгорания.

— Ты получил химикаты из Трамонтаны? — спросил Донел.

— Первая партия прибыла как раз вовремя, чтобы остановить серьезный пожар в устье вон того ручья. — Кайрил указал место на карте. — Вчера прибыла еще часть груза, а остальное складировано у подножия горы. Лето в этом году выдалось сухое, и опасность велика, но пока у нас только один серьезный пожар — за Пиком Мертвеца.

— Почему он называется Пиком Мертвеца? — спросила Дорилис.

— Не знаю, маленькая леди. Он так назывался и во времена моего отца и деда. Может быть, когда-нибудь там нашли мертвеца.

— Но почему кому-то понадобилось умирать там? — поинтересовалась Дорилис, глядя на

скопление остроконечных утесов. — Мне это место кажется более подходящим для гнездовья ястребов.

— Когда-то там жили ястребы, — согласился Кайрил. — В молодости я сам добыл там нескольких птиц. Но это было давно, очень давно. Там уже много лет не водятся ястребы.

— Дорилис, ты можешь сказать, в какую сторону двинется огонь на том склоне? — неожиданно вмешалась Рената. Девочка недоуменно моргнула, а затем сосредоточенно всмотрелась в даль. Секунду спустя она сделала какой-то неопределенный жест и заговорила так быстро, что речь показалась полнейшей бессмыслицей. Эллерт изумленно посмотрел на нее.

— В чем дело? — встревоженно спросила Рената. Дорилис вздрогнула, возвращаясь к действительности.

— Очень трудно передать словами, но я могу видеть пламя там, где оно было, там, где оно находится сейчас, и там, куда оно двинется дальше, — пробормотала она.

«Милосердная Аварра! — подумал Эллерт. — Она видит события в трех временах: в прошлом, в настоящем и в будущем. Неудивительно, что нам бывает так трудно общаться с ней!»

Дорилис пыталась сосредоточиться, с огромными усилиями подыскивая слова для описания своих видений.

— Я знаю, где это началось… вон там, но ветер погнал пламя вниз по склону, и оно повернуло… смотрите, в… в эти сети на краю воздушного потока. Я не знаю, как объяснить! Донел, — с мольбой обратилась она к брату, — ты видишь их, правда?

Он положил руку ей на плечо.

— Не совсем то, что видишь ты, сестренка. Думаю, вряд ли кто-нибудь сможет увидеть это твоими глазами; но можешь ли ты угадать, в какую сторону двинется пламя?

— Оно двинулось… я хочу сказать, двинется *туда*, где они соберут много людей, чтобы потушить пожар, — пробормотала девочка. — Но оно двинется туда только потому, что придут *они*. Оно может чувствовать… нет, это неправильно! Это не мои слова!

Ее лицо исказилось. Казалось, она вот-вот заплачет.

— У меня болит голова. Можно выпить воды?

— За дверью есть водокачка, — ответил Кайрил. — Вода чистая, она поступает из источника за станцией. Но только повесьте кружку на место,

когда напьетесь, маленькая леди.

Когда Дорилис вышла из комнаты, Рената с Донелом обменялись потрясенным взглядом.

«Сейчас я за несколько минут узнала о ее *ларане* больше, чем за два месяца, — подумала Рената. — Мне следовало привести ее сюда раньше».

— Разумеется, вы понимаете, что сейчас никто уже не борется с огнем, — приглушенным голосом произнес Кайрил. — Пожарная команда сбила пламя на опасных направлениях и оставила выгорать небольшой участок вдоль нижних скал. Однако она видела людей. Я не видывал ничего подобного с тех пор, как колдунья Алари пришла сюда однажды с огненным талисманом, чтобы справиться с огромным пожаром. Но тогда я сам был еще мальчиком. Значит, маленькая леди тоже колдунья?

Рената, не любившая это слово, сильно отдававшее предрассудками, ответила:

— Нет, но у нее довольно сильный *ларан*. Мы стараемся развить ее дар, научить ее пользоваться им. Она освоила управление планером так же быстро, как птица учится летать.

— Да, — подтвердил Донел. — Мне понадобилось гораздо больше времени, чтобы овладеть этим искусством. Сестра лучше меня видит

воздушные течения. По-моему, они кажутся ей твердыми, почти физически ощутимыми. Думаю, Дорилис могла бы научиться пользоваться огненным талисманом; народ кузнецов применяет их для плавки металлов в своих горнах.

Рената слышала об этом. Народ кузнецов действительно пользовался особыми матриксами, применявшимися только для добычи металлов. Их техника была одновременно более грубой и более развитой, чем высокоточные добывающие методы, принятые в Башнях. *Лерони* разделяла недоверие квалифицированного специалиста к матриксным методикам, основанным лишь на практической сметке без всякого теоретического обоснования.

— Костер потух, — проворчал Кайрил, посмотрев в долину, и стер отметку на карте. — Одной заботой меньше. Вся долина высохла, словно выдержанный еловый брус. Могу я предложить вам подкрепиться, господа? А вам, леди?

— Мы принесли еду с собой, — ответил Эллерт. — Скорее вы окажете нам честь, присоединившись к нашей трапезе.

Он начал разворачивать пакеты с сушеными фруктами, хлебом с поджаристой корочкой и вяленым мясом.

— Благодарю вас, — церемонно сказал Кайрил. — У меня здесь есть вино, если вы не откажетесь от бокала, и немного свежих фруктов для маленькой леди.

Они сели возле окна, чтобы лесничий мог продолжать свое наблюдение.

— Вы здесь один? — спросила Дорилис.

— Не совсем так, леди. У меня есть подмастерье, который помогает мне, но сегодня он спустился в долину повидаться с матерью. Я и не чаял, что мне придется принимать у себя высоких гостей.

Он вытащил складной нож и начал очищать яблоко для Дорилис, искусно срезая кожуру тонкой спиралью. Девочка зачарованно наблюдала за движением лезвия, в то время как Рената с Эллертом смотрели на облака, медленно наползавшие на долину с востока, отбрасывая странные тени. Донел подошел ближе и встал у них за спиной.

— Ты тоже можешь чувствовать, куда двинется гроза? — тихо спросила Рената.

— Только когда грозовой фронт уже близко. Мне кажется, что, наблюдая за грозой, я немного выпадаю из времени, поэтому могу видеть весь процесс от начала до конца — так же, как Дорилис видела весь пожар у Пика Мертвеца.

Он оглянулся на Дорилис. Девочка с аппетитом

уплетала яблоко и болтала с лесничим.

— Но каким-то образом я одновременно вижу молнии в линейной последовательности и знаю, где и когда ударит каждая из них, — продолжал Донел. — Я вижу схему их возникновения *во времени*, поэтому могу немного управлять ими. Я не могу вызывать их, как моя сестра, — он понизил голос до шепота, — но мне иногда удается отклонять их, чтобы они не ударяли в то место, где я нахожусь.

Эллерт слушал, озабоченно нахмурившись. Его представления о природе времени расширились, приобретя еще один, пока не изведанный аспект.

— Мне кажется, это немного напоминает твой дар, Эллерт, — добавил Донел, словно прочитав его мысли. — Ты тоже умеешь двигаться вне времени, не так ли?

— Да, но не всегда в реальном времени, — мрачно ответил Хастур. — Это что-то вроде вероятностного будущего, которое может никогда не наступить. Оно зависит от взаимно пересекающихся решений многих людей. Поэтому я вижу лишь маленькую часть в общей картине того, что произойдет или может произойти. Не думаю, что человеческий разум когда-нибудь сумеет

разобраться в этом.

Донелу хотелось спросить, не пробовал ли Эллерт использовать свой дар под воздействием кириана, одного из телепатических снадобий, применявшихся в Башнях. Было известно, что кириан каким-то образом размывает границу между разумами, и телепатический контакт упрощается, изменяется ощущение времени. Но Рената, не переставшая думать о своей подопечной, опередила его:

— Вы все видели, в какое замешательство привел ее обычный пожар. Интересно, имеет ли это отношение к ее *ларану* … Мне кажется, что в гневе Дорилис не может ясно ощущать ход времени; для нее не существует ничего, кроме момента ярости, гнева или страха. Она не ощущает время как обычную последовательность моментов. Ты говорил о лихорадке, которой она переболела в детстве, когда молнии целыми днями сверкали вокруг замка, и спрашивал себя, какие горячечные грезы могли вызвать их. Возможно, в то время ее мозгу был причинен некоторый ущерб. Лихорадка часто ослабляет *ларан*.

Рената погрузилась в раздумье, наблюдая за медленным, неотвратимым движением грозового фронта под ними. Облака уже закрыли

значительную часть долины.

Дорилис подошла сзади и обвила руками талию *лерони*, словно ласковый котенок, просящийся на колени.

— Вы говорите обо мне? Посмотри вниз, Рената. Видишь молнию в облаках?

Рената механически кивнула, зная, что гроза лишь начала набирать энергетический потенциал для молний. Сама она пока что не видела никаких вспышек.

— Но в воздухе есть молнии, даже когда там нет облаков и дождя, — продолжала Дорилис. — Разве ты не видишь их, Рената? Я на самом деле не призываю их. Я просто их *использую*. — Она виновато улыбнулась. — Когда я насылала на Маргали головную боль и пыталась проделать то же самое с тобой, я использовала молнии, которые нельзя увидеть.

«Милосердные боги! — подумала Рената. — Девочка пытается рассказать мне, не зная слов, что она умеет пользоваться энергетическим потенциалом планеты!» Донел с Эллертом, уловившие последнюю мысль, изумленно повернулись к ней, но Рената этого не заметила. Она зябко передернула плечами.

— Тебе холодно, кузина? — участливо спросила

Дорилис. — Здесь так тепло…

«Благодарение богам, что она не умеет читать мысли с таким же успехом…»

Кайрил подошел к окну, с напряженным вниманием вглядываясь в свинцово-серую массу облаков в эпицентре грозы, где уже начинали поблескивать электрические разряды.

— Вы спрашивали о моей работе, маленькая леди? Это ее часть: следить, куда движется центр грозы, и наблюдать за разрядами молний. Многие пожары происходят из-за ударов молний, хотя дым иногда не появляется довольно долгое время.

Он искоса взглянул на остальных.

— Наверное, предки наградили меня крошечной частицей дара предвидения. Иногда, заметив молнию, я знаю, что позднее там может вспыхнуть пожар. Тогда я более пристально наблюдаю за этим местом в течение нескольких часов.

— Мне хотелось бы побольше узнать о ваших предках, — попросила Рената. — Может быть, я сумею выяснить, откуда у вас *ларан*.

— О, *это* мне известно. — В тоне Кайрила прозвучало что-то похожее на извинение. — Моя мать была недестро старого лорда Рокравена — не того, который правит сейчас, но того, кто

правил до него.

«Как можно узнать, является ли *ларан* безусловным злом? — подумала Рената. — Кайрил использовал дар, унаследованный от родителей, для полезного и нужного дела».

— Вот как, Кайрил? — спросил Донел, думавший о своем. — Значит, мы родственники.

— Это правда, мастер Донел, хотя я никогда не стремился оказаться на виду у ваших благородных родичей. За исключением вас они все очень гордые господа, и моя мать была для них слишком простой женщиной. А я не нуждаюсь в их подачках.

Дорилис доверчиво взяла Кайрила под локоть.

— Значит, мы с вами тоже родственники! — воскликнула она. — Вот здорово!

Он улыбнулся и погладил ее по щеке.

— Вы похожи на свою мать, маленькая леди. У вас ее глаза. Если будет на то воля богов, вы унаследуете и ее нежный голос. А обходилась она со всеми запросто — так же, как вы.

«Как она умеет очаровывать людей, когда не капризничает и не становится невыносимо высокомерной! — подумала Рената. — Да, в этом девочка похожа на мать».

— Иди сюда, Дорилис. Посмотри на грозу. Ты

можешь видеть, куда она двинется дальше?

— Да, разумеется. — Дорилис прищурилась, комично сдвинула брови, стараясь сосредоточиться. Эллерт взглядом попросил у Ренаты разрешения задать вопрос ее ученице.

— Гроза движется по прямой? Ее направление не изменится?

— Это *ужасно* трудно объяснить, родич, — ответила Дорилис. — Грозовой фронт может двинуться в одну сторону или в другую, в зависимости от перемены ветра. Я вижу два пути, куда он может подуть.

— Но направление остается неизменным? — настаивал Эллерт.

— Да, если только я не попытаюсь изменить его.

— Ты *можешь* это сделать?

— Дело не в том, что я могу это сделать. — Дорилис нахмурилась еще сильнее, лихорадочно подыскивая слова, о существовании которых она еще не подозревала. — Но я вижу все направления, куда он может двинуться. Ладно, давайте я лучше сама покажу вам.

Вступив в поверхностный контакт с ее разумом, Эллерт начал ощущать массивные, громоздящиеся друг на друга кучевые облака. Сейчас он мог

проследить то место, где гроза находилась сейчас, где она была раньше, и, как минимум, четыре направления, куда она могла двинуться.

— Но то, что будет, нельзя изменить, не так ли? — озадаченно спросил он. — Гроза движется по собственным законам, Дорилис, и ты ничего не можешь с ней поделать.

— Есть места, куда я могу направить ее, — отозвалась Дорилис после короткого молчания. — И есть места, где это невозможно, потому что там неподходящие условия. Это похоже на горный ручей. Если я набросаю в русло большие камни, вода будет огибать их. Она может зайти как с одной, так и с другой стороны, но я не могу заставить поток выйти из русла или повернуть вспять. Разве ты не понимаешь, кузен? Я не могу объяснить, — жалобно добавила девочка. — От этого у меня начинает болеть голова. Позволь мне показать тебе. Видишь?

Она указала на тучу, напоминавшую формой наковальню. Эллерт настроился на ее сознание и внезапно увидел наиболее возможный путь движения грозового фронта, вместе с другими, менее вероятными маршрутами, пересекавшимися и накладывавшимися друг на друга. А затем странный *ларан* Дорилис слился с его собственным

даром — расширившийся, непонятно изменившийся, но в основе своей оставшийся таким же. Юноша видел сразу все возможные варианты будущего; видел, куда может двинуться гроза, и видел, куда она повернуть *не может* …

Дорилис же могла выбирать между вариантами, сужая выбор возможностей до крайних пределов, принимая во внимание внешние силы, управлявшие ими…

«Вот так же я видел своего брата либо на троне, либо мертвым. Третьего не дано».

Эллерт испытал настоящее потрясение от проникновения в природу собственного *ларана*. Но Ренату занимали более практичные вещи.

— Значит, ты в самом деле можешь управлять грозой, Дорилис? Или просто можешь сказать, куда она двинется?

Эллерт последовал за ее мыслью. Было ли это обычным даром предвидения или чем-то подобным силе левитации, действующей на неодушевленные объекты?

— Я могу повернуть грозу в любом направлении, куда она *может* пойти, — ответила Дорилис. — Гроза может повернуть туда или туда, — она показала рукой, — но не туда, поскольку ветер не может так быстро измениться. Видите?

Она повернулась к Кайрилу:

— Возможно ли, что сейчас из-за молнии начнется пожар?

— Надеюсь, что нет, — сурово ответил лесничий, — но если грозовой фронт передвинется к Хай-Крэг — вон туда, где густые хвойные леса, то может начаться сильный пожар.

— Тогда мы не позволим молниям бить туда, — со смехом отозвалась Дорилис. — Никому не повредит, если молния ударит возле Пика Мертвеца, где и так уже все выгорело, верно?

Одновременно с ее словами гигантская бело-голубая вспышка с треском взрезала воздух, ударив в склон Пика Мертвеца. На мгновение наблюдавших ослепила ее яростная мощь. Через несколько секунд послышались раскаты грома.

Дорилис весело рассмеялась:

— Это гораздо лучше шутих и хлопушек, которые привозят к нам но Новый год!

И снова огромная молния прочертила небо сверкающим зигзагом, и снова девочка рассмеялась и восторженно захлопала в ладоши, обрадованная способностью сознательно использовать свой страшный дар. Один за другим бело-голубые разряды били в выжженные склоны Пика Мертвеца, Дорилис заходилась в припадках

истерического смеха.

Кайрил не мигая смотрел на нее. Его глаза расширились от благоговейного ужаса.

— Колдунья, — прошептал он. — Королева бурь!

Затем молнии погасли, гром глухо пророкотал последний раз и умолк. Дорилис покачнулась и прислонилась к Ренате. Под ее глазами пролегли тени, волосы на лбу слиплись от пота. Она опять превратилась в ребенка, в усталую бледную девочку, обессилевшую от тяжелой работы. Кайрил осторожно взял ее на руки и понес вниз по короткой лестнице, ведущей на первый этаж. Рената последовала за ним. Лесничий положил девочку в постель.

— Пусть маленькая леди немного поспит, — сказал он.

Когда Рената наклонилась над девочкой, чтобы снять с нее обувь, Дорилис устало улыбнулась ей, закрыла глаза и тут же уснула.

Вернувшись к остальным, *леронии* молча села у окна. Донел вопросительно посмотрел на нее.

— Она уже спит, — сказала Рената. — Девочка не может летать в таком состоянии; она потратила слишком много сил.

— Если хотите, вы с маленькой леди можете

поспать в моей постели, *ваи домна*, — застенчиво предложил Кайрил. — А завтра с рассветом я подам сигнал в долину, и пастухи пригонят для вас вьючных животных, чтобы вы могли вернуться домой верхом.

— Хорошо, посмотрим. Может быть, когда Дорилис немного поспит, у нее найдутся силы для полета в Алдаран.

Лерони встала у окна рядом с лесничим. Кайрил озабоченно хмурился.

— Смотрите, молния ударила вон там, в сухой лощине! — Он указал рукой направление. Несмотря на свое обостренное восприятие, Рената не могла заметить никаких признаков дыма, но не сомневалась, что Кайрил видел то, о чем говорил.

— Сейчас нет солнца, и я не могу подать сигнал, — сказал лесничий. — Когда оно появится, будет уже слишком поздно. Вот если бы я смог кого-нибудь предупредить…

«На пожарных станциях нужно иметь телепатов, которые в случае необходимости могли бы связываться с теми, кто находится в долине, — подумал Эллерт. — Если бы кто-то стоял на окраине деревни, вооруженный матриксом, то Кайрил или другой лесничий мог бы сообщить ему о

пожаре».

Но Донел думал о настоящем.

— У тебя есть противопожарные химикаты, которые я привез из Трамонтаны, — обратился он к Кайрилу. — Я полечу туда на планере и распылю их там, где ударила молния. Пена заглушит огонь, прежде чем пламя успеет распространиться.

Старый лесничий с тревогой посмотрел на него:

— Лорд Алдаран будет недоволен, если я подвергну его приемного сына такой опасности.

— Боюсь, дружище, ты уже не можешь *позволить* мне решать, что я должен делать, — возразил Донел. — Я взрослый человек, управляющий замка Алдаран, и несу ответственность за благополучие всех, кто живет в долине. Пожар не опустошит их земли, если я смогу помешать этому.

Донел повернулся, бегом спустился по лестнице, миновал комнату, где спала Дорилис, и вышел на улицу. Кайрил и Рената торопливо последовали за ним. Он уже начал застегивать на себе летное снаряжение.

— Дай мне химикаты, Кайрил.

Лесничий вручил ему запечатанный цилиндр с водой и пакет с химикатами. В смеси вода и хими-

каты превращались в белую пену, многократно превышавшую по объему размер первоначальных ингредиентов и способную сбить пламя на больших участках пожара.

Донел вышел на открытое место, но, прежде чем он успел разбежаться для взлета, Рената остановила его:

— Донел, разреши мне лететь с тобой!

— Нет, — мягко сказал он. — Ты еще слишком неопытна, Рената. Существует опасность, пусть и небольшая…

— Я не придворная дама, которую нужно защищать от любых опасностей. — Ее голос дрогнул от негодования. — Я опытный специалист из Башни Хали и привыкла разделять опасность со всеми, кому она угрожает.

Донел сделал шаг вперед, положил руки на плечи Ренаты и заглянул ей в глаза.

— Знаю. Но у тебя еще нет опыта для сложных полетов. Я лишь потеряю время, останавливаясь и проверяя, что с тобой, а сейчас нужно действовать быстро. Позволь мне лететь одному, кузина.

Он крепче обхватил ее плечи и на мгновение прижал к себе быстрым, импульсивным движением.

— Там не так опасно, как ты думаешь; во всяком

случае, не для меня. Подожди меня здесь, карья.

Донел быстро поцеловал ее. Рената стояла, все еще чувствуя прикосновение его губ, и смотрела, как он разбегается, раскинув и слегка наклонив крылья, чтобы поймать ветер. Потом Донел взмыл вверх, подхваченный быстрым течением, выровнял планер и плавно заскользил вниз, в долину. Приложив руку козырьком к глазам, Рената видела, как планер уменьшился до размеров ястреба, потом ласточки, потом превратился в крошечную точку, парившую над облаками. Когда Донел пропал из виду, она протерла глаза и пошла обратно, к пожарной станции.

Эллерт стоял у окна, напряженно вглядываясь в даль.

— С тех пор как Дорилис показала мне, что она видит, я стал лучше управлять своим *ларано*м, — сообщил он — Секрет заключается в том, чтобы быстро смещать восприятие от одного варианта будущего к другому и находить наиболее реальный.

— Я очень рада за тебя, кузен. — Рената знала, какой мучительной была борьба Эллерта с проклятьем его *ларана*, но, несмотря на свое неподдельное расположение к Эллерту — соратнику, другу, любовнику, — она сейчас просто не

могла думать о нем. Все ее существо устремилось вовне, фокусируясь на крошечной пылинке, в которую превратился планер Донела, все еще паривший высоко над долиной, но мало-помалу снижавшийся вдоль края грозового фронта. Неожиданно все ее эмоции, вся эмпатическая сила ее *ларана* скользнула в личность и сознание другого человека. Она была Донелом. Она…

…летела высоко над долиной, ощущая туго натянутую сеть энергетических потоков, раскинутую в небе, — живую, пульсирующую под воздействием могучих сил. Донел широко развел пальцы, снимая неприятную щекотку статического электричества. Он летел, его внимание сосредоточилось сейчас на точке внутри лесного массива, указанной Кайрилом.

Тонкие струйки дыма, наполовину скрытые листьями и длинными, серо-зелеными иглами хвои… Огонь мог тлеть незаметно, в течение нескольких дней, прежде чем вспыхнет пожар, способный опустошить всю долину. Он хорошо сделал, что прилетел сюда. Этот участок леса находился совсем недалеко от поместья Хай-Крэг, дарованного Донелу приемным отцом.

«Я бедный человек. Мне нечего предложить Ренате, даже если такая леди согласится стать

моей женой… Нечего, кроме этого бедного поместья, расположенного в местности, из года в год терзаемой пожарами. Я думал, что должен жениться и завести семью, однако сейчас мне кажется, что я слишком мало могу предложить своей леди. И почему я думаю, будто она захочет выйти за меня замуж?»

(Рената, застывшая в напряженной позе у высокого окна, неожиданно вздрогнула. Эллерт, собравшийся было что-то сказать, пристально посмотрел на нее и промолчал.)

Донел опускался все ниже. Он облетел небольшой участок, покрытый стелющимся дымом, и внимательно изучил местность, не обращая внимания на грозу, все еще бушевавшую наверху.

Теперь планер быстро снижался. Широкие крылья замедлили падение в достаточной мере, чтобы юноша мог приземлиться на ноги, но он все же упал, смягчив удар, выставив вперед руки. Он не стал тратить время, расстегивая летное снаряжение, а сразу же вытащил запечатанный цилиндр с водой из-за распорки. Сорвав печать зубами, сунул цилиндр под мышку и вскрыл небольшой пакет с химикатами. Потом высыпал химикаты в воду, поднял сделанный из гибкого материала цилиндр над клубами дыма и стал

смотреть, как зеленая пена выползает наружу, быстро впитываясь в землю. Донел полил весь участок лесной поляны вокруг места возгорания. Дым исчез. Как и все, кто занимался тушением пожаров, Донел заново изумился тому, как быстро можно потушить пожар сразу после возгорания. Словно его никогда и не было!

«Огонь — самый непостоянный из элементов. Его легче всего вызвать, но труднее всего обуздать...» Слова появились в его разуме словно из ниоткуда и так же быстро пропали. Юноша сложил пустой цилиндр, все еще слабо пахнувший химикатами, и засунул его под одну из веревок летного снаряжения.

«Это было так просто. Почему Рената боялась за меня?» Но, посмотрев на небо, он нахмурился. Небо затянуло тучами, погода была явно неподходящей для полетов. Дождь еще не начался, но воздух был плотным, тяжелым. На склонах Пика Мертвеца бушевала гроза, и в свинцово-черных облаках почти непрерывно вспыхивали молнии, иногда ударяя в голую, безлесую землю.

Донел не боялся, поскольку ему часто приходилось летать на планерах в грозу. Нахмурившись, он несколько минут стоял неподвижно, изучая воздушные течения, линию фронта и ветры,

пытаясь рассчитать наилучший маршрут для возвращения на пожарную станцию.

«По крайней мере, дождь на Пике Мертвеца залил последние искры…» Продолжая изучать небо, юноша расстегнул летное снаряжение, сложил крылья планера и сунул аппарат под мышку. Дальняя прогулка с волочащимися по земле крыльями была слишком утомительной, не говоря уже об опасности зацепиться за какую-нибудь корягу и сломать хрупкую конструкцию. Он поднялся по невысокому, но крутому склону холма, где можно было поймать ветер, снова застегнул на себе снаряжение и попытался взлететь. Но ветер был капризным и переменчивым. Дважды он разбегался, но каждый раз ветер резко менял направление и швырял его вниз. Донел споткнулся при приземлении и чуть было не вывихнул ногу.

Потирая ушибленные места, юноша встал и от души выругался. Неужели Дорилис снова играет с воздушными потоками, изменяя направление ветров и напряженность магнитных полей. Нет, разумеется, Эллерт с Ренатой удержали бы ее от подобных фокусов. Но если сестра все еще спит, взвинченная до предела событиями сегодняшнего дня — своим первым полетом и успешными

попытками контролировать свой дар, — способен ли ее спящий разум так же играть стихиями, как и в бодрствующем состоянии?

Донел без энтузиазма рассматривал отдаленную вершину, на которой стояла пожарная станция. Не исключено, что ему придется добираться туда пешком. Он едва ли успеет до темноты. Сама тропа находилась в хорошем состоянии, так как припасы доставлялись на станцию через каждые десять дней; Донел слышал, что еще во времена деда *дома* Микела она была выровнена с помощью матрикса. Но все же ему не хотелось подниматься пешком.

Юноша снова посмотрел на небо, обостряя свою восприимчивость к воздушным течениям. Единственный достаточно устойчивый ветер, способный поднять его, ровно и мощно дул в направлении грозового фронта над Пиком Мертвеца. Однако если он поймает встречное течение, которое отнесет его обратно к пожарной станции… да, здесь имелась определенная доля риска. Если не справиться с ветром, его затянет в горнило бушующей грозы.

С другой стороны, если подниматься пешком, то большая часть пути пройдет в темноте. Это тоже опасно. Донел решил рискнуть. Он еще немного

помедлил, проверяя надежность всех креплений, попробовал на прочность внутренние переборки и наконец выкинул пустую оболочку цилиндра для воды. Ее можно будет забрать в другой раз, ведь даже небольшой дополнительный вес может сыграть роковую роль при выполнении особенно рискованного маневра в воздухе. Потом разбежался, сфокусировался на своем матриксе, позволив ветру и левитации поднять себя вверх, и с облегчением почувствовал, как мощный поток подхватил широкие крылья планера и понес его вперед и вверх.

Донел поднялся выше, мчась вместе с ветром, дующим с такой силой, что каждая деталь планера мелко вибрировала. В реве ветра, бившего ему в лицо, можно было различить высокую, напевную ноту. Он ощущал какой-то непонятный страх, отрешенный и возбуждающий. Его чувства обострились до предела, захваченные восторгом полета с огромной скоростью.

«Если я упаду, то разобьюсь вдребезги… но я не упаду!»

Деллерей парил, словно ястреб, глядя на раскинувшуюся внизу долину, на рваные края облаков над пожарной станцией, на грозовые тучи вокруг Пика Мертвеца, наползавшие друг на друга,

огрызавшиеся вспышками молний… Сделав очередной круг, он поймал ветер, который понес его в нужном направлении; наклонив крылья, нырнул, отдавшись экстазу свободного полета. Не подозревая о присутствии разума Ренаты, находившейся в контакте с ним, он неожиданно подумал: «Хорошо бы Рената могла увидеть это моими глазами!» Каким-то образом экстатическое ощущение полета и ветра, гудевшего в переборках, слилось в его разуме с тем коротким мгновением, когда он обнимал Ренату, чувствовал прикосновение ее губ к своим…

Угрожающе сверкнула молния. Металлические скобы неожиданно вспыхнули голубоватым светом. По коже Донела пробежала электрическая щекотка, и он понял, что гроза начала двигаться вместе с ветром, быстро поворачивая над долиной в направлении пожарной станции. Он даже не мог спуститься вниз, имея на себе столь мощный электрический заряд. Если он прикоснется к земле, то умрет от удара током. Придется кружить до тех пор, пока заряд не рассеется. Наполовину оглушенный раскатом грома, он вдруг осознал, что очень испуган. Гроза двинулась не в ту сторону. Ее фронт должен был пройти над Пиком Мертвеца в соседнюю долину, но теперь повора-

чивал обратно. Донел вспомнил день рождения Дорилис, день смерти матери. Тогда гроза тоже была странной! Дорилис спала и видела сны о силе и ярости, бессознательно играя с потоками энергии. Но почему даже во сне она фокусирует их на брате?

«Неужели она догадалась, что она больше не является единственной женщиной в моих мыслях и в моем сердце?» Донелу с трудом удавалось сохранить равновесие. Он боролся с упорным нисходящим потоком, грозившим снести его на открытую площадку за пожарной станцией. Ему нужно было сделать еще один круг. Раскат грома снова оглушил его. Хлынул ливень, и юноша моментально вымок до нитки. В следующее мгновение он почувствовал, что очередная молния собирается ударить прямо в него, и из последних сил протянул *ларан* вовне — отклонить удар, направить его в другое место…

Вспыхнула молния, и Донел камнем полетел вниз, лишь чудом подхватив течение, которое могло вынести его на самый край открытой площадки за пожарной станцией. А если он промахнется, то перелетит на другую сторону, нелепо кувыркаясь со сломанными крыльями, и разобьется. В полубессознательном состоянии

Донел заметил, как кто-то бежит к тому месту, где он может приземлиться. Голова моталась из стороны в сторону. Ноги коснулись земли; Рената подхватила юношу и прижала к себе за секунду до того, как момент его движения сбил ее с ног, и они вместе упали.

Усталая и потрясенная, Рената прижимала к своей груди голову потерявшего сознание Донела, Его лицо было холодным от дождя, и на какой-то ужасный миг *лерони* показалось, что он мертв, но потом, она ощутила теплоту его дыхания на своих губах, и мир снова вернулся к ней.

«Теперь я знаю, что такое „любить“. Не видеть перед собой ничего, кроме одного… держать его в своих объятиях и сознавать, что если бы он умер, то мне стало бы незачем жить…»

Она начала расстегивать ремни летного снаряжения, высвобождая Донела из-под чудесным образом уцелевшего планера. Но тут Деллерей открыл глаза, привлек Ренату к себе, их губы встретились. Наступила тишина. Кайрил с Эллертом подошли к ним, но влюбленные не замечали их. Они поняли, что отныне и навеки принадлежат друг другу.

20

Рената знала, что до конца ее жизни ничто в ее воспоминаниях не сравнится в великолепии с этим сезоном. В Хеллерах стоял разгар лета, и с нею рядом был Донел. Они летали вместе на планерах над горными долинами, перепархивая от одного пика к другому, прятались под скалами от коротких летних гроз или лежали в каньонах, подолгу наблюдая за движением облаков в небе.

День за днем Дорилис все лучше управляла своим странным даром, и Рената стала проявлять больший оптимизм во взглядах на будущее. Может быть, все обойдется. Возможно, Дорилис не суждено родить ребенка — во всяком случае, девочку, — зато она сумеет безболезненно пережить критический период. Подхваченная бурным потоком своей любви, Рената тем не менее понимала, что она не вправе лишить Дорилис этого обещания, этой надежды.

«А я-то смеялась над Кассандрой! Милосердная Аварра, какой же я была молодой и невежественной!»

В один из длинных, прозрачных летних вече-

ров они лежали на траве в небольшой лощине, глядя на башни замка Алдаран и небо над ними, где Дорилис парила и кружилась в восходящих воздушных потоках в компании подростков из замка.

— Я далеко не новичок в полетах на планере, но никогда не умел управлять ветрами, сестра, — заметил Донел. — Да я бы никогда и не осмелился на такое. Ни один из парней даже наполовину не сравнится с ней в сноровке.

— Никто из них не обладает ее даром. — Рената, глядя в синее небо, сморгнула нежданные слезы. Иногда в это первое и последнее лето их любви ей казалось, что Дорилис стала ее ребенком, дочерью, которой у нее никогда не будет. Они с Донелом могли учить ее всему, что знали, но самое главное — они могли любить ее.

Донел наклонился быстрым движением и поцеловал *леронии*, а затем нежно провел кончиками пальцев по ее ресницам.

— Ты плачешь, любимая?

Рената покачала головой:

— Я слишком долго смотрела в небо, наблюдая за ней.

— Как странно. — Донел взял ее руки в свои и поцеловал изящные, длинные пальцы. — Я

никогда не думал…

Его голос дрогнул и замер, но они находились в таком тесном контакте, что Рената могла прочесть мысли: «Я никогда не думал, что любовь придет ко мне так. Я знал, что когда-нибудь, рано или поздно, мой приемный отец найдет мне подходящую жену. Я должен набраться храбрости и сказать ему…» Донел не мог себе представить, как сможет пойти наперекор обычаям. Неужели он сможет войти в кабинет приемного отца и заявить: «Я не стал ждать, пока вы найдете мне невесту; вот женщина, на которой я хочу жениться»? Скорее всего, *дом* Микел разгневается на него или, хуже того, обвинит в случившемся Ренату.

«Но если бы он знал, что без Ренаты для меня не будет счастья…» Донел спрашивал себя: а может ли старый лорд вообще знать, что такое любовь? Оба законных брака лорда Алдарана надлежащим образом устроили родственники. Мог ли он иметь хотя бы отдаленное представление о сильнейшем чувстве, способном подхватить двоих и унести в неизвестность, даже помимо их желания? Донела обдало порывом холодного ветра, и он вздрогнул, услышав отдаленное бормотание грома, похожее на ворчливое предупреждение.

— Нет, — сказала Рената. — Она превосходно

разбирается в воздушных течениях, и ей не угрожает опасность. Смотри, все мальчишки теперь следуют за ней!

Девушка указала на планеры, кружившие на крыльях ветра, словно птицы над высокими утесами за замком Алдаран.

— Пошли, любимая. Солнце скоро сядет, а на закате ветер крепчает. Нам пора присоединиться к остальным.

Руки Донела дрожали, когда он помогал ей застегнуть ремни летного снаряжения.

— Из всех вещей, которые мы разделили с тобой, Донел, это, наверное, самая чудесная, — прошептала Рената. — Я не знаю, выпадало ли какой-нибудь женщине Хеллеров такое счастье полета!

В пурпурных лучах предзакатного солнца Донел увидел слезинку, блеснувшую на ресницах. Но Рената не открыла своих мыслей. Раскинув крылья планера, она побежала вниз по склону, поймала восходящий поток и взмыла вверх, удаляясь от него. Вскоре он догнал ее, и они полетели бок о бок.

Позже тем же вечером, пожелав Дорилис спокойной ночи, лорд Алдаран жестом попросил Эллерта и Ренату остаться с ним. В зале играла

музыка. Некоторые из придворных танцевали под мелодичные звуки арф, но когда *дом* Микел развернул письмо, которое держал в руках, его лицо стало хмурым и озабоченным.

— Взгляните-ка. Я послал гонца к Сторнам для начала переговоров о браке их сына с Дорилис. В прошлом году они только об этом и твердили, но сейчас я получил от них лишь формальный ответ. Они пишут, что поскольку Дорилис еще слишком молода, то, возможно, нам следует вернуться к этому вопросу, когда она достигнет совершеннолетия. Хотелось бы мне знать…

— Дорилис дважды была обручена, и оба ее нареченных вскоре после этого погибли, — с непривычной для него резкостью сказал Донел. — Дорилис умна, красива и получит в приданое замок Алдаран, но было бы удивительно, если бы люди не заметили, что те, кто ищет ее руки, долго не живут.

— На вашем месте, лорд Алдаран, я бы подождал с дальнейшими помыслами о браке, пока Дорилис не вступит в пору зрелости и не освободится от угрозы пороговой болезни, — добавил Эллерт.

— Эллерт, предвидел ли ты… — У лорда Алдарана перехватило дыхание. — Умрет ли она от пороговой болезни, как мои дети от первого

брака?

— Я не видел ничего подобного, — твердо ответил Хастур.

В последнее время он всеми силами старался как можно меньше заглядывать в будущее. Теперь ему казалось, что он не видит там ничего, кроме горя и несчастий, большинство из которых нельзя было привязать к определенному месту или времени. Снова и снова он видел замок Алдаран в осаде, град стрел, воинов, сошедшихся в смертельной схватке, ослепительные вспышки молний, бьющих в каменную цитадель… Эллерт старался возводить баррикады в своем сознании, ибо большая часть видений, судя по всему, была мрачной иллюзией, вызванной к жизни подспудным страхом.

— Дар предвидения здесь бесполезен, мой лорд. Хотя я могу видеть сотню различных вариантов будущего, не следует забывать о том, что лишь один из них может осуществиться. Но если бы смерть Дорилис от пороговой болезни была неизбежной, то эта картина постоянно возвращалась бы ко мне, свидетельствуя о неотвратимости этого события. Однако повторяю: я не видел ничего подобного.

— Хотел бы я обладать твоим даром хотя бы в

малой мере, — глухо произнес *дом* Микел. — Это письмо ясно указывает на то, что люди из Сторна поддерживают связь с моим братом и опасаются его гнева, поскольку он по-прежнему надеется захватить Алдаран, если я умру, не оставив после себя сына или зятя. Но *этого*, — он покачал головой быстрым, птичьим движением, — этого никогда не случится, пока четыре луны вершат свой путь в небесах и снег покрывает зимой землю!

Его взгляд смягчился, упав на Донела, и все могли угадать его мысли: «Во всяком случае, Донелу пришло время жениться». Юноша внутренне сжался, хорошо зная, что сейчас не время идти наперекор воле своего приемного отца, но *дом* Микел лишь улыбнулся ему.

— Идите, дети мои, — вздохнул старый лорд. — Если хотите, присоединяйтесь к танцующим. Мне нужно подумать, какой ответ следует дать родственникам в Сторне.

Донел немного успокоился, но его не покидала смутная тревога. Позже в тот же вечер он обратился к Ренате:

— Нам больше нельзя откладывать, любимая. Иначе настанет день, когда Алдаран призовет меня к себе и скажет: «Донел, вот твоя невеста».

Тогда мне придется объяснять ему, почему я не в состоянии жениться на любой из послушных дочерей его вассалов, которую он выберет для меня. Рената, должен ли я отправиться в Холмы Киллгард и лично просить твоей руки? Как ты думаешь, *дом* Эрленд отдаст свою дочь за бедняка, владеющего лишь маленьким поместьем в Хай-Крэг? Ты — дочь лорда могущественного Домена; твои родичи могут назвать меня пройдохой, которому не терпится жениться на приданом.

Рената рассмеялась:

— У меня самой не Бог весть какое приданое: не забывай, что я четвертая дочь в семье, и самая младшая. А мой отец так недоволен моим приездом сюда, что может отказать даже в этом. Все мое приданое ограничивается милостью *дома* Микела за мою заботу о Дорилис, хотя он вряд ли поскупится на расходы.

— Он относился ко мне лучше, чем любой приемный отец! — горячо воскликнул Донел. — К тому же я не хочу, чтобы твои родственники подумали, будто я совратил тебя, пока ты жила под кровом замка Алдаран — возможно, ради этого самого приданого.

— Да ну его, это приданое! Я прекрасно знаю, что оно тебя не волнует, Донел.

— Любимая, если будет необходимо, то я откажусь от всего, что имею, и возьму тебя в одной рубашке.

Рената улыбнулась и прижалась головой к его плечу.

— Лучше возьми меня без нее, — поддразнила она. Ей всегда нравилось, как Донел краснел, словно мальчик вполовину младше его годами.

Раньше Рената не могла даже вообразить, что способна забыть обо всем, кроме своей любви. «После всех лет, проведенных в Башне, после всех любовников, которые у меня были, я осталась, в сущности, такой же девочкой, как Дорилис, — думала она. — Как только я поняла, на что похожа любовь, все остальное превратилось в ничто, в полное ничто, меньше чем в ничто…»

— И все же, Рената, мой приемный отец должен знать о нас с тобой. — Донел снова вернулся к главной теме разговора.

— Он телепат. Я уверена, что он знает, но еще не решил, как ему поступить. С нашей стороны было бы весьма опрометчиво принуждать его к выбору.

Юноше пришлось удовлетвориться этим, но его не покидали тяжелые мысли. Неужели старый лорд Алдаран мог представить, что его прием-

ный сын способен так грубо нарушить обычаи и связать свою жизнь с женщиной без согласия родни? У Довела возникло странное чувство отчужденности, нереальности происходящего.

Рената вздохнула, глядя на мрачное лицо любовника. Она уже давно пришла к выводу, что когда-нибудь нарушит общепринятые правила и вырвется из заколдованного круга традиций, регламентирующих жизнь всех женщин ее клана. Донел же, с другой стороны, до сих пор еще не встречался с необходимостью перемен.

— В любом случае я отпишу своему отцу и скажу ему, что мы собираемся пожениться… если ты еще хочешь меня.

— Если я еще хочу тебя? Любимая, как ты можешь спрашивать? — с укоризной прошептал Донел. После этого их беседа продолжалась без слов.

Лето заканчивалось. Когда листья на деревьях начали желтеть и первая часть урожая перекочевала в закрома, Дорилис отпраздновала свой день рождения. Как-то раз, когда почти вся челядь замка Алдаран отправилась разгружать огромные фуры с зерном, орехами и кувшинами с маслом, Эллерт встретился с Ренатой на краю внутреннего двора замка.

— Ты собираешься остаться здесь на зиму, родич? Я не оставлю Дорилис, пока она не минует критический период… а ты?

— Донел просил меня остаться, и лорд Алдаран тоже. Я не уеду, пока мой брат не призовет меня.

За последними словами Рената ощутила тревогу и решимость. Эллерт мучительно тосковал по Кассандре; в одном из своих тайных посланий он попросил разрешения вернуться в Хали и получил отказ от Дамона-Рафаэля.

— Теперь, когда твой брат имеет законного сына, он против твоего воссоединения с женой, чтобы ты не мог произвести на свет наследников, которые могли бы оспаривать его права на владение Доменом, — с иронической улыбкой заметила Рената.

Эллерт устало вздохнул:

— Кассандра не родит мне детей. Я не стану подвергать ее такой опасности. Кроме того, я поклялся над пламенем Хали поддерживать права детей брата, будь они законными или *недестро*.

Рената почувствовала, как слезы, уже много дней просившиеся наружу, закипают в глазах, грозя хлынуть неудержимым потоком.

— Да, ты дал клятву, — жестко сказала она, стараясь овладеть собой. — Но сознаешь ли ты

обязательства перед короной, Эллерт?

— Мне не нужна корона, — ответил Эллерт.

— Ну, я-то тебе верю, — язвительно произнесла Рената. — Но разве твой брат когда-нибудь в это поверит?

— Не знаю. — Юноша снова вздохнул. Неужели Дамон-Рафаэль действительно думает, что Эллерт не сможет противостоять искушению вырвать владычество над Доменом — или корону — из рук своего брата? Или же он просто хочет, чтобы могущественный лорд Алдаран чувствовал себя обязанным перед Элхалином? Дамону-Рафаэлю понадобятся союзники, если он решит бороться с принцем Феликсом за трон Тендары.

Но эта борьба откладывалась на неопределенное время. Старый король Регис все еще цеплялся за жизнь, а члены Совета не беспокоили монарха на одре болезни. Но когда король, согласно обычаю, упокоится в гробнице рядом с предками, тогда… *тогда* Совет незамедлительно потребует от принца Феликса доказательств законности прав на престол.

— Эммаска мог бы стать хорошим королем, — заметила Рената, без усилий проследив ход его мыслей. — Но он не может основать династию. В одной из последних депеш я прочла, что Кассиль-

да так и не оправилась после рождения сына и умерла через несколько недель. Теперь у твоего брата есть законный наследник, но он снова ищет себе жену. Без сомнения, сейчас он укоряет себя за поспешность, с которой позволил тебе жениться на Кассандре.

Губы Эллерта скривились от отвращения. Он вспомнил слова Дамона-Рафаэля, сказанные незадолго до его свадьбы: «Если Кассильда умрет, а в последние несколько лет она не раз была близка к этому, то я смогу взять Кассандру себе». Как мог его брат говорить такое о женщине, родившей ему полдюжины детей и видевшей, как они умирают один за другим?

— Может быть, оно и к лучшему. — Голос Эллерта звучал так мрачно, что Рената не смогла удержаться от слез. Он нежно взял ее за подбородок и повернул лицом к себе. — Что случилось, кузина? Ты всегда с готовностью облегчала бремя моих забот, однако никогда не говорила о своих горестях. Что тебя гнетет?

Он обнял ее, но то было прикосновение брата, а не любовника, и Рената хорошо это понимала. Она расплакалась. Эллерт ласково погладил ее волосы.

— Расскажи мне, чиа, — попросил он так ласко-

во, словно она была девочкой возраста Дорилис. Рената с трудом совладала со слезами, но голос дрожал от сдерживаемых рыданий.

— Я еще не говорила Донелу. Мне хотелось иметь ребенка от него. Если бы я забеременела, мой отец не мог бы вынудить меня вернуться домой в Эдельвейсе и выйти замуж за того, кого он выберет для меня. Я действительно понесла, но через день-другой во время наблюдения обнаружила, что ребенок будет женского пола. Поэтому я…

Она сглотнула. Эллерт ощущал ее страдание, как физическую боль в своем теле.

— Я не могла позволить ей жить. Я… я не сожалею об этом, да и кто мог бы сожалеть, зная о проклятии, наложенном на род Рокравенов! И однако, когда я смотрю на Дорилис, я не могу не задумываться о содеянном. Мне пришлось убить будущую девочку, которая могла бы стать *такой же* — прекрасной, и… и…

Ее голос сорвался, и она снова безутешно разрыдалась на груди у Эллерта.

«Я думал, что смогу убедить Кассандру сделать подобный выбор…» Эллерту нечего было сказать. Он обнимал Ренату, молча глядя в пространство. Через некоторое время она успокоилась и про-

шептала:

— Я знаю, что поступила правильно. Так следовало поступить, но я… я не смогла сказать Донелу.

«Во имя всех богов, что мы творим с нашими женщинами? Какое зло мы уже причинили себе и своим потомкам! Святой Носитель Вериг, это благословение, а не проклятье, что я разлучен с Кассандрой!»

В следующее мгновение Эллерт увидел перед собой лицо Кассандры, искаженное страхом — таким же страхом, какой он видел на лице Ренаты. Отгоняя назойливое видение, он крепче прижал к себе девушку и тихо произнес:

— Все же ты знаешь, что сделала правильный выбор, и надеюсь, это знание придаст тебе сил.

Медленно, подыскивая слова, он рассказал Ренате содержание одного из своих видений, в котором он видел ее на последнем месяце беременности — отчаявшуюся, охваченную безысходным ужасом.

— В последнее время я этого не видел, — заверил он. — Наверное, такая возможность существовала в то короткое время, пока ты в самом деле была беременна, а потом… потом это будущее просто исчезло, так как ты совершила поступок,

зачеркнувший его. Не надо жалеть.

— Я *знаю*, что поступила правильно, — ответила Рената. — Однако в последние дни Дорилис стала такой милой, такой ласковой и послушной! Теперь, когда она до некоторой степени овладела своим *лараном*, грозы над долиной уже не бушуют с прежней силой.

«Да, — подумал Эллерт. — Уже давно я не видел тот ужасный образ: комнату со сводчатым потолком и детское лицо, обрамленное молниями…» Может быть, и эта трагедия тоже исчезла из царства возможного, когда Дорилис начала управлять своим чудовищным даром?

— Однако в определенном смысле от этого становится только хуже, — продолжала Рената. — Знать, что она могла быть такой же, а теперь ей не суждено появиться на свет… Наверное, мне просто следует думать о Дорилис как о дочери, которой у меня никогда не будет. Эллерт, она пригласила отца и Донела послушать свою игру и пение сегодня вечером. У нее действительно прекрасный голос. Ты придешь?

— С удовольствием, — искренне ответил Эллерт.

Донел уже был там, вместе с лордом Алдараном и несколькими женщинами из свиты Дорилис,

включая учительницу музыки — молодую женщину из рода Дерриелов. Сумрачно-прекрасная, с темными волосами и длинными черными ресницами, она чем-то напомнила Эллерту Кассандру, хотя между ними не было сходства. Однако когда леди Элиза склонилась над *ррилом*, настраивая инструмент, он заметил, что у нее тоже по шесть пальцев на руках. Ему вспомнились слова, сказанные Кассандрой незадолго до свадьбы: «Может быть, наступит время, когда мы будем слагать песни, а не воевать!» Как мимолетна была эта надежда! Они жили в стране, раздираемой войнами между Доменами. Кассандра находилась в Башне, осажденной аэрокарами и вражескими войсками; в горах бушевали лесные пожары и сверкали гигантские молнии. Пораженный, Эллерт обвел взглядом тихую комнату, спокойные голубые небеса, дальние холмы за окнами. Ни грома войны, ни малейшего признака тревоги. Опять его проклятое предвидение!

Леди Элиза последний раз пробежала пальцами по струнам арфы.

— Пой, Дорилис, — сказала она.

Голос девочки, нежный и скорбный, завел старую песню:

Где ты теперь?

Где блуждает моя любовь?..

Эллерт подумал, что песня о безнадежной любви и печали должна звучать неуместно в устах юной девушки, но красота голоса Дорилис очаровала его. Этой осенью воспитанница Ренаты заметно выросла, ее грудь, хотя и небольшая, уже почти сформировалась, а стройное тело соблазнительно округлилось. Она по-прежнему оставалась длинноногой и неуклюжей, но обещала стать высокой женщиной. Уже сейчас она была выше Ренаты.

— В самом деле, дорогая, мне кажется, ты унаследовала несравненный голос своей матери, — произнес *дом* Микел, когда девочка закончила песню. — Ты не споешь нам что-нибудь менее грустное?

— С удовольствием. — Дорилис взяла ррил у леди Элизы, слегка подправила струны, а затем начала небрежно перебирать их, напевая комическую балладу. Эллерт часто слышал эту песенку в Неварсине, хотя и не в стенах монастыря. В ней рассказывалось о брате Доминике, таскавшем все пожитки в карманах рясы, как и подобает доброму монаху.

В карманах, карманах,

В чудесных карманах,

Что брат Доминик набивал по утрам,

Хранился совсем не какой-нибудь хлам —

Все нужные вещи для долгого дня

Носил он с собою, в карманах храня…

Среди слушателей послышались смешки. Нелепый перечень вещей, помещавшихся в карманах легендарного монаха, рос.

Все нужные вещи для долгого дня

Носил он с собою, в карманах храня:

Молитвенник, кружку и ложку с тарелкой,

Еще одеяло и теплую грелку,

Пенал для усердных монашеских штудий,

Большую печать на серебряном блюде,

Щипцы для орехов, чтоб зубы сберечь…

Дорилис сама с трудом сохраняла невозмутимое выражение лица, когда кто-то особенно громко хихикал или ее отец, закинув голову, разражался лающим смехом. Она запела новый куплет:

Седло и уздечку на случай особый,

Латунный подсвечник отборнейшей пробы,

Пустой умывальник, глоточек вина…

Внезапно девочка замолчала на полуслове. Дверь комнаты распахнулась, и лорд Алдаран в гневе повернулся к герольду, явившемуся без предупреждения.

— Варлет! Как ты осмелился войти в комнату молодой леди подобным образом!

— Почтительно прошу прощения, но дело крайне важное. Лорд Скатфелл…

— Полно, — раздраженно бросил лорд Алдаран. — Если бы даже он стоял у моих ворот с сотней солдат, это не послужило бы тебе оправданием за столь вопиющую невежливость!

— Он направил вам послание. Его гонец говорит о каких-то требованиях, мой лорд.

Микел Алдаран встал и поклонился леди Элизе и дочери с такой учтивостью, как если бы маленькая гостиная Дорилис была приемным залом.

— Прошу меня извинить, высокородные леди. Я ни в коем случае не стал бы прерывать музыку и ваше пение из-за таких пустяков. Но теперь, дочь, я вынужден попросить у тебя разрешения

удалиться.

На мгновение Дорилис замерла с открытым ртом: отец просил разрешения у *нее*! Впервые лорд Алдаран включил ее в формально-вежливое обращение, принятое среди взрослых. Но правила поведения, усвоенные от Маргали и Ренаты, быстро пришли на помощь. Она так глубоко присела в реверансе, что едва не опустилась на колени.

— Вы вольны приходить и уходить по своему усмотрению, сир, но прошу вас вернуться, когда вы освободитесь.

Дом Микел склонил голову.

— Разумеется, дочь моя. Еще раз примите мои извинения, леди, — добавил он, поклонившись Маргали и Ренате, и повернулся к Донелу: — Следуй за мной.

Когда они ушли, Дорилис попыталась возобновить пение, но приподнятое настроение ушло безвозвратно, и в итоге ей снова пришлось остановиться на полуслове. Эллерт вышел во двор, где собрался эскорт дипломатической миссии из Скатфелла. Он различал значки разных горных кланов. Изредка ему чудился блеск оружия, но картина переливалась и смещалась, как поверхность воды под солнцем, и, когда взгляд вновь

падал на то же место, он не находил там того, что видел секунду назад. Хастур знал, что *ларан* рисует события, которые могут никогда не произойти, и пытался нащупать среди них верный путь, заглянуть в будущее. Но он был слишком встревожен и воспринимал эмоции, окутывавшие людей Скатфелла подобно темному облаку.

Война? Здесь? Эллерта пронзила горечь при мысли о том, что мир, длившийся все лето, теперь уходит безвозвратно. «Как я мог сидеть без дела, когда мой народ воюет, а мой брат готовится к борьбе за корону? Разве я заслужил этот покой, когда даже моя любимая жена подвергается ужасам и опасностям». Он уединился в своей комнате и попытался успокоить себя неварсинскими дыхательными упражнениями, но никак не мог сосредоточиться. Видения войны, бурь и разрушений проплывали перед мысленным взором. Эллерт был рад, когда через некоторое время слуга пригласил его в приемный зал лорда Алдарана.

Он ожидал встретиться с посольством из Скатфелла, но в зале не было никого, кроме самого Алдарана, с мрачным видом сидевшего в своем высоком кресле, и Донела, нервно расхаживавшего взад-вперед. Увидев Эллерта, Донел бросил

на него быстрый взгляд, благодарный и умоляющий.

— Входи, родич, — пригласил *дом* Микел. — Ныне мы и впрямь нуждаемся в твоем совете. Не присядешь ли?

Эллерт предпочел бы стоять или двигаться, как Донел, однако сел на указанный лордом Алдараном стул. Старик уперся подбородком в ладонь и погрузился в глубокое раздумье.

— И ты тоже садись, Донел. Ты доводишь меня до белого каления, когда мечешься словно берсеркер!

Донел неохотно занял место рядом с Эллертом.

— Ракхел из Скатфелла — я не могу назвать его братом — прислал ко мне гонца с возмутительными требованиями, на которые следует дать надлежащий ответ. Он счел возможным безотлагательно требовать от меня — предпочтительно до середины зимы — руки моей дочери для одного из своих младших сыновей. Полагаю, я должен гордиться правом выбрать любого из этих несчастных ублюдков. Он предлагает провести процедуру формального усыновления, поскольку у меня нет законных сыновей, а также, как здесь сказано, «и не предвидится, ввиду твоих преклонных лет». — Алдаран поднес к

глазам лист бумаги, валявшийся рядом. — По его требованию я должен пригласить всех мужчин, чтобы засвидетельствовать объявление сына Скатфелла моим наследником, а затем — вы только послушайте, до чего доходит его дерзость! — «а затем ты можешь доживать остаток своих дней так, как того заслуживаешь».

Лорд Алдаран стиснул оскорбительное послание в кулаке, словно воображаемую шею своего брата.

— Скажи мне, родич, что я должен сделать с этим человеком?

Эллерт опешил. «Во имя богов! Чего он добивается, спрашивая моего совета? Неужели он всерьез полагает, что я способен дать ему дельный совет в таком вопросе?»

— Эллерт, ты учился в Неварсине, — уже тише, но с прежней настойчивостью продолжал Алдаран. — Ты знаешь нашу историю и законы. Скажи мне, родич, разве не существует способа удержать Скатфелла от захвата моего поместья, прежде чем мои кости упокоятся на кладбище?

— Мой лорд, я не представляю себе, как они могут принудить вас усыновить сына вашего брата. Но я также не знаю, каким образом вы можете помешать сыновьям лорда Скатфелла унаследовать

Алдаран после вашей кончины; в законах весьма туманно говорится о детях женского пола.

«А если бы и не так, то какая разница? — почти в отчаянии подумал он. — Разве Дорилис может стать настоящей правительницей?»

— Когда право наследования переходит к женщине, это обычно происходит в тех случаях, если все, кто имеет отношение к наследству, считают, что ее муж будет подходящим верховным лордом, — добавил Эллерт. — Никто не посмеет отрицать ваше право оставить Алдаран мужу Дорилис.

— И все же, — пробормотал Алдаран, разглаживая смятую бумагу узловатыми пальцами. — Смотрите: печати Сторна, Сэйн-Скарпа и даже лорда Дерриела! Все поналяпали сюда свои печати, словно для того, чтобы придать весомость этому… этому ультиматуму! Неудивительно, что лорд Сторн не ответил мне, когда я предложил заключить брак между Дорилис и его сыном. Они боятся связаться со мной, чтобы не отколоться от остальных. Сейчас я готов предложить руку Дорилис одному из Риденоу.

Помолчав, он провел ладонью по высокому лбу.

— Я поклялся сжечь замок Алдаран, если он

подпадет под власть моего брата. Помоги мне найти выход, Эллерт!

Первой мыслью Эллерта — потом он был рад, что упрятал ее поглубже, чтобы лорд Алдаран не смог прочесть ее, — было: «Дамон-Рафаэль совсем недавно овдовел». Но сама эта мысль наполнила разум яркими образами грядущих ужасов и несчастий. Юноша сосредоточенно нахмурился, стараясь не выдать волнения. Ему вспомнилось предсказание брата, послужившее причиной его поездки: «Я опасаюсь, что настанет день, когда весь наш мир от Делерета до Хеллеров склонится перед мощью Алдарана».

— Тысячу раз жаль, что ты уже женат, родич, — заметил *дом* Микел, неправильно истолковав его молчание. — Я с радостью предложил бы дочь тебе… Скажи мне, Эллерт, разве у меня нет никакой возможности объявить Донела моим наследником? Ведь именно он всегда был мне настоящим сыном, сыном моего сердца.

— Отец, — умоляюще произнес Донел. — Не надо ссориться из-за меня с родственниками. Зачем губить жизни и землю в бесполезной войне? Когда ты уйдешь к предкам — да будет этот день далек! — разве будет иметь значение, кому достанется Алдаран?

— Это имеет значение, — отрезал старик. Его лицо напоминало каменную маску. — Эллерт, неужели в законе не существует ни единой лазейки, чтобы я мог бы ввести Донела в права наследования?

Эллерт глубоко задумался, прежде чем ответить:

— Думаю, нет. Но эти законы кровного родства вовсе не так сильны, как кажется. Не более семи-восьми поколений назад вы, ваши братья и все ваши жены жили бы вместе, и старший среди вас или вождь выбирал бы на роль наследника того, кто показался бы ему наиболее способным и достойным, — не старшего сына, но лучшего среди лучших. Право первородства вместе с обязательным установлением отцовства утвердилось в горах в силу обычая, а не закона. Однако, мой лорд, если вы попросту объявите Донела своим наследником, разразится война. Все старшие сыновья поймут, что их положение под угрозой, и младшие братья станут главными их врагами.

— Насколько было бы проще, если бы Донел был сиротой или беспризорником, а не сыном моей любимой Алисианы! — с невыразимой горечью произнес лорд Алдаран. — Тогда бы я обручил его с Дорилис и был бы спокоен, зная, что моя дочь

и поместье находятся в руках человека, который сможет распорядиться ими наилучшим образом.

— Тем не менее это возможно, мой лорд, — возразил Эллерт. — Такая процедура называется юридической фикцией — как в том случае, когда леди Брюна Лейнье, сестра наследника, убитого в сражении, взяла беременную вдову брата под свою протекцию, прибегнув к праву свободного брака, чтобы женщину не могли принудить к замужеству, отняв тем самым все права у ее ребенка. Говорят, что она командовала и войском вместо погибшего брата.

Алдаран рассмеялся:

— Я считал эту историю выдумкой.

— Нет, — ответил Эллерт. — Это произошло на самом деле. Женщины жили вместе в течение двадцати лет, пока мальчик не достиг совершеннолетия и не смог заявить о своих правах. Возможно, это выглядит нелепо, но закон этого не запрещает. Во всяком случае, такой брак имеет юридический статус: единоутробные брат и сестра могут жениться по обоюдному согласию. Рената сказала мне, что Дорилис лучше всего вообще не иметь детей, а Донел может завести сына-*недестро*, который будет его наследником.

Эллерт думал о Ренате, но Микел Алдаран вне-

запно поднял голову быстрым, решительным движением.

— Вот ответ, Донел! Эллерт ошибся, повторяя слова Ренаты: Дорилис не может родить *дочь*, но без опаски может рожать сыновей. В ней течет кровь Алдаранов, и это означает, что ее сын от Донела будет полноправным наследником. Каждый, кто занимается разведением животных, знает, что лучший способ закрепить желаемую черту в линии потомства — соединить два близких генетических материала. Значит, Дорилис принесет своему брату того сына, которого Алисиана должна была родить мне! Рената позаботится о том, чтобы роды прошли нормально, а его *ларан* усилится вдвое по сравнению с прошлым поколением. В течение нескольких поколений придется тщательно следить за тем, чтобы не рождались дочери, но тем лучше: наша линия будет процветать!

Донел в несказанном ужасе уставился на приемного отца.

— Вы не можете говорить серьезно, сир!

— Почему же нет?

— Но Дорилис моя сестра… и она лишь маленькая девочка.

— Единоутробная сестра, — поправил Алда-

ран. — И не такая уж маленькая, как тебе кажется. Маргали сказала, что она станет девушкой уже нынешней зимой. Совсем немного времени остается до того, как мы объявим о рождении истинного наследника Алдаранов!

Донел был потрясен, Эллерт знал, что он думает о Ренате, но Микел Алдаранский слишком увлекся открывшейся перед ним перспективой, и его *ларан* блуждал вдали от мыслей приемного сына. Но когда Деллерей открыл рот, собираясь что-то сказать, Эллерт ясно увидел лицо старика, искаженное мукой… Он быстро схватил юношу за запястье, вталкивая образ сердечного приступа в сознание Донела. «Во имя всех богов, Донел, не ссорься с ним сейчас! Это убьет его!»

Донел сел, так и не сказав ни слова. Образ лорда Алдарана, сраженного собственным гневом, начал блекнуть и исчезать. Эллерт почувствовал облегчение, к которому, однако, примешивалось беспокойство.

«Я не Наблюдающий, но если он стоит на пороге смерти, то мы должны сказать об этом Ренате. Его нужно обследовать».

— Полно, полно, — мягко произнес лорд Алдаран. — Твои предрассудки просто смешны, сынок. Ты уже много лет знаешь, что Дорилис должна

выйти замуж, когда вырастет, и обвенчаться до своего совершеннолетия. Так разве не легче для нее выйти замуж за человека, которого она знает с малых лет и любит всем сердцем? Разве ты не будешь обходиться с ней ласковее, чем кто-либо другой? Ты должен жениться на Дорилис, а она родит тебе сына… По крайней мере, сейчас я не вижу иного выхода, — добавил он, немного нахмурившись.

Эллерт, тоже потрясенный услышанным, подумал, что будь лорд Алдаран помоложе, он мог бы всерьез рассматривать возможность самому жениться на Дорилис и родить наследника.

— А что касается этой бумажки, — *дом* Микел язвительно усмехнулся, снова скомкал письмо Скатфелла и швырнул его на пол, — пожалуй, мне следует подтереться ею и отослать в *таком* виде брату, показав, что я думаю о его ультиматуме. Кроме того, я собираюсь пригласить его на церемонию вашего бракосочетания.

— Нет, — прошептал Донел. — Отец, умоляю тебя!

— Ни слова больше, сын мой. Я принял решение.

Алдаран встал и обнял Донела.

— С тех пор, как Алисиана привела тебя под

мой кров, ты был моим сыном, а теперь станешь законным наследником. Неужели ты лишишь меня этой радости, мой дорогой мальчик?

Донел беспомощно опустил голову, не в силах выразить протест. Как он мог в такой момент одним словом перечеркнуть все планы и надежды приемного отца?

— Позовите моего секретаря, — распорядился лорд Алдаран. — Я с большим удовольствием продиктую письмо лорду Скатфеллу, приглашая его на бракосочетание моей дочери с моим названым сыном.

Донел сделал последнюю отчаянную попытку изменить положение.

— Отец, ты понимаешь, что это будет равносильно объявлению войны? Они двинут на нас все свои силы.

Алдаран жестом указал на окно. Низкое серое небо едва проглядывало из-за белых хлопьев — первый снегопад этой осенью.

— Сейчас они не придут, — ответил он. — Скоро наступит зима. Они не придут до весенних оттепелей, а тогда…

Он откинул голову и расхохотался. От этого смеха, напомнившего ему хриплый клекот стервятника, по спине Эллерта пробежал холодок.

— Тогда пускай приходят! — закончил лорд Алдаран. — Пусть приходят, когда захотят. Мы будем готовы встретить их!

21

— Но на свете действительно нет женщины, на которой я мог бы жениться, кроме тебя, любимая, — сказал Донел.

До тех пор пока Рената не вошла в его жизнь, он и помыслить не мог, что у него появится возможность выбора в этом вопросе. Да он и не особенно хотел выбирать, надеясь лишь, что его будущая супруга окажется здоровой и не уродливой. Он полностью доверял приемному отцу…

Рената, читавшая эти мысли Довела, мешавшиеся с почти неосознанным сетованием на судьбу, нежно взяла его за руку.

— Это я виновата, любимый. Я должна была сразу же выйти за тебя замуж.

— Никто не ищет виноватых, карья миа. Но что нам теперь делать? Приемный отец стар, и неосторожные слова могли бы послужить причиной его смерти, если бы Эллерт вовремя не остановил меня. Да простят меня боги, Рената, я не могу отделаться от мысли… если он умрет, то я буду свободен в выборе невесты.

Донел закрыл лицо ладонями. Рената знала,

что своим теперешним состоянием он всецело обязан ей. Именно она подбивала противостоять воле приемного отца.

— Донел, любимый, ты должен делать то, что считаешь правильным. — Девушка прилагала значительные усилия, чтобы сохранять спокойствие. — Я не буду настаивать. Если ты считаешь неправильным прекословить приемному отцу, ты должен подчиниться ему.

Деллерей поднял голову. В глазах стояли слезы.

— Во имя милосердных богов, Рената, как я могу послушаться его? Ты думаешь, мне *хочется* жениться на своей сестре?

— Даже если ты получишь в приданое весь Алдаран? — спросила она. — Только не говори мне, что у тебя нет ни малейшего желания унаследовать Домен.

— Если бы я мог сделать это по закону! Но не так, Рената, только не так! Я был готов пойти наперекор его воле, но не мог возразить ему, ибо это убило бы его, как опасался Эллерт. Но самое худшее… потерять тебя…

Рената порывисто сжала его руки.

— Нет, любовь моя. Я не оставлю тебя, обещаю! Я имела в виду другое. Если тебя вынудят к этому

браку, он может превратиться в юридическую фикцию, как хочет лорд Алдаран; вернее, сначала хотел.

Донел с трудом сглотнул:

— Как я могу просить тебя об этом? Благородная женщина не может стать барраганьей, но я никогда не смогу предложить тебе катены и почет законной супруги. Моя мать была барраганьей. Я знаю, во что может превратиться жизнь наших детей. Меня ежедневно дразнили, называли ублюдком, шлюхиным отродьем и прочими еще менее приятными для слуха кличками. Разве я вправе обречь своих детей на такую участь? Милосердная Эванда, было время, когда я ненавидел мать за все эти унижения!

— Я предпочту стать твоей барраганьей, чем надену катены для другого, Донел.

Он знал, что Рената говорит правду, но замешательство и сдерживаемое негодование выплеснулись во внезапном резком выпаде:

— В самом деле? Ты хочешь сказать, что лучше стать барраганьей лорда Алдарана, чем женой бедного фермера из Хай-Крэг?

Рената в страхе посмотрела на него: «Мы уже начинаем ссориться из-за этого!»

— Ты не понял меня, Донел. Лучше я буду твоей

женой или барраганьей, чем выйду замуж за человека, которого выберет мой отец без моего согласия, будь он хоть принцем Феликсом, восседающим на троне в Тендаре. Конечно, отец рассердится, когда услышит, что я открыто живу на правах барраганьи, но это будет означать, что он не сможет отдать меня другому мужчине и я окажусь недосягаемой для его гнева… или для его честолюбия.

Донел чувствовал себя виноватым. Он знал, что не может воспротивиться воле приемного отца, как Рената. А ведь ей даже некуда идти! Сумеет ли он проявить такую же отвагу и настоять на немедленном браке с Ренатой, даже если лорд Алдаран лишит его наследства и выгонит вон?

«Нет. Я не могу ссориться с ним. Дело не только во мне; я не могу оставить его на растерзанье Скатфеллу и другим горным лордам, готовым наброситься на него, едва почуют его беспомощность». Старику не на кого было опереться. Как он может бросить его? Однако честь и совесть требовали от Донела именно этого.

Юноша закрыл лицо руками:

— Я разрываюсь на части, Рената, разрываюсь между верностью тебе и долгом перед отцом. Не потому ли все браки устраиваются старшими —

чтобы не возникали такие ужасные конфликты между семьей и любимой?

Эллерт тоже был сильно обеспокоен. Он без устали расхаживал по комнате, словно терзания Донела доносились до него через толщу стен замка Алдаран.

«Мне следовало позволить Донелу говорить. Если бы потрясение от понимания того, что он не всегда может настоять на своем, убило бы *дома* Микела, тогда у нас появился бы способ избавляться от тиранов, навязывающих свою волю людям, невзирая на их чувства и желания». Ярость и возмущение, годами накапливавшиеся в Эллерте против отца, были готовы выплеснуться на лорда Алдарана.

«Ради этой проклятой генетической программы он готов поломать жизнь Донелу и Дорилис, не говоря уже о Ренате. Есть ли ему дело хоть до чего-то, кроме законного наследника крови Алдаранов?»

Затем, с некоторым запозданием, Эллерт взглянул на происходящее с другой стороны. «Нет, не только *дом* Микел виноват во всем, — подумал он. — Донел тоже виноват, ведь он не отправился к приемному отцу, когда они с Ренатой полюбили друг друга, и не попросил у него разрешения на

брак. И я виноват, раз выполнил просьбу найти какую-нибудь юридическую лазейку для Довела. Именно я натолкнул лорда Алдарана на мысль, что Донел и Дорилис могут пожениться, даже если брак будет фиктивным. А потом мой чертов ларан заставил меня удержать Довела! Я снова испугался события, которого могло и не произойти! Мой *ларан* навлек на нас это несчастье. Теперь я обязан наконец овладеть им и узнать, что случится на самом деле, отбросив все лишнее».

Эллерт слишком долго отказывался от своего дара. В последние месяцы он тратил большое количество энергии, стараясь не видеть *ничего*, жить одной минутой, как жили другие, не позволяя себе отвлекаться на изменчивые и соблазнительные возможности многочисленных вариантов будущего. Необходимость открыть разум страшила его. Однако он должен был это сделать.

Хастур закрыл дверь от непрошеных гостей и начал готовиться, призвав на помощь всю свою выдержку. Наконец он вытянулся на каменном полу, закрыл глаза и начал проделывать неварсинские дыхательные упражнения. Борясь с подступающей паникой — этого делать нельзя, он семь лет учился *не* делать этого! — опустил

защитные барьеры и потянулся *лараном* вовне.

На мгновение на него обрушилось прошлое и настоящее, все деяния предков, свершившиеся к этому моменту. Эллерт видел женщину, гулявшую у побережья Хали, — женщину несравненной красоты с мерцающими серыми глазами и серебристыми волосами чири; он уловил воспоминания о лесах и горных пиках; видел другие звезды и планеты, видел мир с желтым солнцем и единственной бледной луной в небе; смотрел в черную ночь космоса; умирал в снегу, в огне, в безвоздушном пространстве, тысячекратно претерпевая муки агонии; сражался и погибал на бранном поле; видел себя скорчившимся в позе зародыша, наглухо отгородившимся от внешнего мира, как едва не произошло на четырнадцатом году его жизни. За один потрясающий миг он прожил миллионы жизней. Эллерт чувствовал, как тело содрогается в корчах ужаса, умирает… услышал свой дикий крик и понял, что сошел с ума и никогда не вернется обратно… Потом слабо боролся, пытаясь захлопнуть открытые им ворота и понимая, что уже слишком поздно…

И вдруг снова стал Эллертом Хастуром. Жил лишь единственной, *теперешней* жизнью — другие навсегда остались в прошлом или затерялись

в дымке будущего. Но в этой жизни (какой скудной она казалась после столетий прошлого и будущего!) все еще имелись бесконечные возможности, накладывавшиеся друг на друга. Каждым своим поступком Эллерт создавал одно будущее, а другое уничтожалось навеки. Он мог избрать путь силы и доблести, превзойти Дамона-Рафаэля во владении мечом, стать любимейшим сыном своего отца… Мог каким-то образом устроить так, чтобы Дамон-Рафаэль умер в детстве, и стать единственным наследником… Он мог навсегда остаться в мире и безопасности в стенах Неварсина, лишенный наследства… Он мог погрузиться в мир искушений, бесконечного наслаждения и плотских утех в объятиях ришья… Он мог собственными руками задушить отца, мстя за униженную гордость… Мало-помалу, пробираясь через многоплановое прошлое, Эллерт осознал неизбежность шагов, которые привели его к этому мгновению, к этому перекрестку.

Теперь он стоял у критической черты, куда привели его прошлые решения, вольные и невольные. Новый выбор должен быть сделан с полным пониманием того, к чему он может привести. Эллерт принял ответственность за все, что ему предстояло совершить, и начал осторожно

заглядывать вперед.

В сознании промелькнули слова Дорилис: «Это похоже на горный ручей. Если я набросаю в русло большие камни, вода будет огибать их. Она может зайти как с одной, так и с другой стороны, но я не могу заставить воду повернуть вспять…»

Его обостренное восприятие постепенно начало нащупывать границы будущего. Эллерт сразу же увидел перед собой возможности, которые Донел мог принять либо отвергнуть. Видел, как Донел забирает Ренату и тайком уезжает из Алдарана; видел, как Донел берет Дорилис в жены и заводит сыновей-недестро от Ренаты. Видел, что *дом* Эрленд Лейнье может объединить свои силы со Скатфеллами против Алдарана, требуя возмездия за оскорбление, нанесенное его роду. (Можно бы предупредить Ренату, но станет ли она обращать на это внимание?) Снова и снова перед мысленным взором Эллерта вставали армии Скатфелла, осаждавшие замок Алдаран, ожесточенная битва… Он видел и более отдаленные возможности. Лорд Алдаран мог действительно скончаться от сердечного приступа или на долгие месяцы впасть в бессознательное состояние, оставив Довела справляться с клубком проблем… мог выздороветь и отогнать Скатфелла превосходящей

мощью своих сил… мог каким-то загадочным образом примириться с братом… Эллерт видел Дорилис, умирающую от пороговой болезни в последнюю неделю зимы… видел ее умирающей при рождении ребенка, отцом которого был Донел, нарушивший свою клятву… видел ее живой и здоровой, подарившей Донелу сына, который унаследует лишь *ларан* рода Алдаранов и умрет в ранней юности от пороговой болезни…

Медленно, мучительно Эллерт заставлял себя искать верный путь в мешанине возможностей. «Я же не Бог! Как я могу узнать, какое будущее будет лучшим? Я могу лишь сказать, какое будет наименее мучительным для Донела и Ренаты, которых я люблю…»

Потом, против своей воли, юноша увидел собственное будущее. Он вернется к Кассандре… Или не вернется, а навсегда уединится в Неварсине или, подобно святому Валентину-в-Снегах, будет доживать свои дни в глухой пещере на склонах Хеллеров… Он воссоединится с Кассандрой в блаженном восторге… умрет от руки Дамона-Рафаэля, опасающегося предательства… Кассандра навсегда останется в Башне… Она умрет при родах… Или попадет в руки Дамона-Рафаэля, все еще сожалеющего о том, что отдал ее брату, а не

сделал своей *барраганьей* … Этот образ почему-то отвлек Эллерта от созерцания бесчисленных возможностей, и он более пристально вгляделся *туда*.

Жена Дамона-Рафаэля мертва, его единственный законный сын умирает прежде, чем его успевают отнять от груди. Эллерт не мог знать наверняка; им управляло предвидение, игра *ларана*. Но было ли это правдой или лишь страхом, порожденным его сознанием, тревогой за Кассандру и бесстыдными высказываниями Дамона-Рафаэля? Внезапно он вспомнил слова отца, сказанные по дороге из Неварсина, когда зашел разговор о браке с Кассандрой: «Ты женишься на женщине из клана Эйлардов, чьи гены специально изменены таким образом, чтобы контролировать твой *ларан* …» Эллерт тогда не слушал его. Он прислушивался лишь к голосу собственного страха. Но Дамон-Рафаэль знал. Это мог быть не первый случай, когда верховный лорд Домена, честолюбивый и могущественный, заберет себе жену своего младшего брата… или его вдову. «Если я вернусь за Кассандрой, Дамон-Рафаэль убьет меня. — С мучительной тоской в сердце Эллерт размышлял, как можно избежать этой участи. — Я вернусь в монастырь, принесу

последние обеты и больше никогда не увижу Элхалин. Тогда Дамон-Рафаэль возьмет Кассандру в жены и выхватит корону из слабых рук молодого принца-эммаска. Кассандра будет оплакивать меня, но, когда она станет королевой, все забудется… А Дамон-Рафаэль, удовлетворив амбиции, наконец успокоится».

Ужас леденящей волной окатил Эллерта, когда он увидел, каким королем будет его брат. Наступит тирания. Риденоу будут стерты с лица земли, а женщины Серраиса будут рассматриваться лишь как генетический материал для Элхалинов. Хастуры из Хали и Валерона сольются с Элхалинами, и возникнет такой мощный альянс, что Домены превратятся в вассалов Хастура из Элхалина, правящего в Тендаре. Жадные руки Дамона-Рафаэля протянутся далеко, прибирая все известные земли от Далерета до Хеллеров — и все это будет делаться якобы во имя мира и спокойствия… под пятой Дамона-Рафаэля.

«Бесплодие, слабость, упадок, вторжение варваров из степных земель… Бойни, грабежи, насилие, смерть…

Я не хочу короны, однако никто из живущих не сможет править этой страной хуже моего брата…»

Мощным усилием воли Эллерт прервал поток образов. Теперь он впервые мог серьезно подумать о Кассандре. Как небрежно он отступил в сторону, оставив ее на поживу Дамону-Рафаэлю! Стань она даже королевой — ни одна женщина не сможет стать для его брата чем-то большим, чем игрушкой или пешкой в честолюбивой игре. Дамон-Рафаэль обрек Кассильду на смерть. Ее участь волновала его лишь до тех пор, пока она не принесла ему законного сына. Он не замедлит обойтись с Кассандрой таким же образом.

Какая-то часть существа Эллерта, которую он до сих пор старательно подавлял и отодвигал на задний план, внезапно всколыхнулась: *«Нет! Он не получит ее!»*

Если бы Кассандра хотела стать женой Дамона-Рафаэля, если бы жаждала стать королевой, тогда, пусть и с сожалением, Эллерт мог бы отступить. Но он слишком хорошо знал ее. Защищать Кассандру от чужих посягательств, хотя бы перед всем миром, было его неоспоримым правом.

«Уже сейчас брат, вероятно, тянет к ней свои похотливые лапы…»

Эллерт мог заглянуть во всевозможные образы будущего, но он не мог видеть того, что на самом деле происходило сейчас на большом расстоянии

— во всяком случае, без помощи матрикса. Медленно, потягивая затекшие мышцы, он встал и огляделся. Ночь уже миновала, снегопад закончился. Над Хеллерами разгорался пурпурный рассвет, и за окном виднелись величественные заснеженные пики Хеллеров. Еще в Неварсине Эллерт научился угадывать погоду в горах. Сейчас он знал, что в ближайшие сутки небо будет ясным.

Положив матрикс на ладонь, Эллерт сфокусировал свою мысленную энергию, многократно умноженную силой самоцвета, чтобы покрыть огромное расстояние, лежавшее между ним и объектом его поисков. Что творится в Элхалине? Что происходит в Тендаре?

Мало-помалу, приближаясь так, словно он смотрел в подзорную трубу с другого конца, начала формироваться крошечная, но яркая картинка, выраставшая из непроглядной темноты.

Вдоль берегов Хали, где нескончаемые туманные волны веками набегали на песок и откатывались обратно, медленно двигалась похоронная процессия с траурными флагами. Старый король Регис приближался к месту своего последнего упокоения у озера, чтобы лечь, как того требовал обычай, в просторной гробнице рядом с другими

королями и правителями Доменов. В этой процессии перед глазами Эллерта длинной чередой проплывали лица, но лишь два из них произвели на него впечатление. Первым было узкое бледное лицо принца Феликса, печальное и омраченное смутным страхом. Глядя на хищные физиономии придворных из его свиты, Эллерт понимал, что осталось уже немного времени до того момента, когда принц Феликс будет раздет донага, подвергнут принудительному обследованию и вынужден вручить корону тому, кто сможет передать по наследству свою кровь и гены, драгоценный *ларан*. Вторым было лицо Дамона-Рафаэля из Элхалина, следующего наследника трона Тендары. Словно предвкушая свое торжество, Дамон-Рафаэль ехал с жестокой улыбкой на суровом лице. Картинка расплылась перед глазами Эллерта, будущее наложилось на настоящее, и он увидел Дамона-Рафаэля коронованным в Тендаре. Рядом с ним стояла Кассандра в королевской мантии, увешанная драгоценностями, и могущественные лорды Валерона, сплоченные близким родством с новым повелителем.

Война, упадок, разруха, хаос… Эллерт внезапно понял, что стоит на перекрестке событий, каждое из которых могло навеки изменить будущее

Дарковера.

«Я не желаю зла своему брату, но не могу позволить ему обратить наш мир в руины. Любое путешествие начинается с первого шага. Я не могу помешать Дамону-Рафаэлю стать королем, но он не укрепит союза с Эйлардами, сделав мою жену своей королевой».

Эллерт отложил матрикс и вызвал слуг. Он ел и пил, не чувствуя вкуса, укрепляя силы перед тяжелым днем. Покончив с завтраком, юноша пошел к лорду Алдарану. *Дом* Микел находился в прекрасном расположении духа.

— Я отправил письмо своему брату в Скатфелл, пригласив его на свадьбу своей дочери и моего возлюбленного приемного сына, — сообщил он. — Это настоящее озарение свыше! Никакому другому мужчине я не вручил бы с такой радостью жизнь своей дочери. С ним она будет в безопасности до конца своих дней. Сегодня я открою ей свои намерения. Думаю, она тоже будет благодарна за то, что ей не придется попасть в руки незнакомого человека… Именно ты, друг мой, подсказал мне это великолепное решение. Хотелось бы мне когда-нибудь отплатить тебе равной услугой!

— В сущности, *дом* Микел, я в самом деле хотел

попросить вас об одной услуге, — осторожно сказал Эллерт.

— Я с радостью дам тебе все, что ты пожелаешь, кузен.

— Я хочу послать за моей женой, которая живет в Башне Хали. Вы примете ее на правах гостьи?

— Охотно, — ответил *дом* Микел. — Если хочешь, я вышлю для эскорта собственную охрану. Но путешествие в это время года может оказаться опасным. От нас до Нижних Земель десять дней пути, и уже начинается сезон зимних бурь. Впрочем, ты можешь сэкономить время, если отправишься в Башню Трамонтана и передашь по связи, чтобы она немедленно отправлялась сюда. Я вышлю людей, которые встретят ее в пути и со всеми почестями препроводят в замок Алдаран. Надеюсь, в Элхалине она сможет взять небольшой кортеж для охраны?

Лицо Эллерта помрачнело.

— Я не хочу вверять ее милосердию брата. Более того, мне не хотелось бы, чтобы о ее отъезде стало известно за пределами Башни.

Дом Микел взглянул на него:

— Вот как? В таком случае предлагаю тебе немедленно отправиться с Донелом в Трамонтану и постараться убедить их доставить ее сюда

мгновенно, через ретрансляционную систему. В наши дни это делается редко: затраты энергии превосходят всякое разумение. Но если положение действительно отчаянное…

— Я не думал, что такое возможно! — изумленно воскликнул Эллерт.

— О да, возможно. Оборудование по-прежнему находится в Башне. Возможно, с твоей помощью они поддадутся на уговоры. Я предложил бы тебе ехать верхом, а не лететь на планере; сейчас уже не сезон для полетов… однако поговори с Донелом. Он знает все что можно о полетах в Хеллерах в любое время года.

Лорд Алдаран встал и вежливо попрощался с молодым человеком.

— Мне доставит большое удовольствие принять твою жену в своем доме, родич, — сказал он напоследок. — Она будет почетной гостьей на свадьбе моей дочери.

— Разумеется, мы сможем полететь туда, — сказал Донел, взглянув на небо. — До ближайшего снегопада не меньше суток; правда, мы никак не сможем вернуться в день вылета. Если там предстоит большая работа по переброске энергии, то ты сильно устанешь, как и твоя леди. Вот что я предлагаю: мы срочно вылетаем в Трамонтану,

но перед этим я распоряжусь отправить вслед за нами отряд с припасами, палатками и вьючными животными, который прибудет в Башню послезавтра. Обратно мы поедем верхом, со всеми удобствами.

Через час они собрались в путь. Эллерт не стал упоминать о предстоящей свадьбе Довела, опасаясь задеть больное место, но юноша сам заговорил об этом:

— Церемония отложена по меньшей мере до середины зимы. Рената обследовала Дорилис и утверждает, что она повзрослеет не раньше этого срока. Кроме того, сестре так не везло с прежними помолвками, что отец не торопится назначать окончательный срок.

— Ей уже сказали?

— Да, отец говорил с ней, — с видимой неохотой ответил Донел. — Она еще дитя, Эллерт, и не имеет ни малейшего представления о том, что на самом деле означает брак между мужчиной и женщиной.

Эллерт был не так уверен в этом, но, в конце концов, дело касалось Донела и Ренаты, а не его самого. Донел повернулся, наклонил крылья планера, чтобы поймать ветер, и взмыл вверх, подхваченный длинным восходящим потоком.

Как только Эллерт оказался в воздухе, земные заботы, как всегда, забылись. Он всецело отдался восторгу полета, бездумно мчась, охваченный каким-то сумрачным экстазом. Когда вдали показалась Башня Трамонтана, он почти сожалел о том, что полет подходит к концу… почти, но не совсем. Отсюда начинался путь к воссоединению с Кассандрой.

Эллерт думал об этом, когда расстегивал летное снаряжение и отдавал планер подоспевшему на помощь Эрци. Возможно, ему следовало вернуться в Хали и встретиться лицом к лицу с братом, вместо того чтобы тайком, почти трусливо, переводить Кассандру в безопасное место. Но нет, это было невозможно. Знание, приобретенное им прошлой ночью в замке Алдаран, подсказывало: если он появится там, куда могут дотянуться руки Дамона-Рафаэля, его жизнь не будет стоить и ломаного гроша.

Хастура переполняла горечь: «Как мы с братом могли дойти до этого?» Однако вскоре ему пришлось забыть о своих переживаниях — предстояло изложить свою просьбу Хранителю Башни Трамонтана.

Выслушав его, Ян-Микел нахмурился, и Эллерту на мгновение показалось, что сейчас он услышит

категорический отказ.

— Силы для этого у нас есть, — сказал Ян-Микел. — Во всяком случае, их можно накопить. Однако мне совсем не хочется вовлекать Трамонтану в политические интриги Нижних Земель. Эллерт, ты вполне уверен, что твоей жене угрожает опасность?

Открыв свой разум, Эллерт обнаружил там лишь твердую уверенность в том, что Дамон-Рафаэль не замедлит перехватить Кассандру по пути и сделать ее своей пленницей так же, как он когда-то поступил с Донелом. Донел, стоявший рядом и читавший его мысли, вспыхнул от возмущения.

— *Этого* я еще не знал, — процедил он сквозь зубы. — Лорду Элхалину повезло, но второй такой удачи ему не выпадет!

Ян-Микел вздохнул:

— Мы живем в мире со всеми. Мы не изготовляем оружия и не принимаем участия в войнах. Но ты один из нас, Эллерт. Мы обязаны оберегать твою леди, а подобное злодейство находится за пределами моего понимания. Я тоже воспитывался в Неварсине и скорее лег бы в постель с трупом кралмака, чем с женщиной, которой я противен. Но твой брат имеет репутацию человека без-

жалостного, честолюбивого сверх всякой меры. Пойдем, Эллерт. Свяжись с Кассандрой и поговори с ней. А я тем временем соберу большой круг.

Эллерт занял место в матриксном зале и успокоился перед работой. Через несколько минут он вошел в транс, погрузившись в темноту, и принялся нащупывать паутину электрических энергий. Мимо него проносились сообщения, передаваемые от Башни к Башне. Затем неожиданно ощутил знакомое прикосновение к разуму. Он и не надеялся на такую удачу: Кассандра была на связи в Башне Хали!

«Эллерт? Это ты, любимый?»

Восторг и изумление, радость, граничащая со слезами… «Ты в Трамонтане? Ты знаешь, что у нас траур по королю Регису?»

Эллерт знал. Он своими глазами видел похоронную процессию, хотя никто в Башне еще не сообщил ему последние новости.

«Эллерт, позволь мне сказать несколько слов, прежде чем ты объяснишь, что привело тебя в Трамонтану. Я… я не хочу тревожить тебя, но я боюсь твоего брата. Недавно он нанес мне визит вежливости и сказал, что близким родственникам не подобает забывать друг друга. Когда я выразила свои соболезнования в связи со смер-

тью Кассильды и его маленького сына, он лишь улыбнулся и заметил, что в былые времена братья делились своими женами, и очень странно посмотрел на меня. Я спросила, что он имеет в виду. Он ответил, что скоро сама это пойму, но я не смогла прочитать его мысли…»

До этого мгновения Эллерт надеялся, что его мучила лишь фантазия, рожденная страхом. Теперь он знал, что предвидение было верным.

«Ради этого я и прибыл в Трамонтану, любимая. Ты должна покинуть Хали и встретиться со мной здесь, в горах».

«Ехать в Хеллеры в это время года?»

Он чувствовал беспокойство и неуверенность жены. Сам Эллерт, долго живший в горах, не испытывал страха перед зимней непогодой, но понимал чувства Кассандры.

«Нет, — ответил он. — Уже сейчас собирается матриксный круг, чтобы перенести тебя сюда через экраны. Ты не боишься этого, правда, любимая?»

«Нет…» — но далекий отклик прозвучал неуверенно.

«Это не займет много времени. А сейчас попроси наших собрать свой круг».

Ян-Микел, переодевшийся в алый балахон Хра-

нителя, вошел в матриксный зал. За его спиной Эллерт видел юную Розауру, с которой встречался в прошлый раз, и полдюжины других людей. Наблюдающая в белом одеянии настраивала демпферы так, чтобы скомпенсировать появление нового человека, и устанавливала силовой занавес, не позволявший никому постороннему телом или разумом проникнуть в пространство, где совершается перенос. Затем Эллерт ощутил знакомое мысленное прикосновение, похожее на щекотку изнутри, и понял, что подвергается обследованию перед допуском в матриксный круг. Он был благодарен этим людям, хотя и не знал, как выразить свою благодарность. Они согласились принять его в свой близкий, почти интимный круг, где каждый знал друг друга лучше, чем родного брата или сестру. Однако Эллерт не был совсем посторонним. Он не раз соприкасался с ними разумами, когда выходил на связь в Башне Хали. Эта мысль почему-то придавала ему сил.

«Я потерял брата. Однако я не останусь в одиночестве, работая в матриксном круге, соприкасаясь мыслями с друзьями, рассеянными по всей земле. У меня есть братья и сестры в Хали и Трамонтане, в Арилинне и Далерете, во все Башнях… Мы с

Дамоном-Рафаэлем никогда не были по-настоящему братьями».

Ян-Микел собирал круг, жестом предлагая каждому занять свое место. Эллерт насчитал девять человек вместе с собой. Он уселся в кругу соединенных тел, ни к кому не прикасаясь, но достаточно близко, чтобы ощущать электрические поля соседей. Он видел водовороты энергии в силовых оболочках — такими предстали перед его мысленным взором другие члены крута. Вокруг Яна-Микела начал накапливаться силовой потенциал. Хранитель принимал мощный поток энергии из соединенных матриксов и направлял его в силовой конус, падающий на экран перед ним. До сих пор Эллерту приходилось работать лишь с Корином в качестве Хранителя. Прикосновение Корина было легким, почти неощутимым. Ян-Микел, напротив, как будто железной рукой ухватил его сознание, намертво припечатав к месту. Однако в этой силе не было злого умысла. Это было просто его манерой работы: каждый Хранитель пользовался своими пси-способностями особенным, одному ему присущим образом.

Замкнувшись в кольце разумов, индивидуальные мысли стерлись, уступая место осознанию сконцентрированной, объединенной *цели*.

Эллерт чувствовал, как в матриксном экране накапливается гудящая сила, невообразимая звенящая тишина. Смутно, через огромное расстояние, Хастур прикоснулся к другим знакомым разумам: Корин — быстрое рукопожатие; Ариэлла — легкое дуновение ветерка; Кассандра… Они были *там* и одновременно *здесь*. В следующее мгновение он ослеп и оглох от чудовищной перегрузки. В ноздри ударил запах озона. Энергия вырвалась на свободу как молния, грянувшая с ясного неба.

Круг разом распался. Они снова стали отдельными людьми, и Кассандра, бледная и ошеломленная, стояла на коленях перед ними на каменном полу.

Она пошатнулась, едва не упав, но Розаура подоспела на помощь и удержала ее. В следующую секунду Эллерт сжал жену в объятиях. Кассандра с ужасом и изумлением посмотрела на него.

— Ты устала, как после десятидневного перехода, — со слабой усмешкой заметил Ян-Микел. — Как бы ни происходило перемещение, в любом случае расходуется определенное количество энергии. Пойдем, нам нужно поесть и восстановить силы. А потом поделишься с нами последними новостями из Хали, если захочешь.

У Эллерта кружилась голова от голода, вызванного потерей энергии. Лишь съев большое количество сластей и сухофруктов, хранившихся в матриксном зале, он немного пришел в себя. Ему не хватало технического образования, чтобы понять процесс, посредством которого Кассандра мгновенно переместилась в пространстве, но она была рядом. Ее рука крепко сжимала его руку, и этого было достаточно.

Наблюдающая подошла к ним и мягко, но властно попросила подвергнуться тщательному обследованию. Они не стали возражать.

Пока все утоляли голод, Кассандра делилась новостями из Хали. Смерть и похороны старого короля; объявление о созыве Совета для проверки легитимности принца Феликса, еще некоронованного и, возможно, потерявшего все надежды на корону; волнения в Тендаре среди придворных, поддерживавших кроткого юного принца… Возобновилось перемирие между Хастурами и Риденоу, но работников матриксного круга из Башни Хали заставили использовать передышку для изготовления новых запасов клингфайра. Кассандра показала Эллерту характерный ожог на руке.

Эллерт слушал рассказ с изумлением и каким-

то тревожным восторгом. Перед ним была его жена, но у него возникло чувство, что он видит эту женщину впервые. Когда они расстались, Кассандра все еще не оправилась от вспышки самоубийственного отчаяния. С тех пор не прошло и полугода, но она, казалось, повзрослела на несколько лет. Даже голос и жесты стали более решительными. Это была уже не робкая девушка, но женщина — сдержанная, спокойная, уверенная в себе, обсуждавшая профессиональные проблемы с другими Наблюдающими.

«Что я могу дать такой женщине? — подумал Эллерт. — Она цеплялась за меня, потому что я был сильнее, а она нуждалась в моей силе. Но теперь, когда она больше не нуждается во мне, будет ли она любить меня?»

— Пошли, кузина, — сказала Розаура. — Я подышу тебе новую одежду; ты не можешь путешествовать в том, что носишь сейчас.

Кассандра улыбнулась, взглянув на свободную белую робу Наблюдающей.

— Спасибо, Розаура. Я так торопилась с отъездом, что не успела собрать свои пожитки.

— Я дам тебе одежду для верховой езды и пару смен нижнего белья, — предложила Розаура. — Наши размеры почти совпадают, а уж в замке

Алдаран тебе смогут подобрать подобающий гардероб.

— Я поеду с тобой в Алдаран, Эллерт?

— Лишь в том случае, если ты не решишь остаться здесь, с нами, — вкрадчиво произнес Ян-Микел. — Нам нужны компетентные техники и Наблюдающие.

В жесте Кассандры, сжавшей руку Эллерта, было что-то от той робкой девушки, которую он знал раньше.

— Благодарю тебя, родич, но я поеду с мужем.

Было уже за полночь, и метель яростно бушевала за высокими окнами. Розаура проводила супругов в подготовленную для них комнату на нижнем этаже.

«Что я могу дать такой женщине? — снова подумал Эллерт, когда они остались вдвоем. — Она больше не нуждается в моей силе и помощи».

Но когда он повернулся к Кассандре, защитные барьеры начали рушиться. Их разумы слились воедино еще до того, как Эллерт успел прикоснуться к ней и понял, что между ними все осталось по-прежнему.

Когда за окнами забрезжил серый рассвет, их разбудил внезапный стук в дверь. Звук был не очень громким, но волнение стучавшего переда-

лось Эллерту. Он резко сел на постели и огляделся, пытаясь определить причину неожиданного беспокойства. Кассандра тоже проснулась и испуганно смотрела на него. Ее лицо в тусклом свете приобрело пепельно-серый оттенок.

— Что такое? Что случилось?

— Дамон-Рафаэль, — ответил Эллерт. В следующее мгновение он осознал, что это безумие. Дамон-Рафаэль находился в десяти днях пути отсюда, — и, даже будь он у входа в Башню Хали, он никак не мог проникнуть сюда. Однако увидев за дверью бледное, испуганное лицо Розауры, Эллерт испытал непонятное облегчение. Неужели он *действительно* ожидал увидеть своего брата, изготовившегося для поединка или убийства?

— Извиняюсь за беспокойство, — сказала Розаура. — Но Корин из Хали вышел на связь. Ему нужно срочно поговорить с тобой, Эллерт.

— В этот час? — Эллерт спросил себя, кто из них сошел с ума: рассвет еще лишь начинал окрашивать розовым горизонт. Тем не менее он торопливо оделся и поднялся в матриксный зал. На связи сидел молодой техник, незнакомый ему.

— Ты Эллерт Хастур из Элхалина? Корин из Хали настоятельно просил разбудить тебя.

Эллерт занял свое место в круге связи, настроился и вскоре ощутил легкое прикосновение Корина к своему разуму.

«Корин? В такой час? Что случилось в Хали?»

«Мне это нравится не больше, чем тебе. Пару часов назад Дамон-Рафаэль, лорд Элхалин, явился в Башню, требуя отдать ему твою жену как заложницу на случай твоего предательства. Я не знал, что в вашем роду есть безумные, Эллерт!»

«Это частица нашего *ларана* и моего собственного предвидения, — отозвался Эллерт. — Ты сказал ему, что Кассандра здесь?»

«У меня не было выбора. Теперь он требует, чтобы мы обрушили на Башню Трамонтана всю нашу мощь, если они не согласятся тотчас же отослать ее обратно… а лучше и тебя вместе с ней».

Эллерта охватило отчаяние. *Леронi* башни Хали по закону и обычаю были обязаны действовать согласно приказу лорда Элхалина. Они могли поразить Трамонтану психическими молниями, умертвив или лишив разума ее обитателей. Неужели он принес смерть и страдания своим друзьям, вернувшим ему Кассандру? Как он смел впутать их в свои семейные дрязги? Впрочем, было уже слишком поздно для сожалений.

«Разумеется, мы отказались, — пришла мысль

Корина. — Он дал нам сутки на размышление. Когда он явится снова, мы должны сообщить ему — причем таким способом, который удовлетворит его *лерони*, — что вас обоих уже нет в Трамонтане и, следовательно, атака не имеет смысла».

«Можешь быть совершенно уверен, мы покинем Трамонтану еще до рассвета», — заверил его Эллерт и тут же разорвал контакт.

22

На рассвете они отправились в путь пешком. В Трамонтане не было верховых животных, а эскорт из Алдарана выехал лишь вчера, после отлета Допела и Эллерта. Замок и Башню связывала только одна дорога, и где-то в пути они должны были повстречаться с посланцами Алдарана.

Важно было как можно скорее покинуть Трамонтану, чтобы отказ Корина нанести удар по другой Башне оказался полностью оправданным. «Мы не можем навлечь беду на наших братьев и сестер в Трамонтане. Тем более сейчас, когда они поставили себя под удар ради нашего блага».

Кассандра молча поглядывала на мужа, когда они спускались по крутой тропке. Она снова показалась Эллерту беззащитной и уязвимой. Он вновь отвечал за нее, и эта мысль наполняла его гордостью.

— Благодарение богам за прекрасную погоду, — сказал Донел. — Увы, мы плохо экипированы для длительного путешествия в горах. Но отряд из Алдарана везет с собой палатки, провизию и одеяла. Когда мы встретимся с ними, то в слу-

чае необходимости сможем на несколько дней встать лагерем в какой-нибудь лощине. — Он оценивающе взглянул на небо. — Но по-моему, в ближайшее время погода вряд ли испортится. Если мы встретимся с ними во второй половине дня (а скорее всего так оно и будет), то попадем в Алдаран завтра к вечеру.

Пока он говорил, по спине Эллерта внезапно пробежал холодок. На какой-то момент ему показалось, будто он пробивается вперед через густой снегопад, борется с воющим ветром и Кассандры больше нет рядом… Нет! Видение исчезло. По-видимому, слова Донела пробудили в нем страх перед одним из маловероятных вариантов будущего, который никогда не воплотится в действительности. Когда над дальними пиками в пурпурной мантии облаков поднялось солнце, он откинул капюшон дорожного плаща, взятого взаймы у Яна-Микела. Хастур не мог лететь на планере в тяжелой верхней одежде, а теплые вещи выехали вместе с эскортом из Алдарана — ведь предполагалось, что ближайшие сутки они проведут в тепле и уюте Трамонтаны. На Донеле тоже был дорожный плащ с чужого плеча. Хотя погода казалась неправдоподобно хорошей для этого времени года, никто не осмеливался

путешествовать поздней осенью в Хеллерах без теплой одежды. Плащ Кассандры, одолженный у Розауры, был слишком коротким для нее, а юбка обнажала колени немного выше, чем того требовали приличия. Но Кассандра обратила это в шутку.

— Тем лучше для ходьбы по крутым тропам! — Она сняла ярко-зеленый дорожный плащ Розауры, сложила его и беззаботно сунула под мышку. — Сейчас слишком жарко. Когда идешь налегке, устаешь меньше.

— Вы не знаете наших гор, леди, — с серьезным видом заметил Донел. — Если подует даже небольшой ветерок, вы порадуетесь плащу.

Но по мере того как солнце поднималось все выше над горизонтом, в Эллерте крепла уверенность, что все будет хорошо. После полутора часов ходьбы Башня Трамонтана скрылась из виду за горным склоном. Теперь они находились вне досягаемости. Когда Дамон-Рафаэль явится в Хали и потребует выдать изменников, люди из Трамонтаны смогут честно ответить, что время упущено.

В таком случае не обратит ли он свой гнев на работников матриксного круга из Хали? Скорее всего нет. Ему понадобится их сотрудничество

в войне с Риденоу, понадобится оружие, дающее ему тактическое и военное преимущество в сражении — а Корин был искусным изобретателем. «Пожалуй, слишком искусным, — подумал Эллерт. — Если бы Домен находился в моей власти, я бы немедленно заключил мир с Риденоу и постарался бы уладить все противоречия дипломатическим путем. Алдаран прав: у нас нет причин воевать с Риденоу из Серрaиса. Мы должны принять их как равных и быть благодарными за то, что *ларан* Серрaиса живет в их потомках».

После нескольких часов ходьбы, когда солнце поднялось до наивысшей точки над горизонтом, Донел и Эллерт тоже сняли свои тяжелые плащи и даже верхние туники. Люди из Трамонтаны дали им достаточно пищи на два-три небольших привала по дороге. «Это на тот случай, если ваш эскорт почему-либо задержится, — объяснил Ян-Микел. — Вьючные животные могут захромать, или горный обвал ненадолго преградит им путь».

Они сели возле кучи валунов рядом с тропинкой и устроили завтрак, состоявший из дорожных галет, сыра и сухофруктов.

— Милосердная Аварра! — воскликнула Кассандра, подбирая крошки. — Похоже, они дали

нам припасов на неделю пути. Имеет ли смысл тащить с собой все это?

Эллерт пожал плечами, рассовывая пакеты в карманы дорожного плаща. Что-то в этой процедуре заставило его вспомнить об утренних побудках в Неварсине, когда он складывал все свои немногочисленные пожитки в карманы монашеской рясы.

Донел, забравший оставшиеся пакеты с едой, неожиданно усмехнулся.

— Я чувствую себя братом Домиником с его набитыми карманами. — Он принялся насвистывать мелодию песенки, которую недавно исполняла Дорилис.

«Менее года назад я был готов провести остаток жизни в стенах монастыря», — подумал Эллерт. Он взглянул на Кассандру, высоко подобравшую свои юбки и поднимавшуюся по каменистому склону к чистому ручейку с ледяной водой, журчавшему среди скал. Она наклонилась, зачерпнула воду в сложенные ладони и напилась. «Я думал, что всю жизнь буду монахом, что ни одна женщина не будет важна для меня. Однако теперь я не мог бы вынести даже дня разлуки с ней». Он поднялся по склону и наклонился у ручейка рядом с Кассандрой. Когда их руки со-

прикоснулись, Эллерту неожиданно захотелось, чтобы Донел оказался где-нибудь подальше отсюда. Но потом он чуть не рассмеялся, осознав иронию ситуации. Без сомнения, прошлым летом Рената с Донелом не раз терпели его присутствие с такой же неохотой, с какой он сам сейчас относился к компании Донела.

Путники немного посидели у тропы, отдыхая и наслаждаясь теплыми лучами осеннего солнца. Кассандра рассказала им о своей работе Наблюдающей и о изготовлении матриксного оружия, когда ей пришлось обучаться навыкам механика. Эллерт с невольным содроганием прикоснулся к глубокому шраму от клингфайра на ее руке, радуясь, что теперь жена оказалась вдалеке от войны. В свою очередь он рассказал ей о странном даре Дорилис, слегка коснувшись ужасов и смертей, сопутствовавших ее помолвкам, и поведал о том, как они с Донелом летели через грозу.

— Когда придет весна, тебе тоже нужно научиться летать на планере, — сказал Донел.

— Хотелось бы, но не знаю, смогу ли я заставить себя натянуть бриджи, даже для полетов.

— Рената не стесняется, — заметил Донел.

Кассандра весело рассмеялась:

— Она всегда была храбрее меня.

Лицо Донела неожиданно приняло серьезное выражение.

— Эллерт мой близкий друг, и у меня нет секретов от его жены, — тихо сказал он. — Мы с Ренатой собирались пожениться в середине зимы, но теперь у отца появились другие планы.

Он вкратце рассказал ей о замысле лорда Алдарана, о своей предстоящей женитьбе на Дорилис и о планах наследства. Кассандра смотрела на него с неподдельным сочувствием:

— Мне повезло. Мои родственники обручили меня с Эллертом, когда я была еще совсем ребенком, но, познакомившись с ним, я встретила человека, которого смогла полюбить. Однако я понимаю, что так бывает далеко не всегда. И я знаю, что это такое: быть разлученной с любимым человеком.

— Я не собираюсь расставаться с Ренатой. — В низком голосе Донела слышалась сдерживаемая ярость. — Брак с Дорилис — не больше чем фикция, которая будет продолжаться лишь до тех пор, пока жив мой отец. А потом, если Дорилис захочет, мы найдем ей настоящего мужа и уедем куда-нибудь вместе с Ренатой. А если она откажется выходить замуж, я останусь опекуном до ее совершеннолетия. Если она пожелает сделать

одного из моих сыновей-недестро своим наследником — прекрасно; если нет — тоже ладно. Я не стану перечить отцу, но не стану и слепо повиноваться ему. И уж во всяком случае, я не стану укладывать в постель свою сестру лишь ради того, чтобы ублажить его честолюбие.

— Думаю, родич, все будет так, как захочет Дорилис, — тихо сказала Кассандра. — Леди Алдаран, состоящая в законном браке, не может ронять свое достоинство, деля ложе со стражниками и заезжими торговцами… и возможно, ей не захочется провести остаток жизни нелюбимой и бездетной.

Донел отвернулся.

— Она может поступить как заблагорассудится, но если ей вздумается рожать детей, то их отцом буду не я. Эллерт достаточно рассказал мне о том, какие беды уже причинила генетическая программа, с ее перекрестным скрещиванием. Моя мать уже стала ее жертвой. Я не буду следующим!

В голосе Донела звучала такая ярость, что Кассандра невольно отшатнулась. Ощутив ее тревогу и смущение, Эллерт взял плащ и встал.

— Пожалуй, нам пора идти дальше. Эскорт может двигаться быстрее нас, но даже час-дру-

гой ходьбы сокращают время для завтрашней дороги.

Тропа шла вниз уже не так круто, как раньше, но солнце на севере скрылось за длинными перьями серых облаков, постепенно затягивавших небо. Донел передернул плечами и вскинул голову, глядя на потемневшие горные вершины. Он ничего не сказал, но застегнул ворот своего плаща.

«Пожалуй, нам в самом деле следует поскорее встретиться с эскортом из Алдарана», — подумал Эллерт, уловивший его недоброе предчувствие.

Через несколько минут ходьбы солнце полностью скрылось за облаками, и на лице Эллерта растаяли первые снежинки. Они медленно падали вниз, спускаясь плавными, прихотливыми спиралями. Кассандра ловила их на ладонь, словно ребенок, удивляясь их необычайным размерам. Но Эллерт долго жил в Неварсине и кое-что знал о метелях, бушующих в Хеллерах поздней осенью.

«Итак, Дамон-Рафаэль в конце концов может добиться своего. Выгнав нас из Башни Трамонтана перед наступлением зимних бурь, он вполне может избавиться от опасного противника, не марая рук… А если я погибну в снегах, то не оста-

нется никого, кто смог бы противостоять его жажде власти».

Ларан Эллерта снова начал забирать власть над ним, навязывая ему образы ужасов и разрушений, картины опустошительной войны и выжженных земель — истинную эру хаоса, наступившую в Дарковере от Далерета до Хеллеров.

«Скатфелл тоже может напасть на Алдаран, а без Донела старый лорд вряд ли сможет организовать оборону. Скатфелл и мой брат раздерут эту страну в клочья, делясь друг с другом».

— Что случилось, Эллерт? — спросила Кассандра, уловившая в его сознании смутные образы хаоса и разрушений.

«Я должен защищать Кассандру не только от своего брата, но и от всей ярости стихии!»

— Будет метель? — с неожиданной тревогой спросила она, глядя на усиливающийся снегопад.

— Еще не знаю. Но думаю, бояться нечего. Мы можем встретить эскорт прежде, чем погода окончательно испортится. У них есть еда, теплая одежда и снаряжение для временного лагеря.

Донел послюнил палец и начал медленно поворачивать его, определяя направление ветра. Когда Эллерт встретился с ним взглядом, он по-

нял, что дела обстоят хуже, чем ему казалось. Снежная буря двигалась *от* Алдарана, а значит, метель, возможно, уже вынудила людей остановиться и встать лагерем у тропы. Их нельзя было винить — ведь они считали, что Эллерт, его жена и Донел находятся в безопасности под гостеприимным кровом Башни.

«Разве они могли принять во внимание Дамона-Рафаэля?»

Кассандра казалась совсем испуганной. «Неудивительно, если она читает мои мысли», — подумал Эллерт и выставил блок, преграждая ей доступ к своим страхам. Он слишком уважал жену и не стал бы предлагать ей ложь во спасение, но дела обстояли еще не совсем плохо.

— Одной из первых вещей, которым я научился в Неварсине, было искусство находить укрытие в незнакомой местности и пережидать непогоду, — сказал он. — Донел, нет ли в составе эскорта человека, обладающего хотя бы слабым *лараном*? Мы с тобой могли бы связаться с ним и сообщить о нашем положении.

Донел замедлил шаг и задумался.

— Боюсь, что нет, родич, — с сожалением ответил он. — Хотя попытаться можно — некоторые люди способны воспринимать чужие мысли,

хотя не умеют передавать свои и не считают это настоящим *лараном*.

— Тогда попробуем, — решил Эллерт. — У них есть все основания полагать, что мы находимся в Трамонтане. Они должны узнать, что это не так. А тем временем… — Он огляделся в поисках какого-нибудь укрытия. Нет ли за поворотом дороги какой-нибудь хижины, заброшенного овина или даже населенного места, где они могли бы найти убежище? Но он не мог различить следов человека. Земля, по которой они шли, была совершенно необитаемой и очень редко оглашалась звуком человеческих голосов.

Прошло уже много лет с тех пор, как ему приходилось применять свое искусство выживания в горах. Последний раз это случилось на третьем году его жизни в Неварсине, когда его послали одного, одетого лишь в грубую рясу, навстречу зимней непогоде, бушевавшей за стенами монастыря, чтобы он мог на деле доказать свою пригодность к следующему этапу обучения. Пожилой монах, наставлявший Эллерта, сказал: «После заброшенных человеческих жилищ самое лучшее место для укрытия — густая роща, где деревья растут близко друг к другу. Если не найдешь деревьев, ищи каменный карниз с под-

ветренной стороны».

Эллерт сосредоточился, предоставив *ларану* полную свободу действий и пытаясь заглянуть в ближайшее будущее, зависевшее от их выбора. Не пора ли вернуться в Трамонтану? Мысленно совершив обратный путь, он увидел на этой линии будущего лишь три безжизненных, окоченевших тела, свернувшихся клубками у края дороги.

Впервые в жизни Эллерт был рад своему *ларану*, позволявшему ему ясно видеть последствия каждого выбора, который они могли совершить, ведь от этого сейчас зависела их жизнь. Он видел впереди узкое место, где, ослепленные густым снегопадом, они могли оступиться и сорваться в пропасть глубиной в несколько сотен футов, навеки сгинув на дне безымянной расщелины. Дальше идти было нельзя.

Уловив его отчетливое предупреждение, Кассандра с Донелом остановились. Теперь они превратились в туманные силуэты на фоне падающего снега. Ветер, задувавший с вершин, начал крепчать.

Немного впереди еле заметная тропка вела к куче камней, обрушившейся с одной стороны. Там можно найти укрытие от ветра и снега. Эллерт уже было направился туда, но затем остановил-

ся, отслеживая *лараном* эту линию будущего. Внезапно он вздрогнул, охваченный невольной паникой. За кучей находилось гнездовье птиц баньши — злобных, бескрылых, плотоядных существ, обитавших в горах над линией растительности. Безошибочный инстинкт направлял этих хищников туда, где угадывались любые признаки жизни. Им нельзя идти туда!

Путники не могли оставаться на прежнем месте: усиливавшийся ветер грозил сдуть их с каменного карниза, а снегопад становился все гуще. Кассандра уже дрожала всем телом; тонкий дорожный плащ не мог защитить ее от настоящей непогоды. Эллерт с Донелом, более привычные к метелям в горах, еще не замерзли, но Эллерту мало-помалу становилось страшно. Они не могли вернуться в Трамонтану. Они не могли повернуть туда, где гнездились птицы баньши. Они не могли идти вперед по сужающейся тропке над пропастью и не могли оставаться здесь. Неужели у них не осталось никакого выбора, кроме смерти в снегу?

«Святой Носитель Вериг, укрепи меня! — молился Эллерт. — Помоги найти правильный путь!» Покинув монастырь, он почти забыл, как нужно молиться. Страх за свою жизнь сейчас не

смог бы спасти его, но страх за Кассандру, дрожавшую от холода, заставлял лихорадочно искать выход, до предела напрягая свои способности.

Они не могли вернуться в Трамонтану, но немного позади у тропы стояла старая каменная стена. Она была наполовину разрушена непогодой и опасно накренилась, но все же была лучшим укрытием, чем то место, где они стояли сейчас. А за стеной — Эллерт не только видел это *лараном*, но и помнил — находились небольшие, но густые заросли вечнозеленого кустарника.

— Мы должны вернуться к тому месту, где отдыхали, — объявил он, повысив голос, чтобы перекрыть вой ветра.

Медленно, держась друг за друга, они начали возвращаться. Мокрый снег скользил под ногами. Донел, всю жизнь проживший в горах, ступал уверенно, как горная кошка, но Эллерт уже давно не бродил по неварсинским перевалам, а Кассандра была вообще непривычна к таким дорогам. Вскоре она поскользнулась и упала в снег. Тонкий плащ моментально промок; острые камешки, припорошенные снегом, впились ей в руки. Эллерт поднял жену, всхлипывающую от боли и безнадежности, и постарался успокоить. Выяснилось, что при падении она вывихнула

колено, поэтому Донелу с Эллертом пришлось нести ее последние несколько сотен шагов до каменной стены. Потом они подняли Кассандру наверх и помогли забраться в кусты высотой почти в рост человека. Когда они углубились в густое переплетение ветвей, *ларан* Эллерта с ошеломительной ясностью показал ему, что это будет местом их смерти. Он увидел три тела, сплетенные воедино в жутком объятии, тщетно цепляющиеся за последние крохи тепла, застывшие и неподвижные. Ему пришлось буквально заставить себя двигаться вперед, к небольшому просвету в зарослях.

Старые, искривленные, годами терзаемые жестокими горными ветрами, кусты росли очень густо, но в центре их неровного круга ветер почти не ощущался, хотя они слышали его угрожающее завывание снаружи. Эллерт уложил Кассандру на расчищенный от снега участок почвы, плотно укутал ее в плащ и начал осматривать поврежденную ногу.

— Переломов нет, — дрожащим голосом произнесла Кассандра. В следующее мгновение он вспомнил о ее навыках Наблюдающей, привыкшей обследовать физическое состояние других людей наравне со своим собственным. — Серьез-

ных повреждений нет… но коленная чашечка сместилась.

Переключив внимание на ее колено, Эллерт увидел, что коленная чашечка неестественно вывернулась, а ткань вокруг нее быстро темнела и распухала.

— Донел, возьми меня за плечи, — распорядилась Кассандра. — А ты, Эллерт, держись за мою ногу и поворачивай ее вот так… — Она показала жестом. — Нет, ниже! Перехвати другой рукой и тяни изо всех сил. Не бойся сделать мне больно. Если коленная чашечка сразу же не встанет на место, я могу навсегда остаться хромой.

Эллерт беспрекословно следовал ее инструкциям. Кассандра напряглась, собрав всю свою волю, однако, когда он ухватился за ногу и резко дернул вбок и на себя, у нее вырвался приглушенный крик боли. Эллерт услышал скрип кости, когда коленная чашечка скользнула в лунку. Кассандра откинулась на руки Довела. Казалось, она находилась в обмороке, но на самом деле, закрыв глаза, оценивала проделанную работу.

— Нет, еще не все. Ты должен повернуть мою ногу вот сюда, чтобы чашечка окончательно стала на место. Да, правильно, — прошептала она сквозь стиснутые зубы, когда Эллерт выполнил

ее распоряжение. — Так сойдет. А теперь разорви мою нижнюю юбку и плотно забинтуй колено.

Когда поврежденное колено было плотно забинтовано полосками ткани, а Кассандра, бледная и дрожащая, вытянулась под плащом, Эллерт мрачно прикинул их шансы выбраться отсюда живыми. Снежный буран пока не вошел в полную силу. Вечер еще не наступил, хотя вокруг стемнело, — то были плотные, тяжелые сумерки, не имевшие ничего общего с фактическим временем дня. Еды оставалось немного, а такие бури обычно длятся по два-три дня, если не больше. В обычных условиях каждый из них мог бы по нескольку дней обойтись без еды, но холод быстро истощал жизненные силы.

Они смогут продержаться два-три дня, но если метель затянется на целую неделю и тропы станут непроходимыми, то их шансы остаться в живых невелики. Будь он один, Эллерт закутался бы в свой плащ, нашел наиболее подходящее укрытие и погрузился в транс, как учили в Неварсине, замедлив сердцебиение, понизив температуру тела и сведя до минимума расход энергии. Но он нес ответственность перед женой и Донелом, не обладавшими подобными навыками. Он был самым старшим и наиболее опытным.

— Твой плащ самый тонкий, Кассандра, и хуже всего сохраняет тепло, — сказал Хастур. — Давай разложим его на земле, чтобы не так задувало снизу. Так, а теперь втроем накроемся двумя оставшимися плащами. Кассандра меньше нашего привычна к холоду, поэтому она сядет между нами.

Когда они расселись, тесно прижавшись друг к другу, Кассандра дрожала уже не так сильно, как раньше.

— А теперь нам лучше немного поспать и не тратить энергию на разговоры.

Над их убежищем завывал ветер. Бесчисленные снежные заряды проносились бледными полосами на черном фоне ночного неба, но внутрь задували лишь отдельные порывы, быстро гаснувшие в плотном переплетении ветвей. Эллерт позволил себе погрузиться в легкий транс, обняв Кассандру за плечи, чтобы сразу почувствовать, когда понадобится его помощь. Вскоре он понял, что Донел тоже заснул, но Кассандра, тихо лежавшая в его объятиях, не спала. Он ощущал острую боль, пронзавшую ее колено и не позволявшую погрузиться в блаженное забытье. В конце концов она повернулась лицом к нему, и он крепко прижал ее к себе.

— Эллерт, мы умрем здесь?

Эллерту было нетрудно солгать, заверив ее в обратном. Но что бы ни случилось, им следовало оставаться искренними друг с другом, как было с первых минут их знакомства.

— Не знаю, пречиоза, — ответил он, нашарив в темноте ее тонкие, прохладные пальцы. — Надеюсь, что нет.

Его *ларан* показывал впереди лишь темноту. Через прикосновение руки жены он мог чувствовать пульсацию боли в ее теле. Кассандра попыталась осторожно сместить свой вес на другой бок, не потревожив Донела. Эллерт привстал на одно колено и помог ей.

— Так лучше?

— Немножко…

Но что он мог сделать для нее в такой тесноте? Их постигла роковая неудача. Даже если бы в непогоде наступил перерыв, они не могли искать лучшего укрытия: нога Кассандры вышла из строя минимум на несколько дней. Если бы положить ее в теплую ванну, сделать массаж и провести курс лечения с помощью опытной *лерони*, чтобы устранить воспаление и внутреннее кровотечение в коленном суставе, вывих можно было бы залечить за несколько часов. Но дли-

тельная неподвижность и пребывание на холоде не способствовали быстрому выздоровлению. Эллерт был мало искушен в науке врачевания. Разумеется, он мог оказать первую помощь, но не более того.

— Мне следовало бы оставить тебя в Хали, — тихо простонал он.

Кассандра прикоснулась к его лицу в темноте:

— Там мне угрожала бы опасность, муж мой. Не забывай о том, что твой брат стоял у дверей Башни.

— И все же, если я привел тебя к смерти…

— Оставить меня в Хали в равной степени означало бы мою смерть, — отозвалась она. — Если бы Дамон-Рафаэль захотел взять меня против воли, он бы не обнаружил в своей постели покорную рабыню. У меня есть кинжал, и я знаю, как и когда следует им пользоваться. — Ее голос напрягся. — Сомневаюсь, что он оставил бы меня в живых после такого унижения.

— Он не стал бы прибегать к насилию, — угрюмо пробормотал Эллерт. — Скорее всего, тебя бы одурманили наркотиками, лишив воли к сопротивлению.

— О нет, — возразила Кассандра. Ее голос звенел от сдерживаемых эмоций. — В этом случае, муж

мой, я бы успела найти своему кинжалу *другое* применение.

В горле у Эллерта встал горький комок, он не нашел в себе сил ответить. Что он сделал, чтобы завоевать любовь такой женщины? Неужели он когда-то считал ее робкой и боязливой? Он снова привлек ее к себе и прошептал:

— Постарайся заснуть, любимая. Обопрись на меня, если так тебе будет легче. Тебе не очень холодно?

— Нет, рядом с тобой мне всегда тепло.

Кассандра замерла в его объятиях. Постепенно ее дыхание стало ровным и глубоким.

«Но что я ей дал — свободу или лишь право выбрать смерть?»

Ночь тянулась целую вечность. С рассветом темнота немного рассеялась, но густой снег продолжал застилать все вокруг плотной пеленой. Для троих людей, прижавшихся друг к другу на крошечной площадке под ветвями кустарника, это было сущим мучением.

Эллерт предупредил Донела, выползшего наружу по нужде, чтобы тот не отходил больше чем на два шага от зарослей. Юноша вернулся весь заснеженный и продрогший до костей. Ветер снаружи оказался таким сильным, что он едва смог

устоять на ногах. Никаких признаков ослабления снегопада не намечалось; мир для троих узников заканчивался в нескольких футах за пределами их ненадежного убежища — дальше все пропадало в снежной мешанине.

Эллерт осторожно выпустил на волю свой *ларан*, прощупывая возможные варианты будущего. Почти во всех случаях он видел, как их жизни заканчиваются здесь. Но если рок судил им умереть здесь, то почему он не предвидел этого раньше, еще в Трамонтане?

— Донел, — позвал он.

Юноша заворочался и повернулся к нему:

— Да, родич?

— Ты лучше меня умеешь предсказывать погоду. Можешь ли ты определить, на какое расстояние протянулась эта буря и через какое время она минует нас?

— Я попробую.

Донел погрузился в свое обостренное осознание погоды. Эллерт, поддерживавший поверхностный контакт, снова увидел странную сеть энергии, созданную воздушными потоками, перепадами давления и электрического напряжения. Через некоторое время Донел открыл глаза.

— Боюсь, ее граница слишком далеко, — мрач-

но сообщил он. — И туча ползет еле-еле. Если бы я только обладал даром моей сестры, способностью повелевать бурями и двигать их куда угодно по своему желанию!

Внезапно Эллерт нашел ответ. Конечно, его *ларан* был настоящим предвидением; он мог выходить из времени и наблюдать за грядущими событиями, однако его выбор был ограничен его собственной интерпретацией того, что он видел. Поэтому он почти никогда полностью не полагался на свое предвидение. Он не удовлетворялся знанием собственного будущего. Всегда оставалась возможность, что взаимодействие с человеком, чьи поступки он не мог предвидеть, изменит будущее непредсказуемым для него образом. Он мог управлять *лараном*, но не должен был допускать обратного. Вчера он воспользовался даром предвидения, чтобы найти относительно безопасное убежище и избежать наиболее очевидных опасностей, ожидавших их впереди. Он смог предотвратить непосредственную угрозу для жизни, теперь же наступило время исследовать другие возможности.

— Если бы мы могли как-то связаться с Дорилис…

— Она не телепатка, — с сомнением отозвался

Донел. — Мне ни разу не удавалось мысленно прикоснуться к ее разуму.

Внезапно его глаза сверкнули.

— Рената! Она сильная телепатка. Если бы один из нас мог послать ей сигнал…

Да, Рената была ключом к силе Дорилис.

— Попробуй сам связаться с ней, Донел, — предложил Эллерт.

— Но из меня плохой телепат. Боюсь, ничего не выйдет.

— Тем не менее попытайся. Те, кто любит друг друга, как вы двое, часто могут найти связующее звено там, где другие оказываются бессильны. Сообщи ей о нашем бедственном положении. Может быть, Дорилис разгонит бурю или хотя бы поможет ей побыстрее пройти над нами.

— Сделаю, что смогу, — пообещал Донел. Выпрямившись в положении сидя, он вынул свой матрикс и сосредоточился. Эллерт и Кассандра, прижавшись друг к другу под оставшимся плащом, почти видели люминесцирующие энергетические линии, протянувшиеся наружу. Сам Донел казался им светящимся существом, наполненным пульсирующей энергией в силовой оболочке… Затем возникло ощущение внезапного контакта. Эллерт и Кассандра, оба телепаты, не могли не

слышать безмолвного обмена мыслями.

«Рената!»

«Донел! — Радость и ощущение контакта распространились на Кассандру и Эллерта, как если бы Рената прикоснулась и к ним, обняла их. — Я боялась за вас, когда началась метель. Вы в безопасности? Вы остались в Трамонтане или встретились с эскортом по пути?»

«Нет, любимая. — Донел быстро обрисовал положение, посылая сконцентрированные мысленные образы, и решительно прервал испуганную реакцию Ренаты: — Нет, любимая, не трать время и силы. Вот что ты должна сделать…»

«Разумеется, Дорилис сможет помочь вам, — пришел уверенный ответ. — Я немедленно отправлюсь к ней и объясню положение».

Контакт прервался, силовые линии потускнели и исчезли. Донел зябко передернул плечами под задубевшим от холода плащом. Эллерт передал ему остатки пищи, не обращая внимания на его протесты.

— Ты потратил много энергии, когда пользовался матриксом, — объяснил он. — Тебе нужно восстановить силы.

— Но твоя леди… — возразил Донел.

Кассандра покачала головой. В сером сумрач-

ном свете черты ее лица заострились, словно она была при смерти.

— Я не голодна, Донел. Ты нуждаешься в еде гораздо больше меня. Мне холодно, так холодно…

Эллерт сразу же понял, что она имеет в виду.

— Как твоя нога? — спросил он.

— Время от времени я провожу обследование. — По ее лицу промелькнуло слабое подобие улыбки. — Мне не хочется заглядывать глубоко, поскольку я в любом случае ничего не могу поделать. Сейчас попробую еще раз…

Ее взгляд стал отрешенным, обратившись вовнутрь. Некоторое время она молчала, потом с удрученным видом пожала плечами:

— Ничего хорошего. Холод и вынужденная неподвижность делают свое дело. Циркуляция крови ниже колена сильно нарушена. Скорее всего, уже началось обморожение.

— Возможно, помощь уже в пути, — прошептал Эллерт. — Держись, любимая. А пока что…

Он снял свою тунику и закутал больное колено Кассандры, оставшись в нижнем белье и походных бриджах. Она возмущенно запротестовала, но он лишь улыбнулся в ответ:

— Разве ты забыла? Я шесть лет был монахом в Неварсине и спал нагим в еще большие холода.

Старые уроки действительно начали брать свое: как только холод впился в незащищенную плоть Эллерта, он стал автоматически выполнять дыхательные упражнения, согревая тело внутренним теплом.

— Мне в самом деле не холодно, — сказал он. — Можешь убедиться.

Кассандра с изумлением потрогала его руку.

— Правда! Ты горячий, как печка!

— Да. — Он взял ее холодные пальцы и прижал к своему боку. — Вот, погрейся.

— Вот это да! — Донел изумленно покачал головой. — Ты не мог бы научить меня этому фокусу, родич?

— Нет ничего проще. — Согретый волной тепла, Эллерт пришел в благодушное настроение. — Мы учим этому новичков с первых же дней их пребывания в монастыре. Не проходит и нескольких недель, как они начинают возиться в снегу без верхней одежды. Дети, плакавшие от холода на первых порах, бегают по двору, забыв о теплых плащах.

— Это секрет религии христофоро? — с подозрением спросил Допел.

Эллерт покачал головой:

— Нет, всего лишь особенность человеческо-

го сознания. Для ее проявления даже не нужно пользоваться матриксом. Сначала мы говорим ученикам, что холод порождается *страхом*. Если бы они нуждались в защите от холода, то родились бы покрытые мехом или перьями. Природа защищает кожурой даже фрукты и овощи, но человек, родившийся обнаженным, не нуждается в защите от погоды. Как только ученики начинают верить, что люди носят одежду потому, что хотят этого, ради приличия или для украшения, но не для защиты от непогоды, то самое худшее у них уже позади, и вскоре они могут приспосабливать свое тело к холоду или жаре, не испытывая неудобств. — Он негромко рассмеялся, понимая, что охвачен эйфорией от дополнительного кислорода, перерабатывавшегося в тепло легкими. — Сейчас мне гораздо теплее, чем вчера ночью, когда мы лежали под плащами, тесно прижавшись друг к другу.

Кассандра попыталась подражать его дыханию, но боль сильно отвлекала ее, нарушая сосредоточенность. У Донела тоже ничего не получилось…

Буря снаружи разбушевалась с еще большей силой. Эллерт лег между Донелом и Кассандрой, делясь с ними своим теплом. Его эйфория улеглась, и он снова начал беспокоиться о судьбе

Кассандры: если она и дальше будет страдать от боли и холода, ее выздоровление займет много времени. Может быть, она даже навсегда останется калекой. Он старался скрыть свое беспокойство, но их близость не давала возможности прятать чувства от любимой.

— Не бойся, — прошептала Кассандра, взяв его за руку. — Мне уже не так больно, как раньше, честное слово.

Что ж, когда они попадут в Алдаран, Маргали и Рената смогут позаботиться о ней, но теперь не оставалось ничего, только ждать. В снежных сумерках Эллерт сжимал изящную шестипалую руку в ладонях, ощущая глубокий шрам от клингфайра. Кассандре уже пришлось пережить войну, страх и боль; он же перенес ее из мирной жизни в неизвестность, полную опасностей. Одна опасность сменилась другой, но он знал, что Кассандра свободно сделала свой выбор, предпочтя остаться с ним. Немного успокоившись, Эллерт наконец задремал.

Его разбудил возглас Кассандры:

— Смотрите, метель прекратилась!

Эллерт помотал головой, стряхивая остатки сна, и посмотрел на небо. Снегопад кончился; в светлеющем небе неслись рваные облака.

— Это Дорилис! — воскликнул Донел. — Ни один штормовой фронт не может двигаться с такой скоростью. — Он глубоко, прерывисто вздохнул. — Ее сила — та сила, которой мы все так боялись, — спасла нам жизнь.

Направив свой *ларан* на исследование окрестностей, Эллерт вскоре обнаружил, что эскорт, высланный навстречу им из Алдарана, был задержан непогодой с другой стороны каменного карниза, который люди не решились пересечь в густом снегопаде. Скоро путники получат еду и надежное убежище.

Ларан Дорилис все-таки спас их. Тот самый *ларан*, который Эллерт считал проклятием их рода, обнаружил свои достоинства… и ограничения.

«Я не могу игнорировать этот дар, но не должен и слепо полагаться на него. Не прятаться от него, как я это делал в Неварсине, но и не позволять ему управлять моими поступками. Возможно, я начинаю понимать свою ограниченность. Ведь я тоже еще очень молод. Будет ли у меня время поумнеть?»

Кассандра лежала на его плаще, бледная от боли и измученная. Эллерт повернулся к ней. Робкая улыбка и бесстрашные попытки сохранить присутствие духа глубоко трогали его. Теперь он

мог честно успокоить жену, не пряча свои страхи в дальние закоулки разума. Помощь была уже рядом, и скоро они будут спасены; осталось лишь немного подождать.

23

Донел Деллерей, из рода Рокравенов, и Дорилис, наследница Алдарана, сочетались формальным браком ди катенас в последний день уходящего года.

Большого празднества не получилось. Как это часто бывало в Хеллерах, погода помешала пригласить многих, кроме ближайших соседей Алдарана, а из приглашенных некоторые не явились, в чем старый лорд усмотрел признаки сговора со своим братом из Скатфелла. Поэтому брачная церемония совершалась в присутствии челяди лорда Алдарана, но даже среди его слуг слышались недовольные шепотки.

Вид брака, когда брат женился на своей единоутробной сестре, был весьма распространен на ранних этапах генетической программы Доменов, особенно среди высшей знати. Как и все подобные обычаи, он имитировался мелким дворянством, но сейчас вышел из употребления и рассматривался как своего рода скандал.

— Им это не нравится, — шепнул Эллерт Кассандре, когда они вошли в большой зал, где

должна была состояться брачная церемония с последующим праздничным ужином и танцами. Кассандра тяжело опиралась на его руку. Она все еще сильно хромала и подволакивала ногу, несмотря на героические усилия Маргали и Ренаты. Полное выздоровление оставалось возможным, но пока что она с трудом могла передвигаться без посторонней помощи.

— Им это не нравится, — повторил он. — Если бы на подобный брак решился кто-нибудь, кроме *дома* Микела, то, по-моему, они открыто осудили бы его.

— Но что именно им не нравится? То, что Донел унаследует Алдаран, хотя он не является потомком Хастура и Кассильды?

— Нет, — ответил Эллерт. — Насколько я смог понять из разговоров с вассалами Алдарана и домашней челядью, это радует их больше всего остального. Никто из них не питает любви к Скатфеллу и не хочет видеть его здешним правителем. Если бы Микел открыто заявил о том, что Донел является его сыном-недестро и главным наследником, то они стояли бы за юношу горой, даже зная, что это неправда. Они относились бы к этому как к юридической фикции. Что им действительно не нравится — так это брак между

братом и сестрой.

— Но это тоже юридическая фикция! — возразила Кассандра.

— Не уверен, — хмуро отозвался Эллерт. — И они тоже не уверены. Я все еще чувствую себя виноватым: именно мои безрассудные слова заразили *дома* Микела этой идеей. Те, кто поддерживает старого лорда… что ж, они делают это, как если бы потакали прихоти душевнобольного, — добавил он, понизив голос. — Не все сумасшедшие мечутся с пеной у рта и ловят бабочек в зимнем снегу. Гордость и одержимость тоже могут граничить с безумием, даже если подкрепляются логическими доводами.

Поскольку невеста была несовершеннолетней девушкой, гости не могли поднять общее настроение грубоватыми шутками, которые обычно не смолкали в течение всей брачной церемонии, заканчивавшейся проводами жениха и невесты к брачному ложу. Никому не хотелось пробуждать в Дорилис горькие воспоминания о ее последней помолвке. Ее даже не попытались представить взрослой женщиной. В детском платье, с медно-рыжими волосами, длинными локонами падавшими на плечи, она казалась скорее челядинкой, получившей разрешение

присутствовать на празднике, а не невестой. Что касается жениха, то, несмотря на добросовестные попытки изображать веселье, он выглядел мрачным и подавленным. Прежде чем войти в зал, многие заметили, как Донел приблизился к подружкам невесты, отозвал в сторону Ренату Лейнье и принялся что-то горячо обсуждать с ней. Многие слуги, знавшие об истинных отношениях между Ренатой и Донелом, только качали головами при виде такой нескромности. Другие, глядя на маленькую невесту, окруженную сиделками и гувернантками, мысленно сравнивали ее с Ренатой и не осуждали Донела.

— Какое бы представление с катенами здесь ни устраивалось, это не более чем помолвка, а не законное бракосочетание, — вполголоса настаивал Донел. — По закону даже брак ди катенас не может считаться признанным, пока супруги не разделили ложе.

Рената, собравшаяся было возразить, что этот пункт спорен, вовремя поняла, что юноше требуется моральная поддержка, а не аргументы.

— Это не будет иметь для меня ровным счетом никакого значения. Поклянись, что и для тебя тоже, Рената, иначе я отрекусь от своего приемного отца прямо здесь, перед всеми его вассалами!

«Если бы ты собирался выступить против него, то тебе следовало сделать это с самого начала, и уж во всяком случае, не сейчас, когда дело зашло так далеко! — с отчаянием подумала Рената. — Теперь публичное неповиновение будет концом для нас обоих!»

— Я останусь такой же, какой была раньше, — сказала она вслух. — Ты хорошо знаешь об этом и не нуждаешься в моих клятвах. Сейчас не место и не время для такого разговора. Я должна вернуться к женщинам, Донел.

Отойдя в сторону, она мимолетным жестом прикоснулась к его руке, и в ее улыбке промелькнуло что-то похожее на жалость.

«Мы были так счастливы этим летом! Как мы дошли до такой жизни? Я тоже виновата: следовало немедленно выйти за него замуж. Надо отдать Донелу должное, он этого хотел». Мысли Ренаты беспорядочно скакали, когда она входила в зал вместе со свитой Дорилис.

Дом Микел стоял у камина, освещенный яркими огнями, и поочередно приветствовал гостей. Дорилис присела перед отцом в глубоком реверансе. Он поклонился, расцеловал ее в обе щеки и усадил за высоким столом по правую руку от себя. Затем повернулся с приветствиями к жен-

щинам из свиты:

— Леди Элиза, я хотел бы высказать вам благодарность за вашу работу. Вам удалось развить прекрасный голос, который моя дочь унаследовала от матери.

Алдаран отвесил учтивый поклон.

— Маргали, я снова должен поблагодарить вас за то, что вы стали матерью для осиротевшего ребенка. Дамисела, — он склонился над рукой Ренаты, — как я могу выразить вам свою благодарность за то, что вы сделали для Дорилис? Для меня огромная честь принять вас в… в праздничном зале, — добавил он, слегка запнувшись на последних словах. Рената, тренированная телепатка, чьи чувства сейчас были обострены до предела, поняла, что он собирался сказать «в свою семью», а затем, вспомнив о реальных отношениях между нею и Донелом, воздержался от такого продолжения.

«Я всегда думала, что он знает, — подумала *лерони*. — Однако для него гораздо важнее, чтобы исполнился его замысел!» Сейчас она даже сожалела о своих принципах, не позволивших ей забеременеть от Довела.

«Если бы я пришла сюда с вздувшимся животом, с ребенком Довела во чреве, хватило бы у

Алдарана совести женить Донела на другой? Ведь он утверждает, что я спасла Дорилис. Могла ли я заставить его отдать мне Донела хотя бы таким способом?»

Рената подошла к своему месту, едва сдерживая слезы.

Хотя повара и слуги потрудились на славу, празднество вышло пышным и торжественным, но безрадостным. Дорилис накручивала на палец локон. В конце трапезы *дом* Микел жестом призвал к вниманию и пригласил Донела и Дорилис встать перед ним. Кассандра и Эллерт, сидевшие в дальнем конце стола, напряженно следили за происходящим. Эллерт приготовился к неожиданному резкому выпаду либо со стороны Донела, загнанного в угол и отчаявшегося, хотя и не желающего нарушить приличия, либо со стороны одного из мрачных офицеров стражи, сидевших за нижним столом. Но никто не стал вмешиваться. Взглянув на лицо старого лорда, Эллерт понял, что никто не осмелился перечить ему в эту минуту.

— Это воистину радостное событие для Алдарана, — произнес *дом* Микел. Эллерт, на мгновение встретившийся взглядом с Донелом, разделил мысль друга, быстро спрятанную в глухой уголок

сознания: «Воистину радостное, как все преисподние Зандру!»

— В этот торжественный день я с удовольствием препоручаю опеку над моим замком и моей единственной наследницей, Дорилис Алдаранской, моему приемному сыну, Донелу из Рокравена.

Донел вспыхнул при имени его матери, и его губы зашевелились в беззвучном протесте.

— Донела Деллерея, — неохотно поправился *дом* Микел.

«Даже сейчас он не хочет признать, что Донел — не его сын», — подумал Эллерт.

Лорд Алдаран поместил двойные браслеты из превосходно выделанной меди — гравированные и покрытые филигранью, с внутренней стороны отделанные золотом, чтобы медь не раздражала кожу, — на правое запястье Донела и левое запястье Дорилис. Взглянув на браслет на собственной руке, Эллерт протянул руку Кассандре. Когда Алдаран начал произносить ритуальные фразы, все женатые пары в зале сделали то же самое.

— Как левая рука правой руке, да будете вы навеки принадлежать друг другу в касте и клане, доме и в наследстве, в домашних хлопотах, разде-

ляя все радости и невзгоды в любви и верности, отныне и во веки веков, — произнес он, замкнув браслеты. Улыбнувшись, несмотря на одолевавшее его беспокойство, Эллерт соединил звено своего браслета с браслетом Кассандры, и они крепко взялись за руки. Он уловил мысль Кассандры: «Если бы это были Донел и Рената…» — и снова испытал бессильный приступ гнева.

Алдаран разъединил браслеты новобрачных.

— Разделенные в мире, да пребудете вы едины духом и сердцем. В знак согласия прошу вас обменяться поцелуем.

Повсюду в зале супруги потянулись друг к другу, чтобы снова подтвердить свои брачные обязательства — даже те, кто был далеко не в лучших отношениях друг с другом. Эллерт нежно поцеловал Кассандру, но отвернулся, когда Донел наклонился к Дорилис, едва прикоснувшись к ее губам.

— Да будете вы навеки едины, — заключил Алдаран.

«Опустошенность, — подумал Эллерт, перехватив взгляд Ренаты. — Донел не должен был так поступать с ней…» Он по-прежнему ощущал сильное чувство близости к *леронн*, ответственности за нее. Если бы он знал, что делать! «Можно

подумать, что Донела радует эта процедура! Они оба глубоко несчастны». Хастур проклинал *дома* Микела за одержимость, груз вины тяжко давил на плечи. «Это моих рук дело. Я вложил эту мысль в голову старого лорда». Сейчас ему от всей души хотелось, чтобы он никогда не вступал под своды замка Алдаран.

Потом в зале начались танцы. Первый, придуманный Ренатой, представляла Дорилис с группой женщин. Они с Ренатой исполнили замысловатые парные фигуры, соприкасаясь кончиками пальцев и с поклоном расходясь в стороны.

«Они не враги, — думал Эллерт, глядя на них. — Они обе жертвы». Заметив взгляд Донела, обращенный на танцующих, он резко отвернулся и подошел к скамьям у стены, где вместе с пожилыми женщинами сидела Кассандра, которая была слишком слаба, чтобы танцевать.

Вечер тянулся медленно, постепенно переходя в ночь. Вассалы и гости лорда Алдарана старательно пытались вдохнуть хоть малую толику веселья в унылое торжество. Фокусник представил собравшимся свое искусство, вынимая монеты и маленьких животных из самых невообразимых мест. В конце представления он

извлек живую певчую птичку из уха Дорилис, преподнес ее девочке и с поклоном отступил назад. Менестрели пропели несколько старых баллад, и в огромном зале снова начались танцы. Но это не походило ни на свадьбу, ни на обычный праздник. То и дело кто-нибудь начинал произносить здравицу или добродушную шутку в адрес молодых, но вовремя спохватывался и умолкал на полуслове. Дорилис долго сидела рядом с отцом, искоса поглядывая на Донела. Кто-то принес клетку для певчей птицы. Дорилис пыталась уговорить ее спеть песенку, но час был уже поздний, и птичка лишь уныло хохлилась на жердочке. Казалось, Дорилис тоже начинала засыпать. Наконец Донел, вконец измученный напряженным ожиданием, повернулся к своей супруге.

— Ты потанцуешь со мной, Дорилис? — спросил он.

— Нет, — перебил Алдаран. — Новобрачным не полагается танцевать друг с другом на свадьбе.

Донел решительно повернулся к старику. В его глазах сверкнула ярость.

— Во имя всех богов, эта пародия уже… — начал было он, но замолчал и тяжело вздохнул. — Что ж, негоже идти против обычаев.

Он повернулся и кивнул Эллерту:

— Кузен, не желаете ли вы пригласить мою сестру на танец?

Когда Эллерт вывел Дорилис к танцующим, Донел в отчаянии посмотрел на Ренату, но отвернулся под взглядом своего приемного отца и поклонился Маргали.

— Не окажете ли вы мне честь потанцевать с вами, матушка?

Он взял пожилую леди под руку и удалился вместе с ней. Потом старательно протанцевал с другими женщинами из свиты Дорилис: с леди Элизой и даже с пожилой няней Кэти. Эллерт, наблюдавший за ним, спрашивал себя, не делалось ли это с намерением в конце концов потанцевать с Ренатой, не возбуждая подозрений. Но когда Донел отвел Кэти к ее месту, он столкнулся лицом к лицу с Дорилис, танцевавшей с управляющим поместьем лорда Алдарана. Дорилис нежно взглянула на брата, затем кивнула Ренате и обратилась к ней громким, фальшиво-приторным голосом:

— Ты должна потанцевать с Донелом, кузина. Разве ты не знаешь народного поверья? Говорят, что если танцуешь с женихом в новогоднюю ночь, то обязательно выйдешь замуж в следующем году. Может быть, мне стоит попросить

отца найти подходящего мужа для тебя, дорогая Рената?

Ее улыбка была озорной и невинной. Стиснув зубы, Донел взял Ренату за руку и вывел ее к танцующим.

— Ее следует хорошенько отшлепать! — Рената едва сдерживала слезы. — Я думала… я думала, она понимает. Я надеялась, что нравлюсь ей, что она даже начинает любить меня… Как она могла?

— Она переутомилась, — сухо сказал Донел. — Час уже поздний, и напряжение очень велико. Полагаю, она не может не вспоминать о том, что случилось во время ее помолвки с Дарреном из Скатфелла.

«Дорилис в последнее время отличалась хорошим поведением, — думала Рената. — Она помогла мне разогнать снежную бурю, грозившую похоронить Эллерта, Кассандру и Довела, и теперь гордится этим. Но она остается ребенком — испорченным и своевольным».

Эллерт, сидевший в другом конце зала рядом с Кассандрой, услышал отзвук грома. На мгновение это показалось ему голосом его *ларана*, предупреждавшим о грядущих бурях над Алдараном… Ему показалось, будто он стоит во дворе замка, оза-

ренном сверкающими молниями и наполненном треском электрических разрядов. Он видел бледное лицо Ренаты… слышал крики и лязг оружия и чуть было не сорвался с места, решив, что замок в самом деле подвергся нападению, но вовремя вспомнил, что сейчас это просто невозможно.

Кассандра сильно сжала его руку.

— Что ты видел? — прошептала она.

— Бурю. Грозу над Алдараном.

Его голос понизился до шепота, словно он снова услышал гром, хотя на этот раз раскаты гремели лишь в воображении.

Донел вернулся к своему месту и почтительно, но твердо обратился к лорду Алдарану:

— Сир, час уже поздний. Поскольку эта церемония не закончится традиционным препровождением новобрачных к ложу, я распорядился отпустить менестрелей и принести гостевой кубок.

Лицо Алдарана потемнело от неожиданного прилива крови.

— Ты слишком много на себя берешь, Донел! Я не отдавал подобных распоряжений!

Донел замер, ошеломленный реакцией старика. В последние три года *дом* Микел оставлял подобные распоряжения на усмотрение прием-

ного сына.

— Я поступил так, как вы всегда требовали от меня, сир, — рассудительно произнес он. — Уверяю вас, я действовал исходя из самых лучших побуждений.

Он надеялся, что сможет успокоить лорда Алдарана, сославшись на его собственные слова, но вместо этого *дом* Микел подался вперед, сжал кулаки и грозно спросил:

— Неужели ты так жаждешь править здесь вместо меня, Донел, что не мог даже дождаться моего слова?

«Он что, сошел с ума?» — изумленно подумал Деллерей.

Дом Микел открыл рот, собираясь сказать что-то еще, но слуги уже внесли золотой кубок, инкрустированный самоцветами и доверху наполненный ароматным вином со специями. Кубок полагалось пустить по кругу, передавая из рук в руки.

Сжав массивную чашу в ладонях, *дом* Микел так долго пребывал в неподвижности, что Донел затрепетал, но в конце концов правила приличия одержали верх. Старый лорд поклонился Донелу, поднес кубок к губам и передал ему. Тот едва прикоснулся к вину, поднес кубок Дорилис, а затем

протянул Эллерту и Кассандре.

Неудачная сцена положила конец празднеству. Один за другим, пригубив вино, гости кланялись лорду Алдарану и уходили. Дорилис неожиданно разразилась рыданиями, которые быстро переросли в крикливую истерику.

— Что такое, Дорилис, дитя мое? — беспомощно произнес *дом* Микел. Когда он прикоснулся к девочке, та зарыдала еще громче.

Маргали, подоспевшая на помощь, заключила Дорилис в объятия.

— Она переутомилась, и неудивительно. Полно, полно, моя маленькая, разреши мне отвести тебя в постель. Пошли, моя дорогая, моя птичка, не надо плакать, — ворковала она.

Маргали, Элиза и Кэти почти вынесли девочку из зала. Немногие из оставшихся гостей в смущении разошлись по своим комнатам.

Донел, побагровевший и взбешенный, одним глотком осушил бокал и снова наполнил его с мрачной сосредоточенностью. Эллерт хотел было остановить его, но передумал и со вздохом отошел в сторону. Сейчас он ничего не мог сделать для юноши. Если Донел напьется, это будет лишь достойным завершением неудавшегося торжества.

Эллерт нагнал жену в дверях. Они молча направились по коридору к своим комнатам.

— Я не виню девочку, — сказала Кассандра, с мучительными усилиями поднимаясь по лестнице и придерживаясь за перила. — Нелегко играть роль новобрачной, когда все смотрят на тебя и чуть ли не в открытую осуждают свадьбу, а потом ложиться в постель в детской комнате — так, словно ничего не произошло! Вот так праздник для ребенка! Я уже не говорю о первой брачной ночи.

— Насколько я помню, любимая, ты тоже провела свою первую брачную ночь в одиночестве, — напомнил Эллерт, мягко взяв ее под локоть.

— Да, — ответила она, глядя на него и улыбаясь. — Но мой жених не лежал в постели с другой, которую он любил бы больше меня. Как думаешь, Дорилис не знает, что Донел спит с Ренатой? По-моему, она ревнует.

Эллерт фыркнул:

— Даже если и знает, что это может означать для нее, в ее-то возрасте? Она может ревновать Донела, но он остается ее старшим братом, и конечно, брачная ночь для нее не то же самое, что и для тебя.

— Я не слишком уверена в этом, — тихо сказала Кассандра. — Дорилис не так мала, как думает большинство людей. Да, я готова признать, что ей не так много лет, но того, кто обладает ее даром, несет на себе тяжесть двух смертей и знает все, чему может научить Рената, нельзя называть ребенком. Милосердные боги, что за ужасный клубок! — шепотом добавила она. — Не могу представить, что из этого получится.

Эллерт, который мог попробовать, решил, что лучше этого не делать.

Глубокой ночью Рената была разбужена какими-то звуками в коридоре. Мгновенно сообразив, кто это, она вскочила с постели, распахнула дверь и увидела Донела — растрепанного, едва стоящего на ногах и очень пьяного.

— В такую ночь… Разумно ли это, Донел? — спросила она, но тут же поняла, что ему наплевать. Она ощущала его отчаяние, словно собственную физическую боль.

— Если ты выгонишь меня сейчас, то я брошусь вниз с самой высокой башни этого замка, — хрипло пробормотал он.

Ее руки протянулись навстречу, втащили внутрь, захлопнули за ним дверь.

— Они могут женить меня на Дорилис, — с пья-

ной запальчивостью произнес Донел, — но она никогда не будет моей женой. Ни одна женщина не будет моей женой, кроме тебя!

«Милосердная Аварра, что с нами будет!» — подумала Рената. Она была Наблюдающей и понимала, что, учитывая его теперешнее состояние, трудно придумать худшие условия для сегодняшней встречи. Но она также знала, что не может лишить его ничего, что могло хотя бы ненадолго уменьшить боль, смягчить унижение сегодняшнего вечера. И еще она сознавала с горькой внутренней убежденностью, что в эту ночь понесет сына от Донела.

24

Через две недели Эллерт встретился с Кассандрой на лестнице, ведущей в южное крыло замка Алдаран, где просторные оранжереи ловили скудные лучи зимнего солнца.

— Сегодня ясный день, — сказал он. — Почему бы нам не погулять во дворе? Я так мало вижу тебя в последнее время. Но нет, ты не можешь. Сегодня вечером в женских покоях будет праздник в честь Дорилис, не так ли?

Все в замке Алдаран знали, что в последнюю неделю месяца Дорилис впервые начала выказывать признаки женской зрелости, — это и служило официальным предлогом для торжества. В течение последних трех дней она раздарила свои игрушки и любимую детскую одежду детям замка. Во второй половине дня ожидалось закрытое празднество среди женщин, знаменовавшее ее присоединение к женскому обществу.

— Я знаю, что ее отец послал за каким-то особым подарком, — сказал Эллерт.

Кассандра кивнула:

— А я вышила ей несколько лент для новых

платьев.

— Что, в конце концов, происходит там у вас, на женской половине? — с любопытством спросил Эллерт.

Кассандра звонко рассмеялась.

— Ах, муж мой, ты не должен спрашивать меня об этом, — отозвалась она и добавила с насмешливой серьезностью: — Есть некоторые вещи, о которых мужчинам лучше не знать.

Эллерт фыркнул:

— Эту присказку я слышу с тех пор, как покинул компанию христофоро. Полагаю, за обедом вы также не присоединитесь к нам.

— Нет, — ответила Кассандра. — Сегодня вечером все женщины будут обедать вместе, на празднике Дорилис.

Он наклонился и поцеловал ее руку.

— Ну что ж, в таком случае передай ей мои поздравления.

Он вышел. Кассандра, держась за перила, — поврежденное колено понемногу выздоравливало, но все еще причиняло неудобства при ходьбе, — начала подниматься в оранжерею.

Зимой женщины проводили много времени в оранжерее, так как только в этой части замка в погожие дни ярко светило солнце. Свет усиливал-

ся отражателями, снабжая растения жизненной энергией; в последний день перед праздником принесли цветущие ветки фруктовых деревьев и расставили повсюду. Маргали, как домашняя *лерони* и приемная мать Дорилис, распоряжалась проведением торжеств. На празднике присутствовало большинство женщин замка: жены рыцарей из стражи, придворных, приближенные Дорилис и немногие из ее фавориток-служанок, а также горничные и наставницы.

Сначала Дорилис отвели в часовню, где локон ее волос вместе с цветами и фруктами возложили на алтарь Эванды. После этого Маргали с Ренатой искупали ее (Кассандра, как самая знатная, была приглашена присутствовать при этом ритуале) и одели в новое платье, уложили волосы в женскую прическу. Глядя на свою воспитанницу, Маргали думала о том, как сильно Дорилис отличается от той девочки, которая меньше года назад вырядилась в женское платье перед помолвкой с Дарреном.

В былые дни частью церемонии в честь совершеннолетия девушки было напоминание о вещах, которые считались атрибутом взрослой жизни. По традиции все женщины приносили рукоделие и делали хотя бы несколько стежков.

Пока они шили, арфа переходила из рук в руки, и каждая из женщин пела песню или рассказывала историю, чтобы развлечь остальных. Элиза принесла большую арфу из комнаты для занятий музыкой и исполнила баллады горцев. В качестве закусок были поданы различные яства, в том числе некоторые любимые сладости Дорилис, но Рената заметила, что девушка лишь вяло пробует их, не обращая ни на что внимания.

— В чем дело, чиа?

Дорилис провела рукой по лицу:

— Я устала, и глаза немного болят. Мне не хочется есть.

— Полно, все уже прошло, — поддразнила одна из женщин. — Вот два-три дня назад у тебя в самом деле был повод для недомогания, но сейчас ты должна чувствовать себя нормально.

Рената взглянула на льняное полотно, лежавшее на коленях у Дорилис.

— Что ты делаешь, Дорилис?

— Я вышиваю праздничную рубашку для мужа, — с достоинством ответила Дорилис и повернулась, демонстрируя медный браслет. Рената не знала, смеяться ей или плакать. Традиционное занятие для женщины, а ведь девочка вступила в брак, который никогда не будет более

чем насмешкой! Что ж, она еще очень молода, и не будет вреда, если она вышьет рубашку для любимого старшего брата.

Элиза допела балладу и повернулась к Кассандре.

— Теперь ваша очередь. Вы удостоите нас своим пением, леди Хастур? — почтительно спросила она.

Кассандра помедлила, внезапно застеснявшись. Она понимала, что, если откажется, это может быть воспринято как признак высокомерия.

— С удовольствием, — ответила она. — Но я не могу играть на большой арфе, Элиза. Если бы кто-нибудь одолжил мне ррил…

Когда маленький инструмент был принесен и настроен, Кассандра запела приятным хрипловатым голосом, исполнив несколько песен дальних валеронских равнин. Песни были в новинку для жительниц гор, и они просили спеть еще, но Кассандра покачала головой:

— Может быть, в другой раз. Пусть Дорилис споет нам что-нибудь. Я уверена, ей не терпится испытать новую лютню.

Резная лютня, искусно отполированная и украшенная разноцветными лентами, была подарком

лорда Алдарана взамен старого инструмента, принадлежавшего еще матери Дорилис.

— Уверена, что ей уже надоело вышивать, — поддержала Маргали.

Дорилис с капризным видом подняла голову, оторвавшись от пялец.

— Мне не хочется петь, — вяло сказала она. — Прошу меня извинить.

Девочка снова провела рукой по лицу и потерла глаза:

— У меня болит голова. Мне нужно вышивать и дальше?

— Нет, милая, если тебе не хочется, — ответила Маргали. — Но мы все здесь занимаемся этим.

В сознании пожилой *лерони* возник образ, полный иронии. Рената и Кассандра без труда смогли прочесть его: Дорилис всегда с готовностью изображала головную боль, когда дело доходило до ненавистного ей рукоделия.

— Как ты смеешь так говорить обо мне? — внезапно выкрикнула Дорилис, швырнув рубашку на пол. — Мне в самом деле нехорошо, я не притворяюсь! Мне даже не хочется петь, а я *всегда* любила петь!

Она расплакалась. Маргали с беспокойством и изумлением смотрела на нее: «Но я же не от-

крывала рта! Великие боги, значит, девочка становится телепаткой?»

— Иди сюда, Дорилис, — ласково сказала Рената. — Сядь рядом со мной. Твоя приемная мать ничего не говорила. Ты просто прочла ее мысли, но в этом нет ничего страшного. Ты знаешь, мы все умеем это делать.

Но Маргали так долго считала свою воспитанницу лишенной телепатических способностей, что не привыкла защищать свои мысли от Дорилис. «Милосердная Аварра, и она тоже? Все остальные дети лорда Алдарана умерли от этого в ранней молодости, а теперь это начинается и с ней!»

Раздосадованная, Рената попыталась заблокировать мысли Маргали, но опоздала: Дорилис уже прочла их. Всхлипывания внезапно прекратились, девочка в ужасе уставилась на Ренату: «Кузина, я умру?»

— Конечно же нет, — твердо ответила та. — Как ты думаешь, зачем мы учили и тренировали тебя, если не для того, чтобы укрепить и подготовить к этому? Я не ожидала, что это произойдет так скоро, вот и все. А теперь постарайся больше не читать чужие мысли; ты еще не умеешь делать это как следует. Мы научим тебя управлять этим

даром.

Но Дорилис не слышала ее. Девочка затравленно оглядывалась по сторонам, словно маленький зверек, пойманный в ловушку, Ее рот открылся, глаза широко распахнулись.

Маргали встала и подошла к приемной дочери, пытаясь обнять и успокоить ее. Дорилис стояла неподвижно, не замечая прикосновений, неспособная воспринимать ничего, кроме массированной атаки незнакомых ощущений. Когда Маргали потянулась к ней, она неосознанно ударила пожилую *лерони* разрядом. Женщина отлетела к стене и бессильно сползла на пол. Элиза поспешила ей на помощь. Она подняла Маргали, уже пришедшую в себя. В глазах обеих женщин отражались ужас и непонимание.

«Сделать такое со мной… со мной?»

— Она не знает, что творит, — сказала Рената. — Она ничего не понимает. Я могу удержать ее, — добавила она, захватив девушку своим *лараном* так, как она сделала в тот день, когда Дорилис впервые начала перечить ей, — но это серьезно. Ей нужно дать немного кириана.

Маргали ушла за снадобьем, а Элиза, по совету Ренаты, попросила гостей удалиться. Слишком большое количество чужих мыслей могло еще

больше испугать Дорилис. Ей следовало находиться в присутствии лишь тех немногих, кому она доверяла. Когда Маргали вернулась с пузырьком кириана, в комнате, кроме самой Дорилис, остались лишь Рената и Кассандра.

Рената подошла к Дорилис, пытаясь войти в контакт с девочкой. Через некоторое время дыхание Дорилис стало более ровным. Взгляд снова стал осмысленным. Когда Маргали поднесла наркотик к ее губам, она проглотила снадобье не сопротивляясь. Ее положили на кушетку и накрыли одеялами, но, когда Рената опустилась на коленях в головах Дорилис, собираясь обследовать ее, девочка снова зашлась в паническом крике:

— Нет, нет, не прикасайся ко мне!

Над замком внезапно грянул гром, эхом отдавшийся в горах.

— Чиа, я не сделаю тебе больно. Я только хочу посмотреть…

— Не прикасайся ко мне! — взвизгнула Дорилис. — Ты хочешь, чтобы я умерла, а затем заберешь себе Донела!

Рената потрясенно отпрянула. Такая мысль не посещала ее, но, может быть, Дорилис прозондировала ее сознание до уровня, о котором

она сама не подозревала? Усилием воли отогнав неуместное чувство вины, Рената протянула руки к девушке:

— Нет, милая, нет. Взгляни: ты можешь читать мои мысли, если захочешь. Ты сама поймешь, какая это чепуха. Я всего лишь хочу, чтобы ты снова выздоровела.

Но было ясно, что сейчас Дорилис не в состоянии прислушаться к доводам рассудка. Кассандра заняла место Ренаты. Из-за хромоты она не смогла опуститься на колени, но села на край кушетки рядом с девочкой.

— Рената никогда не причинит тебе вреда, чиа, но мы не хотим, чтобы ты сама случайно навредила себе. Я тоже Наблюдающая. Я сама обследую тебя. Ты ведь не боишься меня, верно?

Она повернулась к Ренате и тихо добавила:

— Когда Дорилис успокоится, она разберется что к чему.

Рената отошла в сторону. Она все еще была так ошарашена неожиданной атакой Дорилис, что почти не могла связно думать. «Неужели она сходит с ума? Неужели для нее пороговая болезнь означает безумие?» Рената была готова к ревности Дорилис, к ревности сестры, узнавшей, что ее брат больше не принадлежит ей безраздельно,

но она оказалась не готова к столь интенсивному проявлению эмоций.

«Проклятье на голову старика, если он заставил ее поверить, что этот брак будет чем-то иным, кроме юридической фикции!» Хотя Рената надеялась вскоре сообщить Донелу о том, что носит под сердцем его сына — сейчас она была совершенно уверена в этом и уже обследовала плод, убедившись, что он здоров, — она понимала, что некоторое время это придется хранить в секрете. Если Дорилис больна и выведена из равновесия, такая новость лишь еще сильнее расстроит ее.

Кассандра приступила к обследованию. Когда кириан начал оказывать свое воздействие, девочка успокоилась. Ее дыхание стало ровным и глубоким.

— Это… это кончилось? — Голос звучал спокойно, сердце больше не трепыхалось в груди, словно пойманная птица. — Оно начнется снова?

— Возможно, — ответила Кассандра. Заметив ужас, промелькнувший в глазах Дорилис, она добавила: — Это чувство станет менее пугающим, если ты привыкнешь к нему. С каждым разом тебе будет все легче, а когда ты совсем повзрослеешь, то будешь пользоваться новым даром так же, как зрением. Ты сможешь видеть по своему

желанию вблизи и вдали и отгораживаться от всего, что не нравится.

— Я боюсь, — прошептала Дорилис. — Не оставляйте меня одну.

— Нет, мой ягненочек, — нежно проворковала Маргали. — Если нужно, я буду спать в твоей комнате.

— Я знаю, Маргали была тебе настоящей матерью и ты хочешь, чтобы она была рядом с тобой, — сказала Рената. — Но честно говоря, Дорилис, я более опытна и смогу лучше помочь тебе, если в этом возникнет необходимость.

Дорилис протянула к ней руки. Рената подошла ближе, опустилась на колени, и девушка бросилась ей на шею:

— Прости, Рената, я этого не хотела. Прости меня, кузина… ты знаешь, что я люблю тебя. Пожалуйста, останься со мной!

— Разумеется, милая. — Рената погладила Дорилис по голове. — Я знаю, знаю. Я тоже страдала от пороговой болезни. Ты напугана, твое сознание переполнено незнакомыми мыслями. Очень трудно совладать с этим, когда приступ начинается неожиданно, как у тебя. Теперь мы каждый день будем понемногу работать с твоим матриксом. Когда это начнется снова, ты будешь

готова и не испугаешься.

«О, если бы она могла попасть в Башню! — подумала Рената. — Там ей нечего было бы бояться». Мысленный ответ Кассандры эхом повторил ее желание. Гром снова загрохотал вдали и грузно заворочался в небе над замком.

Эллерт услышал раскаты грома, находясь в приемном зале вместе с Донелом и лордом Алдараном. Гром всегда заставлял Донела думать о Дорилис, независимо от того, где он его слышал. Судя по всему, *дом* Микел уловил мысли приемного сына.

— Теперь, когда твоя жена вступила в пору зрелости, ты можешь заняться делом и подарить ей наследника, — с жестокой улыбкой произнес он. — Если мы будем знать, что скоро получим наследника крови Алдаранов, то во всеоружии встретим Скатфелла, когда он нападет на нас, — а весна уже не за горами.

Лицо Донела ничего не выражало, но *дом* Микел уловил его возмущение и нахмурился:

— Во имя всех преисподен Зандру, парень! Я не жду, что столь юная девушка привлечет тебя в качестве любовницы, но когда ты исполнишь свой долг перед кланом, то сможешь завести столько других женщин, сколько тебе заблагорассудится.

Никто не станет перечить тебе в этом. Сейчас важно дать Алдарану законного наследника.

Донел сделал негодующий жест: «Неужели все старики так циничны?» В то же мгновение он ощутил, как разум приемного отца подхватил и дополнил эту мысль на свой лад: «Неужели все молодые люди так глупы и идеалистичны?»

Микел Алдаранский подошел к приемному сыну и положил ему руку на плечо:

— Мой дорогой мальчик, взгляни на дело с другой стороны. В следующем году в это самое время у Алдарана уже будет наследник, а ты станешь его законным регентом.

Когда он произносил эти слова, с губ Эллерта едва не сорвалось невольное восклицание: таким ясным и четким было видение, показанное его *лараном*. В огромном чертоге, где они сейчас стояли, он увидел *дома* Микела, выглядевшего на несколько лет старше, согбенного и поседевшего, со спеленутым ребенком на руках. Лицо новорожденного казалось маленьким розовым овалом, полускрытым в складках теплой шали. *Дом* Микел объявлял о рождении наследника рода Алдаранов, и приветственные крики звучали так громко, что Эллерт не мог поверить, что остальные не слышат их… Затем образы буду-

щего потускнели и пропали, оставив его глубоко потрясенным.

Значит, Донел действительно станет отцом ребенка, родившегося от его младшей сестры, и его сын станет наследником Алдарана? Видение казалось ясным и недвусмысленным. Донел, частично перехвативший образ в сознании Эллерта, опустил голову и стиснул зубы. Кое-что удалось уловить и старому лорду, оскалившему зубы в торжествующей ухмылке. Наконец-то он увидел наследника, мысль о котором не давала ему покоя!

В этот момент в зал вошли Маргали и Кассандра. Ухмылка лорда Алдарана уступила место благожелательной улыбке.

— Не ожидал, что ваше торжество закончится так скоро, мои леди. Когда дочь моего управляющего вступила в пору зрелости, песни и танцы в женских покоях продолжались до глубокой ночи… — Он внезапно замолчал. — Маргали, родственница, что случилось?

Слов не понадобилось: известие было написано на лицах вошедших.

— Пороговая болезнь! О, милосердная Аварра!

Освободившись от паранойи честолюбия, старик превратился в обеспокоенного отца.

— Я надеялся, что она будет избавлена от этого, — дрожащим голосом произнес он. — *Ларан* Алисианы проявился в раннем детстве, она не болела в девичестве, но на моей семье лежит проклятие… Мои старшие сыновья и дочь… — Он склонил голову. — Я уже так давно не вспоминал о них!

Эллерт увидел образы детей в его сознании, усиленные воспоминаниями пожилой *леронии*: старшего, смуглого, смешливого паренька; младшего, более серьезного и деловитого, с копной непокорных кудрей на голове и треугольным шрамом на подбородке; изящную, бледную девушку, напоминавшую Дорилис горделивой посадкой головы и грациозными движениями…

Всем своим существом Эллерт ощутил горе отца, ставшего свидетелем болезни и смерти своих детей. Все умерли, один за другим. Исчезла их красота, исчезла надежда. Он увидел в сознании старого лорда ужасную картину — картину, которая никогда не будет забыта. Девушка, бьющаяся в судорогах… Свалявшиеся длинные волосы, губы, прокушенные насквозь, так что все лицо было залито кровью… Глаза, чей мечтательный взгляд сменился дикостью агонизирующего животного…

— Ты не должен отчаиваться, кузен, — тихо сказала Маргали. — Рената хорошо вышколила ее, и она сможет это вынести. Первый удар пороговой болезни часто бывает самым жестоким, поэтому если она выживет, то худшее позади.

— Да, так часто бывает, — эхом отозвался *дом* Микел, но было заметно, что его мысли обращены к ужасу прошлых лет. — Так было с Рафаэллой. Она смеялась, танцевала и играла на арфе, а на следующий день превратилась в вопящее, безумное существо, бьющееся в конвульсиях у меня на руках. Она так и не узнала меня. Когда она перестала бороться, я не знал, горевать мне или радоваться окончанию ее мучений… Но Дорилис выжила.

— Да, выжила, — согласилась Кассандра. — У нее даже не было настоящего кризиса. Нет оснований полагать, что она умрет.

Сердитый голос Донела резанул по нервам собравшихся:

— Теперь ты понимаешь, что было у меня на уме, отец. Прежде чем говорить о ее ребенке, нам нужно, по крайней мере, быть уверенными в том, что она доживет до той поры, когда станет полноценной женщиной!

Алдаран отпрянул, как от удара. Гром, умирав-

ший за окнами, неожиданно загрохотал с новой силой, а затем хлынул ливень. Дробный перестук капель наполнил пространство снаружи, отбивая неведомый ритм, в котором слышалась тяжкая поступь армий Скатфелла, выступивших военным маршем на замок Алдаран.

В Хеллерах наступила весна, и это означало, что война приближалась с каждым часом.

25

В первые весенние дни дождь лил почти постоянно. Лорд Алдаран приветствовал непогоду, поскольку знал, что она задержит армии Скатфелла в пути, снизив боевой дух его людей. Пришло письмо от Дамона-Рафаэля с выражениями искреннего сочувствия; в заключение он призывал младшего брата вернуться домой, как только дороги откроются после весеннего паводка. Каждая строчка письма, казалось, дышала злобой и коварством.

«Если я сейчас вернусь, Дамон-Рафаэль убьет меня. Все очень просто: я отрекся от своего слова. Я дал клятву поддерживать его правление, а теперь понимаю, что это невозможно. Моя жизнь теперь немного стоит, ибо я нарушил клятву… пусть хотя бы в мыслях, а не в делах». С такими мыслями Эллерт жил в Алдаране, радуясь весенним дождям, оправдывавшим его задержку.

«Дамон-Рафаэль еще не уверен до конца. Но если дороги откроются и я не приеду, то меня объявят предателем. Интересно, как он поступит, когда у него не останется никаких сомнений?»

Тем временем Дорилис испытала еще несколько приступов пороговой болезни, хотя и не таких сильных, как первый. Рената ни разу не сочла, что жизнь девушки подвергается опасности. Сама же она находилась при Дорилис практически постоянно, не щадя своих сил.

— Не знаю, в самом ли деле ей приятно мое общество, — говорила она Кассандре с печальной улыбкой, — или же она считает, что лучше терпеть мое присутствие, чем представлять меня в объятиях Донела.

Обе женщины знали и другое, о чем пока не говорилось открыто.

«Рано или поздно она узнает, что я ношу ребенка Донела. Я не хочу ранить ее чувства и причинить ей еще больше горя».

Когда Донел виделся с Дорилис — что случалось редко, так как он руководил подготовкой обороны Алдарана против неизбежной атаки Скатфелла, — он держался вежливо и внимательно, как любящий старший брат. Но когда Дорилис называла его мужем, он либо не отвечал, либо отделывался смехом, словно речь шла о какой-то шутке, понятной только ему.

В эти дни, пока Дорилис испытывала повторные приступы дезориентации и расстройства

чувств, ее еще необузданный телепатический дар приводил к психическим перегрузкам. Она очень сблизилась с Кассандрой. Разделенная любовь к музыке укрепляла их дружбу. Дорилис уже талантливо играла на лютне; Кассандра научила ее играть на рриле и петь песни Валерона, своей далекой родины.

— Не знаю, как ты только могла жить на равнинах, — сказала Дорилис. — Я не могу жить без крутых склонов и заснеженных пиков вокруг. Должно быть, эти равнины — ужасно унылое и скучное место.

Кассандра улыбнулась:

— Нет, моя милая, там очень красиво. А здесь мне иногда кажется, будто горы смыкаются вокруг меня и мешают дышать, словно прутья огромной клетки.

— В самом деле? Как странно! Кассандра, я не могу взять тот аккорд, который ты исполняешь в конце баллады.

Кассандра взяла ррил и показала Дорилис, как она играет.

— Но ты не сможешь исполнить этот аккорд так же, как я. Тебе придется попросить Элизу, чтобы она подобрала транспозицию в другой тональности. — Кассандра протянула ладонь, и

девочка уставилась на нее расширившимися от удивления глазами:

— О, у тебя шесть пальцев на руке! Неудивительно, что я не могу играть так же, как ты. Я слышала, что это признак крови чири, но ты не эммаска, как они, — правда, кузина?

— Нет, — с улыбкой ответила Кассандра.

— Я слышала… Отец говорил мне, что король — эммаска, поэтому у него отнимут трон этим летом. Бедный король, какое горе для него! Ты когда-нибудь видела его? Как он выглядит?

— Когда я видела его в последний раз, он был молодым принцем, — ответила Кассандра. — Он тихий и печальный. Думаю, он мог бы стать хорошим королем, если бы ему позволили править.

Дорилис склонилась над инструментом, пробуя взять непокорный аккорд. В конце концов ей пришлось отказаться от этого занятия.

— Хотела бы я иметь шесть пальцев на руке, — сказала она. — Никак не получается! Интересно, унаследуют ли мои дети музыкальные способности или только *ларан*?

— Ты еще слишком молода, чтобы думать о детях, — заметила Кассандра.

— Уже через месяц я смогу зачать ребенка. Ты знаешь, как нам нужен наследник крови Алда-

ранов.

Девочка говорила так серьезно, что Кассандра не могла не пожалеть ее.

«Вот что они делают с женщинами нашей касты! Дорилис едва успела отложить в сторону своих кукол, а уже не думает ни о чем, кроме своего долга перед кланом».

— Может быть, — она замешкалась после долгого, тягостного молчания, стараясь подобрать нужные слова, — может быть, Дорилис, тебе вовсе не следует иметь детей с тем проклятием *ларана*, которое ты носишь в себе?

— Если наследник Домена может рисковать жизнью на войне, то дочь великого лорда обязана рискнуть всем ради детей своей касты, — возразила Дорилис. Ее уверенность придавала знакомым словам угрожающий оттенок.

Кассандра тяжело вздохнула.

— Я знаю, *чиа*. Когда я была маленькой, мне тоже приходилось каждый день слышать эти слова. Они казались истиной, и я верила им так же, как ты веришь сейчас. Но мне кажется, ты сначала должна вырасти, а потом уж решать, что к чему.

— Я достаточно взрослая и могу принять решение, — заявила Дорилис. — У тебя нет такой проблемы, как у меня, кузина: *твой* муж — не

наследник Домена.

— Разве ты не знала? — спросила Кассандра. — Старший брат Эллерта будет королем, если эммаска из Тендары лишится трона по решению Совета. У него нет законных сыновей.

Дорилис уставилась на нее.

— Ты могла бы стать королевой! — благоговейно прошептала она. Очевидно, до сих пор у нее не было ни малейшего представления о титуле Эллерта; он был лишь другом ее брата. — Но тогда *дом* Эллерт тоже нуждается в наследнике, а ты так и не принесла ему сына!

В голосе Дорилис звучала укоризна. Помедлив, Кассандра рассказала ей о выборе, который сделали они с Эллертом.

— Мы могли бы это сделать, но подождем, пока не будем уверены, — закончила она. — Совершенно уверены…

— Рената сказала, что я не могу рожать дочерей, — пробормотала Дорилис. — Иначе я умру, как умерла моя мать, когда рожала меня. Но я не уверена, что могу доверять Ренате. Она сама любит Донела и не хочет, чтобы у меня были дети от него.

— Если это так, то лишь потому, что она боится за тебя, чиа, — очень мягко сказала Кассандра.

— Но в любом случае сначала у меня будет сын, — продолжала Дорилис, — а дальше посмотрим. Возможно, когда я рожу сына, Донел забудет Ренату, потому что я стану матерью его наследника.

Детское невежество наследницы Алдарана было так очевидно, что Кассандра встревожилась. Ее снова одолели сомнения. Может ли она наилучшим образом укрепить свой брак с Эллертом, подарив ему сына, которого он должен иметь, если его не лишат наследства, как собираются сделать с принцем Феликсом? Они уже довольно долгое время не возвращались к этой теме.

«Кажется, я бы все отдала, лишь бы быть такой же уверенной в себе, как Дорилис». Но Кассандра решительно взяла ррил, лежавший у нее на коленях, и положила пальцы Дорилис на струны.

— Посмотри. Если ты будешь держать инструмент вот так, то сможешь взять сложный аккорд.

Дни проходили за днями. Снова и снова Эллерт видел перед собой образы осажденного замка Алдаран. Он знал, что реальность еще не настигла их, что лишь его предвидение с мрачной очевидностью рисовало ему неизбежное. А в том, что война неизбежна, он больше не сомневался.

— В этом сезоне весенние грозы в Нижних Землях закончатся рано, — сказал Донел. — Но я не знаю, какова погода в Скатфелле или в Сэйн-Скарпе и каким путем двинутся их армии. Нужно подняться на наблюдательную башню и следить за подозрительными передвижениями на дорогах.

— Возьми с собой Дорилис, — посоветовал Эллерт, — она даже лучше тебя умеет угадывать погоду.

— Мне не слишком хочется встречаться с Дорилис, — с усилием отозвался Донел. — Особенно теперь, когда она научилась читать мысли. Как ты можешь понять, я не рад, что она становится телепаткой.

— Однако если ты будешь избегать ее… — Эллерт не закончил фразу.

Донел вздохнул:

— Ты прав, кузен. Кроме того, я не могу постоянно отделываться пустыми фразами.

Послав слугу в комнаты своей сестры, он погрузился в мрачное раздумье: «Так ли уж плохо будет дать Дорилис то, чего хочет мой отец. Возможно, если она получит это, то перестанет ревновать меня к Ренате и нам не понадобится таиться от всех…»

В тунике, вышитой зелеными листьями, с пышными волосами, уложенными в косы на затылке и прихваченными женской брошью-бабочкой, Дорилис казалась воплощением весны. Эллерт мог различить в сознании Донела диссонанс между воспоминаниями о ребенке и той высокой, красивой девушкой, в которую она превратилась. Юноша учтиво склонился над ее рукой.

— Теперь я вижу, что должен называть тебя *моей леди*, Дорилис, — весело сказал он, пытаясь обратить все в шутку. — Похоже, маленькая девочка исчезла навсегда. Мне понадобятся твои таланты, *карья*, — добавил он, объяснив, что от нее требуется.

Посреди замка Алдаран над всеми постройками возносилась смотровая башня — поразительный образчик инженерной архитектуры, принцип строительства которого так и остался непонятным для Эллерта. Должно быть, ее возвели с помощью матриксного круга. Башня доминировала над всей округой, оттуда открывался обзор на огромное расстояние. Пока они поднимались наверх, в узких стрельчатых окнах стоял густой туман, но когда вошли в высокий чертог, облака поредели. Донел с восторженным изумлением взглянул на Дорилис, и она улыбнулась ему с

сознанием собственного достоинства.

— Рассеять небольшой туман — *такое* под силу даже ребенку! Всего лишь легчайшее мысленное прикосновение, захотел ясно видеть — и готово… Донел, я помню, как ты водил меня сюда, когда я была маленькой, и давал мне смотреть в большие подзорные трубы.

Эллерт различал какое-то смутное, роящееся шевеление почти у самого горизонта. Он моргнул, понимая, что там никого нет, потом потряс головой, стараясь отделить прошлое от будущего. Но нет! Армии двигались по дорогам, хотя находились еще далеко от ворот Алдарана.

— Нам не нужно бояться, — успокаивающе заметил Донел, обращаясь к Дорилис. — Алдаран еще ни разу не был захвачен силой оружия. Мы могли бы вечно удерживать эту цитадель, имея достаточно провианта. Враги будут у наших ворот через два-три дня. Я слетаю на разведку на планере и вернусь с новостями о расположении и численности их войск.

— Нет, — возразил Эллерт. — Позволь мне дать тебе совет, родич: тебе нельзя лететь самому. Теперь, когда ты командуешь обороной, твое место здесь, где любой из вассалов, нуждающийся в совете, может немедленно найти тебя. Ты

не должен рисковать собой, выполняя задание, посильное для любого из твоих подчиненных.

Донел недовольно нахмурился.

— Это против моих правил, — резко сказал он. — Я не могу подвергать людей опасности, с которой не решаюсь справиться сам.

— Ты справляешься со своими опасностями, — возразил Эллерт. — Но есть опасности для вождей и опасности для рядовых. Их нельзя менять местами. С этого времени, родич, твои полеты будут занятием для мирного времени.

Дорилис легким движением прикоснулась к руке Донела:

— Теперь, когда я стала женщиной, мне по-прежнему можно летать на планере?

— Разумеется, — ответил Донел. — Когда наступит мир, ты сможешь летать сколько душе угодно, но о таких вещах ты должна спрашивать отца и Маргали, чиа.

— Я твоя жена, — возразила она. — Только ты имеешь право приказывать мне!

Донел вздохнул, раздираемый противоречивыми чувствами:

— Тогда, чиа, я приказываю тебе слушаться Маргали и Ренату. Я не могу принимать решение в таких вопросах.

При упоминании имени Ренаты лицо Дорилис угрожающе омрачилось. «Когда-нибудь я буду должен ясно сказать ей, какие отношения у меня с Ренатой», — подумал Донел. Нежно положив руку на плечо сестре, он добавил:

— Чиа, когда мне было четырнадцать лет и я страдал от пороговой болезни так же, как ты сейчас, мне запретили летать больше чем на полгода. Когда болеешь, нельзя предугадать, в какое время может наступить дезориентация и головокружение. Поэтому я буду очень рад, если ты воздержишься от полетов до полного выздоровления.

— Я сделаю так, как ты скажешь, муж мой, — ответила она, подняв голову и глядя на него с таким обожанием, что Донел содрогнулся.

Когда она ушла, Деллерей с отчаянием посмотрел на Эллерта:

— Она больше не ребенок! Я не могу думать о ней как о ребенке, а ведь сейчас это моя единственная защита.

Ситуация мучительно напоминала Эллерту его собственный моральный конфликт с ришья, но имелось одно отличие. Ришья были стерильны и не могли вполне считаться людьми, поэтому все, что он делал с ней, касалось лишь его чув-

ства собственного достоинства. Но Донел был вынужден играть роль бога в жизни настоящей женщины. Как можно что-либо советовать в такой ситуации? Эллерт сам выполнил супружеские обязанности в нарушение данной клятвы, хотя и по той же причине — потому, что этого захотела женщина.

— Возможно, будет лучше не думать о Дорилис как о ребенке, кузен, — сказал он. — После того, что она пережила, ее уже нельзя назвать маленькой девочкой. Думай о ней как о молодой женщине. Попытайся прийти с ней к какому-нибудь соглашению как с женщиной, достаточно взрослой, чтобы принимать самостоятельные решения. По крайней мере, попытайся сделать это, когда пройдет пороговая болезнь и можно будет не опасаться неожиданных вспышек с ее стороны.

— Ты совершенно прав. — Донел со вздохом огляделся по сторонам. — Но нам нужно идти вниз; отец должен узнать, что на дорогах началось движение. Пора высылать разведчиков.

Алдаран выслушал новости со свирепой улыбкой.

— Значит, началось, — произнес он, и Эллерт снова увидел перед собой старого ястреба, вски-

дывающего голову, расправляющего крылья, готового к последней схватке…

Когда армии пересекли Кадарин и продвинулись на север в глубь Хеллеров, Эллерт, наблюдавший за ними своим *лараном*, с упавшим сердцем осознал, что некоторые вооруженные отряды были высланы против *него*. Он видел воинов с эмблемой Хастуров из Элхалина, увенчанной короной, отличавшей их от Хастуров из Каркосы и замка Хастур.

День за днем они с Донелом поднимались на смотровую башню, ожидая увидеть врага под стенами замка.

«Реальны ли они или мой *ларан* снова морочит меня призраками будущего?»

— Они реальны, так как я тоже их вижу, — ответил Донел, прочитав его мысли. — Нужно сообщить отцу о воинах Хастура.

— Он так не хотел ввязываться в распри Нижних Земель, — с горечью сказал Эллерт. — Теперь, укрывая меня и мою жену, он приобрел нового врага. У Дамона-Рафаэля появились основания для союза со Скатфеллом.

«Теперь у меня в самом деле нет брата», — подумал он, когда они повернулись к лестнице, ведущей в нижние покои замка. Донел положил

руку ему на плечо.

— У меня тоже, кузен, — сказал он.

Повинуясь внезапному порыву, оба одновременно вынули свои кинжалы. Эллерт улыбнулся и протянул свой кинжал Донелу рукоятью вперед, а затем убрал кинжал Донела в ножны, висевшие у него на поясе. Это был очень старый обет; он означал, что ни один из них при любых обстоятельствах не обнажит сталь против другого.

Донел вложил в ножны кинжал Эллерта. Они коротко обнялись и спустились во двор. Когда они вышли на плиты мостовой, один из слуг неожиданно указал вверх:

— Смотрите, летит! Что это?

— Всего лишь птица, — отозвался кто-то.

— Нет, это не птица! — послышался новый крик.

Эллерт запрокинул голову и увидел *нечто*, спускавшееся вниз медленными кругами. Ледяные пальцы страха сжали его душу.

«Это работа Дамона-Рафаэля — стрела, выпущенная мне в сердце, — подумал он, почти парализованный ужасом. — У Дамона-Рафаэля есть слепок с моего матрикса, с моей души. Он может нацелить на меня одно из смертоносных изобретений Корина, не опасаясь, что оно убьет

кого-то еще».

В этот момент он ощутил, как мысли Кассандры сплелись с его собственными; затем в ясном небе ударила молния, раздался торжествующий крик, и подбитое существо, которое *не было* птицей, камнем упало вниз, разбрызгивая жидкий огонь. Слуги в ужасе разбежались по углам. Платье какой-то женщины загорелось, когда на него попала капля ужасного состава. Один из конюхов схватил ее и окунул в бак с водой для умывания, стоявший в дальнем конце двора. Она пронзительно закричала, но огонь зашипел и угас. Приблизившись, Эллерт взглянул на подбитую птицу, все еще корчившуюся в агонии, охваченную языками пламени.

— Принесите воды и потушите огонь, — распорядился он.

На механическую птицу вылили несколько ведер воды. Глядя на копошащиеся останки, Эллерт испытывал отвращение, граничившее с тошнотой. Женщина, которую окунули в бак с водой, выбралась оттуда с помощью конюхов. Она рыдала, вода лилась с нее ручьями.

— Тебе еще повезло, — обратился к ней Донел. — На тебя попала капля клингфайра. Она могла бы прожечь платье, кожу и плоть и добра-

лась бы до костей, прежде чем ты бы сообразила, что происходит.

Эллерт растоптал омерзительное существо, сделанное из металлической проволоки, маленьких колесиков и псевдоплоти, но отдельные части механизма еще продолжали шевелиться.

— Заберите это и выбросите на помойку, — приказал он одному из грумов. — Не прикасайтесь к нему голыми руками и закопайте поглубже.

Один из подошедших стражников покачал головой:

— Великие боги, значит, вот с какими созданиями нам придется столкнуться в этой войне? Чье дьявольское измышление наслало на нас эту тварь?

— Это лорд Элхалин, который собирается стать королем, — с каменным лицом ответил Донел. — Если бы не сноровка и талант моей сестры, мой друг и брат сейчас умирал бы здесь, охваченный пламенем.

Почувствовав приближение Дорилис, он резко обернулся. Кассандра, поспевавшая за девушкой, шла медленнее, но так быстро, как позволяла ее хромота.

Дорилис подбежала к Донелу и заключила его в объятия.

— Я почувствовала, как оно парит над нами! — воскликнула она. — А потом я сбила его! Оно не поразило тебя или Эллерта. Я спасла вас! Я спасла вас обоих!

— Совершенно верно, — ответил Донел, обнимая девушку. — И мы благодарны тебе, моя милая. Ты в самом деле заслужила прозвище, которое дал тебе Кейрил на пожарной станции: Королева бурь!

Дорилис прильнула к нему. Ее лицо осветилось такой радостью, что Эллерт неожиданно испугался. Ему показалось, что молнии играют повсюду над замком Алдаран, хотя небо снова полностью очистилось.

Кассандра подошла к мужу и обняла его. Эллерт ощутил ее страх как свой собственный и вспомнил, что ей знакома боль от ожога клингфайром.

— Не плачь, любимая. Дорилис спасла меня. Дамон-Рафаэль будет очень удивлен. Полагаю, он не верил, что я смогу ускользнуть от его адского посланца, поэтому вряд ли пошлет нового.

Но, даже утешая ее, он испытывал чувство горечи. Эта война будет не обычным сражением между горными лордами.

26

Если у Эллерта когда-либо возникали сомнения по поводу предстоящей войны, то сейчас их не осталось. На каждой дороге, ведущей к цитадели Алдарана, собирались армии. Донел, возводивший оборонительные рубежи на склонах, окружил замок двойным кольцом укреплений. Впервые на его памяти замок Алдаран превратился в осажденную крепость.

В замок прибыл посланец под мирным флагом. Эллерт стоял в приемном чертоге, глядя на *дома* Микела, восседавшего в высоком кресле, — спокойного, холодного, угрожающего. Дорилис сидела по левую руку от него, а Донел стоял по правую.

— Мой лорд, — с поклоном сказал посланец. — Услышь слова Ракхела из Скатфелла и его требования к Микелу Алдаранскому.

Голос Алдарана был на удивление спокойным.

— Я не привык к требованиям, — произнес он. — Мой брат из Скатфелла может законно просить меня о том, что подобает получать вассалу от верховного лорда. А потому передай своему

хозяину мое неудовольствие: он не вправе требовать от меня того, о чем может лишь просить в соответствующих выражениях.

— Я передам ему эти слова, — ответил посланец.

Эллерт понял, что видит глашатая — специально обученного оратора, способного в течение нескольких часов дословно передавать речь или содержание разговора без малейших изменений в построении фраз и произношении слов. Он был уверен, что слова лорда Алдарана будут в точности переданы Скатфеллу, вплоть до мельчайших интонаций.

— Итак, лорд Алдаран, услышь слова Ракхела из Скатфелла, обращенные к его брату из Алдарана.

Осанка посланца и даже тембр его голоса изменились. Хотя он был человеком невысокого роста, иллюзия казалась полной, словно сам лорд Скатфелл стоял в зале. Донел различал в речи глашатая знакомые добродушно-оскорбительные нотки, характерные для Ракхела.

— Поскольку в последнее время ты, брат, отдал некоторые незаконные и скандальные распоряжения, касающиеся наследства Алдаранов, то я, Ракхел из Скатфелла, хранитель и законный наследник Домена Алдаран, обязавшийся

поддерживать и защищать Домен, буде болезнь, умственное расстройство или же преклонный возраст сделают тебя непригодным к этому, объявляю тебя немощным, выжившим из ума и неспособным принимать какие-либо решения от лица Домена. Я, Ракхел из Скатфелла, готов принять на себя владычество над Доменом от твоего имени. А посему я требую… — при этом слове кулаки лорда Алдарана судорожно сжались, — требую от тебя немедля передать в мое распоряжение замок Алдаран и твою дочь-недестро, Дорилис из Рокравена, для ее бракосочетания ради высшего блага нашего Домена. Что касается предателя Довела из Рокравена, прозванного Деллереем и незаконно употребившим твою немощь и слабоумие во зло и бесчестие нашему роду, то я, законный регент Алдарана, готов пощадить его при условии, что он покинет замок Алдаран до рассвета и уйдет куда пожелает. Да не ступит более его нога в пределы наших земель, иначе он будет объявлен вне закона и убит, как дикий зверь, руками любого из моих подданных.

Донел застыл. Его губы сжались в тонкую линию.

«Он хочет владеть замком Алдаран», — подумал Эллерт. Возможно, сначала Донел был готов

отступить в сторону ради родственников старого лорда, но теперь очевидно, что он привык думать о себе как о законном наследнике приемного отца.

Глашатай продолжал речь. Тембр его голоса и поза стали другими. Хотя Эллерт уже видел эту технику, его поразила быстрота этой перемены.

— В добавление к сказанному я, Дамон-Рафаэль из Элхалина, законный король Доменов, требую от Микела Алдаранского немедленно выдать мне предателя Эллерта Хастура из Элхалина и его жену, Кассандру Эйлард. Им будет предъявлено обвинение в заговоре против короны, а ты, Микел Алдаранский, должен предстать передо мной для обсуждения контрибуции, причитающейся правящему дому Тендары с рода Алдаранов, дабы во время моего правления ты и далее мог бы мирно здравствовать в своем Домене.

Голос посланника и его осанка снова изменились, и перед ними опять предстал Ракхел из Скатфелла.

— А ежели ты, брат мой, откажешься от какого-либо из этих требований, то я буду вынужден силой взыскать их с тебя и твоих подданных, буде то окажется необходимым.

Глашатай поклонился и замолчал.

— Дерзкое послание, — наконец произнес Алдаран. — И если рассудить по справедливости, то передавшего его следует повесить на самой высокой башне замка, так как, служа моему брату, он тем самым поклялся служить и своему верховному лорду, то есть мне. В таком случае почему бы мне не обойтись с тобой как с предателем, друг мой?

Посланец побледнел, но на его лице не отразилось никаких эмоций.

— Эти слова принадлежат не мне, мой лорд, но твоему брату из Скатфелла и его величеству из Элхалина, — ответил он. — Если они оскорбили вас, сир, то я умоляю вас подвергнуть наказанию тех, кто произнес слова, а не гонца, повторяющего их по приказу.

— Что ж, ты прав, — мягко сказал Алдаран. — К чему наказывать щенка, когда раздражает меня лаем старый пес? В таком случае передай лорду Скатфеллу *мое* послание. Скажи ему, что я, Микел Алдаранский, нахожусь в здравом уме и твердой памяти и являюсь его верховным лордом по клятве и обычаю. Передай ему, что ежели бы мне вздумалось вершить правосудие, то я бы лишил его владения в Скатфелле, которое он удерживает лишь моей милостью, и объявил бы вне закона на

своей земле, удостоив его той же участи, которой он вознамерился подвергнуть законного мужа моей дочери. Передай далее моему брату: что касается Дорилис, то она уже сочеталась браком ди катенас и ему не стоит беспокоиться о поисках мужа для нее. А что до лорда Дамона-Рафаэля из Элхалина, скажи ему, что я не знаю, кто правит за Кадарином и мне нет до этого дела. В пределах этого Домена я не признаю никакого правления, кроме своего собственного. Но если он, как будущий король на троне Тендары, направит мне приглашение на свою коронацию, то мы сможем обсудить с ним вопросы обмена дипломатическими любезностями. Лорда Эллерта Хастура я с почетом принимаю в своем доме, и он волен ответить лорду Элхалину что пожелает или же не отвечать вовсе.

Эллерт облизнул губы, с опозданием осознав, что даже этот почти незаметный жест будет досконально воспроизведен глашатаем, стоявшим перед ним. Но было уже поздно сетовать на свою слабость.

— Передай моему брату Дамону-Рафаэлю, что я приехал в Алдаран, выполняя его волю, и верно исполнил все, о чем он меня просил. Так как моя миссия завершена, то я заявляю о своем праве из-

брать место жительства по своему усмотрению, не советуясь с ним.

«Плохой ответ», — подумал он и быстро добавил:

— Скажи далее, что климат Хали оказался вреден для здоровья моей жены и потому я забрал ее из Башни ради ее блага и безопасности.

«Пусть Дамон-Рафаэль подавится!»

— И наконец, передай, что я не замышлял и не замышляю никаких заговоров против короны, являясь верным слугой Феликса, сына усопшего короля Регисa. Ежели Феликс, будучи законным королем в Тендаре, призовет меня для защиты трона от изменников, то я нахожусь в его полном распоряжении. А тем временем я остаюсь здесь, в Алдаране, дабы у законного короля не было оснований обвинить меня в заговоре с целью захвата власти.

«Вот теперь все, окончательно и бесповоротно, — подумал он. — Я мог бы передать брату изъявления покорности и объяснить, что, будучи гостем Алдарана, не могу поднять руку на хозяина дома. Но вместо этого я объявил себя его врагом».

Эллерт противился искушению заглянуть в будущее своим *лараном* и посмотреть, что может

произойти, когда Дамон-Рафаэль и лорд Скатфелл получат это послание. Он мог предвидеть сотню вариантов развития событий, но лишь одному из них было суждено воплотиться в действительности, и потому не стоило тревожить свой разум остальными девяноста девятью.

Пока глашатай запоминал ответы, в приемном чертоге царила тишина.

— Мои лорды, — наконец сказал он. — Те, кто послал меня, предвидели подобный ответ и потому приказали мне передать следующее: Донелу из Рокравена, прозванному Деллереем, что он объявляется вне закона на этой земле и любой, кто убьет его, начиная с этого дня, не понесет никакого наказания. Предателю Хастуру мы не предлагаем ничего, кроме милосердия его брата, буде он явится и отдаст себя в его распоряжение до конца этого дня. Что до Микела Алдаранского, то он должен сдать замок Алдаран со всеми его обитателями вплоть до последней дочери и ребенка, иначе мы возьмем его приступом.

Снова наступило долгое молчание.

— В последнее время я не собирался в поездку по своему Домену, — медленно произнес лорд Алдаран. — Если в пору, предназначенную для весеннего сева и других сельскохозяйственных

работ, мой брат из Скатфелла не может придумать ничего лучшего, чем сидеть у меня перед воротами, подобно цепному псу, он может оставаться здесь так долго, сколько ему заблагорассудится. Однако если он причинит хоть малейший вред женщине или мужчине, ребенку или животному, находящемуся под моей протекцией, или же заступит за линию моих укреплений, то я сочту это достаточным, чтобы уничтожить его армии и конфисковать поместье в Скатфелле. Что до него самого, то если он попадет мне в руки, то будет повешен как предатель и изменник.

Глашатай поклонился.

— Мой лорд, ваше послание будет передано дословно.

Он повернулся и вышел из зала вместе со знаменосцем. Еще прежде, чем за ним закрылись двери, Эллерт безошибочно понял, что сулит будущее.

Война.

С другой стороны, он и так в этом не сомневался.

Долго ждать не пришлось. Через час после отъезда глашатая дождь огненных стрел обрушился на замок. Многие стрелы ударялись о камень, не причиняя вреда, но некоторые падали на

деревянные крыши или на фураж, сложенный во внутреннем дворе. Снова были пущены в ход ведра с водой, и пламя быстро угасало, не успев распространиться.

Затем наступило затишье. Но на этот раз угрожающее — передышка перед новым натиском. Донел распорядился обильно полить все оставшееся сено и деревянные крыши водой из колодцев. Но огненные стрелы были лишь формальным ответом на вызов.

В замке все были готовы к осаде. Заставы были расставлены на каждой тропке, ведущей наверх, на тот случай, если кто-нибудь прорвется через внешнее кольцо укреплений, опоясывавших гору. Фураж и провизию заготовили заранее. Несколько колодцев внутри замка питались из горных источников в скале. Осажденным оставалось лишь ждать.

Ожидание длилось три дня. Дозорные, которые несли стражу в наблюдательной башне и на внешних постах, докладывали, что во вражеском лагере не наблюдается никакого движения. Но на следующее утро Донел услышал во дворе тревожные крики и пошел выяснить, что случилось.

Стражники готовили завтрак на кострах, обложенных камнями в дальнем конце двора, но

повара и конюхи, поившие животных, в страхе смотрели на воду, текущую из труб, — густую, красную и вязкую. Цветом, консистенцией и даже запахом она напоминала свежепролитую кровь. Эллерт, подошедший с другой стороны, увидел искаженные страхом лица и понял, что дела обстоят скверно. Успех в отражении вражеской осады почти целиком зависел от водоснабжения. Если Скатфелл каким-то образом смог испортить источники, питавшие замок, защитники не смогут продержаться больше двух-трех дней. Уже на следующее утро начнут умирать некоторые животные, затем настанет очередь детей…

Он взглянул на вязкую жидкость, струившуюся из труб.

— Это вода только из одного источника или другие тоже загрязнены? — спросил он.

— Я ходил на кухни, *дом* Эллерт, — сообщил один из людей. — Там то же самое.

Дом Микел, вызванный из своих покоев, наклонился над жидкостью, подставил ладонь, поморщившись от запаха, поднял пригоршню ко рту и попробовал ее. Секунду спустя он пожал плечами и сплюнул:

— Хотел бы я знать, как они добрались до колодцев. Ответ прост: они не могли до них добраться,

а следовательно, это наваждение.

Он прикоснулся к матриксу, висевшему у него на шее, и набрал в рот еще жидкости. Когда он выплюнул ее, все увидели, что это чистая вода.

— Иллюзия, — пренебрежительно бросил он. — Весьма реалистичная и отвратительная, но тем не менее иллюзия. Вода нормальная; они лишь наложили на нее заклятье, так что она выглядит и, хуже того, пахнет как кровь.

Эллерт тоже наклонился и сделал глоток, ощутив позыв тошноты, потому что по всем внешним признакам он пил свежепролитую кровь… Но это оказалась обычная вода, несмотря на отвратительный вкус и запах.

— Значит, нам предстоит колдовская война? — спросил один из стражников, качая головой. — Никто не может пить *такое*!

— Говорю тебе, это вода, и притом отличная, — раздраженно возразил Алдаран. — Они всего лишь сделали ее похожей на кровь.

— Да, мой лорд, по вкусу и по запаху, — согласился повар. — И готов поспорить, теперь никто не сможет ее пить.

— Ты будешь ее пить или умрешь от жажды, — нетерпеливо сказал Донел. — Пойми, друг, все происходит лишь в твоем воображении. В твоей

глотке эта жидкость превратится в воду, как бы она ни выглядела.

— Но животные в любом случае не станут ее пить, — заметил пожилой конюх. И в самом деле: из конюшен и овинов доносилась беспокойная возня. Почуяв запах крови, взбудораженные животные лягались и пятились, налетая друг на друга.

«Да, это серьезно, — подумал Эллерт. — Все животные боятся запаха крови. Более того, люди тоже испуганы, поэтому мы должны как можно скорее доказать им, что ничего страшного не произошло».

— Что ж, — вздохнул лорд Алдаран. — Я надеялся, что мы сможем просто не обращать на это внимания, но, видимо, ошибался.

Можно было заставить людей не обращать внимания на вид и вкус воды, но это неизбежно повлияло бы на боевой дух армии. Для животных тем более запах и вкус были реальными, и они вполне могли умереть от жажды рядом с огромными запасами воды.

— Эллерт, я не имею права просить тебя о помощи в обороне моей крепости, — сказал лорд Алдаран.

— Мой брат присвоил себе королевский титул

и не собирается считаться с вашими правами, — отозвался Эллерт. — Если меня возьмут в плен, я не проживу и нескольких часов.

— Тогда, во имя семи преисподен Зандру, давай разберемся, что они сотворили с нашей водой!

— У них есть по меньшей мере один *ларанцу* с матриксом, — рассуждал Эллерт. — А может быть, и несколько, но это простое заклятье. Я посмотрю, что можно сделать.

— Донел понадобится мне здесь для обороны внешних укреплений, — мрачно промолвил Алдаран.

Эллерт кивнул и повернулся к одному из слуг, зачарованно смотревшему на воду, алым потоком струившуюся из трубы.

— Разыщи леди Кассандру, леди Ренату и Маргали, — приказал он. — Попроси их как можно скорее присоединиться ко мне в наблюдательной башне. С вашего разрешения, лорд, — добавил он, повернувшись к *дому* Микелу. — Это достаточно уединенное место, и там мы сможем спокойно работать.

— Ты можешь отдавать любые распоряжения, которые сочтешь нужными, родич, — сказал лорд Алдаран.

— Вы знаете? — спросил Эллерт, когда женщи-

ны присоединились к нему в верхнем чертоге наблюдательной башни.

— Разумеется, — с усмешкой отозвалась Рената. — Моя горничная забилась в истерике, когда пошла наполнять ванну. Она закричала, что из труб течет кровь. Я уже тогда заподозрила иллюзию, но служанок убедить не удалось.

— Мне тоже, — сказала Маргали. — И хотя я понимаю, что это иллюзия, мне кажется, я скорее буду ходить грязной, чем умоюсь этой водой. Дорилис ужасно испугалась, бедная девочка. У нее был очередной приступ пороговой болезни. Я надеялась, что она быстро выздоровеет, но при таких эмоциональных нагрузках…

— Нужно выяснить, как это было сделано, — заявил Эллерт. — Кассандра, ты Наблюдающая, но у Ренаты больше опыта. Рената, ты согласна возглавить круг?

— Нет, Эллерт, — сдавленно ответила Рената. — Я… мне нельзя.

Кассандра сразу же сообразила, в чем дело. Обняв молодую женщину, она заглянула ей в глаза.

— Ты беременна, Рената? — Кассандре с трудом верилось — ведь Рената сама говорила ей… Но что сделано, то сделано. — Что ж, хорошо. Оставайся вне круга. Если хочешь, можешь наблюдать за

нами, хотя не думаю, что это понадобится. Ты готова, Маргали?

Голубой свет начал переливаться над тремя матриксами, когда владельцы сфокусировались на них. Через некоторое время Кассандра кивнула. Заклятье действительно оказалось очень простым.

— Нам нужно лишь подтвердить уже созданное природой, — сказала она. — Вода должна быть тем, что она есть на самом деле, и ничем более.

Соединившись, они погрузились в переплетение энергетических потоков, повторяя простейшую формулу, древнюю схему земных элементов: «Земля и воздух, вода и огонь, глина и камень, небо и ветер, снег и дождь…» Когда ритм природы начал двигаться с ними и внутри их, Эллерт ощутил, что даже Рената подключилась к заклятью: возможность вжиться в естественный ритм, вместо того чтобы извращать его, не могла причинить вреда ее еще не родившемуся ребенку. Процедура лишь подтверждала его принадлежность природе, общность с окружающим миром. Рассеяв энергетическую вибрацию, наложившую иллюзию на источники под замком, они поняли, что наваждение рассеялось. Еще некоторое время они поддерживали контакт с ровным, умиротво-

ряющим ритмом природы, чувствуя, что Дорилис, Донел и лорд Алдаран — все обитатели замка, имевшие матрикс и обладавшие хотя бы крупицей *ларана*, подключились к ним. Все остальные, от людей до самых малых тварей, смутно ощущали ровную пульсацию. Даже солнце, казалось, на мгновение засияло ярче, чем раньше.

«Вся природа едина, все находится в гармонии…» Для Кассандры, любившей музыку, это было похоже на грандиозный аккорд, могучий и дышащий безмерным покоем, постепенно замолкавший вдали, но присутствующий всегда и во всем, пусть и неразличимо для человеческого слуха.

Дорилис на цыпочках вошла в чертог. Секунду спустя телепатическая связь распалась, не причинив никому неприятных ощущений. Маргали улыбнулась и протянула руки к приемной дочери:

— Ты снова хорошо выглядишь, солнышко.

— Да. — Дорилис улыбнулась. — Я лежала в постели и внезапно почувствовала… ох, я не знаю, как сказать, — такое умиротворение. Я поняла, что вы здесь; мне захотелось прийти и быть вместе с вами. — Она прильнула к приемной матери, обнимая ее. — Ах да, Кэти просила передать,

что вода во всех трубах и колодцах снова стала чистой.

Исцеляющее заклятье удалось. Теперь, когда вассалы Скатфелла пошли на такое насилие над природой, им будет гораздо труднее использовать энергию матрикса против замка. Но наилучшим было то, что защитники даже не причинили вреда ларанцу, наложившему заклятье: на его попытку совершить зло они ответили добром.

«Хорошо бы дело на том и закончилось», — подумал Эллерт. Но, несмотря на ощущение счастья и благополучия, он знал, что все только начинается. Потерпев неудачу в колдовской атаке, силы, собравшиеся под знамена Скатфелла и Дамона-Рафаэля, должны прибегнуть к более традиционным способам ведения войны.

Позднее в тот же день он сказал об этом *дому* Микелу, но лорд Алдаран с сомнением покачал головой:

— Замок Алдаран может выдержать обычную осаду, и мой брат из Скатфелла хорошо знает об этом. Он не остановится на достигнутом.

— Однако я могу предвидеть, что если мы будем пользоваться только обычным оружием, то сможем одержать верх, хотя бы и ценой огромных потерь. Но если они сумеют вовлечь нас в битву

с применением матриксной технологии, случится катастрофа. Лорд Алдаран, я поклялся всеми силами помогать вам, однако прошу вас, даже умоляю: постарайтесь вести эту войну привычными методами, даже если победа достанется гораздо труднее. Вы сами сказали, что этот замок может выдержать осаду. Прошу вас, не позволяйте им навязывать нам войну на их условиях.

Лорд Алдаран заметил бледность, покрывшую лицо Эллерта, и слабую дрожь пальцев, выдававшую волнение. Частично он понимал доводы Эллерта и соглашался с ними. Он хорошо помнил свое негодование и отвращение, когда Эллерт рассказывал о применении клингфайра на равнинах. Однако другая часть его существа — ветеран многих горных кампаний — смотрела на Эллерта и видела в нем лишь человека, страшившегося ужасов войны. К симпатии поневоле примешивалось презрение прирожденного воина к обывателю, солдата к монаху.

— Я бы в самом деле хотел придерживаться законных способов ведения войны, — ответил он. — Однако твой брат уже послал на нас дьявольскую птицу, начиненную клингфайром. Я опасаюсь, что он не удовлетворится забрасыванием замка камнями из катапульт и штурмом

наших стен с помощью приставных лестниц. Могу пообещать одно: я не стану первым использовать *ларан* против него. Но у меня нет Башни и матриксного круга для создания средств уничтожения. Если Дамон-Рафаэль привез с собой оружие, созданное в Башне, и предоставил его в распоряжение Скатфелла, я не смогу вечно сдерживать его одними мечами и стрелами.

«Это справедливо», — в отчаянии подумал Эллерт. Неужели он позволит Кассандре попасть в руки Дамона-Рафаэля лишь потому, что убоится использовать клингфайр? Увидит ли он Донела, повешенного на крепостной стене, и Дорилис, отданную на поживу солдатам? Однако он знал, знал без тени сомнения, что если дело дойдет до использования *ларана*, не ограничивающегося рамками простого природного заклятья, тогда… Слух Эллерта наполнился криками и плачем скорби. *Дом* Микел стоял перед ним, поседевший и сгорбившийся, состарившийся до неузнаваемости за одну ночь. «Я проклят! — восклицал он. — О, если бы я мог умереть бездетным!» Всплыло лицо Ренаты, искаженное страдальческой гримасой… Жуткая вспышка молнии пронзила его чувства, и мертвенно-бледное лицо Дорилис, залитое неестественным сиянием, казалось цен-

тром бури… Эллерт не мог выдержать напора будущего, не мог отгородиться от него. Невыносимая тяжесть прозрения придавила его, лишив речи, лишив всего, кроме чистого ужаса…

С отчаянием покачав головой, молодой человек отошел в сторону. Лорд Алдаран хмуро смотрел ему вслед.

На короткое время действительно показалось, что атакующие, потерпев неудачу с колдовскими приемами, вернулись к обычному оружию. Весь день и большую часть ночи снаряды катапульт били в стены замка, иногда перемежаясь со стаями огненных стрел. Донел постоянно держал наготове людей у баков с водой. Даже некоторые женщины были вынуждены таскать ведра и тушить небольшие пожары, вспыхивавшие среди деревянных надворных построек. Незадолго до рассвета, когда большая часть замковой стражи гасила очаги пламени в дюжине разных мест, неожиданно прозвучал сигнал тревоги, призывавший всех вооруженных мужчин на стены для отражения вражеской вылазки. Многие лестницы были сброшены вниз, но некоторые из нападавших все же прорвались внутрь, и Донелу с двумя десятками копейщиков пришлось сойтись с ними в схватке. Эллерт, бившийся рядом с

ним, получил небольшую колотую рану на левом предплечье. Когда стычка закончилась, Донел послал его на перевязку.

— Благодарение богам, ранение не опасное, — сказала Кассандра. Она была очень бледна.

— Донел не ранен? — спросила Рената.

— Не бойся, — ответил Эллерт, поморщившись, когда целительница начала зашивать его руку. — Он собственноручно зарубил напавшего на меня. *Дом* Микел имеет защитника, превосходно обученного воинскому искусству. Несмотря на молодость, он умеет командовать.

— Все стихло, — прошептала Кассандра и передернула плечами, словно от холода. — Какое злодейство они замышляют теперь?

— Стихло, говоришь? — Эллерт изумленно взглянул на нее, а затем понял, что как внутри, так и снаружи действительно наступила глубокая, угрожающая тишина. Надсадный вой зажигательных снарядов, свист стрел, осыпавших замок, — все смолкло. Крики, которые он так ясно слышал, звучали лишь в его сознании, вызванные игрой его *ларана*. Тем не менее юноша не сомневался, что еще услышит их наяву.

— Любимая, как бы мне хотелось, чтобы ты сейчас находилась в безопасности, в Хали или в

Трамонтане! — прошептал он.

— Где угодно, лишь бы с тобой, — тихо ответила Кассандра.

Целительница забинтовала руку Эллерта, а затем вручила ему чашку, наполненную вязкой красноватой жидкостью.

— Выпей, это от лихорадки. Пусть рука немного побудет в покое; в замке достаточно людей, готовых обнажить меч в схватке.

Она в ужасе попятилась назад, когда чашка выпала из внезапно ослабевшей руки Эллерта и красная жидкость растеклась по полу. Но в следующий момент крики, которые он слышал своим *лараном*, грянули во внутреннем дворе. Не тратя времени на объяснения, Эллерт встал и побежал по лестнице. До него донеслись новые крики.

Во внутреннем дворе собралась толпа. Люди пятились от разбитого сосуда, лежавшего на мостовой, из которого сочилась странная желтоватая слизь. Там, где она расползалась, сам камень мостовой дымился и прогорал, оставляя огромные зияющие дыры с оплавленными краями.

— Во имя преисподен Зандру! — взорвался один из стражников. — Что это такое?

— Не знаю, — мрачно произнес *дом* Микел. —

Раньше мне не приходилось видеть ничего подобного.

Один из наиболее храбрых солдат вышел вперед, попытавшись сдвинуть в сторону куски разбитого сосуда. Секунду спустя он отшатнулся назад, крича от боли. Его рука почернела от ожогов.

— Ты знаешь, что это такое, Эллерт? — спросил Донел.

Эллерт плотно сжал губы:

— Это не колдовство, но оружие, изобретенное в Башне: кислота, которая плавит камень.

— Неужели мы ничего не можем с ней поделать? — спросил лорд Алдаран. — Если они забросают такими снарядами наши внешние стены, то расплавят весь замок над нашими головами. Донел, пошли людей проверить наружные посты.

Донел подозвал стражников:

— Ты, ты и ты, отправляйтесь на стены. Возьмите щиты из рогожи. Эта жидкость не проедает солому — смотрите, вот здесь она брызнула на фураж, и ничего не случилось. Но если она попадет на металл, едкие пары могут разъесть легкие.

— Возьмите известковый раствор, которым вы пользуетесь для очистки отхожих мест и коню-

шен, и полейте пораженные места, — добавил Эллерт, обращаясь к остальным.

Хотя щелочной раствор действительно нейтрализовывал кислоту и сдерживал ее распространение, некоторые из мужчин пострадали от едких капель, попавших им на кожу. Поврежденные участки внутреннего двора пришлось огородить, чтобы люди не покалечились, упав в яму. На внешних стенах было несколько прямых попаданий. Камень оплавился и частично потрескался; хуже того, запас щелочного раствора вскоре истощился. Обороняющиеся попробовали использовать заменители вроде мыла и мочи животных, но они оказались недостаточно действенными.

— Какой ужас, — пробормотал *дом* Микел. — С таким оружием они быстро возьмут замок. Это дело рук лорда Элхалина, родич. У моего брата нет дьявольских изобретений, подобных этому. Что нам делать? У тебя есть какие-нибудь предложения?

— Есть, — помедлив, ответил Эллерт. — Мы можем наложить на камень связующее заклятье, предохраняющее его от воздействия неестественных субстанций. Заклятье не защитит от землетрясения, наводнения или воздействия вре-

мени, но думаю, замок устоит перед кислотой.

И снова все прошедшие обучение в Башне заняли свои места в матриксном зале. Дорилис присоединилась к ним, умоляя взять ее в круг.

— Я могу работать Наблюдающей, — со слезами на глазах говорила она. — Я подменю Ренату…

— Нет, — быстро возразила Рената, благодаря богов за то, что телепатические способности Дорилис были еще слабыми и неразвитыми. — Если хочешь, можешь занять место в круге, но я буду наблюдать снаружи.

Будучи Наблюдающей, Дорилис бы немедленно узнала, почему Рената не может присоединиться к матриксному кругу.

«Мне претит обманывать ее, но вскоре она совсем поправится, и тогда мы с Донелом расскажем ей», — подумала Рената. К счастью, Дорилис была настолько счастлива впервые войти в круг и использовать свой матрикс, что не стала задавать лишних вопросов. Кассандра протянула руку, и девушка заняла место рядом с нею. Круг снова сформировался, и они приступили к сотворению заклятья, укреплявшего естественные силы природы.

«Камень един с планетой, на которой он создан, и человек един с землей, из которой он рожден.

Ничто не изменит этого. Камень един… един… един…»

Связующее заклятие было наложено. Эллерт, чье индивидуальное сознание потерялось в объединенном разуме матриксного круга, всем своим существом воспринимал камень, из которого были сложены стены замка, его связующие элементы. Он сосредоточился на осознании тщетности воздействия на нерушимую мощь камня. Разрывные снаряды отскакивали от стен, едкая слизь стекала по ним, оставляя отвратительные лоснящиеся следы, но не разрушая камень. Камень един… един… един…

Осторожная мысль проникла в его сознание откуда-то извне.

«Эллерт?»

«Это ты, брат?»

«Это Донел. Я расставил людей на внешних стенах, чтобы достать стрелами их канониров, но они вне досягаемости. Вы можете создать вокруг тьму, чтобы они не видели, куда целиться?»

Эллерт помедлил с ответом. Одно дело — подтверждать целостность и единство природы, принуждая воду оставаться водой, а камень — непроницаемым для веществ, не предназначавшихся изначально для его разрушения. Но

вмешиваться в естественный ход вещей, создавая тьму в дневное время…

Мысли Дорилис вплелись в круг: «Если поднимется густой туман, это тоже будет проявлением сил природы. В этом сезоне часто бывали такие туманы, что человек не мог разглядеть собственную руку!»

Заглянув в будущее, Эллерт увидел, что там действительно существует вероятность тумана. Снова сфокусировавшись на своих матриксах, работники круга увеличили влажность воздуха, сгустив водяные испарения. Весь склон холма заволокла плотная завеса, поднимавшаяся от реки внизу. Вскоре замок Алдаран и близлежащие скалы окутались сплошным туманом.

— Этой ночью он не рассеется, — удовлетворенно произнесла Дорилис.

Эллерт распустил круг, попросив всех как следует отдохнуть после работы. Бомбежка прекратилась, и у людей Донела появилась возможность очистить стены от остатков кислоты.

Рената, исследовав Дорилис быстрым мысленным прикосновением опытной Наблюдающей, была поражена присутствием чего-то нового в организме девушки. Неужели это лишь воздействие заклятья? Дорилис казалась более спокойной,

более женственной. Она ничуть не напоминала ребенка. Вспомнив о том, как быстро она сама выросла после первого сезона в Башне, Рената поняла: Дорилис вступила в пору созревания. Что ж, можно поблагодарить богов-хранителей. «Если ее положение стабилизировалось, нам больше не нужно бояться ее неожиданных вспышек. В ней появилась рассудительность, способность считаться со своими силами. Может быть, скоро все кончится и мы с Донелом сможем освободиться…»

Охваченная приливом нежности к Дорилис, она привлекла девушку к себе и поцеловала ее.

— Я горжусь тобой, карья миа, — сказала она. — Ты доказала свое умение работать в матриксном круге. Но теперь тебе надо поесть и хорошо отдохнуть, чтобы не растерять силы, когда они снова понадобятся.

Дорилис расцвела от удовольствия.

— Значит, я защищаю наш дом наравне с Донелом! — воскликнула она, и Рената разделила ее гордость.

«Так много силы, — подумала она. — Такие огромные возможности! Сможет ли она преодолеть себя?»

Густой туман час за часом продолжал окуты-

вать замок. Он надежно защищал осаждаемых, но скрывал от них и то, чем занимались армии противника. «Возможно, они просто выжидают, — подумал Эллерт. — Ждут, когда рассеется туман, чтобы возобновить атаку». Сам он был согласен ждать сколько угодно.

Эта небольшая передышка после первых лихорадочных дней осады благотворно подействовала на всех. С наступлением ночи Эллерт пошел поужинать наедине с Кассандрой, поскольку даже наблюдение со стен замка не приносило никакой пользы. По обоюдному согласию они избегали разговоров о войне: тут все равно ничего нельзя было поделать. Кассандра взяла ррил и спела несколько песен.

— Я помню, как сказала перед нашим бракосочетанием: «Надеюсь, мы сможем жить в мире и слагать песни, а не воевать», — печально промолвила она. — Увы моей надежде! Но даже во мраке войны, любимый, у нас остаются наши песни.

Он поцеловал ее тонкие пальцы.

— Во всяком случае, до сих пор боги были благосклонны к нам.

— Вокруг так тихо, Эллерт! Как будто они сняли осаду и ушли в ночь.

— Хотелось бы мне знать, чем занимается Да-

мон-Рафаэль. — В Эллерте зашевелилось былое беспокойство. — Не думаю, что его удовлетворяет ожидание перед стенами замка. Он наверняка замышляет новое лиходейство.

— Тебе нетрудно это выяснить, — поддразнила она, но Эллерт покачал головой:

— Я не стану пользоваться *лараном*, если меня не вынудят к этому. Я прибегну к нему, лишь чтобы защитить нас от явного поражения.

К полуночи небо неожиданно прояснилось. Туман рассеивался; его рваные клочья и полосы разлетались под порывами свежего ветра. В небе появились три из четырех лун Дарковера, сияющие и безмятежные. Фиолетовый Лириэль был близок к зениту. Голубой Киррдис и зеленый Идриэль висели над восточной окраиной гор. Кассандра уже давно спала, но Эллерт, охваченный странным беспокойством, тихо выскользнул из постели и оделся. Торопливо проходя по коридорам, он заметил Дорилис. Девушка была боса, в длинной ночной рубашке, с распущенными волосами. Девическое лицо со вздернутым носиком казалось бледным овалом в полумраке.

— Дорилис? О чем думает Маргали? Почему она отпустила тебя бродить по замку в такой час и в таком виде?

— Я не могла заснуть, *дом* Эллерт, — ответила девушка. — Мне было не по себе. Я должна видеть Донела. Ему угрожает опасность, я это чувствую.

— Если ему действительно угрожает опасность, чиа, то последнее место, где он захочет увидеть тебя, — это рядом с собой.

— Он мой муж, — решительно ответила она, вздернув подбородок. — Мое место рядом с ним, сир.

Парализованный ее решимостью, Эллерт замешкался. В конце концов, она немногое могла разделить с Донелом. С тех пор как Эллерт воссоединился с Кассандрой, он болезненно ощущал чужое одиночество. Он внезапно осознал, что Дорилис невероятно одинока. Она покинула детское общество, однако взрослые по-прежнему обращались с ней как с ребенком. Хастур не мог протестовать, поэтому просто пошел к выходу, слыша ее тихие шаги за своей спиной. Секунду спустя в его руку скользнула маленькая сухая ладонь, теплая, словно лапка домашнего зверька. Он взял Дорилис за руку, и они вместе вышли во внутренний двор, направляясь к постам Довела у внешних стен.

Ночь снаружи была ясной и безоблачной; лишь вдалеке над горизонтом нависала единственная

темная туча. Три луны так ярко озаряли небо, что звезды почти не проглядывали наружу. Донел стоял со сложенными на груди руками на внешней стене, но, когда Эллерт приблизился к нему, кто-то тихо и укоризненно обратился к юноше:

— Мастер Донел, я прошу вас спуститься со стены. Вы слишком на виду и можете стать хорошей мишенью.

Донел спрыгнул вниз как раз вовремя: просвистела стрела в том месте, где он только что стоял. Дорилис подбежала к брату и обняла его:

— Ты не должен так рисковать, Донел! Обещай, что ты больше не будешь так делать!

Он беззвучно засмеялся и наклонился, нежно поцеловав сестру в лоб.

— Ничего страшного. Я просто хотел проверить, не заснули ли они там, внизу. А может быть, они все убрались прочь? Кто знает?

В Эллерте вновь всколыхнулись подозрения. Было слишком тихо — значит, замышляется какая-то новая чертовщина.

— Туман сам рассеялся? — спросил он у Донела.

— Трудно сказать. У них там больше одного ларанцу, и туман действительно рассеялся очень быстро. — Донел потер лоб. — Но этой весной так

часто бывало… Нет, не знаю.

Воздух внезапно наполнился криками и звуками разрывов.

— Донел, поднимай стражу! — крикнул Эллерт. Как только слова слетели с его губ, над ними промелькнул силуэт аэрокара, от которого отделилось несколько черных точек. Они падали на землю — медленно, почти лениво, словно снежинки, раскрываясь на лету и изливая потоки жидкого пламени во двор и на крыши замка.

— Клингфайр! — Донел метнулся к сигнальному колоколу, чтобы поднять тревогу, но несколько деревянных крыш уже горели, и огонь освещал весь внутренний двор. Люди высыпали наружу, но с криками попятились назад, остановленные потоками неумолимого пламени. Двое или трое вспыхнули, словно живые факелы; их жуткие крики вскоре стихли, и на камнях мостовой остались лишь безжизненные трупы, обгорелые и почерневшие.

Донел втолкнул Дорилис под нависающий каменный карниз, но капли жидкого огня попали на ее рубашку, немедленно вспыхнувшую в двух местах. Девушка закричала от боли и ужаса. Донел подтащил ее к кадке с водой и одним движением окунул в нее. Пламя зашипело и погасло,

но капля смертоносной жидкости попала на кожу Дорилис и начала углубляться, прожигая плоть. Она обезумела от боли. Крики стали пронзительными, почти нечеловеческими.

— Назад! — кричал Донел. — Держитесь под прикрытием зданий! Вон летят новые!

Дорилис билась в его руках. Над замком неожиданно загрохотал гром, в небе вспыхнули ветвистые молнии. Один из аэрокаров превратился в гигантский огненный шар и рухнул в долину, оставляя за собой пылающий след. Другой мощный разряд ударил во второй аэрокар, разметав его в клочья. Хлынул проливной дождь, и Эллерт мгновенно промок до костей. Донел в ужасе отпрянул от Дорилис. Продолжая кричать, девушка воздела к небу руки со сжатыми кулаками. Шипящие, сверкающие молнии, направляемые ее сорвавшимся с цепи *лараном*, били наугад со всевозрастающей скоростью. Последний аэрокар раскололся с чудовищным грохотом над лагерем противника, откуда донеслись вопли и крики боли, когда клингфайр обрушился на головы осаждавших. Затем наступила тишина, прерываемая лишь непрестанным шумом дождя и пронзительными воплями Дорилис. Клингфайр продолжал вгрызаться в ее запястье, проникая

до кости.

— Позволь мне заняться ею, — попросила Рената, выбежавшая к ним в одной ночной рубашке. Рыдающая девушка тщетно пыталась оттолкнуть ее.

— Нет, дорогая, нет. Не сопротивляйся. Это должно быть сделано, иначе ты потеряешь руку. Держи ее, Донел!

Дорилис снова закричала от боли, когда Рената соскребла последние остатки клингфайра с обгоревшей плоти, а затем замерла в объятиях Донела. Отовсюду начали собираться люди — притихшие, пораженные благоговейным ужасом. Рената оторвала полосу ткани от ночной рубашки Дорилис и забинтовала руку. Донел нежно прижимал сестру к себе, успокаивая ее.

— Ты спасла нас всех, — прошептал он. — Если бы ты не ударила по ним, то такое количество клингфайра могло бы сжечь весь замок!

«В самом деле, — подумал Эллерт. — Лорд Скатфелл и Дамон-Рафаэль задумали захватить Алдаран врасплох. Если бы содержимое трех аэрокаров упало на замок, он мог бы выгореть дотла. Значит, они исчерпали свой арсенал и надеялись одержать верх одним ударом? В таком случае Дорилис нанесла им сокрушительное

поражение». Эллерт взглянул на девушку, плакавшую в объятиях Ренаты.

Она спасла их, как уже спасала раньше от коварного оружия Дамона-Рафаэля.

Но Эллерт не думал, что на этом все закончится.

27

Здания, подожженные клингфайром, все еще пылали. Пятеро человек были убиты на месте, а шестой умер, когда Рената опустилась на колени, чтобы взглянуть на него. Еще четверо получили такие страшные ожоги, что даже Эллерт понимал — они не проживут и дня. Полтора десятка человек с незначительными ранами подверглись жестокой обработке, удалявшей все следы жуткого состава, несмотря на душераздирающие крики и мольбы о милосердии. Кассандра отвела Дорилис в постель, смочив ее бинты целебным маслом. Когда общее волнение немного улеглось, Донел с Эллертом отошли к внешней стене и встали там, глядя на лагерь атакующих, где все еще бушевало яростное пламя.

Как только Дорилис успокоилась, дождь прекратился, да и в любом случае понадобился бы настоящий потоп, чтобы погасить все очаги клингфайра во вражеском стане. Теперь Донел мог не опасаться стрел, вылетающих из темноты.

— Сегодня ночью у Скатфелла и его людей бу-

дет более чем достаточно работы в собственном лагере, — сказал он, спустившись со стены. — Я оставлю стражу. Если не ошибаюсь, сегодня они не успеют организовать новое нападение.

Он оставил на страже нескольких копейщиков и пошел проведать Дорилис. Она беспокойно металась в постели. Глаза лихорадочно блестели, на руку была наложена свежая повязка. Девушка потянулась к нему здоровой рукой и привлекла к себе:

— Ты все-таки пришел… Рената не желала мне зла, Донел. Теперь я это понимаю; она счищала клингфайр, чтобы он не прожег мне руку до кости. Знаешь, она едва успела. У Кассандры на руке почти такой же шрам, какой теперь будет у меня.

— Выходит, теперь ты тоже будешь носить почетную отметину войны, полученную при обороне нашего дома, — сказал Донел. — Ты спасла нас.

— Я знаю. — Ее глаза блеснули, и он увидел в них затаенную боль. Вдалеке послышался слабый раскат грома. Донел осторожно положил маленькую забинтованную руку себе на колени и погладил ее.

— Донел, — прошептала Дорилис. — Теперь,

когда я выросла, не пора ли нам вспомнить о своих супружеских обязанностях?

Донел отвернулся, радуясь тому, что его сестра еще очень неуверенно владеет телепатией.

— Сейчас не время говорить об этом, чиа. Все мы сражаемся, чтобы выжить, а ты еще очень молода.

— Я уже не маленькая, — возразила Дорилис. — Я достаточно взрослая для работы в матриксном круге с Эллертом и остальными. Я достаточно взрослая, чтобы сражаться с нашими врагами.

— Но, дитя мое…

— Не называй меня так! Я не ребенок!

В ее голосе прозвучали гневные нотки; затем она прижалась головой к его плечу и тяжело, совсем не по-детски вздохнула.

— Теперь, Донел, когда нам всем угрожает опасность, Алдаран должен получить наследника. Отец немолод, и эта война с каждым днем старит его. А сегодня… — Ее голос дрогнул. — Вряд ли я задумывалась об этом раньше, я внезапно поняла, что ты можешь умереть… или я, хотя я еще почти ничего не видела в жизни. Если я умру раньше тебя, так и не родив ребенка, тебя выдворят из Алдарана, потому что ты не кровный родственник. Или если… если ты погибнешь, так

и не подарив мне ребенка, то меня уложат в постель к незнакомому мужчине, а замок Алдаран достанется ему. Донел, я боюсь этого.

Донел держал маленькую руку сестры в своей. Да, она говорила правду. Только с помощью Дорилис он мог удержать в руках этот замок, который с самого детства был его домом. После долгих дней сражений и осады он тоже остро осознавал собственную уязвимость. Он видел людей, вспыхивавших как живые факелы, видел их умирающими. А Дорилис принадлежала ему, законно отданная ему в жены с согласия ее отца. Она была еще молода, но быстро, очень быстро взрослела…

Донел сжал ее руку.

— Там видно будет, Дорилис, — сказал он, прижав ее к себе. — Когда Кассандра скажет, что ты можешь выносить ребенка без угрозы для твоей жизни, тогда, если ты все еще будешь хотеть этого, твое желание исполнится.

Он наклонился, собираясь поцеловать ее в лоб, но Дорилис с удивительной силой прильнула к нему, пригнув его голову так, что их губы встретились. В ее поцелуе не было ничего от той девочки, которую он знал. Когда она наконец отпустила Донела, у него кружилась голова. Он встал и

торопливо вышел из комнаты, но не раньше, чем Дорилис успела уловить его взволнованную мысль: «Нет, она уже не ребенок».

Тишина. Все стихло в замке Алдаран и в лагере осаждавших внизу. Весь день над долиной висела мертвящая тишина. Эллерт, поднявшийся в верхний чертог наблюдательной башни и снова наложивший связующее заклятье на стены замка, размышлял о том, какой новый дьявольский замысел врага скрывался за этим мнимым спокойствием. За время осады его чувства так обострились, что он почти *видел* замыслы противника. Или это была иллюзия? Его *ларан* рисовал образы замка, рушащегося в прах, чудовищную дрожь, сотрясавшую землю до самого основания…

Около полудня по всему замку внезапно раздались горестные крики и рыдания, хотя ничего заметного вроде бы не происходило. Эллерт, сидевший у окна вместе с Ренатой, Кассандрой и Маргали (Дорилис, чья рука еще сильно болела, лежала в постели, заснув под воздействием снотворного снадобья), получил первое предупреждение, когда старая *лерони* вдруг обхватила руками голову и зарыдала.

— О моя крошка, моя маленькая, моя бедная

овечка, — всхлипывала она. — Я должна идти к ней!

Она выбежала из комнаты. Почти одновременно с этим Рената прижала руки к груди, словно пронзенная стрелой.

— Он умер! — выкрикнула она. — Они убили его!

Пока Эллерт потрясенно смотрел на нее, рядом раздался крик Кассандры. Ему сразу же показалось, что жена куда-то пропала, что мир потемнел, что где-то за запертой дверью она отчаянно борется за свою жизнь с его братом, и он должен пойти туда, защитить ее… Он в самом деле встал и сделал несколько шагов к двери, движимый страстным желанием спасти Кассандру от насильника, когда увидел ее в другом конце комнаты. Она стояла на коленях, раскачиваясь и вцепившись руками в волосы, словно причитая над трупом.

Крохи здравого смысла, еще остававшиеся у Эллерта, медленно пробивали путь к разуму. «Кассандру не нужно спасать, если она сидит здесь и плачет, словно самый дорогой для нее человек лежит мертвый». Однако другая часть разума упорно твердила ему, что он слышит крики гнева и ужаса, что она зовет его на помощь,

умоляя поторопиться…

«Эллерт, Эллерт! Почему ты не идешь ко мне? Эллерт, приходи скорее!» — И длинный, отчаянный вопль, в котором смешались ужас и страдание.

Рената встала и неверной походкой направилась к двери. Эллерт удержал ее, обхватив руками за талию.

— Нет! — бормотал он. — Нет, Рената, ты не должна идти туда. Это наваждение! Мы должны бороться с ним!

Девушка брыкалась и вырывалась из его рук, словно обезумевшее животное, царапая ногтями его лицо, словно он был вовсе не Эллертом, а врагом, собиравшимся убить или изнасиловать ее. Ее глаза закатились, и Эллерт понял, что Рената не слышит и не видит его.

— Нет, нет, пусти меня! Это ребенок, они убивают нашего ребенка! Разве ты не видишь, что они собираются сбросить его со стены? О милосердная Аварра!.. Отпустите меня, проклятые убийцы! Убейте сначала меня!

Ледяная дрожь пробежала по спине Эллерта, когда он осознал, что Рената тоже борется с каким-то иллюзорным страхом, что ей чудится, что Донелу или ее еще не родившемуся ребенку

угрожает опасность.

Даже удерживая Ренату, Эллерту приходилось бороться с убеждением, что Кассандра где-то рядом, плача, зовет его, умоляет прийти на помощь… Юноша понимал, что, если не удастся быстро положить конец наваждению, его сопротивление тоже будет сломлено и он помчится вниз по лестнице, разыскивая жену по всему замку, хотя его глаза говорили ему, что она находится здесь, в комнате, поглощенная тем же ужасом, который обуял Ренату.

Эллерт выхватил свой матрикс и сосредоточился на самоцвете.

«Правда, правда, пусть я увижу правду… земля и воздух, вода и огонь… пусть природа освободит от иллюзии… земля и воздух, вода и огонь…» У него не оставалось сил ни на что иное, кроме этого, самого простого заклятья, первой из молитв. Он выталкивал из себя несуществующие крики Кассандры, чудовищное чувство вины, сковывавшее крепче любой цепи, ложную уверенность в том, что он оставляет жену на растерзание врагам…

В измученном разуме разлилось спокойствие исцеляющего заклятья, тишина часовни в Неварсине. Хастур вступил в эту тишину и исцелился. Теперь он видел лишь то, что действительно

существовало: двух женщин, попавших в силки устрашающих чар. Сначала он сосредоточился на Ренате, призывая ее успокоиться вместе с пульсацией исцеляющего заклятья. Мало-помалу он почувствовал, как оно входит в ее разум, успокаивает ее. Девушка перестала сопротивляться и потрясенно огляделась вокруг.

— Но это же неправда! — прошептала она. — Донел… Донел не умер, а наш ребенок еще даже не родился. Однако я *видела*, Эллерт. Я видела, как они держали их, и ничем не могла помочь.

— Заклятье ужаса. Думаю, каждый увидел то, чего он боится больше всего на свете. Быстро — помоги мне разбить его!

Глубоко потрясенная, но снова собравшаяся с силами, Рената взяла свой матрикс, и они одновременно сосредоточились на Кассандре. Вскоре ее крики прекратились, и она посмотрела на них, а затем моргнула, приходя в себя. Теперь, объединив три матрикса и три разума, *лерони* послали пульсацию исцеляющего заклятья по всему замку. Повсюду, от башен цитадели до глубоких погребов и на заполненном людьми внутреннем дворе, слуги, солдаты, конюхи и горничные приходили в себя, перестав слышать предсмертные крики своих любимых и стремиться спасти их,

поразив безымянного врага.

Наконец весь замок подчинился ритму исцеляющего заклятья, но теперь пришла очередь Эллерта содрогнуться от ужаса. На этот раз объектом его страха была не иллюзия, но нечто слишком реальное и пугающее.

«Если они прибегли к таким способам войны, то как мы сможем удержать их?» Здесь, в стенах замка, Эллерту могли помочь лишь Рената с Кассандрой, старая Маргали, лорд Алдаран и Донел, который и так руководил обороной. Эллерт опасался, что враги собираются использовать именно такую тактику: отвлечь защитников замка и атаковать под прикрытием волны удушающего страха. Он покачал головой и отправился на поиски *дома* Микела. Пора было устраивать военный совет.

— Вы знаете, с чем нам пришлось столкнуться, — сказал Эллерт, поздоровавшись с ним.

Старый лорд кивнул. Темные глаза угрожающе сверкнули из-под тяжелых полуопущенных век.

— Мне показалось, что я снова присутствовал при смерти своей возлюбленной, — сказал он. — В моих ушах звучало проклятье колдуньи, которую я повесил на стене замка тринадцать лет назад. Она предсказала день, когда я прокляну

всех богов за то, что не умер бездетным. — Он передернул плечами, встряхнувшись, словно старый ястреб на насесте. — Что ж, предательница умерла, и ее злоба умерла вместе с ней.

Некоторое время оба молчали.

— Мы должны атаковать их, — наконец заявил лорд Алдаран. — Они быстро изнурят нас, если нам придется постоянно быть готовыми к подобным нападениям, и мы не можем только защищаться. Пора отплатить им той же монетой. Как ты знаешь, у нас есть единственное оружие, достаточно сильное, чтобы вразумить их.

— Я ничего не знал о таком оружии, — пробормотал Эллерт. — О чем вы говорите, мой лорд?

— Я говорю о Дорилис, — ответил *дом* Микел. — Она управляет молниями. Она может поразить их, наслать на них бурю, разрушить их лагерь!

— Мой лорд, должно быть, вы сошли с ума! — негодующе воскликнул Эллерт.

В глазах Алдарана вспыхнуло яростное пламя.

— Мне кажется, ты забываешься, родич!

— Прошу прощения, сир, если я оскорбил вас. Только любовь к вашей дочери и приемному сыну могут послужить мне оправданием. Дорилис еще ребенок. Да, леди Рената и моя жена сделали все возможное, чтобы научить ее владеть и

управлять своим даром, но не использовать его во зло. Если вы потребуете от нее направить *ларан* на уничтожение армий противника, то тем самым разрушите все, сделанное нами. В детстве она дважды убивала, движимая необузданной яростью. Разве вы не понимаете, что использовать ее таким образом… — Эллерт замолчал и вздрогнул от тревожного предчувствия.

— Мы должны сражаться тем оружием, которое у нас есть. — *Дом* Микел вскинул голову и пронзительно взглянул на собеседника. — Ты ведь не жаловался, когда она сшибла дьявольскую птицу, посланную твоим братом, и не замедлил обратиться к ней за помощью, когда снежная буря едва не похоронила вас в горах. А потом она отразила атаку аэрокаров, начиненных достаточным количеством клингфайра, чтобы обратить замок в дымящиеся руины.

— Все это правда. — Эллерта буквально трясло от желания объяснить свою точку зрения. — Но каждый раз она защищала себя или других от насилия или опасности. Разве вы не видите разницы между обороной и нападением, сир?

— Нет, — ответил лорд Алдаран. — Ибо в этом случае нападение кажется мне единственной защитой, иначе мы можем быть уничтожены в

любой момент каким-нибудь еще более ужасным оружием.

Вздохнув, Эллерт привел свой последний аргумент:

— Лорд Алдаран, Дорилис еще не вполне оправилась от пороговой болезни. Когда мы были на пожарной станции, я видел, как быстро использование дара истощило ее силы. Я в самом деле боюсь того, что может произойти, если вы сейчас подвергнете ее огромной нагрузке. Можете ли вы подождать хотя бы до тех пор, пока у нас не останется другого выбора? Несколько дней или даже несколько часов…

Лицо старика исказилось от страха, и Эллерт понял, что он одержал верх — по крайней мере, на некоторое время.

— Мы с Кассандрой снова поднимемся на башню и будем нести стражу, так что теперь они не застанут нас врасплох. Независимо от количества *лерони* в их лагере они временно исчерпали силы этим заклятьем ужаса. Думаю, им придется отдыхать до следующего дня, прежде чем они попробуют что-нибудь новое.

Предсказание Эллерта подтвердилось. За весь день и большую часть ночи по замку было выпущено лишь несколько десятков стрел. Однако на

следующее утро Эллерт, поспав несколько часов, пока Кассандра несла стражу в верхнем чертоге, проснулся от угрожающего отдаленного рокота. Плеснув в лицо холодной водой, чтобы избавиться от остатков сна, он попытался распознать звук. Пушечный выстрел? Гром? Может быть, Дорилис снова испугалась или рассердилась? Неужели Алдаран нарушил свое обещание не прибегать к ее силам без крайней необходимости?

Юноша начал торопливо подниматься по лестнице башни, но ступени внезапно задрожали у него под ногами, и пришлось ухватиться за перила. *Ларан* неожиданно показал трещины, разбегающиеся по стенам башни, и саму башню, раскалывающуюся и с грохотом рушащуюся вниз.

С побелевшим от ужаса лицом Эллерт ворвался в верхний зал. Кассандра, державшая в ладонях матрикс, испуганно взглянула на него и покачала головой.

— Пошли вниз, — крикнул он. — Нужно немедленно уходить отсюда!

Пока они спускались вниз по лестнице, перед мысленным взором Эллерта снова появились огромные трещины, слух наполнился грохотом осыпающихся ступеней… Кассандра сильно хро-

мала, поэтому Эллерт в конце концов взял ее на руки и пронес последнюю пару пролетов. Задыхаясь, он отпустил ее в просторном коридоре и прислонился к дверному косяку. В следующее мгновение пол под их ногами вздрогнул. Раздался гул, словно при землетрясении. Пол башни, из которой они только что вышли, вздыбился и покрылся сетью трещин. Лестница оторвалась от стены. Сверху начали падать огромные камни, а затем башня развалилась и рухнула с оглушительным грохотом, отдавшимся во всех помещениях замка. Камни каскадом полетели во внутренний двор, на стены и в долину внизу, вызывая по пути обвалы и оползни.

Кассандра спрятала лицо на груди у Эллерта, дрожа от ужаса. Эллерт почувствовал, что у него подгибаются колени. Они легли на вибрирующий пол. Наконец гул замер в отдалении, и наступила зловещая тишина.

Они медленно поднялись на ноги. Кассандра снова повредила больное колено, и ей приходилось держаться за Эллерта, чтобы не упасть. В молчании они глядели на огромную брешь, затянутую облаком пыли. Еще недавно на этом месте стояла башня — чудо матриксной архитектуры, горделиво тянувшееся к солнцу. Теперь там

не было ничего, кроме кучи камней, мусора и штукатурки. Сквозь пролом был виден утренний дождь.

— Что это было, во имя всех богов? — шепотом спросила Кассандра через некоторое время. — Землетрясение?

— Боюсь, что нет, — ответил Эллерт. — Не знаю, что у них там за *лерони* и какое заклятье они использовали против нас, но мне кажется, даже Корин не мог бы до такого додуматься.

Кассандра фыркнула:

— Ни один матрикс не может сотворить *такое*!

— Одному технику с матриксом это не под силу, — согласился Эллерт. — Но, имея в своем распоряжении один из огромных матриксных экранов, они могут взорвать ядро планеты, если осмелятся.

«Неужели Дамон-Рафаэль рискнет уничтожить земли, власти над которыми он добивается?» — кричал его разум. Но суровая действительность подсказывала ответ.

Дамон-Рафаэль не постесняется продемонстрировать свою силу на той части мира, которая ему не нужна. Он может пожертвовать частью ради целого, а после этого никто не рискнет противо-

стоять ему.

Скатфелл мог лелеять мстительные замыслы и стремиться занять место своего брата, но сейчас игру вел Дамон-Рафаэль. Скатфелл хотел править в замке Алдаран, а не разрушить его.

Через брешь в стене до них доносились крики и шум внизу. Долг обязывал Эллерта быть там.

— Я должен пойти туда и посмотреть, цел ли Донел, — торопливо сказал он, целуя Кассандру. Проходя по коридору, юноша снова ощутил слабое дрожание пола под ногами. Отголоски прежнего землетрясения или начало нового? Ладно, Кассандра сумеет предупредить женщин без его помощи.

Когда Эллерт вышел во двор, его взору предстала картина невероятного хаоса. Одна из надворных построек оказалась полностью погребена под рухнувшими останками башни. Двенадцать человек и вчетверо большее количество животных погибли в руинах; многих смело обвалом. *Дом* Микел стоял там, тяжело опираясь на руку Донела. Он был в ночном халате, отороченном мехом, лицо посерело, щеки ввалились. Эллерту показалось, что лорд выглядит на двадцать лет старше, чем прошлым вечером. Старик держался за своего приемного сына, осторожно пробираясь

через завалы, преграждавшие путь. Когда он увидел Эллерта, тонкие губы растянулись в пародии на улыбку:

— Благодарение богам, родич. Я боялся, что ты и твоя леди рухнули вместе с башней и разбились насмерть. Леди Кассандра цела? Что, во имя всех демонов Зандру, они сотворили с нами на этот раз? Понадобится полгода, чтобы разобрать этот хаос. Половина молочных животных убита; этой зимой дети останутся без молока.

— Я еще точно не знаю, что произошло, — спокойно ответил Эллерт. — Но мне нужно собрать всех мужчин и женщин, способных пользоваться матриксом, и организовать оборону. Боюсь, мы слишком плохо подготовлены к военным действиям такого рода.

— Ты уверен, брат? — спросил Донел. — Ведь раньше в горах тоже случались землетрясения.

— Это было не землетрясение. Я так же уверен в этом, как если бы Дамон-Рафаэль стоял сейчас передо мной и радовался делу своих рук!

Дом Микел опустился на колени рядом с телом погибшего слуги, чьи переломанные ноги наполовину высовывались из-под огромного каменного блока, упавшего на него сверху.

— Бедный малый, — произнес он. — Но, по

крайней мере, его смерть была быстрой. Боюсь, те, кого завалило в конюшнях, приняли более ужасный конец. Донел, пусть стражники похоронят мертвых; сейчас Эллерт больше нуждается в твоем присутствии. Я пришлю к вам всех, кто обладает *лараном*, если от этого будет хоть какая-то польза.

— Теперь мы не можем собраться в башне, — мрачно сказал Эллерт. — Лорд Алдаран, нам нужно найти помещение, изолированное от эмоций тех, кто расчищает руины.

— Соберитесь в оранжерее на женской половине. Может быть, тишина и соседство цветущих растений создадут для вас подходящую обстановку.

Когда они с Донелом вошли в замок, Эллерт снова ощутил мелкую вибрацию пола и снова задумался о том, что же произошло на самом деле. Его обдало ужасом при воспоминании о том, как Кассандре едва удалось избежать гибели под обломками башни.

— Если бы здесь были наши друзья из Трамонтаны, они бы разобрались, как справиться с этой напастью, — пробормотал Донел.

— Я рад, что их здесь нет, — отозвался Эллерт. — Нельзя втягивать Башни в войну.

Когда они вошли в оранжерею, солнце только начало пробиваться из-за облаков. Его спокойное сияние, свет от солнечных отражателей, разливавшийся повсюду, слабая сырость, к которой примешивался приятный запах цветов и лекарственных трав, странно контрастировали с ужасом, исходившим от собравшихся здесь мужчин и женщин. Здесь были не только Кассандра, Рената, Маргали и Дорилис, но две-три женщины, незнакомые Эллерту, и полдюжины мужчин. Каждый из них имел матрикс, хотя Эллерт сознавал, что лишь некоторые из них имеют незначительные таланты и могут открыть матриксный замок или управлять игрушками вроде планеров. Через некоторое время пришел и сам *дом* Микел.

Эллерт взглянул на Кассандру. Она работала в Башне дольше, чем он, и, возможно, обладала большим опытом. Он был готов передать ей руководство в проведении поиска, но она покачала головой:

— Тебя учили в Неварсине. Ты лучше меня можешь справиться со страхом и замешательством.

Эллерт не был в этом уверен, но согласился с женой и обвел взглядом лица собравшихся в

оранжерее.

— У меня нет времени проверять вас поодиночке и определять уровень вашего мастерства. Мне придется доверять вам. Рената, ты четыре года работала Наблюдающей. Ты должна окружить нас охранным заклятием, ибо сейчас мы откроемся перед теми, кто пытается разрушить замок и уничтожить всех его обитателей. Я собираюсь выяснить, какое оружие они используют против нас и можно ли найти какую-нибудь защиту от него.

Он снова посмотрел на людей, разделявших с ним частицу силы, великого дара Доменов. Неужели все они состоят в отдаленном родстве с древними богами, будучи тем или иным образом связаны с генетической программой, изобретенной наследниками Хастура и Кассильды? Или все люди обладают этой силой, дремлющей в их крови? До сих пор ему приходилось полагаться только на равных себе, на близких родичей. Теперь его судьба находилась в руках простолюдинов, и это тревожило его. Эллерт боялся доверять им, но у него не оставалось выбора.

Сначала он связал свой разум с Кассандрой, затем с Донелом, потом начал поочередно присоединять других участников круга, улавливая

при этом их эмоции. Страх, гнев, отчужденность, стеснение, вызванное необычной обстановкой… Дорилис вошла в контакт, и он болезненно ощутил ее ярость, направленную на нападавших. Потом погрузился в объединенное осознание и потянулся вовне, направляя луч поиска…

Казалось, прошло очень много времени, прежде чем связь распалась. Эллерт поднял голову; его лицо окаменело от напряжения.

— Они используют против нас не природный самоцвет, а искусственный матрикс, специально выращенный техниками из Башни. С помощью своего устройства они могут изменять уровень естественной вибрации горных пород, на которых стоит замок.

Приложив руку к стене, он ощутил слабую дрожь, отражавшую сотрясения в недрах горы.

Дом Микел был небрит; его лицо под неопрятной седой щетиной имело мертвенно-бледный оттенок.

— Они сровняют замок с землей, — пробормотал он. — Никого не останется в живых. Неужели нет никакой защиты, Эллерт?

— Не знаю. Даже вместе мы вряд ли сможем противостоять матриксу такого размера. Мы можем наложить связующее заклятье на толщу

скал под нами. Не знаю, удержится ли оно. Наших объединенных сил может не хватить, похоже, это единственная надежда.

Дорилис вскочила на ноги. Она пришла в оранжерею, не позаботившись о приличиях, одетая лишь в длинную ночную рубашку и домашние туфли. Распущенные волосы тяжелой медной волной падали ей на плечи, сверкая рыжеватыми искорками.

— Я придумала кое-что получше! — воскликнула она. — *Я* могу разбить их заклятье, правда, отец! Донел, пошли со мной!

Находясь в каком-то оцепенении, Эллерт смотрел, как она вышла из комнаты. В группе мужчин и женщин, присоединившихся к матриксному кругу, послышался шепот: «Королева бурь».

— Это она, наша волшебница, наша маленькая леди. Она может вызвать бурю и отправить в преисподнюю всех лиходеев, что собрались внизу.

Эллерт снова воззвал к *дому* Микелу.

— Мой лорд… — начал он.

Старый лорд Алдаран медленно покачал головой:

— Я не вижу другого выхода, родич. Или это, или немедленная капитуляция.

Эллерт опустил глаза, зная, что *дом* Микел

говорит правду.

Поднявшись на высокий бастион, где уже стояли Дорилис с Донелом, он заметил, как потемнело еще недавно ясное небо. Отовсюду наползли облака. Дорилис воздела руки к небесам, ее рот раскрылся в беззвучном крике. Буря грянула над их головами, словно вырвавшись на волю из первозданного хаоса. Чудовищные молнии раскололи небо. Хлынул ливень, скрывший из виду лагерь противника, но за стеной дождя, за беспрестанным грохотом грома и ослепительными вспышками молний Эллерт ощущал с помощью *ларана*, что творилось внизу.

Потоки воды хлынули на лагерь у подножия горы. Гром оглушил людей и животных, наполняя сердца ужасом. Молния ударила в шатер, где работники матриксного крута сидели перед своим огромным искусственным самоцветом. Больше половины *лерони* сгорело заживо или умерло на месте от удара током. Тяжелый, плотный дождь, пополам с градом, начал методично сравнивать лагерь с землей, забираясь под каждую скалу или дерево, где люди могли найти укрытие. Удары молний вспарывали палатки и укрепления, ярясь в необузданном бешенстве.

Никогда в жизни Эллерт не видел такой грозы.

Кассандра прильнула к нему, спрятав голову у него на груди и рыдая от страха. Эллерт чувствовал небывалую опустошенность, словно буря бушевала в его теле, но лицо *дома* Микела светилось жестоким торжеством. Час за часом старый лорд стоял на крепостной стене, наблюдая, как стихия сеет смерть и разрушения в лагере Скатфелла и Дамона-Рафаэля.

Потом буря начала стихать. Гром ворчал, как огромное умирающее животное, дождь постепенно слабел. Когда грязно-серые облака расползлись в стороны, открывая участки чистого неба, Эллерт посмотрел вниз, в долину. Там стояла цепенящая, глухая тишина. Несколько шатров, пораженных молниями, продолжали пылать рядом с бурными потоками, прорывшими новые русла и затопившими дно долины. Внизу не было заметно никаких признаков жизни.

Дорилис, с неестественно бледным лицом, покачнулась и упала на руки Донела. Он поднял потерявшую сознание девушку и осторожно унес внутрь.

«Она спасла нас, — подумал Эллерт. — Но какой ценой?»

28

Было уже за полдень, когда в лагере Скатфелла начали появляться признаки жизни. Высоко в горах все еще угрожающе погромыхивало: Дорилис в беспокойном забытьи снилась жестокая битва.

«Рената говорила, что Дорилис пользуется энергетическим потенциалом самой планеты, — подумал Эллерт. — Теперь я могу этому поверить. Но может ли она без вреда для себя пережить воздействие такой огромной энергии, протекающей через ее тело? Не лучше ли, в конце концов, было капитулировать, отдавшись на милость Скатфелла и Дамона-Рафаэля? Какой должна быть отцовская любовь, способная подвергнуть ребенка столь ужасному испытанию?»

Вскоре гром затих вдали. Кассандра, на чьем попечении находилась Дорилис, доложила о том, что девушка проснулась, немного поела и погрузилась в нормальный сон. И все-таки Эллерт ощущал близкое присутствие чего-то недоброго. Ему казалось, что бесконечные молнии по-прежнему вспыхивают вокруг замка. Донел тоже выглядел встревоженным. Хотя он

руководил работой по расчистке завалов и погребению погибших, он то и дело возвращался в замок, на цыпочках подходил к двери комнаты Дорилис и прислушивался к ее дыханию. Когда Рената наконец нашла его, он поспешно отвел глаза, всем своим видом показывая, что не хочет говорить с ней.

«Что случилось с Донелом? — в страхе подумала она. — Неужели его развратила мысль об огромной силе сестры?»

В два часа пополудни на дороге, ведущей к замку, появился парламентер, с трудом пробиравшийся через нагромождение валунов и потоки воды. Сообщение было передано Донелу, который немедленно явился к *дому* Микелу.

— Отец, твой брат из Скатфелла прислал парламентера, спрашивая, может ли он прийти и обсудить с тобой свое положение.

Сузившиеся глаза Алдарана сверкнули торжеством, но его голос звучал спокойно:

— Передай лорду Скатфеллу, что я готов выслушать его.

Через некоторое время Ракхел из Скатфелла пешком поднялся по тропе, сопровождаемый лишь оруженосцем. Донел, вышедший навстречу, чтобы проводить его к лорду Алдарану, удостоил-

ся лишь мимолетного презрительного взгляда, но тем не менее Скатфелл выглядел побежденным, и все понимали, что он пришел обсуждать условия капитуляции. Слишком мало осталось от его армии, а ужасное оружие Дамона-Рафаэля сгинуло навеки. Донел знал, что Скатфелл попытается спасти то малое, что у него еще осталось.

Лорд Алдаран подготовил приемный зал для встречи с братом. Он вошел туда рука об руку с Дорилис. Донел вспомнил тот день, когда они последний раз виделись в этом месте. Скатфелл выглядел постаревшим, согнувшимся под тяжестью сокрушительного поражения. Он гневно блеснул глазами в сторону Донела и Дорилис, переодевшейся в парадное голубое платье, но, когда было произнесено имя Эллерта, выражение его лица изменилось. Несмотря на то, что Эллерт был объявлен мятежником и преступником, Скатфелл все же смотрел на него с традиционным уважением, близким к благоговению, как полагалось смотреть младшему дворянину на лорда из рода Хастуров.

— Что ж, брат мой, — наконец произнес лорд Алдаран. — Многое произошло между нами с тех пор, как ты последний раз стоял в этом зале. Я и не чаял снова увидеть тебя здесь. Теперь скажи:

почему ты явился сюда? Ты хочешь сдаться и просишь у меня пощады за бунт против моего законного правления?

Скатфелл тяжело сглотнул.

— Разве у меня есть выбор? — с горечью отозвался он. — Твоя дочь-колдунья рассеяла мои армии и убила моих людей так же, как моего старшего сына. Никто из живущих не может противостоять такому чародейству! Я пришел искать компромисса.

— Почему я должен идти с тобой на компромисс, Ракхел? Почему бы мне не лишить тебя земель и титула, которым ты владеешь лишь моей милостью, и не выгнать тебя из Алдарана голым и воющим, как побитого пса, или же повесить на крепостной стене в назидание остальным предателям и бунтовщикам?

— Я не одинок, — заявил Ракхел из Скатфелла. — У меня есть союзник, который может оказаться не по зубам ни тебе, ни твоему отродью. Мне ведено передать, что если я не вернусь до захода солнца, Дамон-Рафаэль разнесет эту гору вдребезги и замок Алдаран обрушится тебе на голову. Думается, сегодня утром ты уже испытал на себе частицу его могущества. Люди и армии могут быть разбиты и рассеяны, но если

ты хочешь, чтобы колдовство превратило нашу землю в бесплодную пустыню, то вина за это будет лежать на тебе, а не на мне. Однако лорд Дамон-Рафаэль не имеет намерения уничтожать вас сейчас, когда вы познакомились с его силой. Он просит лишь о возможности поговорить со своим братом без оружия, на нейтральной земле, разделяющей наши армии. Разговор должен состояться сегодня до заката.

— Эллерт Хастур — мой гость, — ответил лорд Алдаран. — Должен ли я вверить его жизнь вероломству его брата?

— Вероломству? — На лице Скатфелла отразилось искреннее негодование. — В роду Хастуров? Он хочет помириться со своим братом так же, как и я, Микел, хотел бы помириться с тобой. — Он неуклюже опустился на одно колено. — Ты одержал верх надо мной, Микел. Я уведу войска. Знай также, что я непричастен к разрушению твоей башни. Я возражал против этого, но лорд Дамон-Рафаэль пожелал испытать свою власть на северных землях.

— Я верю тебе. — Алдаран с печалью смотрел на младшего брата. — Отправляйся домой, Ракхел. Уходи с миром. Я прошу тебя лишь об одном: поклянись честью перед мужем моей дочери, что

ты никогда не поднимешь на него руку или оружие, ни открыто, ни тайно. Если ты поклянешься в свете заклятья правды, то сможешь жить в Скатфелле до конца своих дней, не боясь меня или моих людей.

Скатфелл вскинул голову. Его лицо исказили ненависть и презрение.

«Отцу не следовало так давить на него, — подумал Донел, наблюдавший за этой сценой. — Неужели он думает, что я не смог бы самостоятельно удержать Алдаран после его кончины?»

Однако Скатфелл, судя по всему, был готов капитулировать.

— Зови свою *леронии* и твори заклятье правды, — жестко сказал он. — Я и помыслить не мог о том, что ты решишь подвергнуть меня такому унижению, брат.

Послали за Маргали. Пока длилось ожидание, лорд Скатфелл беспокойно переминался с ноги на ногу. Когда пожилая *леронии* вошла в приемный чертог, он начал было опускаться на колени перед Донелом и Дорилис, но потом остановился.

— Нет! — выкрикнул Ракхел, вскочив на ноги. — Дать клятву никогда не поднимать руку на ублюдка из Рокравена и на твое дьявольское отродье? Пусть Зандру заберет его первым! Я

избавлю землю от их чародейства!

В его руке блеснул кинжал. Донел встревоженно вскрикнул и бросился вперед, закрывая сестру своим телом, но его голос потонул в пронзительном вопле Дорилис. Голубая молния с шипением ударила в комнате. Скатфелл упал; его тело выгнулось дугой в короткой агонии и осталось лежать неподвижно. Половина лица обуглилась, обнажая кость.

В зале наступила мертвая тишина. Некоторое время все молчали, потрясенные случившимся.

— Он хотел убить Довела! — выкрикнула Дорилис. — Он хотел убить нас обоих. Ты видел кинжал!

Она закрыла лицо руками. Донел, борясь с тошнотой, сдернул с себя плащ и накрыл им обгоревшее тело.

— Нет позора в убийстве клятвопреступника, стремящегося к злодеянию даже под предлогом капитуляции, — хрипло произнес Микел Алдаранский. — На тебе нет вины, дочь.

Однако он покинул высокое кресло и спустился в зал. Склонившись над телом Скатфелла, он откинул плащ с его лица.

— О брат мой, — прошептал он. — Как мы дошли до этого?

Его глаза ярко блестели, но в них не было слез. Наклонившись, он поцеловал обгоревший лоб и осторожно надвинул край плаща на лицо мертвеца.

— Отнесите его вниз, — обратился он к стражникам и повернулся к оруженосцу Скатфелла. — Ты свидетель, что здесь не было иного предательства, кроме его собственного. Я не собираюсь мстить. Его сын может наследовать замок Скатфелл, хотя было бы только справедливо, если бы я наделил Довела поместьем брата в возмещение за ущерб, а ему отдал лишь ферму в Хай-Крэг.

Оруженосец поклонился.

— Все будет исполнено по твоему слову, лорд. Его старшему сыну Лорану недавно исполнилось семнадцать лет. Но что мне передать лорду Хастуру… то есть его величеству Дамону-Рафаэлю? — быстро поправился он.

Эллерт поднялся со своего места:

— Наш спор с братом касается только меня, лорд Алдаран. Я спущусь вниз и встречусь с ним без оружия, как он предлагает.

— Нет, Эллерт, — воскликнула Кассандра. — Он замышляет предательство!

— И тем не менее я должен встретиться с ним, — ответил Эллерт.

Из-за него род Алдаранов оказался втянутым в войну Нижних Земель. Теперь, если Эллерт не придет на встречу, Дамон-Рафаэль разрушит замок.

— Лорд Скатфелл сказал, что мой брат хочет помириться со мной так, как он сам хотел помириться с вами, — продолжал он. — Думаю, в тот момент Скатфелл не лгал. Он поднял руку на Донела не умышленно, но в припадке гнева, и поплатился за это. Возможно, брат хочет убедить меня в законности своего правления и попросить моей поддержки. Раньше я в самом деле поклялся поддерживать его право на трон, хотя и не понимал тогда, что это означает. Поэтому он по-своему прав, называя меня предателем. Я должен спуститься вниз и поговорить с ним.

Кассандра, подбежавшая сзади, обняла его, удерживая на месте:

— Я не пущу тебя! Не пущу! Он убьет тебя, и ты знаешь об этом!

— Он не убьет меня, жена, — ответил Эллерт, отстранив ее с большей силой, чем когда-либо раньше. — Я знаю, что должен делать, и запрещаю тебе вмешиваться.

— Запрещаешь? — Рассерженная, она отошла в сторону. — Делай, что тебе заблагорассудится,

муж мой. Но передай Дамону-Рафаэлю, что если он причинит тебе вред, то я подниму против него каждую женщину, каждого мужчину и каждый матрикс в Хеллерах!

Медленно спускаясь по горному склону, Эллерт продолжал видеть перед собой лицо Кассандры. Его *ларан* рисовал ужасные картины будущего.

«Дамон-Рафаэль почти наверняка попытается убить меня. Однако я должен убить его первым, как убивают взбесившееся животное, готовое укусить. Если он станет королем, то воцарится такой хаос, какого еще не видели в Доменах».

Я никогда не хотел править. Я не жаждал власти. Я мог бы удовлетвориться жизнью в Неварсине, в Башне Хали или в Трамонтане, однако сейчас, когда *ларан* показал, что произойдет, если Дамон-Рафаэль взойдет на трон, я должен как-то предотвратить это, даже если мне придется убить брата!»

Рука, которую он держал над пламенем Хали, пульсировала от боли, словно напоминая о нарушенной клятве.

«Я преступил клятву. Но я Хастур, наследник богов, и я несу ответственность за благополучие этой земли и ее народа. Лишь я один могу сейчас противостоять Дамону-Рафаэлю!»

Путь к нижнему лагерю был недолгим, но Эллерту он казался расстоянием, отделявшим его от конца света. Его *ларан* разворачивал перед ним длинную череду образов: то, что будет; то, что может случиться, если он проявит неосторожность; то, чего никогда не случится… Почти везде он видел свое мертвое тело, лежавшее среди камней рухнувшей башни с кинжалом в горле. Он видел Дамона-Рафаэля, сравнивающего с землей стены замка Алдаран, провозглашающего свое владычество над Доменами и северными землями. Видел многолетнюю тиранию, народ, лишенный всех оставшихся свобод. Видел, как последние очаги сопротивления подавляются оружием, еще более страшным, чем то, которое ему приходилось встречать. И наконец, видел, как *лерони* проникают в души людей, делая их покорными рабами чужой воли, выжигая их желания и устремления.

«О брат мой, как мы дошли до этого?» — кричала его душа словами Микела Алдаранского над телом своего брата.

Дамон-Рафаэль не был изначально злым человеком, но был горд, стремился к власти и искренне полагал, что может указать всем наилучший путь к счастью.

«Он не так уж отличается от *дома* Микела…» Но Эллерт быстро отогнал от себя эту мысль. Он снова заблудился в пугающих образах будущей тирании, загораживавших реальную действительность.

«Однако мой брат — не зло. Знает ли он об этом?»

Наконец Эллерт остановился и увидел, что стоит на относительно ровном участке. На другом конце этого участка стоял его брат, стоял Дамон-Рафаэль.

Эллерт молча поклонился.

«Это место твоей смерти!» — кричал *ларан*, но брат был один и казался безоружным. Эллерт протянул руки, показывая, что он тоже явился на встречу без оружия, и братья шаг за шагом двинулись навстречу друг другу.

— У тебя преданная и любящая жена, Эллерт, — начал Дамон-Рафаэль. — Меня искренне огорчает необходимость забрать ее. Однако я помню, что ты женился на ней без особой охоты. Еще менее тебе хотелось разделить с ней ложе, поэтому полагаю, ваша разлука не слишком опечалит тебя. В мире полно женщин, и я обещаю женить тебя на любой, которая придется тебе по нраву. Но Кассандра станет моей женой: я нуждаюсь в

поддержке Эйлардов. Кроме того, я обнаружил, что ее гены были определенным образом модифицированы. Она может принести мне сына, обладающего даром Хастуров с контролем по линии Эйлардов.

— Кассандра — моя жена, Дамон-Рафаэль, — ответил Эллерт, прочистив горло. — Если бы ты любил ее или если бы она стремилась стать королевой, я бы уступил ради вас обоих. Но мы любим друг друга, а для тебя она не более чем пешка в политической игре. Поэтому я скорее умру, чем отдам ее тебе.

Дамон-Рафаэль покачал головой:

— Я не могу позволить себе взять ее, переступив через твой труп. Убийство брата — не лучший способ начинать правление.

Эллерт усмехнулся:

— В таком случае я могу причинить тебе определенные неудобства, пусть даже ценой своей жизни!

— Я не понимаю тебя, — тихо сказал Дамон-Рафаэль. — Ты просил меня избавить тебя от брака с этой женщиной, а теперь несешь романтическую чушь о любви. Ты поклялся поддерживать мое право на трон, но с легкостью отрекаешься от клятвы. Что с тобой случилось, Эллерт? Не-

ужели любовь к женщине может так изменить мужчину? Коли так, я рад, что до сих пор не испытывал ее!

— Поклявшись поддерживать тебя, я не знал, что постигнет этот мир, если ты станешь королем. Теперь я обязан поддерживать принца Феликса, даже преступив клятву.

— Эммаска не может быть королем, — возразил Дамон-Рафаэль. — Это один из старейших законов.

— Если бы ты был достоин стать королем, то не двинул бы сюда армии, пытаясь расширить свои владения за счет северных земель, — сердито бросил Эллерт. — Ты бы подождал до тех пор, пока Совет не предложит тебе трон.

— Как я могу лучше послужить своему королевству, чем расширяя его границы? — удивился Дамон-Рафаэль. — Полно, Эллерт, нам нет нужды ссориться… У Кассандры есть сестра-недестро, похожая на нее как две капли воды. Ты получишь ее в жены и станешь моим главным советником. Мне понадобится человек, обладающий твоей силой и предвидением. Как говорится, «без брата и спина не прикрыта», и поверь мне, это правда. Давай забудем о своих раздорах, обнимемся и будем друзьями.

«Это безнадежно», — подумал Эллерт. Когда Дамон-Рафаэль протянул к нему руки, он сразу же ощутил кинжал, скрытый в рукаве старшего брата.

«Значит, он даже не может открыто сразить меня. Он предпочитает обнять меня и вонзить мне нож в сердце, прикрываясь братским поцелуем… О брат мой!»

Сделав шаг навстречу Дамону-Рафаэлю, Эллерт потянулся своим *лараном*, отточенным в Неварсине и доведенным до совершенства в Башне Хали. Дамон-Рафаэль застыл, не в силах сдвинуться с места, и кинжал, который он держал в руке, предательски блеснул из-под рукава. Он сопротивлялся изо всех сил, изнемогая от напряжения. Пот градом катился по его лбу, но Эллерт лишь печально покачал головой.

— Значит, так, брат? Одной рукой собираешься обнять, а другой ударить? И ты полагаешь, именно это сделает тебя настоящим королем? Нет, Дамон-Рафаэль, — с грустью добавил Эллерт и вошел в контакт с разумом своего брата. — Смотри, каким королем ты станешь, — брат, отказавшийся от братских уз!

Его *ларан* затопил сознание Дамона-Рафаэля образами будущего: битвы, кровь и насилие,

неутомимый подъем к власти, разрушенные Домены, превращенные в дикие пустоши… люди, в чьем разуме сидела лишь мысль о слепом повиновении… земля, изуродованная невиданным, чудовищным оружием… народы, склонившиеся перед тираном, взрастившим в сердцах такую ненависть к себе, какой не бывало от начала времен…

— Нет, нет, — прошептал Дамон-Рафаэль, судорожно стиснув рукоять кинжала. — Не показывай мне больше! Я не буду таким королем!

— Не будешь? Ты обладаешь *лараном* рода Хастуров, позволяющим предвидеть будущее; можешь сам убедиться, каким правителем ты станешь.

Эллерт освободил разум своего брата, но продолжал удерживать его тело в неподвижности.

— Не доверяй ничьим суждениям, кроме собственных. Загляни в себя.

Он видел, как выражение ненависти на лице Дамона-Рафаэля сменяется бесконечным ужасом и отвращением, а затем решимостью и непонятной убежденностью. Одним яростным усилием Дамон-Рафаэль освободился от хватки Эллерта и занес кинжал. Эллерт стоял перед ним, зная, что в следующую секунду он может оказаться

поверженным к ногам своего брата.

— Я не буду таким королем, — прошептал Дамон-Рафаэль так тихо, что Эллерт едва расслышал его слова. — Говорю тебе: я *не буду*!

Он размахнулся и вонзил кинжал себе в грудь.

— Даже ты не можешь предвидеть всего, братишка, — прохрипел он, осев на землю. Ярко-красная кровь выплеснулась изо рта, и Эллерт ощутил, как сознание брата угасает, растворяясь в бесконечности.

29

Армии, стоявшие лагерем в долине, рассеялись, но гром по-прежнему перекатывался в горах, и редкие вспышки молний озаряли хмурое небо. Когда Эллерт вошел в нижний зал замка Алдаран, Кассандра испуганно взглянула на него:

— С тех пор как она сразила Скатфелла, гром не прекращался ни на минуту. И знаешь, она не подпускает к себе Ренату.

Голова Дорилис покоилась на коленях у Донела. Девушка выглядела больной; время от времени ее трясло словно в лихорадке. Она крепко сжимала руку Донела. Когда Кассандра подошла к постели, Дорилис с усилием открыла глаза.

— У меня так болит голова от этого грома, — прошептала она. — Я не могу остановить его. Ты поможешь мне, Кассандра?

Кассандра склонилась над ней:

— Попробую. Но думаю, ты просто переутомилась, *чиа*.

Она взяла вялые пальцы девушки в свои, но тут же отпрянула с невольным вскриком. Дорилис неистово зарыдала:

— Я не хотела этого, клянусь! Это продолжается, и я не могу остановиться. Я сделала это с Маргали и с Кэти, когда она одевала меня. Пожалуйста, Кассандра, прекрати это! Неужели никто не может прогнать гром и молнии?

Дом Микел с посеревшим от беспокойства лицом приблизился к дочери:

— Ш-шш, моя драгоценная, никто тебя не винит. — Он умоляюще взглянул на Кассандру. — Вы можете помочь ей? Донел, твой *ларан* сродни ее; разве ты не можешь ничего сделать для нее?

— Если бы я мог… — пробормотал Донел, укачивая сестру в своих объятиях. Дорилис немного успокоилась, и Кассандра скрепя сердце снова взяла ее за руку. На этот раз ничего не произошло, но она никак не могла справиться со страхом, мешавшим достигнуть состояния отрешенности, необходимого для обследования. Перехватив ее взгляд над головой Дорилис, Рената уловила ее мысль: «Было бы гораздо лучше, если бы ты могла это сделать. У тебя больше опыта».

— Я дам тебе лекарство для сна, — наконец сказала она. — Может быть, тебе нужно всего лишь хорошенько выспаться, чиа.

Когда Рената принесла снотворное, Донел поднес чашку к губам девушки. Дорилис послушно

проглотила жидкость.

— Я боюсь засыпать, — жалобно прошептала она. — Мне снятся ужасные сны. Я слышу, как падает башня, а гром гремит не переставая. Все грозы теперь бушуют у меня в голове…

— Разреши мне отнести тебя в постель, Дорилис, — сказал Донел.

— Нет, нет! — воскликнула она, цепляясь за него. — Пожалуйста, я так боюсь остаться одна! Останься со мной, Донел, не уходи!

— Я останусь с тобой, пока ты не заснешь, — со вздохом пообещал тот и жестом попросил Кассандру следовать за ним.

Донел отнес Дорилис в ее комнату, уложил в постель и вызвал служанок, которые помогли ей раздеться. Но даже лежа в постели под теплой периной, она не хотела отпускать руку брата. Она что-то прошептала так тихо, что Кассандра не расслышала, и Донел нежно погладил ее щеку другой рукой.

— Сейчас не время говорить об этом, чиа. Ты больна. Когда ты снова станешь здоровой и сильной, тогда будет, как ты хочешь. Я же обещал тебе.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее в лоб, но Дорилис притянула его голову к себе, и их губы

встретились. Ее поцелуй отнюдь не походил на поцелуй ребенка. Донел в замешательстве отвернулся:

— Спи, девочка, спи. Ты устала. Набирайся сил перед сегодняшним праздником.

— Да, — сонно прошептала она. — Впервые я займу высокое место леди Алдаран, а ты сядешь рядом со мной… муж мой.

Сильное снотворное уже начало оказывать свое воздействие. Глаза Дорилис закрылись, но она не отпустила руку Донела. Прошло довольно много времени, прежде чем ее пальцы расслабились настолько, что он смог освободиться, не разбудив ее. Кассандра, видевшая все это, тоже испытывала смущение, хотя прекрасно понимала, почему Донел пригласил ее сюда.

«Она не в себе. Нам нельзя винить ее, ведь она в последние дни жила в огромном напряжении. Бедная девочка!» Но в глубине души Кассандра понимала: Дорилис отлично сознает, что и почему она делает.

Когда они вернулись в коридор, Рената вопросительно взглянула на Донела.

— Да, она заснула, — сказал он. — Во имя всех богов, кузина, какое снадобье ты ей дала?

Рената объяснила. Глаза Донела широко рас-

пахнулись.

— *Это?* Ребенку?

— Такая доза слишком велика даже для взрослого, умирающего от черной немочи, — пробормотал *дом* Микел. — Это не опасно?

— Я не решилась дать более слабое средство, — ответила Рената. — Слушайте!

Она подняла руку, призывая к молчанию, и все услышали отдаленные раскаты грома в безоблачном небе.

— Даже сейчас она видит сны, — сказала Рената.

— Благословенная Кассильда, смилуйся над нами! — произнес *дом* Микел. — Что ее гложет?

— Ее *ларан* вышел из-под контроля, — объяснила Рената. — Вам не следовало использовать ее как оружие в этой войне, мой лорд. Она утратила способность управлять даром, когда обрушилась на вражеские армии. Я впервые увидела это на пожарной станции, когда она играла с молниями и сильно перевозбудилась. Донел, ты помнишь, как это было? Но тогда она еще не вошла в полную силу и не созрела как женщина. Теперь все, чему я ее учила, изгладилось из ее памяти. Я не знаю, что мы можем сделать для нее.

Она повернулась и присела в глубоком реве-

рансе перед лордом Алдараном.

— Мой лорд, однажды я просила вас об этом, но вы отказались. Теперь, думаю, у вас нет выбора. Умоляю вас, разрешите мне выжечь ее пси-центры. Может быть, сейчас, пока она спит, это еще возможно.

Алдаран в немом ужасе посмотрел на Ренату:

— Но ведь ее *ларан* спас нас всех! Как это может помочь ей?

— Я думаю… я *надеюсь*, что это уничтожит молнии, которые так мучают ее сейчас. Она останется без *ларана*, но ей самой этого хочется. Вы слышали, как она умоляла Кассандру избавить ее от грома и молний. Да, она лишится своего дара, но у нее останется ее красота, ее таланты и замечательный голос. Она также сможет… — Рената замешкалась, словно что-то мешало ей говорить, но овладела собой и продолжала, глядя на Донела: — Сможет дать вашему клану наследника крови Алдаранов, одаренного *лараном*, который заложен в ее генах. Она не в силах родить дочь, но, если понадобится, родит сыновей.

Незадолго до этого Донел рассказал ей об обещании, которое он дал Дорилис во время осады замка Алдаран.

— Это будет лишь справедливо, — сказала тогда

Рената.

«Если Дорилис связана на всю жизнь и вынуждена вступить в брак, в котором получила звание супруги, но не любовь своего мужа, будет лишь справедливо, если она сможет иметь что-то, принадлежащее ей одной — ребенка, которого она будет любить и лелеять. Я не могу винить ее за такое желание. Было бы лучше, если бы она выбрала для отцовства кого-то другого, а не Донела, но положение обязывает ее, и вряд ли она когда-нибудь узнает другого мужчину достаточно близко. Воля лорда Алдарана заключается в том, чтобы сын Довела правил здесь после его смерти. Я не держу злобы ни на Дорилис, ни на Донела. Я его настоящая жена, и все знают об этом… или узнают, когда придет время».

Теперь Рената умоляюще смотрела на лорда Алдарана. Эллерт вспомнил тот момент, когда его *ларан* показал ему старого лорда, стоявшего в этом самом зале с ребенком на руках и провозглашавшего рождение наследника его рода. Но почему он видел только этот момент? Казалось, что все остальное теряется в кошмарах и грозовых тучах.

— Я же говорил! — внезапно произнес лорд Алдаран, пронзительно сверкнув глазами. Всем

телепатам, собравшимся вокруг, не нужно было спрашивать, что он имеет в виду. Донел опустил голову, не осмеливаясь встретиться взглядом с Ренатой.

— Будет просто ужасно сделать это с ней сейчас, когда она спасла нас. — Лорд Алдаран вернулся к теме разговора. — Вы уверены, что не допустите худшего — разрушите пси-центры, но все остальное останется неповрежденным?

— Мой лорд, ни одна *леронии* на свете не могла бы дать вам такого обещания, — с трудом ответила Рената. — Я люблю Дорилис как собственную дочь и готова сделать для нее все, что позволяют мои силы и опыт, но я не знаю, какая часть ее мозга отвечает за *ларан*. Вы знаете, что электрические разряды в мозгу отражаются в физических судорогах и конвульсиях. Однако *ларан* Дорилис каким-то образом проецирует электрический потенциал мозга на электромагнитное поле планеты. Сейчас этот процесс вышел из-под контроля. Она говорит, что гроза бушует у нее в голове. Неизвестно, насколько силен ущерб, причиненный ее разуму. Может случиться так, что мне придется частично разрушить ее память или ее рассудок.

Допел побелел от ужаса.

— Нет! — воскликнул он. — Ты хочешь сказать, она превратится в идиотку?

Рената не смотрела на него.

— Я не могу исключить такую возможность. Но я сделаю для нее все, что смогу.

— Нет! Да помогут мне боги — нет, кузина! — Алдаран величественно выпрямился. — Если есть хоть малейшая возможность… нет, я не могу так рисковать. Даже если бы это пошло ей на пользу, наследница рода Алдаранов не может жить без *ларана*, словно какая-то простолюдинка. Лучше смерть, чем такая участь!

Рената почтительно поклонилась:

— Будем надеяться, что до этого дело не дойдет.

Лорд Алдаран обвел взглядом собравшихся:

— Сегодня вечером мы встретимся в этом зале, на празднике, устроенном в честь победы. Я должен идти и отдать распоряжения о подготовке к торжеству.

Он деревянной походкой вышел из зала. «Это момент его торжества, — подумала Рената, глядя ему вслед. — Он разбил врагов и сохранил Алдаран, несмотря на все разрушения и потери. Дорилис — часть этого торжества. Он хочет иметь ее при себе как угрозу, как оружие на будущее».

Она вздрогнула: над замком снова послышались раскаты грома.

Дорилис спала. Ее ужас и ярость временно притупились под воздействием сонного зелья.

Но что будет, когда она проснется?

Раскаты грома прекратились к вечеру, незадолго до заката. Эллерт и Кассандра стояли на балконе своих апартаментов, глядя на долину.

— Мне с трудом верится, что война закончилась, — сказала Кассандра.

Эллерт кивнул:

— Скорее всего война с Риденоу тоже закончилась; лишь мой отец и Дамон-Рафаэль искренне хотели нанести им поражение и выгнать их обратно в пустыню. Я не думаю, что остальные лорды будут возражать, если они останутся в Серраисе.

— Что сейчас творится в Тендаре, Эллерт?

— Откуда мне знать? — Он слабо улыбнулся. — У нас имеется достаточно доказательств неточности моего предвидения. Скорее всего, принц Феликс будет править до тех пор, пока Совет не объявит о его наследнике. Мы с тобой оба знаем, на кого в первую очередь может пасть их выбор.

— Я не хочу быть королевой, — прошептала

она, передернув плечами.

— Я тоже не хочу быть королем, любимая. Но, вмешиваясь в великие события нашего времени, мы оба понимали, что не сможем противиться неизбежному. — Он вздохнул. — Если все будет так, как я думаю, то первым же указом я назначу Феликса Хастура своим верховным советником. Он был рожден для трона и учился искусству правления. Кроме того, он эммаска, а значит, долгожитель — как и все, кто несет в себе кровь чири. Он может пережить два или три царствования. А поскольку он не в состоянии иметь сына, то он будет самым полезным и незаинтересованным советником, которого только можно представить. Вдвоем мы можем стать чем-то вроде полноценного короля, который нужен Доменам.

Он обвил рукой талию Кассандры и привлек ее к себе. Ему вспомнилось напоминание Дамона-Рафаэля: учитывая модифицированные гены Кассандры, смешение крови Хастуров и Эйлардов может в конце концов привести к рождению жизнеспособного ребенка.

— Я многому научилась в Башне, — сказала Кассандра, уловившая ход его мыслей. — Можешь быть уверен, я не стану носить ребенка, который может убить меня при родах или умрет в юности

от пороговой болезни. Конечно, определенный риск остается всегда… — Она встретилась с ним взглядом и улыбнулась. — Но после всего, что мы пережили вместе, можно и рискнуть.

— Для этого будет время. А если боги окажутся неблагосклонны к нам, то у Дамона-Рафаэля есть полдюжины сыновей-недестро. По меньшей мере один из них должен обладать задатками, необходимыми для будущего короля. Я получил хороший урок и знаю, к чему может привести гордость человека, стремящегося захватить трон ради своих сыновей.

Заглядывая в будущее, он мог увидеть туманное, едва различимое лицо подростка, который унаследует его трон. Он чувствовал, что это будет ребенок крови Хастуров, но чей сын — его собственный или Дамона-Рафаэля? Он не знал, да это его и не интересовало.

Эллерт очень устал и был более удручен смертью брата, чем мог признаться даже самому себе. «Хотя я решился убить его в случае необходимости, сейчас мне жаль его. В конце концов, именно я держал перед ним зеркало его собственной души и вынудил обратить смертоносное лезвие против себя». Он знал, что никогда полностью не освободится от горя и чувства вины за принятое

решение, которое — независимо, узнает ли об этом кто-нибудь или нет, — стало первым сознательным актом его правления.

В небе послышался слабый рокот, и Кассандра испуганно вздрогнула. Затем, глядя на моросящий дождь за окнами и на темную полосу грозового фронта, двигавшуюся через долину, она пожала плечами:

— Думаю, это обычная летняя гроза. Однако теперь я уже не смогу видеть молнии, не думая о… — Женщина на мгновение замолчала. — Как ты думаешь, Эллерт, Рената была права? Следовало ли *дому* Микелу позволить ей уничтожить *ларан* Дорилис, пока девочка спит?

— Не знаю, — с беспокойством отозвался Эллерт. — После всего, что здесь произошло, я не тороплюсь доверять своему предвидению. Но во время пороговой болезни я тоже считал свой *ларан* ужасным проклятием. Если бы кто-нибудь в то время предложил мне избавиться от него, то я бы с радостью согласился. И однако… однако…

Он привлек Кассандру к себе, вспоминая те мучительные дни, когда таился от людей, парализованный ужасом, не смеющий совершить ни одного шага в пугающую неизвестность. Но впоследствии ему удалось овладеть собой, и теперь

знал, что без своего дара не может считать себя живым более чем наполовину.

— Когда Дорилис повзрослеет, она тоже может обрести силы и уверенность. — «Как и я. Как и ты, любимая».

— Мне нужно идти к ней, — с беспокойством сказала Кассандра.

Эллерт рассмеялся:

— Ах, как это похоже на тебя, дорогая: будущая королева срывается с места и бежит к постели больной девушки, которая даже не является ее подданной.

Кассандра гордо откинула свою маленькую головку:

— Я стала Наблюдающей и целительницей задолго до того, как узнала о том, что могу стать королевой. Надеюсь, что я никогда не смогу отказать в помощи тем, кто будет нуждаться в ней!

Эллерт взял ее руки и поцеловал кончики пальцев.

— Благодарение богам, милая, если я смогу быть таким же хорошим королем!

Рената услышала гром и сразу же подумала о Дорилис.

— Донел, если ты имеешь хоть какое-нибудь влияние на сестру, постарайся убедить ее, что

я желаю ей добра. Возможно, тогда мне удастся хотя бы частично восстановить то, чему ее научила. Будет легче повторить уже пройденное, чем снова начинать с нуля.

— Постараюсь, — сказал Донел. — Но я не боюсь за нее: Дорилис ни разу не обратила свою силу против меня или против своего отца. Если у нее достаточно самообладания для этого, то, без сомнения, она научится сдерживать себя и во всех остальных случаях. Сейчас она измучена, испугана и еще не вполне оправилась от пороговой болезни. Но когда она выздоровеет, с ней все будет в порядке.

— Надеюсь, что ты прав, — с улыбкой отозвалась Рената, скрывая свои страхи.

— Любимая… На празднике я хочу рассказать отцу и Дорилис о наших с тобой отношениях.

— Нет. — Рената решительно покачала головой. — Я не думаю, что сейчас подходящее время, Донел. Дорилис еще не в силах вынести такую новость.

Донел нахмурился.

— Я больше не хочу лгать ей. Если бы ты недавно оказалась на месте Кассандры, то увидела бы, как Дорилис льнула ко мне, когда я нес ее в постель. Я всегда буду заботиться о ней и защищать

ее, но не хочу создавать у нее ложное впечатление о наших отношениях. На празднике, когда она будет сидеть рядом со мной как моя жена… — Он смутился, вспомнив о последнем поцелуе Дорилис.

Рената вздохнула. По крайней мере частично, состояние Дорилис объяснялось пороговой болезнью — физическим и эмоциональным расстройством, часто поражавшим одаренных детей в период полового созревания. Лорд Алдаран сам потерял так двоих сыновей и дочь. Рената понимала, что опасность пороговой болезни заключается в огромных психических и эмоциональных перегрузках, связанных с развитием *ларана* и совпадающих по времени со стрессами от развивающейся сексуальности. Использование *ларана* ускоряло и усиливало психические и физиологические процессы, происходившие в организме. Стоило ли удивляться, что, почувствовав в себе новые силы, Дорилис обратилась к брату, который с младенчества был ее кумиром, ее покровителем и защитником — а теперь, после жестокого фарса, которого она по молодости лет еще не могла понять, стал ее мужем.

— Дорилис пережила первый приступ пороговой болезни, а он часто бывает самым опасным.

Возможно, если она как следует выспится и отдохнет… но на таком торжественном празднике, Донел? Ведь она будет сидеть рядом с тобой как твоя жена. Неужели ты лишишь ее и этой радости?

— А разве можно найти более подходящее время? — улыбаясь, возразил Донел. — Но прежде чем обратиться к Дорилис, я хочу, чтобы ты поговорила с моим приемным отцом. Он должен знать, что ты носишь моего ребенка-недестро. Это не тот наследник, которого он хочет для Алдарана. Но он должен знать, что этот ребенок будет преданным защитником рода Алдаранов, как и я сам. В самом деле, милая, мы больше не можем держать это в секрете. Беременность, как и кровную вражду, не скроешь от людей. Я не хочу, чтобы все считали, будто я боюсь или стыжусь этого. Как только об этом станет официально известно, любимая, твое положение упрочится. Даже Дорилис хорошо знает наши обычаи и понимает, что жена обязана заботиться о благополучии любого ребенка, родившегося от ее мужа.

— Наверное, ты прав, — ответила Рената, вспомнив о том, как Дорилис, всегда ненавидевшая любое шитье, с гордостью вышивала

праздничную рубашку для Донела — традиционное занятие для невесты. Донел был прав. Его брак с Дорилис был юридической фикцией, но обычаи следовало соблюдать.

— Ты всегда относилась к ней с любовью и нежностью, — продолжал Донел. — Думаю, она этого не забыла. Кроме того, хотя Дорилис импульсивна и подвержена приступам ярости, она очень серьезно относится к соблюдению правил на людях, особенно в роли леди Алдаран. Если она сможет сдержаться в официальной обстановке, то потом вспомнит, как ты была добра к ней. Ничто не порадует меня больше, чем ваше примирение. Она знает, что я люблю и уважаю ее. Если таково будет ее желание, я могу даже подарить ей ребенка. Но она должна знать, чего она может ожидать от меня, а чего — нет.

Рената вздохнула и взяла его за руку.

— Пусть будет, как ты хочешь, любимый. Я ни в чем не могу тебе отказать.

«Не прошло и года с тех пор, как я с гордостью говорила Кассандре Эллерт, что не представляю себе, как можно любить мужчину и при этом подчиняться его воле вопреки здравому смыслу. Неужели все женщины рано или поздно приходят к этому? И я еще осмеливалась судить ее!»

Позже тем же вечером, когда Донел встретился с Ренатой у входа в праздничный зал и лично проводил ее к месту за женским столом, она подумала, что с таким же успехом можно объявить об их связи на весь замок Алдаран. Впрочем, ей было все равно. Если бы все было по справедливости, они с Донелом поженились бы. Она не первая, кто отстаивает права на любимого человека, вступившего в брак против воли.

Рената смотрела, как Донел занимает свое место за высоким столом. Он казался ей красавцем даже в старых бриджах для верховой езды и выцветшей куртке, которую носил во время осады. Но теперь он облачился в парадный наряд. Огненный камень сверкал в застежке у горла, к боку был пристегнут нож в усыпанных самоцветами ножнах. Деллерей завил волосы и унизал пальцы перстнями, став похожим на прекрасного принца из старой сказки. *Дом* Микел, в своем темно-зеленом, отороченном мехом плаще с широкими рукавами и тяжелым наборным поясом, имел гордый, но благодушный вид. Кресло Дорилис пустовало. Рената надеялась, что девушка еще спит. Вне всякого сомнения, сон больше пошел бы ей на пользу, чем шумное празднество. Рядом с Донелом и лордом Алдараном за высоким

столом сидели лишь Эллерт с Кассандрой, как почетные гости высочайшего звания, и *лерони* Маргали, приемная мать Дорилис. При других обстоятельствах Рената сама сидела бы там как наставница Дорилис и гостья старого лорда, но на таком великом празднике лишь ближайшие члены семьи Алдарана или высокие гости, равные или превосходящие его по положению, имели право находиться рядом с ним. Все другие лица благородного звания, а также управляющие, кастеляны и распорядители торжеств сидели либо за женским столом вместе с Ренатой и леди Элизой, либо за мужским, вместе с офицерами стражи.

Нижний зал был наполнен солдатами, стражниками, слугами, их женами и всеми прочими, вплоть до конюхов и горничных.

— Почему ты так смотришь на пустое кресло Дорилис? — спросила Кассандра.

— Мне на мгновение показалось, будто она сидит там, — с беспокойством пробормотал Эллерт. На самом деле ему примерещилась странная бело-голубая вспышка, мелькнувшая в воздухе. «Я устал и начинаю бояться любой тени, — подумал он. — Это всего лишь переутомление после осады».

Дом Микел наклонился к Маргали, спросив у нее, что могло задержать Дорилис. Потом кивнул, поднялся со своего места и обратился к собравшимся:

— Мои благородные гости и верные подданные! Возблагодарим богов за то, что армии, осаждавшие нашу твердыню, рассеялись без остатка. Разрушенное будет отстроено заново, раны затянутся, и сердца возрадуются.

Он поднял кубок:

— Сначала мы выпьем за тех, кто отдал жизнь в этой войне!

Эллерт встал вместе с остальными и молча выпил, отдав честь погибшим.

— Теперь я буду говорить о живых, — продолжал лорд Алдаран. — Объявляю, что дети тех, кто погиб при осаде замка, будут воспитываться в моем доме или в семьях моих вассалов, соответственно роду и званию погибшего, простому или благородному.

Раздались благодарственные крики, славившие лорда Алдарана. Потом он снова заговорил:

— Далее, если вдовы погибших пожелают снова выйти замуж, управляющие постараются найти им достойных мужей. Если же они не выкажут такого желания, то могут жить в моем замке,

будучи обеспеченными до конца своих дней.

Последовала новая волна приветственных возгласов.

— А теперь давайте есть и пить. Но сначала мы выпьем за того, кто возглавлял оборону, — за моего приемного сына Донела из Рокравена, мужа моей дочери Дорилис, леди замка Алдаран.

— Хорошо бы Дорилис была здесь и слышала, какие почести ей оказывают, — прошептала Кассандра, пока гремели приветствия в честь Донела.

— Не знаю, — отозвался Эллерт. — По-моему, она уж слишком гордится своей силой и положением.

Дом Микел взглянул на Эллерта и Кассандру:

— Я с радостью пригласил бы тебя остаться, кузен, и помочь мне привести мой Домен в порядок. Однако не сомневаюсь, что вскоре тебя призовут в Тендару. После смерти твоего брата ты остался главным наследником Домена Элхалинов.

Взгляд старого лорда стал осторожным. Алдаран понимал, что отныне имеет дело не просто с родичем благородной крови, но с будущим правителем, с которым ему в дальнейшем придется строить сложные дипломатические отношения, — с лордом Хастуром, который мог занять

трон Тендары еще до середины лета.

— Надеюсь, мы навсегда сохраним дружеские отношения, родич.

— Я тоже надеюсь, что Алдаран и Тендара отныне будут связаны узами дружбы, — искренне ответил Эллерт. Но на сердце у него было тяжело. «Неужели я больше никогда не смогу познать радости обычной дружбы, простых человеческих отношений?» Эта мысль угнетала его.

— Нам потребуется не менее полугода на расчистку руин башни, — продолжал *дом* Микел. — И возможно, вдвое больше времени уйдет на ее восстановление, если мы будем строить обычными методами. Как думаешь, Донел, не стоит ли нам пригласить работников матриксного круга из Трамонтаны или Нижних Земель?

Донел кивнул:

— Нам нужно подумать о людях, изгнанных из своих жилищ с приходом врага. Весенний сев уже задержался; если откладывать и дальше, то осенью может начаться голод.

— Да будет так, — согласился *дом* Микел. — Мы отстроим башню заново с помощью матрикса. Это обойдется недешево, но послужит к вящей славе замка Алдаран. Когда здесь будут править ваши дети, им понадобится наблюдательный пункт,

господствующий над окружающей местностью… хотя думаю, пройдет еще много времени, прежде чем кто-либо осмелится снова двинуть свои армии против цитадели Алдаранов!

— Да будет этот день далек от нас, — сказал Донел. — Надеюсь, ты еще много лет будешь править Алдараном.

Он встал и поклонился.

— С твоего разрешения, отец… — Он отошел к женскому столу, где сидела Рената. — Пошли, любимая, нам пора поговорить с лордом Алдараном. Когда Дорилис присоединится к нам, он будет знать правду, и мы наконец избавимся от недомолвок.

Рената улыбнулась и взяла предложенную ей руку. Часть ее существа чувствовала себя обнаженной и беззащитной в присутствии такого количества людей, но она понимала, что это цена, которую приходится платить за любовь. Она могла уехать, вернуться к семье, когда Донел женился на другой. Обычная женщина, чтущая традиции, так бы и поступила. Но Рената решила остаться здесь как барраганья Донела и не стыдилась этого. Что же мешает ей преодолеть небольшое расстояние между женским столом и креслом лорда Алдарана?

Эллерт с тревогой наблюдал за ними, пытаясь представить себе, что произойдет, когда Рената и Дорилис встретятся лицом к лицу… Нет! Дорилис здесь не было, она еще не вошла в зал! Однако его *ларан* показывал странные, расплывчатые образы Дорилис, лиц других, искаженных ужасом и страданием… Он начал подниматься со своего места, но потом с отчаянием осознал, что ничего не может поделать. Еще ничего не случилось, но крики и замешательство, вызванные *лараном*, уже парализовали волю Эллерта. Заморгав и оглядевшись по сторонам, он увидел настоящий зал, услышал оживленные голоса гостей.

— Я очень люблю Дорилис, — между тем говорила Рената. — За все блага мира я не стала бы наступать на край ее платья, и мне по-прежнему кажется, что нам рано говорить об этом, пока она еще не излечилась от пороговой болезни.

— Но если она сама это выяснит, то очень рассердится, и будет совершенно права, — возразил Донел, увлекая Ренату к высокому столу. — Мы должны сказать отцу, даже если Дорилис придется еще немного подождать.

— Что ты хочешь сказать моему отцу, о чем не хотел бы говорить мне, о муж мой?

Высокий девичий голос нарушил тишину,

разбив ее как хрустальный бокал. Дорилис, в праздничном голубом платье, с аккуратно уложенными волосами, вошла в праздничный зал, глядя прямо перед собой и двигаясь словно во сне. Эллерт и Маргали поднялись с мест. *Дом* Микел протянул руки к дочери.

— Мое дорогое дитя, я так рад, что ты поправилась и смогла присоединиться к нам… — начал он, но девушка не обратила внимания на его слова. Ее взор оставался неподвижно устремленным на Донела и Ренату, рука об руку стоявших перед ней.

— Как ты посмела так говорить обо мне, Рената! — неожиданно выкрикнула Дорилис.

Рената не могла скрыть тревоги, отразившейся на ее лице, однако улыбнулась:

— Моя милая, я не говорила о тебе ничего, кроме хорошего. Если мы о чем-то умалчивали, то лишь ради того, чтобы не причинять тебе лишнего беспокойства, пока ты еще не совсем поправилась.

У *лерони* упало сердце, когда она увидела глаза Дорилис: темные, неподвижные, с мучительной сосредоточенностью обращенные вовнутрь. Она поняла, что та, как и в день праздника в честь ее девичества, снова читает мысли — не четко, как

опытный телепат, но хаотично, беспорядочно.

Испустив крик ярости, Дорилис повернулась к Донелу.

— Ты! — воскликнула она, дрожа всем телом. — Ты дал *ей* то, в чем отказываешь *мне*! А теперь ты думаешь… ты замышляешь, что *она* родит нового наследника Алдарана?

— Нет, Дорилис, — запротестовала Рената, но та не слышала.

— Ты думаешь, я не понимаю? Думаешь, я не знаю, что мой отец с самого начала задумал сделать наследником *твоего* ребенка? Он позволил тебе обрюхатить другую, лишь бы избавиться от *меня*!

Донел протянул к ней руки, но Дорилис оттолкнула его.

— Ты обещал, Донел! — пронзительно выкрикнула она. — Ты успокаивал меня ложью, словно дитя, которому можно плести небылицы. И все время, пока ты лгал мне, ты надеялся, что *она* родит тебе первенца! Но этому не бывать! Пусть сначала она попробует справиться со мной!

В зале сверкнула молния, раздался оглушительный раскат грома. В тишине, воцарившейся после этого, Кассандра встала и осторожно шагнула к Дорилис:

— Дорилис, милая, послушай меня…

— Не прикасайся ко мне, Кассандра! — взвизгнула девушка. — Ты тоже лгала мне. Ты *ее* подруга, а не моя. Ты сговорилась с ней и знала, что она творит у меня за спиной. Я здесь одна, никто не любит меня.

— Дорилис, здесь нет никого, кто не любил бы тебя, — тихо сказал Донел.

Дом Микел поднялся со своего места, грозный и величественный.

— Дорилис, замолчи немедленно! — приказал он командным тоном.

Девушка застыла, не в силах произнести ни слова.

— Это неслыханная дерзость! — продолжал лорд Алдаран, возвышаясь над дочерью. — Как ты посмела испортить праздник своей недостойной выходкой? Как ты посмела так говорить с нашей гостьей? Займи положенное тебе место рядом со мной и не раскрывай рта!

Дорилис шагнула к столу. «В конце концов, она еще ребенок, несмотря на свою силу, — с невыразимым облегчением подумала Рената — Она привыкла слушаться старших. Она еще может беспрекословно подчиняться отцу».

Дорилис сделала еще один шаг под властью

командного тона, но в следующее мгновение освободилась. По ее лицу пробежала судорога гнева.

— Нет! — выкрикнула она и топнула ногой в припадке ярости, так знакомой Ренате по первым дням в замке Алдаран. — Я не позволю унижать себя! А ты, Рената, — ты, осмелившаяся получить от моего мужа то, что по праву принадлежит мне, — ты не будешь похваляться своим животом передо мной! Не будешь!

Ее зубы блеснули в жутком оскале, лицо озарилось бело-голубым светом молний. Эллерт увидел наяву то, что когда-то являлось в предвидении…

Рената в панике отступила назад, споткнувшись о ножку стула.

— Нет, Дорилис! — крикнул Донел. — Нет, только не ее!

Он бросился между ними, закрывая Ренату своим телом.

— Если ты рассержена, пусть твой гнев падет на меня одного!

Потом он издал странный горловой звук и пошатнулся. Его тело изогнулось в слепящей вспышке молнии. Донел судорожно задергался и упал, скорчившийся и почерневший, словно обугленное дерево. Уже безжизненное, тело дрог-

нуло еще раз и вытянулось на каменном полу.

Все произошло так быстро, что многие из сидевших в нижнем зале не слышали ничего, кроме криков и обвинений. Маргали сидела с разинутым ртом, тупо глядя на свою воспитанницу, не веря своим глазам. Кассандра по-прежнему протягивала руки к Дорилис, но Эллерт обхватил ее сзади и удерживал на месте.

Дом Микел сделал один шаг по направлению к Дорилис и пошатнулся. Он остановился, ухватившись обеими руками за край стола. Его лицо страшно потемнело от прилившей крови, старый лорд едва мог говорить.

— Это проклятье. Колдунья предсказала день, когда я прокляну всех богов за то, что не умер бездетным!

Двигаясь очень медленно, словно ястреб со сломанными крыльями, подошел к тому месту, где лежал Донел, и рухнул на колени рядом с ним.

— О сын мой, — прошептал он. — Сын мой, сын мой…

Потом поднял голову и посмотрел на Дорилис:

— Чего же ты ждешь? Сразу и меня тоже!

Дорилис не двигалась. Она стояла так, словно обратилась в камень; словно молния, оборвавшая жизнь Донела, поразила и ее. Ее лицо преврати-

лось в трагическую маску, глаза остекленели. Рот раскрылся в беззвучном крике.

Эллерт, очнувшийся от столбняка, начал потихоньку двигаться к *дому* Микелу, но тут дикая вспышка молнии озарила весь зал, и Дорилис исчезла в ее сиянии. Эллерт инстинктивно отпрянул, оглушенный ударом. Все новые и новые разряды с треском вспыхивали вокруг. Глаза Дорилис безумно сверкали. Какой-то мужчина в нижнем зале вскочил, издал дикий крик и рухнул замертво. Один за другим все попятились назад, отступая от того места, где стояла Дорилис в окружении ярких вспышек, словно статуя некой ужасной богини, сотворенная из молний. Ее лицо больше не было лицом ребенка. Оно вообще не напоминало человеческое лицо.

Лишь Рената осмелилась подойти к девушке. «Возможно, ей просто нечего больше терять», — подумал Эллерт уголком сознания, где сохранились крохи рассудка. Рената сделала шаг по направлению к Дорилис, затем еще один, еще… Дорилис впервые шевельнулась с тех пор, как погиб Донел. Она сделала угрожающий жест, но Рената не остановилась, шаг за шагом приближаясь к ядру чудовищного сияния, в центре которого находилась Дорилис.

— Нет, леди Рената, — дрожащим голосом произнес *дом* Микел. — Нет, отойдите от нее. Не надо, вы не можете…

В сознании Эллерта проносилась какая-то бессвязная мешанина — невероятная игра возможностей, появляющихся, исчезающих и возвращающихся внезапным наплывом… Рената медленно, но неуклонно двигалась к Дорилис, стоявшей над мертвым телом Довела. Эллерт видел Ренату поверженной; видел, как она наносит удар собственным *лараном* и парализует Дорилис; слышал, как она проклинает Дорилис, умоляет ее, чего-то требует — все одновременно, в неудержимом потоке будущего, которое наступит, может наступить, никогда не наступит…

Рената широко раскинула руки. Ее голос звучал глухо от горя, но ровно и твердо.

— Дорилис, — произнесла она. — Дорилис, моя дорогая, моя маленькая девочка…

Она подошла еще ближе, и Дорилис рухнула в ее объятия, спрятав лицо у нее на груди. Молнии потускнели, затем исчезли. Внезапно Дорилис снова превратилась в девочку, неудержимо плачущую в объятиях женщины. Рената гладила ее и что-то тихо шептала ей на ухо. По ее лицу тоже текли слезы. Дорилис подняла голову и непони-

мающе огляделась вокруг.

— Мне так плохо, Рената, — прошептала она. — Что случилось? Я думала, у нас праздник… Донел не сердится на меня?

Потом она издала вопль — долгий, пронзительный крик ужаса и осознания случившегося, эхом отдавшийся во всех закоулках замка — и обмякла, потеряв сознание.

Гром снаружи пророкотал последний раз. Все стихло.

30

— Слишком поздно, — повторила Рената. — Не знаю, можно ли будет вообще разбудить ее, не подвергая опасности жизнь людей.

Снаружи беспрерывно грохотал гром. Молнии били в башни замка Алдаран, и Эллерт с содроганием думал о том, какие чудовищные видения омрачают сон Дорилис.

В момент потрясения, когда девушка поняла, что натворила, Рената сумела заставить ее принять дозу того же сильного снотворного, которое ей давали раньше. Как только Дорилис выпила снадобье, искра разума снова исчезла из ее глаз, и вокруг начала сгущаться ужасная, искрящаяся оболочка молний. Но наркотик быстро делал свое дело. Выпустив лишь несколько убийственных разрядов, Дорилис погрузилась в беспокойное забытье. Над замком бушевала гроза, но молнии больше не поражали людей.

— Мы не можем давать ей это снадобье, — продолжала Рената. — Даже если бы я могла заставить ее снова принять его — а я в этом не уверена, — оно почти наверняка убьет ее.

— Пусть лучше так, чем общая гибель, — с невыразимой горечью произнес лорд Алдаран. Его голос прервался; жуткая блестящая пленка, остекленившая его глаза, была еще хуже, чем слезы. — Неужели нет никакой надежды, Рената?

— Я боюсь, что опоздала уже тогда, когда обратилась к вам в прошлый раз, — ответила Рената. — Слишком большая часть мозга поражена. Для Дорилис все кончено, мой лорд. Вы должны примириться с этим. Наша единственная забота сейчас — сделать так, чтобы она, умирая, не уничтожила все вокруг.

Отец вздрогнул.

— Как мы сможем это сделать? — хрипло спросил он через некоторое время.

— Не знаю, мой лорд. Наверное, никто, обладающий этим смертоносным даром, еще не доживал до ее возраста, поэтому мы не имеем ни малейшего представления о ее возможностях. Я должна посоветоваться с людьми из Хали или из Трамонтаны. Возможно, они посоветуют, как нам наилучшим образом обезвредить ее за… — Рената сглотнула, с трудом справившись с собой, — …за то малое время, которое у нее осталось. Дорилис может черпать энергию из электрического потенциала самой планеты, мой лорд. Умоляю вас,

не надо недооценивать тот вред, который она может причинить, если мы напугаем ее.

— Я проклят, — тихо и сурово повторил Алдаран. — Я был проклят в тот день, когда она родилась, но не знал об этом. Вы пытались предупредить меня, однако я не слушал. Это я заслуживаю смерти, но смерть забирает лишь детей, моих невинных детей.

— Разрешите мне отправиться в Башню и посоветоваться с коллегами, лорд Алдаран.

— И разнести повсюду вести о позоре Алдарана? Нет, леди Рената. Я принес в мир это ужасное проклятье неумышленно и по любви, но тем не менее вина лежит на мне. Теперь я уничтожу его.

Он вытащил свой кинжал, занес лезвие над Дорилис и с силой опустил вниз. Но из неподвижного тела внезапно вырвалась голубая вспышка, и Алдаран отлетел к стене. Воздух со свистом вырвался из его легких. Когда Эллерт помог старику встать, тот судорожно схватился за грудь. На мгновение Эллерту показалось, что он умирает.

Рената печально покачала головой:

— Разве вы забыли, мой лорд? Она тоже телепатка. Даже во сне Дорилис может ощущать ваши намерения. Хотя я не думаю, что ей захотелось бы жить, если бы она находилась в здравом рассудке,

какая-то часть ее мозга инстинктивно защищает ее. Мы вряд ли сможем убить ее. Я должна отправиться в Хали или в Трамонтану.

Лорд Алдаран опустил голову:

— Как пожелаешь, родственница. Подготовить тебе экипаж для поездки?

— В этом нет надобности. Я пойду через призрачный мир.

Вынув свой матрикс, Рената собрала все оставшиеся у нее силы для предстоящего путешествия. Какая-то часть ее существа была благодарна за эту отсрочку, за потребность действовать; это отодвигало тот момент, когда ей придется принять невыносимый факт смерти Донела.

Кассандра, хотя ее и не просили об этом, заняла место Наблюдающей рядом с телом Ренаты, отправившейся в путь через неосязаемые и необъятные царства разума.

Это было все равно что выступить из одежды, которая вдруг стала непомерно велика. На мгновение в серой мгле призрачного мира, застилавшей другой мир, твердый и материальный, Рената смогла увидеть свое тело, казавшееся таким же безжизненным, как тело Дорилис, и Кассандру, застывшую рядом. Затем, переместившись с быстротой мысли, она оказалась у

высокого пика Башни Трамонтана, сама не понимая, почему ее притянуло сюда. Но потом она увидела Яна-Микела, облаченного в пурпурный балахон Хранителя.

— Значит, Донел умер внезапной и насильственной смертью? — тихо спросил он. — Я был его другом и учителем. Я должен найти его в Запредельных Царствах, Рената. Если он умер внезапно, то может не знать о своей смерти; его разум может блуждать рядом с телом, тщетно пытаясь снова войти в свою оболочку. Я тревожился за него, однако не знал, что с ним произошло, пока не увидел тебя.

В бесплотном пространстве призрачного мира, где физическое прикосновение воспринималось лишь как идея, он ласково погладил ее руку.

— Мы разделяем твое горе, Рената. Все мы любили его; он должен был стать одним из нас. Но теперь я должен идти к нему.

Она уловила едва заметное движение в сером тумане, предшествовавшее уходу Яна-Микела, исчезновению его мыслей и присутствия. В отчаянии она позвала вслед:

— А как же нам быть с Дорилис, родич? Что нам делать с ней?

— Увы, Рената, я не знаю. Ее отец не станет

вверять ее на наше попечение. Кроме того, мы совсем не знали ее. Очень жаль: мы могли бы помочь ей овладеть *лараном*. Сведения об истории генетической программы хранятся в Хали и Арилинне. Возможно, они смогут помочь делом или советом. Но не задерживай меня более, сестра. Я должен идти к Донелу.

Рената видела, как образ Яна-Микела в призрачном мире поблек и отдалился. Хранитель собирался удостовериться, что Донел не томится в ловушке возле своего уже бесполезного тела. Рената смутно завидовала ему. Она знала, что контакт между живыми и мертвыми опасен для обоих, а потому находился под запретом, иначе живые могут раньше времени втянуться в потусторонние царства, где им нет места. Ян-Микел, с детства обучавшийся отрешенности, необходимой для Хранителя, мог оказать последнюю услугу другу, не подвергая себя опасности. Однако Рената знала, что если бы Донел был его близким родственником, то Ян-Микел не колеблясь поручил бы эту задачу кому-то другому, чьи чувства к покойному не носят глубоко личного характера.

Усталая и отчаявшаяся, помнившая только о Донеле и о своей утрате, Рената обратила мысли к Хали. Она старалась сохранять спокойствие, зная,

что слишком сильные эмоции могут вытолкнуть ее из этого плана, а мучительные воспоминания могут погрузить ее в бесконечные, ирреальные сны призрачного мира. Она будет уходить все дальше и дальше, пока не забудет дорогу назад.

Серая мгла казалась бесконечной. Когда Рената наконец увидела вдалеке призрачную Башню Хали, мысли окончательно отказались повиноваться ей. Подхваченная вихрем эмоций, она медленно плыла в туманных, бесплотных пространствах…

Затем ей показалось, что она видит вдалеке знакомую фигуру — живую, юную, смеющуюся. Далеко, так далеко… Донел! В этом царстве, где сами мысли были податливыми, словно глина под пальцами скульптора, что-то могло выжить… Рената помчалась вслед за исчезающей фигурой, мысленно крича от радости:

«Донел! Донел, я здесь! Подожди меня, любимый!»

Он был слишком далеко. Он не обернулся и не посмотрел на нее.

«Нет! Это запрещено! Он ушел в место, еще недоступное для меня. Если я пересеку границу, то не вернусь обратно… Но я буду осторожна. Я должна снова увидеть его! Я должна хотя бы

один раз взглянуть на него, попрощаться с ним… только раз, и больше никогда…»

Она поспешила вслед Донелу. Мысли с невообразимой быстротой несли ее в серых пространствах призрачного мира. Оглянувшись по сторонам в поисках знакомых примет, она поняла, что окончательно потеряла из виду Башню Хали и осталась совершенно одна в сером безмолвии, где не было ничего, кроме маленькой, удаляющейся фигурки, маячившей у самого горизонта.

«Нет! Это безумие! Это запрещено. Я должна вернуться, пока еще не поздно. — С ранних лет обучения в Башне Рената усвоила, что любое вторжение живых в царство мертвых может быть лишь очень кратковременным и обусловленным крайней необходимостью. Но осторожность почти покинула ее. — Я должна увидеть его один лишь раз, хотя бы один раз. Я должна поцеловать его, попрощаться с ним… Я должна, иначе не смогу жить. Нельзя же запретить обычное прощание… Я опытная *леронии*, я в совершенстве владею матриксом. Я знаю, что делаю, и это придаст мне сил…»

Последний проблеск здравого смысла заставил ее усомниться в том, что фигурка, удалявшаяся за горизонт, в самом деле была Донелом. Может

быть, это иллюзия, рожденная ее горем и томлением, нежеланием принять бесповоротность его смерти? Здесь, в царстве идей, ее разум мог создать иллюзию Довела и следовать за ней до тех пор, пока она не присоединится к нему.

«Мне все равно! Все равно!» Ренате казалось, что она бежит, бежит изо всех сил за удаляющимся силуэтом… Затем ее движение замедлилось. Она как будто вязла в густом тумане. Не в силах двинуться с места, она издала последний отчаянный вопль: «Донел! Подожди!»

Внезапно серая мгла истончилась, наполнилась лучами света. На пути Ренаты появилась туманная форма, и знакомый голос обратился к ней:

— Рената… Рената, милая, не надо этого делать.

Перед ней стояла Дорилис — не бесчеловечное существо, облаченное в молнии, не Королева бурь, но та маленькая Дорилис, которую она помнила в лето своей любви. В этом подвижном мире, где все вещи были такими, какими представлялись разуму, Дорилис осталась очаровательной девочкой. Длинные волосы свободно падали ей на плечи, старенькое детское платье едва доходило до колен.

— Нет, Рената, это не Донел. Это иллюзия, рожденная твоим томлением, — призрак, за которым ты можешь следовать вечно. Возвращайся, дорогая, ты нужна им *там* …

Внезапно Рената увидела зал в замке Алдаран, где под наблюдением Кассандры лежало ее безжизненное тело. Она остановилась и посмотрела на Дорилис: «Она убила… Она убила Донела…»

— Не я, но мой *ларан*, — ответила Дорилис. Детское лицо было суровым и трагичным. — Но я больше никого не убью, Рената. В своей гордыне я не слушала тебя, а теперь уже слишком поздно. Ты должна вернуться и сказать им: я уже никогда не проснусь.

Рената опустила голову, чувствуя, что девочка говорит правду.

— Ты нужна им, Рената. Возвращайся. Донела здесь нет. Я тоже могла бы вечно следовать за ним к горизонту. Наверное, только теперь, когда тщеславие не ослепляет меня, я могу ясно видеть. Всю свою жизнь я видела в Донеле только *это* — иллюзию, свое наивное убеждение, будто он может стать таким, каким я хочу его видеть. Я… — лицо Дорилис неуловимо изменилось, и Рената увидела ее ребенком, которым она была, девушкой, которой она стала, и женщиной, которой она

уже никогда не станет. — Я знаю, что он подарил тебе. В своем себялюбии я не могла принять этого; теперь я не согласилась бы принять это от него, даже добровольно. Я хотела получить от него то, что он мог дать только тебе.

Она махнула рукой:

— Возвращайся, Рената. Для меня все кончено.

— Но что будет с тобой?

— Ты должна воспользоваться своим матриксом, — ответила Дорилис, — и изолировать меня силовым полем вроде того, которое защищает вход в Башню Хали. Вы не сможете даже убить меня, Рената. *Ларан* в моем мозгу действует независимо от моего «я». Он будет убивать, чтобы защитить мое тело, хотя я сама больше не хочу жить. Рената, любимая, обещай мне, что ты больше не позволишь мне убивать тех, кого я люблю!

«Это можно сделать, — подумала Рената. — Дорилис не умрет, но останется замкнутой в границах силового поля. Ее жизненные процессы замедлятся, почти остановятся».

— Сделай так, чтобы я спала до тех пор, пока мое пробуждение не будет опасным для людей, — продолжала девочка.

Рената содрогнулась. Дорилис останется одна в призрачном мире, за барьером силового поля,

непроницаемым даже для ее разума.

— Но как же ты, милая?..

Ее улыбка была мудрой и невинной одновременно.

— За такое долгое время — хотя времени здесь не существует — я могу поумнеть, если останусь жить. А если нет, что ж… я далеко не первая. Я не верю, что сознание исчезает навсегда. Возвращайся, Рената. Не позволяй мне покушаться на жизнь других людей. Донел уже недосягаем для тебя, но ты должна вернуться, должна жить ради его ребенка. Он заслужил право на жизнь.

В следующее мгновение Рената обнаружила, что лежит в кресле, в праздничном зале замка Алдаран. Снаружи бушевала гроза…

— Это возможно, — тихо произнес Эллерт. — Нам втроем это по силам. Ее жизненные процессы замедлятся настолько, что она не будет представлять опасности для окружающих. Возможно, она умрет… или погрузится в летаргический сон и когда-нибудь проснется, полностью владея собой и своим даром. Но скорее всего она будет все глубже погружаться в призрачный мир и уже не вернется обратно. Так или иначе, она обретет свободу, а мы избавимся от опасности…

Так и было сделано. Дорилис лежала в часовне

замка Алдаран, в комнате со сводчатыми стенами — той самой, которую Эллерт видел в своем предвидении, — неподвижная, с застывшим *лараном*, окруженная непроницаемым силовым полем.

— Мы должны отвезти ее в Хали, — сказал Эллерт. — Там она останется навеки… или до тех пор, пока не проснется.

Лорд Алдаран взял Ренату за руку.

— У меня нет наследника, — сказал он. — Я очень стар и одинок. Мое величайшее желание — чтобы сын Донела правил здесь, когда я умру. Ждать осталось недолго. Рената, — добавил он, посмотрев ей в глаза, — согласишься ли ты выйти за меня замуж? Мне больше нечего тебе предложить. Если я объявлю твоего ребенка своим сыном и наследником, никто не осмелится противоречить мне.

Рената медленно кивнула:

— Ради сына Донела да будет так.

Алдаран протянул к ней дрожащие руки и нежно поцеловал ее в лоб. Последние защитные барьеры рухнули, и впервые с тех пор, как Донел умер у нее на глазах, Рената заплакала. Казалось, ее слезы никогда не прекратятся.

Эллерт понимал, что смерть Донела не сломит ее. Она будет жить и когда-нибудь даже оправит-

ся от своей утраты. Придет день, когда старый лорд объявит сына Донела наследником Алдарана, как и показывал *ларан* Эллерта…

Они выехали следующим утром, на рассвете. Тело Дорилис, уложенное в открытый гроб, покоилось в силовом поле, Эллерт и Кассандра ехали сбоку. Рената и старый лорд Алдаран наблюдали за их отъездом — безмолвные, неподвижные, скорбные.

«Я никогда не перестану оплакивать их, — думал Эллерт, пока они медленно спускались в долину. — Донела, погибшего в расцвете сил, в зените своей победы; Дорилис, с ее красотой, гордостью и своеволием; сурового старика, сломленного горем. Я тоже сломлен. Я буду королем, хотя и не хочу трона. Однако лишь я один могу спасти эту землю от катастрофы, и у меня нет выбора». Он опустил голову, едва замечая Кассандру, пока она не прикоснулась к его рукаву своей изящной шестипалой рукой.

— Придет время, любимый, когда мы будем слагать песни, а не воевать, — сказала она. — Мой *ларан* не похож на твой, но я предвижу это.

«Я не один, — подумал Эллерт. — И я не должен горевать, хотя бы ради нее».

Он поднял голову и вскинул руку в прощаль-

ном жесте. Позади оставался замок Алдаран, который он больше никогда не увидит, и Рената, с которой — он это знал — они расстаются лишь ненадолго.

Двигаясь по дороге вслед за траурным кортежем, сопровождавшим Королеву бурь к месту ее последнего упокоения, Эллерт готовился к встрече с посланцами, которые уже сейчас во весь опор скакали к замку Алдаран, чтобы предложить ему непрошеную корону. Небо над его головой было серым и безмолвным; казалось, что раскаты грома никогда не тревожили эти земли.